

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

2019

№ 1 (48)

научно-теоретический журнал

Выходит 4 раза в год

Основан в 2006 г.

ТЕМА НОМЕРА: ГЛОБАЛЬНЫЕ ГОРОДА И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫЕ РЕГИОНЫ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

- От редактора рубрики 3
- Лебедева М.М.** Трансформация роли городов и внутригосударственных регионов в мировой политике .. 7
- Шлапек Е.А.** Республика Карелия в проектах приграничного сотрудничества 17
- Артеев С.П.** "Поворот на Восток" и транснациональные связи российских регионов (на примере Республики Коми) 26
- Киреев А.А.** Российский Дальний Восток в трансграничных отношениях с АТР: обзор динамики 1990–2017 гг. 35
- Самойлов Г.М.** Внешние связи регионов КНР 46

ИСТОРИЧЕСКОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

- Бакшеева С.Е.** Социально-экономические аспекты производства строительной керамики в государствах Центральной Азии и Дальнего Востока в период средневековья 56
- Гайкин В.А.** Экспансия Японии в Маньчжурии и корейская диаспора (1905–1945 гг.) 67
- Старцев А.Ф.** Религиозные воззрения и культовые сооружения тазов Приморского края 74
- Подмаскин В.В.** Военный врач Ф.А. Дербек как исследователь истории и культуры народов Приморья и Приамурья (1902–1930 гг.) 82
- Литвинов В.В.** Взгляд из Днепропетровской области на развитие медицины на русском Дальнем Востоке (1857–1922 гг.) 90
- Татаринов И.Е.** К вопросу о формировании российско-украинской границы на юге Центрального Черноземья в 1917–1925 гг. 103

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И СИСТЕМНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНА

- Рыжова Н.П., Гузей Я.С., Карбаинов Н.И.** Институт собственности на землю: захваты, "ресурсное изобилие" и особенности инфорсmenta на российском Дальнем Востоке 114

СОЦИАЛЬНЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ

- Красова Е.В.** Социально-демографическая составляющая человеческого капитала на субрегиональном уровне (исследование на примере Владивостокского городского округа) 123

Владивосток
2019

Комарова Т.М. Демографическая безопасность и экстремизм в странах Центральной Азии **135**

**КУЛЬТУРНЫЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ФАКТОРЫ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ**

Ковалёва О.А. Эволюция представлений о Наполеоне Бонапарте на страницах русской публицистики XIX в. (по материалам "Вестника Европы" Н.М. Карамзина) .. **142**

МИРОВАЯ СИСТЕМА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ РЕГИОНЫ

Лукин А.Л., Шишмаков С.О. Контуры российско-японской территориальной сделки: Шикотан и Хабомай в обмен на инвестиции в Дальний Восток? **150**

Дискуссия

Гронский А.Д. Псевдонаучная и неязыческая риторика в среде российских соотечественников в Белоруссии (на примере текстов Н.М. Сергеева) **161**

Редакционная коллегия:

Т.Г. Римская (главный редактор), Я.А. Барбенко, В.А. Бурлаков, А.В. Винокурова, С.М. Дударенок, Г. Кристофферсен, М.Г. Ганопольский, К.В. Григоричев, А.Н. Демьяненко, Е.В. Журбей (ответственный редактор), И.Н. Золотухин, В.Н. Караман, А.А. Киреев, В.В. Кожевников, А.М. Кузнецов, Ю.В. Латушко, М.М. Лебедева, Д.А. Литошенко, А.Л. Лукин, Ю.А. Наумов, Н.П. Рыжова, С.В. Севастьянов, А.Г. Филипова, О.И. Шестак, Шин Беом-Шик, Сасаки Широ, С.Е. Ячин.

Учредитель: Государственное образовательное учреждение высшего образования "Владивостокский государственный университет экономики и сервиса".

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации

Адрес редакции: 692000, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.
Официальный сайт журнала: <http://www.ojkum.ru>
E-mail: ojkum@rambler.ru

Редактор электронной верстки: В.Н. Караман
Графическое оформление: Я.А. Барбенко, В.Н. Караман, В.В. Постников.
Корректор: Е.В. Абрамова

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство о регистрации – серия ПИ № ФС77–30578, выданное 12.12.2007 г.

scientific-
theoretical
journal

Issued
4 times a year

Founded
in 2006

THE THEME: GLOBAL CITIES AND DOMESTIC REGIONS IN WORLD POLITICS

From the editor of the heading	3
Lebedeva M.M. Transformation of the role of cities and domestic regions in world politics	7
Shlapeko E.A. The Republic of Karelia in the projects of cross-border cooperation	17
Arteev S.P. "Turn to the East" and transnational activity of Russia's regions (on the example of the Republic of Komi)	26
Kireev A.A. Russian Far East in transborder relations with the APR: a review of the dynamics of 1990–2017	35
Samojlov G.M. Foreign Relations of China's Sub-national Entities	46

HISTORICAL REGIONAL STUDIES

Baksheeva S.E. Socio-economic aspects of the production of building ceramics in the states of Central Asia and the Far East in the Middle Ages	56
Gaikin V.A. Expansion of Japan in Manchuria and the Korean diaspora (1905–1945)	67
Starcev A.F. Religious views and cult constructions of Tazy of Primorsky Krai	74
Podmaskin V.V. Military doctor Friedrich Albertovich Derbek (1902–1930), as a researcher of history and culture of the peoples of the Amur Region	82
Litvinov V.V. A look from the Dnipropetrovsk region on the development of medicine in the Russian Far East (1857–1922)	90
Tatarinov I.E. On the formation of the Russian-Ukrainian border in the south of the Central Black Earth Region in 1917–1925	103

INTERDISCIPLINARY AND SYSTEM STUDIES OF REGION

Ryzhova N.P., Guzej YA.S., Karbainov N.I. Property right over land: seizures, "recourse abundance" and features of enforcement in the Russian Far East	114
---	-----

SOCIAL AND DEMOGRAPHIC STRUCTURES

Krasova E.V. Socio-demographic component of human capital at the subregional level (on the example of Vladivostok urban district)	123
Komarova T.M. Demographical safety and extremism in Central Asia	135

CULTURAL AND IDEOLOGICAL FACTORS OF REGIONALIZATION

Kovalyova O.A. The evolution of ideas about Napoleon Bonaparte in the Russian journalism of the XIX century (on materials of "The Herald of Europe" of N.M. Karamzin) .. **142**

WORLD SYSTEM AND INTERNATIONAL REGIONS

Lukin A.L., Shishmakov S.O. A framework for a Russia – Japan territorial deal: Shikotan and Habomai in exchange for investments in the Russian Far East? **150**

DISCUSSION

Gronskij A.D. Pseudoscientific and neo-pagan rhetoric among Russian compatriots in Byelorussia (on the example of Nikolay Sergeev's texts) **161**

Editorial board:

T.G. Rimskaya (Editor-in-chief), Ya.A. Barbenko, V.A. Burlakov, A.V. Vinokurova, S.M. Dudaryonok, G. Christoffersen, M.G. Ganopolskij, K.V. Grigorichev, A.N. Demyanenko, E.V. Zhurbey (Editor), I.N. Zolotukhin, V.N. Karaman, A.A. Kireev, V.V. Kozhevnikov, A.M. Kuznetsov, Yu.V. Latushko, M.M. Lebedeva, D.A. Litoshenko, A.L. Lukin, Yu.A. Naumov, N.P. Ryzhova, S.V. Sevastyanov, A.G. Filipova, O.I. Shestak, Beom-Shik Shin, Shiro Sasaki, S.E. Yachin.

Founder: State educational institution of the higher education "Vladivostok state university of Economics and Service".

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific journals recommended by VAK in the Ministry of Education and Science of Russian Federation

Address: 2 Ozernaja St., Nakhodka 692000, Primorskyi krai, Russia.
Official site of journal: <http://www.ojkum.ru>
E-mail: ojkum@rambler.ru

Electronic layout editor V.N. Karaman
Graphic registration: J.A. Barbenko, V.N. Karaman, V.V. Postnikov.
Corrector E.V. Abramova

Authors' points of view on the problems under investigation do not necessarily coincide with those of the Editorial Board.

Journal is registered by Federal service on supervision in sphere of mass communications, connection and cultural heritage protection.

Certificate on registration of the journal ser. PI № FS77–30578, given by 12.12.2007.

От редактора рубрики

Интерес к глобальным городам и внутригосударственным регионам со стороны специалистов в области международных отношений не случаен. Начиная с конца XX в., эти территориальные структуры всё сильнее заявляют о себе на международной арене. Для России проблема международной активности внутригосударственных территориальных образований имеет особую значимость. Во-первых, несмотря на ограниченность в середине XX в. в мире вообще международной деятельности городов и регионов, внешняя активность советских региональных структур фактически сводилась к нулю. Небольшое развитие получало взаимодействие по линии породнённых городов, да и то, скорее, в символическом виде. Во-вторых, в современной России города и внутригосударственные регионы, следуя общемировой тенденции, стали интенсивно взаимодействовать на международной арене. Все эти процессы требуют, с одной стороны, теоретического осмысления, с другой – изучения конкретного опыта российских регионов. Такие задачи ставят и пытаются решить авторы предлагаемой рубрики.

Открывается рубрика статьёй М.М. Лебедевой, в которой акцентируются теоретические вопросы, относительно того, чем обусловлена международная активность внутригосударственных территориальных образований. Показывается, что эта активность обусловлена не только процессами глобализации, как обычно принято считать, но и процессами демократизации и интеграции современного мира. Одновременно международная деятельность городов и регионов формирует и усиливает эти процессы. Однако современный этап развития мира характеризуется значимым влиянием противоположных тенденций, которые имеют относительно краткосрочный период действия. В результате международная деятельность городов и внутригосударственных регионов сегодня несколько "затухает". Изменению роли внутригосударственных образований способствует и трансформация политической организации мира, охватывающая три уровня: Вестфальскую систему, систему межгосударственных отношений и политические системы отдельных государств. Все эти изменения важно учитывать как при формировании глобальной повестки дня, так и при определении внешней активности российских регионов.

Четыре других статьи рубрики посвящены конкретным направлениям внешних связей регионов. В них анализируется деятельность трёх российских регионов, расположенных на западе, на востоке и практически в центральной части России. В четвёртой статье, подготовленной Г.М. Самойловым, рассматривается международная активность внутригосударственных регионов КНР. Опыт китайских регионов в данном случае представляет особый интерес, поскольку КНР имеет ряд схожих моментов с Россией, в том числе и по роли государства на международной арене.

Статьи Е.А. Шлапеко и А.А. Киреева являются показательными в том отношении, что российские регионы ориентированы, прежде всего, на региональное сотрудничество. Оно может быть более широким, как в случае с Дальневосточным федеральным округом, который ориентирован на взаимодействие с большим международным регионом – АТР (статья А.А. Киреева), так и более узким. Примером второго варианта является Республика Карелия, которая ориентирована на приграничное сотрудничество с Финляндией (статья Е.А. Шлапеко). В целом, внутригосударственные регионы и города различных стран мира в большей степени стремятся к взаимодействию с ближайшими зарубежными странами и их регионами, однако причины, побуждающие к более широкому или более узкому охвату внешних связей, необходимо ещё проанализировать. Это задача предстоящих исследований.

Наконец, статья С.П. Артеева посвящена тому, как европейские регионы Российской Федерации "разворачиваются" на Восток. На примере Республики Коми он показывает, как данный российский регион, расположенный в европейской части страны, начиная с 1990-х гг., стремился наладить свя-

зи с Китаем и Ираном, в 2010-е гг. стал регулярно осуществлять контакты с арабскими государствами, в частности с Кувейтом и Бахрейном. Эти данные показывают, что не всегда преобладает исключительно ориентация на ближайшие в географическом плане зарубежные регионы. Возможно, такая направленность внешней деятельности характерна для внутригосударственных регионов и городов, не являющихся приграничными. Впрочем, это также требует дальнейшего изучения.

Разумеется, представленные в рубрике статьи, не исчерпывают все теоретические и прикладные аспекты внешней деятельности внутригосударственных регионов и городов. Более того, статьи ставят новые вопросы и проблемы, которые ждут своих исследователей.

М.М. Лебедева

УДК 327

Лебедева М.М.

Трансформация роли городов и внутригосударственных регионов в мировой политике

Постановка проблемы

В течение длительного времени работы по проблемам городов и внутригосударственных регионов сосредотачивались на экономических, экологических, социологических, социальных и других проблемах, а в последние годы внимание стало уделяться также вопросам изучения бренда города [см., напр., 25]. Специалистами по международным отношениям эти исследования начинают интенсивно проводить только с конца XX в. [40], поскольку до этого времени внутригосударственные образования не были особо активны на международной арене. К тому же доминирующее реалистское видение мира не допускало иных акторов на международной арене, кроме государств. Впрочем, и сегодня реализм как теоретическая основа в международных исследованиях остаётся господствующим направлением, поэтому основные дебаты в международных исследованиях ведутся относительно взаимоотношений США – Китая, США – России и т.п. Точка зрения, отражающая реалистскую позицию на международную деятельность внутригосударственных территориальных структур, в целом заключается в том, что города и внутригосударственные регионы не представляют особого интереса для международных исследований, если только не возникают проблемы, связанные с нарушением суверенитета, развитием вооружённых конфликтов и т.п. В более "мягком" варианте авторы, придерживающиеся подобных взглядов, признают активность внутригосударственных территориальных образований, но настаивают, что эта активность должна рассматриваться и пониматься только в контексте национальных государств [см., напр., 22].

Противоположная точка зрения состоит в том, что именно на уровне внутригосударственных регионов и городов происходят существенные изменения в мировой политике [8]. Эта точка зрения нашла отражение в большом количестве публикаций по международной деятельности городов и внутригосударственных регионов в конце XX в. – начале XXI в. В целом в литературе, в основном в рамках нелиберального и конструктивистского направлений ТМО, появилось значительное число работ и утвердилось понимание того, что города и внутригосударственные регионы являются акторами мировой политики [18; 3]. Рост исследований международных связей внутригосударственных территориальных образований не обошёл стороной и Россию. В университетах различных российских регионов появились работы по данной проблематике [5; 17; 1; 3].

Действительно ли активность городов и внутригосударственных регионов приобретает качественно новые характеристики? Какие эти новые изменения? Что происходит с внутригосударственными территориальными структурами? Могут ли они стать новой "единицей" мирополитического устройства, заменив Вестфальские государства, как, например, это обсуждалось на конференции Европейской ассоциации по международным отношениям (EISA) в сентябре 2017 г. Наконец, почему сегодня мы столкнулись с проблемой трансформации роли городов в мировой политике? Очевидно, что понятия "город" и "внутригосударственный регион" имеют множественное значение. В данном случае они рассматриваются, прежде всего, как административные внутриго-

© Лебедева М.М., 2019

ЛЕБЕДЕВА Марина Михайловна, д-р полит. наук, канд. психол. наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России (г. Москва). E-mail: mmlebedeva@gmail.com

сударственные структуры, которые активны на международной арене. В этом смысле они близки к тому, что С. Сассен называет "глобальным городом" [38], а по аналогии с этим понятием можно говорить о "глобальном внутригосударственном регионе".

Особенности городов и внутригосударственных регионов как акторов мировой политики

Города и внутригосударственные регионы – особые акторы мировой политики, т.к. они одновременно являются и государственными, и негосударственными структурами. В данном отношении они близки к международным организациям, которые создаются государствами, но при этом государствами не являются. Соответственно, дискуссии относительно принадлежности к государству международных организаций могут иметь значение и для понимания того, к каким акторам – государственным или негосударственным – принадлежат внутригосударственные территориальные образования. Так, согласно Резолюции 288 (X) Экономического и социального совета ООН от 27 февраля 1950 г. межправительственные организации, которые образованы государствами на основе международных договоров, не относятся к негосударственным участникам. На этом основании ряд исследователей делают вывод о принадлежности межправительственных организаций к государственным акторам [см. напр., 35].

В то же время выдвигаются аргументы, не позволяющие столь однозначно определить их в качестве государственных акторов, поскольку в ряде МПО допускаются негосударственные участники; некоторые МПО обладают структурами совместными с НПО и т.п. [27]. Продолжая эту логику рассуждений в отношении внутригосударственных регионов и городов, следует отметить, что они также тесно взаимодействуют с негосударственными структурами. Так, мэрия Москвы выделяет гранты НПО (НКО) на проведение образовательных проектов, проектов в области здравоохранения, экологии и др. [24]. Но основная проблема даже не том, к какой категории – государственной или негосударственной – отнести субгосударственные территориальные структуры. В отличие от международной организации, из которой государство может выйти в случае несогласия с её политикой, отношения с собственным регионом у государства намного сложнее. Конфликт между центральными и региональными властями, ведущий к сепаратизму, нередко превращается в вооружённое противостояние. Безусловно, у государства существуют инструменты, юридические процедуры, включая и военную силу, которыми оно может подчинить себе внутригосударственное территориальное образование. Однако далеко не всегда подобная стратегия подавления деятельности внутригосударственных регионов и городов является целесообразной, как и противоположная стратегия бесконтрольной международной активности субгосударственных территориальных структур. Обе стратегии ведут к сепаратизму и ослаблению центральной власти. С. П. Артеев обосновывает необходимость выбора третьей стратегии, направленной на формирование партнёрских отношений между центральными и субрегиональными властями [2]. Партнёрская стратегия, с одной стороны, позволяет развиваться региону, с другой – даёт возможности для усиления международного влияния самого государства.

Другая особенность внутригосударственных территориальных структур заключается в том, что они, прежде всего, экономически ориентированы. Однако рамки международной экономической деятельности на определённом этапе развития им становятся "тесными", подобно тому, как эти рамки оказались тесными и для бизнеса, что явилось одним из ведущих факторов усиления международной роли городов и внутригосударственных регионов. Бизнес стал выходить на международно-политические проблемы с целью определения выгодных для себя "правил игры" на международной арене. То же происходит с внутригосударственными регионами и городами. Через экономические интересы и цели у внутригосударственных территорий формируются и политические интересы. Вообще процесс коммерциализации, который охватил почти всех современных транснациональных акторов, включая СМИ и университеты [14], стимулирует развитие их политических амбиций и, соответственно, их международной акторности.

Наконец, ещё одной особенностью внутригосударственных регионов и городов является их жёсткая привязка к территории. Этим они отличаются от ТНК, НПО, СМИ и многих других негосударственных акторов, поскольку большинство негосударственных акторов транснационализируются, создавая свои отделения, офисы, пункты в зарубежных странах. Внутригосударственные регионы также стали создавать свои представительства за рубежом. Например, правительство Республики Татарстан имеет целый ряд своих представительств за рубежом, в том числе на Кубе, в КНР, в Республике Казахстан, Финляндии, Швейцарии, Франции, ОАЭ и в других государствах [19]. При этом такие структуры работают в основном как торговые представительства и ориентированы на своё территориальное образование, что сближает их с аналогичными структурами государств. Внутригосударственные регионы и города стараются, во-первых, чётко обозначить свои территориальные границы для инвестиций и торговых отношений, во-вторых, найти и указать специфику своей территории, чтобы сделать её более привлекательной для внешних партнёров. В этом смысле в эпоху глобализации для них не только не наступает "конец географии", как для финансистов по знаменитому определению Р. О'Браена [36], а напротив – география становится значимым фактором развития внутригосударственных территориальных образований.

Изменение роли внутригосударственных территориальных образований на международной арене

Начало исследований включенности внутригосударственных территориальных образований, прежде всего города, в общемировой контекст обычно относится к началу XX в. В 1915 г. П. Геддес вводит понятие "мировой город" [31], которое получило дальнейшее развитие уже во второй половине XX в. в работах П. Холла [33], Ф. Броделя [4], Г. Рида [37], Дж. Фридмана [30]. Этапы этих исследований не случайны, а обусловлены экономическим развитием мира: в начале XX в. происходит масштабный выход промышленного капитала за пределы национальных границ, вторая же половина XX в. характеризуется развитием финансового сектора (что особенно наглядно отражено в исследованиях Г. Рида). Будучи сосредоточенными в городах, промышленный бизнес и финансовый сектор "потянули" за собой на международную арену города. В исследованиях названных авторов город начинает включаться в мировую экономику. Важнейшим моментом здесь стал масштабный поворот, который ознаменовался "перемещением аналитического фокуса из области национального в сферу глобального" [22]. Необходимо подчеркнуть, что на этом этапе речь шла об экономике. Исследователи определяли характеристики мирового города преимущественно в экономическом плане, в частности, такие как степень интеграции в мировую экономику, центр концентрации капитала, наличие мигрантов, поляризация населения. Хотя в работах П. Геддеса и П. Холла в качестве критерия мирового города содержится характеристика политического значения города.

Следующий исследовательский этап сформировался в конце XX в. Именно тогда политические аспекты города обозначаются более чётко. Здесь следует назвать, прежде всего, работу К. Аббота [26], который вводит понятие "международный город", подчёркивая, что оно не сводимо к экономическим связям города. В свою очередь, С. Сассен также отмечает включенность города в мир не только экономически, но и через "власть и влияние" [21]. Более того, она полагает, что именно через город можно понять мировую политику [20]. Примечательно, что в издании, посвящённом анализу городов в глобализирующемся мире и подготовленном ООН в 2001 г., отдельный раздел посвящён политическому влиянию городов в современном мире [29].

Таким образом, направление по изучению внешних связей городов, которое стало формироваться в науке с начала XX в., фокусировало внимание изначально на внешнеэкономической деятельности города, а затем всё в большей мере – на международно-политической. Почему же в конце XX столетия произошёл такой поворот в исследованиях в международно-политическую сторону?

Наряду со всё большей включенностью внутригосударственных территориальных образований в мировую политику, наблюдается ещё ряд интересных феноменов. Один из них хорошо описан М. Кастельсом и заключается в

формировании между этими субъектами сетевых взаимоотношений [28]. Более того, через сетевые связи усиливается акторность территориальных образований [16; 7].

Ещё один феномен связан с асимметричным взаимодействием на международной арене, а именно между государством, с одной стороны, и регионом или городом – с другой. Мотивация такого взаимодействия может быть различной, например, этническая близость, как в случае отношений Венгрии с российским регионом – Республикой Коми [2].

Мегатренды мировой политики как факторы активности субрегиональные территориальные акторы

Многие исследователи видят причину активизации городов и внутригосударственных регионов, а также развитие новых феноменов в их международной деятельности на рубеже двух веков в процессах глобализации [см., напр., 32]. Здесь возникает вопрос, как определять глобализацию. Действительно, глобализация, понимаемая как транспарентность границ, способствует международной активности городов и внутригосударственных регионов, поскольку облегчается трансграничное взаимодействие. Развитие современных информационных и коммуникационных технологий значительно усиливает этот процесс.

В то же время глобализация как и любой процесс развития идёт неравномерно: этапы раскрытия границ чередуются с периодами изоляционизма (деглобализации), что отчётливо наблюдается в последние годы, например, во внешней политике США. Очевидно, что в условиях деглобализации международная активность городов и внутригосударственных регионов характеризуется спадом.

Неравномерность глобализации, что особенно важно в данном случае, проявляется и в том, что глобализируются не страны, а отдельные территории [6], причём эти территории могут не совпадать с административными границами внутригосударственного региона или города. Через такие "ворота в глобальную экономику" в глобальный мир входит и государство, к которому принадлежит данная территория. Это означает, что территориальные образования могут служить своеобразными "проводниками" государств в глобальный мир.

Не только процессы глобализации/деглобализации (изоляционизм), как считают многие авторы, влияют на международную активность городов и внутригосударственных регионов. Два других мегатренда – интеграция и демократизация – и их противоположные тренды (дезинтеграция и дедемократизация) [13] непосредственно связаны с международной деятельностью внутригосударственных территориальных образований.

Интеграция, в частности в её европейском варианте, благодаря принципу субсидиарности способствует взаимодействию регионов в Европе. При этом одновременно регионы усиливают интеграцию. Е. Г. Довбыш пишет, что "городской уровень приобретает всё большее влияние на интеграционные процессы в Европейском Союзе. Города обладают двойственной, социально-территориальной природой, благодаря чему они способны быть как объектами, на которые оказывают влияние другие субъекты интеграции, так и относительно самостоятельными субъектами, обладающими собственными интересами и способными к активному и деятельному участию в интеграционных процессах" [10, с. 5]. В Европе появилось множество трансграничных форматов сотрудничества, в том числе Ассоциация Центральных Альп; Ассоциация "Балтийский метрополис" и многие другие.

Ещё один мегатренд – демократизация определяется через ряд параметров. Одним из них служит оказание влияния на процессы выработки и принятия решений множества государственных и негосударственных акторов. Такое понимание демократизации вытекает из классического определения демократии Р. Далем как участия многих субъектов в политических процессах, т.е. полиархии [9]. Представляется, что оно может быть расширено и перенесено с национального уровня на международный, что включает участие внутригосударственных территориальных субъектов в мировой политике. Следовательно, развитие активности внутригосударственных территория является признаком развития процессов демократизации в мире.

Демократизация, понимаемая как наложение ограничений центральными властями государства и/или наднациональными структурами, а также властями внутригосударственных регионов и городов, означает спад активности на международной арене этих участников.

Рассмотренные мегатренды (глобализации, интеграция, демократизация) с их противоположными трендами имеют волнообразный характер (подобно тому, как волны демократизации С. Хантингтона) с вектором в сторону развития именно мегатрендов [13].

Итак, активному выходу на международную арену внутригосударственных регионов и городов способствовали мегатренды, получившие развитие в конце XX начале XXI вв. – глобализация, интеграция и демократизация. Сами внутригосударственные регионы и города внесли свой вклад в развитие этих мегатрендов. Однако сегодня в значительной степени активизировались противоположные тренды (деглобализация, дезинтеграция, де-демократизация), что стало тормозить международную деятельность городов и внутригосударственных регионов. Исходя из логики политического развития мира, представляется, что такая тенденция не может быть долгосрочной. В перспективе активность субгосударственных структур усилится.

Внутригосударственные территориальные образования в трансформирующейся политической организации мира

Другой системой координат, объясняющей активизацию в конце XX – начале XXI вв. на международной арене внутригосударственных территориальных образований, служат изменения, которые происходят в политической организации современно мира. Эти изменения охватывают три уровня: Вестфальскую политическую систему, систему международных отношений (межгосударственную систему) и изменения на уровне политических систем отдельных государств [15].

Очевидно, что мегатренды являются составной частью трансформации политической организации мира. Так, Вестфальская система изменяется вследствие и глобализации, и активизации различных негосударственных акторов на международной арене, о чём писали Р. Кохэн и Дж. Най почти 50 лет назад. Внутригосударственные территориальные образования в этом отношении являются лишь одними из акторов и отражают общий тренд. В то же время в последние годы с акторами мировой политики происходит целый ряд метаморфоз, которые продолжают размывать Вестфальскую систему. Так, всё чаще акторы образуют различного рода гибридные образования государственных и негосударственных структур; сфера деятельности акторов расширяется, выходя за пределы традиционной активности; ресурсы влияния акторов диверсифицируются [12].

В этом отношении внутригосударственные регионы и города являются показательными. Имея изначально двойственную природу, они по своему происхождению представляют собой одновременно государственные и отчасти негосударственные структуры. При этом активизация на международной арене усиливает их самостоятельность внутри государства.

Внутригосударственные регионы и города расширяют свой ресурсный арсенал, взаимодействуя с бизнесом, образовательными учреждениями, финансовыми структурами, культурными и спортивными организациями, находящимися на их территории. Речь идёт не только о налогах, получаемых от экономической деятельности различных компаний (что, впрочем, тоже является значимым фактором развития территорий), но и от успешности формирования межсетевых узлов. В связи с этим С. Сассен подчёркивает факт того, что глобальные города продемонстрировали значение именно организационного, управленческого ресурса в современном мире [39]. В своей экономической деятельности субрегиональные территориальные образования выходят далеко за рамки своих границ, делая инвестиции в другие регионы и государства. Нередко в качестве ресурса привлекаются этнические и/или религиозные связи. Примером здесь могут служить связи Республики Коми с Венгрией [2].

В системе международных (межгосударственных) отношений внутригосударственные регионы стали намного активнее в последние годы. Например, несмотря на санкции, введённые Евросоюзом, ряд регионов стран ЕС старается взаимодействовать в экономическом плане с Россией и выступает

за отмену санкций. Так, за отмену антироссийских санкций выступили представители нескольких земель Германии, в связи с тем, что санкции наносят ощутимый ущерб ряду отраслей промышленности и сельского хозяйства [23]. Аналогичную позицию в отношении антироссийских санкций заняли некоторые регионы Италии, принявшие резолюцию и обратившиеся к правительству с просьбой об их отмене [11].

Что это означает в теоретическом плане? Представляется, что рассуждения о системе международных отношений в её классическом варианте исключительно межгосударственных отношений остаётся в прошлом. Даже когда речь идёт о многополярной системе международных отношений (точнее многоцентричной системе, т.к. по крайней мере, центры не являются противостоящими друг другу как полюса), позиции государства изменяются, находясь под воздействием, в том числе городов и регионов. Значимыми центрами влияния (несмотря на то, что санкции в приведённых примерах пока не отменены) становятся внутригосударственные территориальные структуры.

Наконец, последняя "структурная единица" в политической организации мира связана с политической системой государств. Судя по работе С. Хантингтона [34] и дальнейшим исследованиям в этом направлении, мир, несмотря на волны "откатов" движется в сторону демократизации, т.е. демократических государств в мире становится больше. Демократические государства строят свои отношения с внутренними регионами и городами на переговорных основаниях и дают им больше полномочия в области внешней деятельности, чем авторитарные. Как следствие, в будущем можно ожидать ещё большую международную активность субрегиональных территориальных образований.

Заключение

Города и внутригосударственные регионы, активно вышедшие в конце XX в. на международную арену, не заменяют, конечно, государства, но значительно видоизменяют современную мировую политику. Они отражают существующие тренды мирополитического развития, являясь не только объектами, но и субъектами этих трендов. Субрегиональные территориальные образования включены в процессы глобализации, интеграции и демократизации, а также в тренды, являющиеся противоположными этим мегатрендам – деглобализацию (изоляциялизм), дезинтеграцию, дедемократизацию. Поскольку сегодня мир переживает усиление процессов, противоположных мегатрендам [13], в целом наблюдается некоторое затухание активности городов и внутригосударственных регионов в мире, хотя есть свидетельства самостоятельного поведения внутригосударственных территориальных образований на международной арене, как например, ряда внутриевропейских регионов в отношении российских санкций.

Международная активность субрегиональных территориальных структур, как и других акторов мировой политики, ведёт к кардинальной перестройке политической организации мира. Какой, в конечном итоге, будет новая (или обновлённая) политическая организация мира, сказать сейчас трудно. Очевидно одно: внутригосударственные регионы и города не могут быть игнорированы при разработке вопросов глобального управления. Их надо активно включать в эти процессы.

Что касается России, то общемировые тенденции, связанные с развитием и новой ролью внутригосударственных территориальных образований, необходимо учитывать и выстраивать именно партнёрские отношения с ними с тем, чтобы использовать региональную активность как в их собственных интересах, так и в интересах страны в целом.

Литература

1. Александров О.Б. Регионы во внешней политике России. Роль Северо-Запада. М.: МГИМО(У) МИД России. 2005. 187 с.
2. Артеев С.П. Международные связи субгосударственных акторов в контексте эволюции федерализма (на примере сотрудничества республики Коми и Венгрии в первой половине 1990-х гг.) // Вестник МГИМО-университета, 2018. № 2 (59). 2018. С. 145–164. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-2-59-145-164.

3. Барабанов О.Н. Внутригосударственные регионы как акторы в международных отношениях: зарубежные тенденции и положение субъектов РФ // Общество, политика, наука: новые перспективы. М.: МОНФ. 2000. № 114. С. 477–501.
4. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т.1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. Пер. с фр. М.: Издательство "Весь Мир". 2006. 592 с.
5. Веллман К. Калининградский экзавл России на перепутье: о взаимосвязи между экономическим развитием и политикой безопасности // Калининградская область – сегодня, завтра. М.: Московский Центр Карнеги. 1995. С. 50–81.
6. Ворота и глобальную экономику / Под ред. О. Е. Андерссона, Д. Е. Андерссона, пер. с англ. под ред. В. М. Сергеева. М.: Фазис. 2001. 464 с.
7. Глобальный город: теория и реальность / Под ред. Н.А. Слуки. М.: ООО "Аванглион". 2007. 243 с.
8. Даадлер И. Глобальные города как субъекты международной политики // Ведомости. 3 июля 2015 г. [Электронный ресурс] URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/06/03/594889-globalnie-goroda-kak-subekti-mezhdunarodnoi-politiki> (дата обращения 28.01.2019).
9. Даль Р. Полиархия: участие и оппозиция / Пер. с англ. под ред. С. Деникиной, В. Барановой. М.: Изд-во ГУ ВШЭ. 2010. 288 с.
10. Довбыш Е.Г. Города как субъекты интеграции в Европейском Союзе. Автореферат диссертация ... кандидата политических наук. М.: Нац. исслед. институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. 2016. 22 с.
11. Емельянова А. Итальянские регионы один за другим голосуют против антироссийских санкций // Сайт "Вести.ru" 10.07.2016, [Электронный ресурс] URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2774596> (дата обращения 28.01.2019).
12. Лебедева М.М. Акторы современной мировой политики: тренды развития // Вестник МГИМО–университета. 2013. № 1. С. 38 – 42.
13. Лебедева М.М. Мегатренды и их "откаты" // Мегатренды мировой политики и их развитие в XXI веке / Отв. редактор М.М. Лебедева. М.: Аспект, 2019 (в печати).
14. Лебедева М.М. Международно-политические процессы интеграции образования // Интеграция образования. 2017. Т.21. №.3. С. 385–394. DOI: 10.15507/1991-9468.088.021.201703.385-394.
15. Лебедева М.М. Система политической организации мира: "Идеальный шторм" // Вестник МГИМО. 2016. № 2. С. 125–133. DOI: 10.15507/1991-9468.088.021.201703.385-394
16. Никитина Ю.А. Глобальные города как сетевой актор? // "Приватизация" мировой политики: локальные действия – глобальные результаты / Под. ред. М.М. Лебедевой. М.: Голден-Би, 2008. С.179–189.
17. Российские регионы в мировом пространстве: между глобализмом и протекционизмом / Под ред. А. Макарычева. Нижний Новгород: Нижегородский лингвистический университет. 2002. 120 с.
18. Савкин Д.А. К вопросу об "акторности" глобальных городов в мировой политике // Вестник СПбГУ. 2009. Сер. 6. № 4. С. 176–184.
19. Сайт Правительства Республики Татарстан, [Электронный ресурс] URL: http://prav.tatarstan.ru/representative_offices.htm (дата обращения 28.01.2019).
20. Сассен С. Город как призма для социальной теории: новые исследовательские перспективы // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2013. Том 13. Вып. 4. С. 74–100.
21. Сассен С. Глобальный город: введение понятия // Глобальный город: теория и реальность / Под ред. Н.А. Слуки. М.: ООО "Аванглион", 2007. С. 9–27.
22. Терборн И. Как понять города: современный кризис и идея городов без государств // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16. №.1. С. 20–40, [Электронный ресурс] URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_18921273_69708993.pdf (дата обращения 24.12.2018)
23. Фахрутдинов Р. Санкции негативно сказались на работе предприятий // Российская газета 30.01.2018, [Электронный ресурс] URL: https://www.gazeta.ru/politics/2018/01/29_a_11630137.shtml (дата обращения 28.01.2019).
24. 400 миллионов рублей выделяют на поддержку проектов НКО // Официальный сайт мэра Москвы. 27.02.2018, [Электронный ресурс] URL: <https://www.mos.ru/mayor/themes/1299/4620050/> (дата обращения 28.01.2019).
25. Щербинин А.И., Щербина Н.Г., Севостьянов А.В. Конструирование города-бренда. М.: Аспект Пресс. 2018. 238 с.
26. Abbot C. The International City Hypothesis: An Approach to the Recent History of U.S. Cities. Portland: Portland State University, 1997. 41 p.
27. Archer C. International Organisations. 3d ed. L.-NY: Routledge. 2001. 220 p.
28. Castells M. The Informational City: Information Technology, Economic Restructuring, and the Urban-regional Process. Oxford: Basil Blackwell. 1989. 408 p.

29. Cities in a Globalizing World. Global Report on Human Settlements 2001. L., Sterling, 2001. 344 p.
30. Friedman J. The World City Hypothesis // *Development and Change*. 1986. Vol. 17. P. 69–83.
31. Geddes P. Cities in Evolution: an introduction to the town planning movement and to the study of civics. L.: Williams & Norgate, 2015.
32. Globalizing Cities: A New Spatial Order? P. Marcuse and R. van Kempen (Eds.). Oxford: Blackwell Publishers, 2000. 338 p.
33. Hall P. World Cities. New York: McGraw-Hill, 1966. 256 p.
34. Huntington S. P. Democracy's Third Wave // *The Journal of Democracy*. 1991. № 2, pp. 12–34.
35. Kegley Ch. W., Wittkopf E. R. World Politics: Trend and Transformation. Ninth Edition. Belmont: Thomson / Wadsworth, 2004. 594 p.
36. O'Brien R. Global Financial Integration: The End of Geography. London. Royal Institute of International Affairs. Pinter Publishers, 1992. 120 p.
37. Reed H. The Preeminence of International Financial Centers. N.Y.: Praeger, 1981. 145 p.
38. Sassen S. The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton University Press, 1991. 410 p.
39. Sassen S. The State and the Global City // Khagram S., Levitt P. (Eds.) // *The Transnational Studies*. N.Y.: Routledge. 2008. P. 77–81.
40. World Cities in World System. Ed. by Knox P.L., Taylor P.J. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 180 p.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Aleksandrov O.B. Regiony vo vneshnej politike Rossii. Rol' Severo-Zapada. M.: MGIMO(U) MID Rossii. 2005. 187 s.
2. Arteev S.P. Mezhdunarodnye svyazi subgosudarstvennykh aktorov v kontekste ehvolyutsii federalizma (na primere sotrudnichestva respubliky Komi i Vengrii v pervoj polovine 1990-kh gg.) // *Vestnik MGIMO-universiteta*, 2018. № 2 (59). 2018. S. 145–164. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-2-59-145-164.
3. Barabanov O.N. Vnutrigosudarstvennye regiony kak aktory v mezhdunarodnykh otnosheniyakh: zarubezhnye tendentsii i polozhenie sub"ektov RF // *Obshchestvo, politika, nauka: novye perspektivy*. M.: MONF. 2000. № 114. S. 477–501.
4. Brodel' F. Material'naya tsivilizatsiya, ehkonomika i kapitalizm, KHV–KHVIII vv. T.1. Struktury povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe. Per. s fr. M.: Izdatel'stvo "Ves' Mir". 2006. 592 s.
5. Vellman K. Kaliningradskij ehkslav Rossii na pereput'e: o vzaimosvyazi mezhdou ehkonomicheskim razvitiem i politikoj bezopasnosti // *Kaliningradskaya oblast' – segodnya, zavtra*. M.: Moskovskij TSentr Karnegi. 1995. С. 50–81.
6. Vorota i global'nyu ehkonomiku / Pod red. O. E. Anderssona, D. E. Anderssona, per. s angl. pod red. V. M. Sergeeva. M.: Fazis. 2001. 464 s.
7. Global'nyj gorod: teoriya i real'nost' / Pod red. N.A. Sluki. M.: OOO "Avanglion". 2007. 243 s.
8. Daadler I. Global'nye goroda kak sub"ekty mezhdunarodnoj politiki // *Vedomosti*. 3 iyulya 2015 g., [EHlektronnyj resurs] URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/06/03/594889-globalnie-goroda-kak-subekti-mezhdunarodnoi-politiki> (data obrashheniya 28.01.2019).
9. Dal' R. Poliarkhiya: uchastie i oppozitsiya / Per. s angl. pod red. S. Denikinoj, V. Baranovoj. M.: Izd-vo GU VSHEH. 2010. 288 s.
10. Dovbysh E.G. Goroda kak sub"ekty integratsii v Evropejskom Soyuze. Avtoreferat dissertatsiya ... kandidata politicheskikh nauk. M.: Nats. issled. institut mirovoj ehkonomiki i mezhdunarodnykh otnoshenij im. E.M. Primakova RAN. 2016. 22 s.
11. Emel'yanova A. Ital'yanskije regiony odin za drugim golosuyut protiv antirossijskikh sanktsij // Sajt "Vesti.ru" 10.07.2016, [EHlektronnyj resurs] URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2774596> (data obrashheniya 28.01.2019).
12. Lebedeva M.M. Aktory sovremennoj mirovoj politiki: trendy razvitiya // *Vestnik MGIMO-universiteta*. 2013. № 1. S. 38 – 42.
13. Lebedeva M.M. Megatrendy i ikh "otkaty" // *Megatrendy mirovoj politiki i ikh razvitie v KHKHI veke* / Otv. redaktor M.M. Lebedeva. M.: Aspekt, 2019 (v pechati).
14. Lebedeva M.M. Mezhdunarodno-politicheskie protsessy integratsii obrazovaniya // *Integratsiya obrazovaniya*. 2017. T.21. №.3. S. 385–394. DOI: 10.15507/1991-9468.088.021.201703.385-394.
15. Lebedeva M.M. Sistema politicheskoy organizatsii mira: "Ideal'nyj shtorm" // *Vestnik MGIMO*. 2016. № 2. S. 125–133. DOI: 10.15507/1991-9468.088.021.201703.385-394

16. Nikitina YU.A. Global'nye goroda kak setevoy aktor? // "Privatizatsiya" mirovoj politiki: lokal'nye dejstviya – global'nye rezul'taty / Pod. red. M.M. Lebedevoy. M.: Golden-Bi, 2008. S.179–189.
17. Rossijskie regiony v mirovom prostranstve: mezhdru globalizmom i protektsionizmom / Pod red. A. Makarycheva. Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskij lingvisticheskij universitet. 2002. 120 s.
18. Savkin D.A. K voprosu ob "aktornosti" global'nykh gorodov v mirovoj politike // Vestnik SPbGU. 2009. Ser. 6. № 4. S. 176–184.
19. Sajt Pravitel'stva Respubliki Tatarstan, [EHlektronnyj resurs] URL: http://prav.tatarstan.ru/representative_offices.htm (data obrashheniya 28.01.2019).
20. Sassen C. Gorod kak prizma dlya sotsial'noj teorii: novye issledovatel'skie perspektivy // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk. 2013. Tom 13. Vyp. 4. S. 74–100.
21. Sassen S. Global'nyj gorod: vvedenie ponyatiya // Global'nyj gorod: teoriya i real'nost' / Pod red. N.A. Sluki. M.: OOO "Avanglion", 2007. S. 9–27.
22. Terborn J. Kak ponyat' goroda: sovremennyj krizis i ideya gorodov bez gosudarstv // ZHurnal sotsiologii i sotsial'noj antropologii. 2013. T. 16. №. 1. S. 20–40, [EHlektronnyj resurs] URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_18921273_69708993.pdf (data obrashheniya 24.12.2018)
23. Fakhruudinov R. Sanktsii negativno skazalis' na rabote predpriyatij // Rossijskaya gazeta 30.01.2018, [EHlektronnyj resurs] URL: https://www.gazeta.ru/politics/2018/01/29_a_11630137.shtml (data obrashheniya 28.01.2019).
24. 400 millionov rublej vydelyat na podderzhku proektov NKO // Ofitsial'nyj sajt mehra Moskvy. 27.02.2018, [EHlektronnyj resurs] URL: <https://www.mos.ru/mayor/themes/1299/4620050/> (data obrashheniya 28.01.2019).
25. SHHerbinin A.I, SHHerbinina N.G., Sevost'yanov A.V. Konstruirovanie goroda-brenda. M.: Aspekt Press. 2018. 238 s.
26. Abbot S. The International City Hypothesis: An Approach to the Recent History of U.S. Cities. Portland: Portland State University, 1997. 41 p.
27. Archer C. International Organisations. 3d ed. L. – NY: Routledge. 2001. 220 p.
28. Castells M. The Informational City: Information Technology, Economic Restructuring, and the Urban-regional Process. Oxford: Basil Blackwell. 1989. 408 p.
29. Cities in a Globalizing World. Global Report on Human Settlements 2001. L., Sterling, 2001. 344 p.
30. Friedman J. The World City Hypothesis // Development and Change. 1986. Vol. 17. P.–69–83.
31. Geddes P. Cities in Evolution: an introduction to the town planning movement and to the study of civics. L.: Williams & Norgate, 2015.
32. Globalizing Cities: A New Spatial Order? P. Marcuse and R. van Kempen (Eds.). Oxford: Blackwell Publishers, 2000. 338 r.
33. Hall P. World Cities. New York: McGraw-Hill, 1966. 256 p.
34. Huntington S. P. Democracy's Third Wave // The Journal of Democracy. 1991. №. 2, pp.–12–34.
35. Kegley Ch. W., Wittkopf E. R. World Politics: Trend and Transformation. Ninth Edition. Belmont: Thomson / Wadworth, 2004. 594 p.
36. O'Brien R. Global Financial Integration: The End of Geography. London. Royal Institute of International Affairs. Pinter Publishers, 1992. 120 p.
37. Reed H. The Preeminence of International Financial Centers. N.Y.: Praeger, 1981. 145 p.
38. Sassen S. The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton University Press, 1991. 410 p.
39. Sassen S. The State and the Global City // Khagram S., Levitt P. (Eds.) // The Transnational Studies. N.Y.: Routledge. 2008. P. 77–81.
40. World Cities in World System. Ed. by Knox P.L., Taylor P.J. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 180 p.

Лебедева М.М. Трансформация роли городов и внутригосударственных регионов в мировой политике.

В последние годы значительно активизировалась деятельность внутригосударственных территориальных образований на международной арене. Статья носит теоретический характер. Показывается, что международные интересы городов и внутригосударственных регионов постепенно выходят за рамки экономических и социальных. При этом данные структуры отражают основные мегатренды мирового политического развития и сами формируют их. Их деятельность на мировой арене наряду с деятельностью других акторов трансформирует политическую организацию мира. Данные феномены необходимо учитывать в глобальном управлении, а также при формировании партнёрских отношений центральных властей и региональных властей с тем, чтобы использовать активность регионов и городов как в их интересах, так и в интересах страны в целом.

Ключевые слова: *внутригосударственные регионы, города, государство, политическая организация мира, мегатренды мировой политики, акторы мировой политики*

Lebedeva M.M. Transformation of the role of cities and domestic regions in world politics.

Recently, the activities of domestic territorial entities in the international arena have become much more active. The article shows that the international interests of cities and domestic regions gradually go beyond economic and social ones. Domestic territorial entities reflect the main megatrends of world politics and at the same time form them. Their activities on the world stage, along with those of other actors, are transforming the political organization of the world. These phenomena should be taken into account when forming partnerships between the central authorities and regional authorities in order to use the international activity both in the regional interests as well as in the interests of the country as a whole.

Key words: *domestic regions, cities, state, political organization of the world, megatrends of world politics, actors of world politics*

Для цитирования: Лебедева М.М. Трансформация роли городов и внутригосударственных регионов в мировой политике // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 1. С. 7–16. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/7-16

For citation: Lebedeva M.M. Transformation of the role of cities and domestic regions in world politics // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 1. P. 7–16. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/7-16

УДК 332.13

Шлапек Е.А.

Республика Карелия в проектах приграничного сотрудничества

Программно-проектный метод в практике управления

Программно-проектное управление можно определить как комплексную деятельность с заданными сроками и результатами, предназначенными для достижения конкретной цели с использованием определённого объёма ресурсов [1; 3; 7; 9]. Данный подход подразумевает особое внимание к процессам планирования и прогнозирования и сконцентрированность на результате. Приоритетным становится выявление проблемы, потребностей целевых групп, согласованное взаимодействие всех участников по определению научно-исследовательских, производственных, социально-экономических, организационно-хозяйственных и других мероприятий для максимизации синергетического эффекта и наращивания потенциала предприятия или территории. Совокупность запланированных действий формализуется в виде специального документа – программы, содержащей детальное описание поставленной цели, используемых для ее достижения методов, механизма и ресурсов. Программы направлены на конкретные социально-экономические цели, степень достижения которых можно измерить с помощью показателей и индикаторов [10, с. 55]. Очевидные преимущества данного подхода: ограниченное время осуществления, чёткое распределение бюджета, конкретная ответственность за качество выполненных работ. Использование программно-проектного метода позволяет не только более обоснованно определять цели, "приземляя" их к конкретным потребностям населения, но и контролировать исполнение плана и своевременно вносить коррективы, накапливать и успешно использовать в дальнейшем опыт работы с проектами [7, с. 158]. Таким образом, проектная деятельность является своего рода специфической формой регулирования социокультурных процессов.

В настоящее время проектное управление становится одним из инструментов повышения эффективности и качества государственного управления. В Российской Федерации поставлена задача внедрения проектного управления в федеральных и региональных органах государственной власти, создан Совет при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам, который определил 32 приоритетных проекта (программы) по 11 направлениям (решение Совета от 13.07.2016 № 1).

Особенностью подготовки программ приграничного сотрудничества является вовлечение наднациональных, национальных и региональных органов власти сопредельных стран, что значительно усложняет процесс коммуникации, возлагает большую личную ответственность на переговорщиков, требует значительного времени и оперативности в принятии решений. Согласно Федеральному закону от 26.07.2017 №179-ФЗ "Об основах приграничного сотрудничества", проект международной программы приграничного сотрудничества – совокупность действий, реализуемых в рамках международной программы приграничного сотрудничества [8]. В период 2007–2013 гг. было реализовано пять программ приграничного сотрудничества: "Эстония – Латвия – Россия", "Литва – Польша – Россия", "Карелия", "Коларктик", "Юго-Восточная Финляндия – Россия", участниками которых с российской

© Шлапек Е.А., 2019

ШЛАПЕКО Екатерина Андреевна, канд. полит. наук, научный сотрудник отдела региональной экономической политики Института экономики Федерального исследовательского центра "Карельский научный центр Российской академии наук" (г. Петрозаводск). E-mail: shlapenko_kate@mail.ru

стороны были приграничные субъекты Северо-Западного федерального округа Российской Федерации.

Реализация международных проектов требует особых компетенций: знаний проектного управления, иностранного языка, локальных институциональных условий, а нередко и социокультурных особенностей приграничной территории. Таким образом, приграничность приобретает все большее значение и выступает в качестве фактора территориального социально-экономического развития, осуществляемого по задаваемым границей правилам [3, с. 71–72]. Под управлением проектами понимается процесс по организации и планированию проектной деятельности, а также координации трудовых, финансовых и материально-технических ресурсов на протяжении жизненного цикла проекта. На региональном уровне важно создать среду для реализации проектов: мотивировать на межведомственное взаимодействие в рамках международных проектных команд, а затем и обеспечить эффективную реализацию проектов, то есть достижение результатов и показателей в установленные сроки и в рамках одобренного бюджета. Проекты закладывают базу для системных инноваций, так как происходит координация с научно-исследовательскими организациями, поставщиками, потребителями, производителями и даже конкурентами [10, с. 53].

Следует обратить внимание и на тот факт, что проекты приграничного сотрудничества служат своего рода креативной технологией маркетинга сопредельных территорий. В современной российской концепции приграничное сотрудничество рассматривается как часть международных отношений Российской Федерации, международных и внешнеэкономических связей приграничных субъектов Российской Федерации и муниципальных образований приграничных субъектов Российской Федерации с субъектами приграничного сотрудничества сопредельных государств [8]. Ряд авторов обращает внимание на закономерное совпадение в приграничных регионах субъектов и объектов приграничного сотрудничества и территориального маркетинга, а также взаимообусловленность их целей, задач, функций и результатов [10; 11]. Если региональная маркетинговая политика должна быть направлена на создание благоприятных условий для повышения качества продукта региона, поиск его потенциальных потребителей и вывод территории на лидирующие позиции в межрегиональном разделении труда с целью повышения качества жизни населения [11, с. 177], то задачами приграничного сотрудничества также являются содействие социальному и экономическому развитию и повышение уровня и качества жизни населения приграничных территорий, создание обстановки доверия, взаимопонимания и добрососедства на территориях приграничного сотрудничества, развитие и укрепление их взаимовыгодных и дружественных связей [8].

Программы развития приграничного сотрудничества помогают не только усилить взаимодействия в международной деятельности регионов и городов, но и создать привлекательный образ территории. Выработка единых позиций на территории реализации программы с участием представителей от каждой из сторон и их артикуляция через совместные документы позволяет усилить контактную функцию границы [13, с. 234]. В свою очередь, приграничные проекты дают возможность представить регион на различных площадках (международных конференциях, выставках, семинарах), способствуют взаимным визитам, созданию устойчивых партнёрских связей, что ведёт к трансформации социокультурного пространства приграничья, раскрытию потенциала территории и повышению ее конкурентоспособности. С другой стороны, проекты способствуют выработке общих стандартов и моделей работы, а также созданию системы ценностей, которая помогает сохранить лояльность жителей приграничных регионов к местным товарам и производителям. Другими словами, приграничное сотрудничество вполне очевидно выполняет не только социальные, но и маркетинговые функции.

Таким образом, суть проектно-ориентированной системы управления состоит в достижении целей через реализацию конкретных проектов, а под проектом понимается комплекс взаимосвязанных мероприятий, направленных на создание уникального результата в условиях временных и ресурсных ограничений. К основным сложностям управления проектами приграничного сотрудничества следует отнести, прежде всего, различия в экономических,

политических, социально-культурных и технологических аспектах развития стран-участниц международных проектов. В связи с этим, следует уделять особое внимание созданию благоприятных условий для сотрудничества, поддержке диалога и согласованию позиций приграничных участников по широкому кругу вопросов, в том числе посредством принятия общих программ развития.

История и правила реализации проектов приграничного сотрудничества в Республике Карелия

Началом правового регулирования приграничных взаимоотношений Северо-Западного федерального округа России и регионов Финляндии стало межправительственное соглашение 1992 г. о сотрудничестве в Мурманской области, Республике Карелия, Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Именно тогда при финской финансовой поддержке начали осуществляться двусторонние проекты с участием органов власти, региональных и муниципальных учреждений, предприятий и организаций, были установлены партнёрские связи, существующие до сих пор. Весомый вклад в развитие и укрепление добрососедских отношений, углубление взаимопонимания между сопредельными карело-финскими территориями еще в советский период внесли побратимские связи. Вступление Финляндии в Европейский Союз, а также активное сотрудничество Республики Карелия с приграничными провинциями Кайнуу, Северная Карелия и Северная Остроботния способствовало созданию Еврорегиона "Карелия", а затем и принятию отдельной программы приграничного сотрудничества [16; 17]. В 2012 г. в ответ на изменения международной ситуации и практик сотрудничества было подписано новое Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Финляндской Республики о содействии приграничному сотрудничеству. Таким образом, завершился переход от финской технической помощи российским регионам к равноправному приграничному межрегиональному взаимодействию.

Приоритетные аспекты приграничного сотрудничества нашли отражение сначала в таких важнейших документах, как программа "Основные направления деятельности Правительства Республики Карелия по развитию международного сотрудничества на 1999–2002 гг.", программа приграничного сотрудничества Республики Карелия на 2001–2006 гг., а на современном этапе – программа "Основные направления деятельности Еврорегиона "Карелия" до 2020 г.". В последнем, в частности, говорится о продвижении общих интересов: содействии введению безвизового режима, признании еврорегиона на международном уровне, развитии приграничного движения и торговли, продолжении программ ЕС на приграничных территориях [4].

Формирование бренда трансграничного региона может существенно дополнить деятельность Еврорегиона "Карелия" по пространственному планированию. Отметим, что оценка позиционирования Республики Карелия, возможностей ее продвижения наряду с оценкой деятельности Еврорегиона "Карелия" предпринимались ранее [6; 14]. В разработке комплексного бренда территории выделяют шесть ключевых элементов: инвестиции и миграция, культура и наследие, люди, внешняя и внутренняя политика, туризм и экспортные бренды [15]. Фактически программа "Еврорегиона "Карелия" – 2020" закладывает основу для раскрытия потенциала каждого из названных элементов, а в ходе проектной деятельности можно апробировать и продвигать совместные разработки, способствуя признанию еврорегиона на международном уровне. Напомним, что развитие еврорегионов в Европе позволило гармонизировать взаимоотношения на уровне регионов, учреждений и населения и снять многие барьеры, созданные на границе.

Программно-проектный подход весьма популярен в региональной политике ЕС, направленной на преодоление регионального неравенства, стимулирование стабильного социально-экономического развития в ЕС и на границах. В рамках ЕС территориальное сотрудничество поддерживается с конца 1980-х гг., прежде всего через программы INTERREG (Трансевропейское сотрудничество для сбалансированного развития) I (1990–1993), II (1994–1999) и III (2000–2006), PHARE CBC (Программа помощи странам Центральной и Восточной Европы), TACIS CBC (Техническая помощь Содружеству Незави-

симых Государств). Институциональная модель трансграничного сотрудничества до 2007 г. проявлялась в том, что экономическая более сильные европейские партнёры через свой бюджет и бюджеты европейских организаций в рамках программ TACIS и INTERREG оказывали техническую и финансовую помощь российским партнёрам. На сегодняшний день сотрудничество осуществляется на паритетных началах, а отбор проектов происходит уже не в Брюсселе, а на территории программных регионов с непосредственным участием полномочных представителей региональных властей [13, с. 235].

Первая совместная серия программ приграничного сотрудничества России и ЕС стартовала в 2007 г. в рамках Европейского Инструмента Соседства и Партнёрства. Совместные программы устанавливают единые правила и процедуры реализации проектов, определяют приоритетные области приграничного сотрудничества по обе стороны границы. После согласования на национальном уровне программный документ утверждается Еврокомиссией, готовятся финансовые соглашения, которые вступают в силу после подписания всеми сторонами и ратификации национальными парламентами. Следующий этап – конкурсный отбор проектов по определённым темам. Программы придерживаются принципов взаимодополняемости, партнёрства и софинансирования [16; 17]. Взаимодополняемость означает, что проекты соответствуют целям и приоритетам национальных и региональных программ и стратегий. Партнёрство охватывает широкий круг участников, в том числе национальные, региональные и местные власти, представителей бизнеса и гражданского общества и других заинтересованных лиц по обе стороны границы. Проекты, которые получают финансирование в рамках программ, должны включать в сумме не менее 10% собственных средств партнёров от каждой страны-участницы. В Петрозаводске работает офис программы приграничного сотрудничества "Карелия", представители которого консультируют по заполнению заявок, подготовке необходимого пакета документов и помогают наладить коммуникацию с партнёрами. Управляющий орган программы, расположенный в Оулу (Финляндия), выступает основным консультационным и контролирующим институтом. По завершению программы объявляется тендер на проведение исследования по оценке результатов реализации программы. Как правило, проекты длятся от одного до трёх лет, а среднее финансирование трёхлетних проектов составляет около 600 тысяч евро [5]. Ведущими партнёрами выступают местные и региональные органы власти приграничных регионов, неправительственные организации, образовательные и научно-исследовательские учреждения. По правилам программы проекты не должны приносить прибыли, поэтому коммерческие структуры не всегда заинтересованы в участии. Среди типичных мероприятий, реализуемых в рамках подобных проектов: обмен опытом в различных сферах деятельности; проведение тематических исследований; разработка проектно-сметной документации; укрепление материально-технической базы; развитие инфраструктуры.

Благодаря программному подходу с чётко обозначенными территориальными границами на уровне административно-территориальных единиц соседних государств, целенаправленному финансированию созданы благоприятные условия и предпосылки для развития новых форм сотрудничества. На наш взгляд, сущность приграничного сотрудничества заключается именно в облегчении контактов между людьми, учреждениями, предприятиями и общественными организациями по обе стороны границы. Безусловно, формирование в регионе ценностного единства, прочных коммуникационных связей, снижения экономических диспропорций способствует созданию и укреплению приграничного порядка и безопасности.

Проекты по программе приграничного сотрудничества "Карелия"

За пять лет действия программы "Карелия" реализовано 66 проектов на сумму 42 миллиона евро, 30% из которых было использовано на финансирование инфраструктурных проектов по реконструкции приграничных дорог, обустройству пунктов пропуска и экологическому туризму с участием национальных парков. Основной задачей Программы стало повышение благосостояния данных регионов посредством развития приграничного сотрудничества [16, с. 19]. Для достижения этой цели определены два приоритета: стимулирова-

ние экономического развития и повышение уровня жизни. По программе было выбрано 6 тем (пространственное планирование, туризм, лес и энергетика, культура, здоровье и благополучие, устойчивое использование природных ресурсов). Тематические задачи согласуются с государственными приоритетами развития и призваны сделать пространство реализации программы привлекательным для жизни людей и ведения бизнеса. В частности, приграничное и межрегиональное сотрудничество является одним из важнейших инструментов в реализации задач Концепции социально-экономического развития Республики Карелия на период до 2022 г.

Анализ распределения проектов по сферам позволит выявить тенденции развития приграничного сотрудничества, определить основные социальные группы, на которые направлены результаты приграничных взаимодействий, и тот круг проблем, которые приграничные муниципальные образования Карелии решают совместно с сопредельными территориями.

Первый заявочный тур был открыт в феврале 2010 г. по теме "Трансграничные решения для устойчивого пространственного, экономического и экологического развития" [5]. В рамках первого заявочного тура были заложены основы формирования творческого приграничного кластера ("Центр дизайна и ремесленный бизнес-инкубатор") и развития инновационной предпринимательской среды, разработаны архитектурные концепции и маркетинговые стратегии прибрежных территорий ("Города у воды – новые возможности для развития бизнеса"), внедрены технологические и экологические методы освоения пространства периферийных территорий и совершенствования систем водоснабжения [13, с. 232]. Особое внимание уделялось улучшению условий жизни отдалённых деревень, произведена реконструкция зданий и созданы новые возможности для ведения бизнеса в деревнях ("Зелёные города и посёлки – устойчивое пространственное развитие в отдалённых приграничных посёлках").

Второй заявочный тур "Сотрудничество в сфере туризма" открылся весной 2011 г. По результатам проектов появились семейные центры музейной педагогики, молодёжный центр для предоставления туристских и образовательных услуг (Matka.ru), разработаны мобильные сервисы в помощь туристу (Smart e-Tourism), открыты информационные туристские центры в муниципальных районах Республики Карелия. По мнению А. М. Сузи, построению привлекательного имиджа Республики Карелия будут способствовать именно культура и туризм [6, с. 50].

Третий заявочный тур "Сотрудничество в лесном секторе" открылся осенью 2011 г. Ещё в советские годы осуществлялось тесное сотрудничество Республики Карелия и Финляндии в лесной сфере, что послужило развитию транспортной и пограничной инфраструктуры (например, пункты пропуска Ниирала, Куусамо и Вартиусе). Общей целью данного заявочного тура являлся поиск инновационных подходов к сотрудничеству в лесной сфере, а также содействие устойчивому развитию в области энергетики. Среди конкретных результатов – улучшено деловое сотрудничество в лесной и деревообрабатывающей промышленности в регионах Кайнуу и г. Костомукша, а в деревне Вокнаволок введён в пользование более экологичный источник энергоснабжения.

2014 год – Год культуры в Российской Федерации был ознаменован завершением девяти масштабных российско-финляндских культурных инициатив. В числе представленных двусторонних инициатив по раунду культуры – проекты по развитию сети этнокультурных центров, внедрению информационных технологий и новых форм работы в деятельности учреждений культуры, поддержке талантливой молодёжи и сохранению культурного наследия. Проекты в сфере культуры характеризуются мультинаправленностью и имеют собственно культурную ценность, а также социальный и экономический эффекты [1, с. 109].

Целями тура по социальному благополучию стали модернизация социальных услуг и создание новых моделей социального обслуживания и доступной среды. По итогам проектов разработаны программные продукты в помощь людям с ограниченными возможностями, предложены новые формы формирования здорового образа жизни у подрастающего поколения, профилактики социальной дезинтеграции, приобретено медицинское оборудование [13,

с. 233]. Российско-финляндские инициативы ориентированы на внедрение и продвижение информационных и инновационных технологий, поддержку социального партнёрства, а также повышение качества и увеличение разнообразия услуг.

Конкретными целями тура "Устойчивое использование природных ресурсов" стали: поддержка и развитие устойчивого использования полезных ископаемых, руд, земельных ресурсов, животных и рыб, сохранение биологического разнообразия и поддержка устойчивого рекреационного использования природы посредством трансграничного сотрудничества. В результате удалось разработать новые технологии по обработке сточных вод ("Чистая Ладога"), новые инструменты ландшафтного планирования и методы оздоровления леса, собрана информация для планирования устойчивого рыболовства и охоты (IntellGreenBelt), создана концепция экологического мониторинга по эмиссии тяжёлых металлов с целью уменьшения загрязнения воды (EnMonCon).

В общей сложности в проектах приграничного сотрудничества "Карелия" приняло участие 244 организации, среди них региональные и городские администрации, коммерческие и некоммерческие структуры, учреждения образования, науки, здравоохранения и культуры. Интерес к программе со стороны значительного числа организаций вызван, прежде всего, тем, что она охватывает широкий спектр направлений деятельности. На протяжении последних 25 лет проектным менеджментом занимаются ключевые образовательные и научные центры программного региона – Петрозаводский государственный университет, Карельский научный центр Российской академии наук, Университет прикладных наук Северной Карелии, Университет Оулу и Восточной Финляндии. Это свидетельствует о том, что необходимо поддерживать имидж программного региона как научного центра, содействовать реализации научного потенциала, развитию научно-исследовательских учреждений и всей инновационной инфраструктуры [12, с. 108].

Не менее активно осваивают международные финансовые инструменты организации некоммерческого сектора: НП "Карельский ресурсный Центр общественных организаций", НП "Север-Центр", АНО "Центр энергоэффективности", АНО "Фонд развития образования". Авторы оценочного доклада по программе делают вывод, что в подавляющем большинстве проектов российская сторона получила значительно большую выгоду, по сравнению с финской стороной в результате того, что инвестиции и закупки оборудования осуществлялись, в основном, в России [5]. Действительно среди участников проектов российские государственные, региональные и муниципальные бюджетные учреждения (Государственный Национальный театр Республики Карелия, Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник "Кижи, Информационный туристский центр Республики Карелия), включающие в проекты обновление материально-технической базы. По-прежнему сохраняется слабое участие предпринимателей в реализации проектов (в основном, это финские компании, например, Technoreactor Oy, Culmentor Ltd и др.).

Негативно на реализации проектов сказалось крупнейшее падение официального курса рубля к евро в 2014 г., так как убытки от курсовой разницы не считаются приемлемыми расходами по проектам. Программой также не была предусмотрена эффективная система показателей, которую можно было бы использовать для мониторинга и оценки результатов проектов [5; 13]. Со сложностями в реализации столкнулись проекты, где было запланировано строительство и требовалось осуществление конкурсных процедур при выборе подрядчиков. Невыполнение графиков работ, затягивание сроков и как следствие несвоевременное предоставление отчётов сказывались на получении следующей части финансирования всеми партнёрами. Обострение международных отношений в 2014 г. повлияло на общение между партнёрами, привело к росту недоверия и осторожности. В частности, в новом программном периоде ряд российских и финских организаций отказались брать на себя роль ведущего партнёра, на которого ложится ответственность за реализацию проекта и все финансовые риски.

Обзор показал, что предпочтение в финансировании отдаётся тем проектам, которые имеют инфраструктурную составляющую, в частности обеспечивают транспортную доступность региона, создают новые рабочие места,

развивают деловое сотрудничество и улучшают условия жизни. Ведущими партнёрами в программном регионе выступают в основном финские организации, исключением стал тур по культуре, где из 9 заявок 7 подано российскими организациями. Проекты реализуются в крупных городах – Петрозаводске, Сортавале, Костомукше, Калевале – с российской стороны; Кааяни, Оулу, Йоэнсуу – с финской. Наибольший территориальный охват был обеспечен по раунду "туризм" – 25 муниципальных образований по обе стороны границы.

В карело-финских проектах проявляются специфические северные ценности в сферах экологии (биотехнологии, "зелёная экономика"), экономики (креативные индустрии, туризм) и культуры финно-угорского мира. К тенденциям проектной деятельности на территории Карелии следует отнести постепенный переход от обучения к внедрению лучших практик, от технических к инфраструктурным проектам [13, с. 236]. Следующим шагом, согласно Совместной программе действий по приграничному сотрудничеству "Карелия" на 2014–2020 гг., станут инициативы по созданию трансграничных бизнес-кластеров. Потенциальными секторами сотрудничества названы лесная промышленность, возобновляемые источники энергии, информационные технологии, туризм, чистые технологии, благополучие, горное дело, металлургия, электроника и пищевая промышленность [17, с. 13].

Выводы

В современных сложных внешнеполитических условиях на фоне принятия рядом государств санкций против России особенно важно сохранять наработанный опыт международных связей и использовать его на благо территорий. Продолжение реализации программ приграничного сотрудничества России и ЕС позволит обеспечить преемственность и устойчивость уже разработанных и новых кооперационных связей. Практика реализации проектов показала, что для приграничных с Европейским союзом российских регионов эти программы являются эффективным инструментом решения вопросов экономического и социального развития, а также дополнительным источником финансирования региональных инициатив.

Литература

1. Кизилова И.Н. Программно-проектный метод как инновационная технология управления в сфере культуры // Креативная экономика. 2010. № 9. С. 108–113
2. Кузнецов С.В., Межевич Н.М., Ткачев С.А. Границы и приграничное сотрудничество в России как результат глобализационных вызовов // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2017. № 4. С. 68–76.
3. Мироненко Н.В., Леонова О.В. Эволюция развития проектного управления в России и за рубежом. // Управленческое консультирование. 2017. № 6. С. 65–72. DOI: 10.22394/1726-1139-2017-6-65-72.
4. Основные направления деятельности Еврорегиона "Карелия" до 2020. [Электронный ресурс]. URL: http://www.euregiokarelia.com/documents/5009799/5307360/Euregio+Karelia+2020_ru_allekirjoitettu_web.pdf/cc84140a-b1c1-45fa-874b-f3d2b2664ca8 (дата обращения: 17.07.2018).
5. Программа Приграничного Сотрудничества "Карелия" [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kareliaenpi.eu> (дата обращения: 4.07.2018).
6. Сузи А.М. Имидж Республики Карелия: анализ по методике с. Анхольта // Власть. 2014. № 5. С. 48–50.
7. Татаркина А.И., Новикова К.А. Программно-проектное управление потенциалом территории как потребность ее системного развития // ARS ADMINISTRANDI. 2015. № 2. С. 151–167.
8. Федеральный закон от 26.07.2017 № 179-ФЗ "Об основах приграничного сотрудничества" // СПС КонсультантПлюс
9. Фролова Н.Н. Управление процессами разработки и реализации совместных международных программ и проектов приграничного сотрудничества // Белорусский экономический журнал. 2011. № 1 (54). С. 121–130.
10. Черная И.П. Креативные технологии регионального маркетинга в приграничном сотрудничестве регионов Дальнего Востока России: к постановке

проблемы // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2014. № 2 (25). С. 49–59.

11. Шапиро Н.А. Характеристика конкурентных преимуществ приграничных территорий в контексте маркетинга мест // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия "Экономика и экологический менеджмент". 2015. № 2. С. 173–183.

12. Шишкин А.А. Международная интеграция приграничных регионов в мировую экономику (на примере Республики Карелия) // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. 2013. № 5. С. 103–111.

13. Шлапек Е.А. Реализация программы приграничного сотрудничества "Карелия": итоги и перспективы // Интеграционные модели приграничного и межрегионального сотрудничества: сборник статей. 2015. С. 229–238.

14. Яровой Г.О. Будущее Еврорегиона "Карелия": от гармонизации к трансграничной региональной интеграции? // Предпринимательство. 2013. № 7. С. 94–104.

15. Anholt S. Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions / S. Anholt. 1-st edition. Palgrave Macmillan. 2007. 160 p.

16. Joint Operational Programme Karelia CBC 2007–2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://europa.eu/capacity4dev/cbc/document/enpi-cbc-joint-operational-programme-karelia-2007-2013> (дата обращения: 09.07.2018).

17. Joint Operational Programme Karelia CBC 2014–2020. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kareliacbc.fi/sites/default/files/assets/images/dokumentit/JOP%20Karelia%20CBC%2017.12.2015.pdf> (дата обращения: 09.07.2018).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Kizilova I.N. Programmno-proektnyj metod kak innovatsionnaya tekhnologiya upravleniya v sfere kul'tury // Kreativnaya ehkonomika. 2010. № 9. S. 108–113

2. Kuznetsov S.V., Mezhevich N.M., Tkachev S.A. Granitsy i prigranichnoe sotrudnichestvo v Rossii kak rezul'tat globalizatsionnykh vyzovov // Korporativnoe upravlenie innovatsionnoe razvitiiehkonomiki Severa: Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo tsentra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvkarskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 4. S. 68–76.

3. Mironenko N. V., Leonova O. V. EHvolyutsiya razvitiya proektnogo upravleniya v Rossii i za rubezhom. // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2017. № 6. S. 65–72. DOI: 10.22394/1726-1139-2017-6-65-72.

4. Osnovnye napravleniya deyatel'nosti Evroregiona "Kareliya" do 2020. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.euregiokarelia.com/documents/5009799/5307360/Euregio+Karelia+2020_ru_allekirjoitetu_web.pdf/cc84140a-b1c1-45fa-874b-f3d2b2664ca8 (дата обрaщения: 17.07.2018)

5. Programma Prigranichnogo Sotrudnichestva "Kareliya" [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.kareliaenpi.eu> (дата обрaщения: 4.07.2018).

6. Suzi A.M. Imidzh Respubliki Kareliya: analiz po metodike s. Ankol'ta // Vlast'. 2014. № 5. S. 48–50.

7. Tatarkin A.I., Novikova K.A. Programmno-proektnoe upravlenie potentsialom territorii kak potrebnost' ee sistemnogo razvitiya // ARS ADMINISTRANDI. 2015. № 2. S. 151–167.

8. Federal'nyj zakon ot 26.07.2017 № 179-FZ "Ob osnovakh prigranichnogo sotrudnichestva" // SPS Konsul'tantPlyus

9. Frolova N.N. Upravlenie protsessami razrabotki i realizatsii sovmestnykh mezhdunarodnykh programm i proektov prigranichnogo sotrudnichestva // Belorusskij ehkonomicheskij zhurnal. 2011. № 1 (54). S. 121–130.

10. SHernaya I.P. Kreativnye tekhnologii regional'nogo marketinga v prigranichnom sotrudnichestve regionov Dal'nego Vostoka Rossii: k postanovke problemy // Territoriya novykh vozmozhnostej. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ehkonomiki i servisa. 2014. № 2 (25). S. 49–59.

11. SHapiro N.A. KHarakteristika konkurentnykh preimushhestv prigranichnykh territorij v kontekste marketinga mest // Nauchnyj zhurnal NIU ITMO. Seriya "EHkonomika i ehkologicheskij menedzhment". 2015. № 2. S. 173–183.

12. SHishkin A.A. Mezhdunarodnaya integratsiya prigranichnykh regionov v mirovuyu ehkonomiku (na primere Respubliki Kareliya) // Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra Rossijskoj akademii nauk. 2013. № 5. S. 103–111.

13. SHlapenko E.A. Realizatsiya programmy prigranichnogo sotrudnichestva "Kareliya": itogi i perspektivy // Integratsionnye modeli prigranichnogo i mezhregional'nogo sotrudnichestva: sbornik statej. 2015. S. 229–238.

14. Yarovoj G.O. Budushhee Evroregiona "Kareliya": ot garmonizatsii k transgranichnoj regional'noj integratsii? // Predprinimatel'stvo. 2013. № 7. S. 94–104.

15. Anholt S. Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions / S. Anholt. 1-st edition. Palgrave Macmillan. 2007. 160 p.

16. Joint Operational Programme Karelia CBC 2007–2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://europa.eu/capacity4dev/cbc/document/enpi-cbc-joint-operational-programme-karelia-2007-2013> (data obrashheniya: 09.07.2018).

17. Joint Operational Programme Karelia CBC 2014–2020. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kareliacbc.fi/sites/default/files/assets/images/dokumentit/JOP%20Karelia%20CBC%2017.12.2015.pdf> (data obrashheniya: 09.07.2018).

Шлапек Е.А. Республика Карелия в проектах приграничного сотрудничества.

В статье рассматриваются вопросы современного состояния муниципального нормотворчества в Российской Федерации. Социологическое исследование в области муниципального нормотворчества в виде экспертного опроса позволило провести анализ нормотворческой деятельности в муниципалитетах, оценить юридическую практики муниципальных служащих, увидеть основные проблемы при подготовке муниципальных нормативных правовых актов, изучить и дать социологическую корректировку практики муниципального нормотворчества, дать конкретные предложения в разработке методических рекомендаций по подготовке муниципальных нормативных правовых актов.

Ключевые слова: муниципальное нормотворчество, мониторинг правоприменения, качество муниципального нормативного правового акта, правовая экспертиза, юридическая техника, экспертный опрос

Shlapeko E.A. The Republic of Karelia in the projects of cross-border cooperation.

The article deals with issues of current state of Municipal lawmaking in the Russian Federation. To base on sociological research assessed an expert evaluation of the municipal lawmaking effectiveness, exposed typical errors in the preparation and adoption of municipal normative legal acts, main problems in maintaining the register of municipal normative legal acts of the Russian Federation constituent units. In conclusion key of some directions for improving the municipal lawmaking process.

Key words: municipal lawmaking, monitoring, the quality of the municipal normative legal act, expertise of regional law acts, legal technique, expert poll

Для цитирования: Шлапек Е.А. Республика Карелия в проектах приграничного сотрудничества // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 1. С. 17–25. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/17-25

For citation: Shlapeko E.A. The Republic of Karelia in the projects of cross-border cooperation // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 1. P. 17–25. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/17-25

"Поворот на Восток" и транснациональные связи российских регионов (на примере Республики Коми)

Актуальность расширения взаимодействия России с государствами не Запада приобретает повышенную значимость на фоне российско-западной конфронтации. Особый интерес представляет динамичный Азиатско-Тихоокеанский регион, а также государства Ближнего и Среднего Востока. Активизация диалога на межгосударственном уровне пока не привела к ожидаемым результатам в полной мере. В связи с этим наблюдается потребность в развитии транснациональных связей российских регионов, которые естественным образом способны дополнить сотрудничество на межгосударственном уровне. Республика Коми (РК) стремится наладить транснациональные связи с Китаем, Ираном и арабскими государствами (Кувейт, Бахрейн). Анализ регионального аспекта "поворота на Восток" на примере Республики Коми демонстрирует появление новых форматов и форм внешних связей российских регионов, но само по себе это не гарантирует выхода на позитивные результаты в краткосрочной перспективе. Для доказательства данного тезиса в статье даётся общая характеристика РК как региона с точки зрения внешних связей, представлен обзор международной деятельности РК, анализируется взаимодействие Коми с КНР, Ираном и государствами Персидского залива.

В качестве теоретико-методологической основы исследования применяется теория федерализма, теория бюрократии, а также компаративный метод. В сочетании с привлекаемой к работе фактологией это позволяет ответить на основной исследовательский вопрос. Почему активизация восточного вектора внешних связей РК, фиксируемая в последние несколько лет, так пока и не приводит к конкретным практическим результатам?

Межрегиональное международное взаимодействие российских регионов сегодня, хотя и является объектом изучения ряда исследователей, но в то же время не в полной мере находит себе место в мейнстриме науки о международных отношениях. В 1990-е и 2000-е гг. вышло немало сильных работ по проблематике внешних связей внутригосударственных регионов [1; 3; 21; 22; 23; 25; 38]. Между тем, в 2010-е гг. мирополитическая обстановка претерпела существенные изменения, и субнациональные акторы вовлечены в эти процессы ещё более активно, но внимание академического сообщества данные вопросы привлекать стали в меньшей степени [20; 26; 40], что не вполне адекватно. В то же время зарубежные исследования все больше выходят в междисциплинарную плоскость [41; 42].

РК как внутригосударственный регион имеет следующие особенности. Экономика региона носит сырьевой характер (топливно-энергетический комплекс и лесная промышленность). Регион обладает выраженной этнической спецификой, что проявляется в наличии крупного этнического меньшинства (доля коми – примерно 25%) на фоне преобладания русского населения. При этом отмечается пестрота этнической структуры – в РК проживают представители более сотни этнических групп. В целом Коми является периферийным неприграничным регионом с сырьевой экономикой и этнической спецификой. На фоне обострения международной обстановки и ухудшения социально-экономического положения внутри страны с 2014 г., наблюдается резкое снижение показателей экспорта и импорта РК, а также снижение уровня инвестиций. Если в 2014 г. РК экспортировала товаров на сумму свыше 3,2 млрд долл. США (импорт – 251 млн), то в 2017 г. лишь на 979 млн (импорт – 134 млн),

а объём прямых иностранных инвестиций, составлявший в 2014 г. 315 млн долл. США, к 2017 г. снизился до 124 млн [10].

В первое постсоветское десятилетие, в условиях децентрализованного федеративного государственного устройства, РК подписала тринадцать асимметричных межправительственных международных документов в сфере экономики, культуры и науки [27]. В основном связи налаживались с государствами Центральной и Восточной Европы. Помимо асимметричных, в тех же сферах и примерно тех же географических рамках развивались и международные межрегиональные связи. Региональные власти Коми подписали двадцать восемь "горизонтальных" договоров, соглашений, меморандумов и протоколов. Восточно-Европейский вектор занимал доминирующие позиции во внешних связях Коми. Помимо этого, в 1990-е гг. Республика Коми вела активное сотрудничество с "семьёй" ООН (ЮНИДО, ЮНЕСКО, МБРР).

В начале XXI в., в условиях реализации в РФ федеративной модели, максимально приближенной к унитарному государственному устройству, Республика Коми заключает соглашения, прежде всего, на уровне регионов зарубежных государств. Межрегиональные международные соглашения заключены с составными частями шести зарубежных государств: Беларусь, Венгрия, Норвегия, США, Украина, Финляндия [33]. Однако официальной информации об исполнении этих соглашений нет, что даёт основания предположить отсутствие деятельности по их реализации. Между тем в 2010-е гг. начались достаточно активные контакты со странами арабского мира и активизировалось взаимодействие с Китаем.

Наблюдается два вектора международных связей РК в начале XXI века:

- ◆ западный;
- ◆ восточный.

Республика Коми стала одним из первых российских регионов, расположенных в европейской части страны, который стал налаживать сотрудничество с Китаем. В качестве основы выступили побратимские связи городов, а ключевой сферой сотрудничества стала культура. Связи между столицей РК Сыктывкарком и столицей китайской провинции Шаньси г. Тайюанем изначально развивались на основе международного межрегионального соглашения между РК и Шаньси 1993 г. И лишь в 1994 г. (по некоторым данным в 1998 г.) Сыктывкар и Тайюань официально стали городами-побратимами.

Однако побратимские коми-китайские связи в 1990-е и в начале 2000-х гг. характеризуются иррегулярностью. Широкая общественность не была осведомлена о наличии у Сыктывкара китайского города-побратима [17]. Фактически отсутствовала и какая-либо программа совместных действий.

Во второй половине 2000-х гг. стали предприниматься шаги для придания побратимским связям Сыктывкара и Тайюаня позитивной динамики. В 2007 и 2008 гг. были заключены три соглашения о сотрудничестве [13; 37]. Соглашение 2007 г. имеет рамочный характер и направлено на развитие связей в экономике, культуре, искусстве, науке, образовании, спорте и туризме. Оба соглашения 2008 г. развивают рамочное соглашение 2007 г. за счёт расширения взаимодействия между хореографическими и художественными школами двух городов. Однако вплоть до 2013 г. информация о сыктывкарско-тайюаньских побратимских связях вновь "исчезает" из медийного поля. В 2013 г. официальная делегация из Тайюаня снова посетила Сыктывкар. На этот раз было заключено соглашение о культурном обмене [8]. В 2014 г. во время очередного визита китайской делегации к соглашению 2013 г. был подписан дополнительный протокол [34]. В целом побратимское сотрудничество Сыктывкара и Тайюаня происходит в форме обмена визитами официальных делегаций. Также во взаимодействии участвуют юные художники и танцевальные коллективы.

При этом по-прежнему ощущается отсутствие системной работы для придания побратимским связям более широкого наполнения. Заметна слабая вовлеченность общественности обоих городов в международное межмуниципальное сотрудничество. На этом фоне перспективы наладить побратимские связи между "нефтяной столицей" Коми Усинском и китайским Дуньинем [39] из провинции Шаньдунь выглядят туманными.

Переход от побратимских связей к межрегиональному международному сотрудничеству между Коми и провинциями Китая стал происходить в 2010-е гг. Это обусловлено несколькими причинами. Проводимая по инициативе президента В. Путина централизация первой половины 2000-х гг. полностью изменила межбюджетные отношения между Центром и регионами. Это привело к проблемам с финансированием крупных инфраструктурных проектов на территории субъектов РФ. Сложившееся положение стимулирует региональные власти к поиску иных источников. В то же время бурный экономический рост КНР сделал российско-китайское международное межрегиональное сотрудничество более привлекательным и для субъектов РФ в европейской части, особенно на фоне введения санкций против РФ со стороны западных государств. Со своей стороны, центральные органы государственной власти КНР также способствуют инвестиционной экспансии китайских компаний за рубеж, а власти провинций КНР выступают в качестве координаторов этих процессов.

В 2012–2018 гг. сформировались несколько направлений коми-китайского взаимодействия:

- ◆ транспорт;
- ◆ туризм;
- ◆ образование;
- ◆ промышленность.

Власти региона стремятся привлечь китайские инвестиции на реализацию двух крупнейших транспортных проектов на территории Коми. Особенно активно обсуждается строительство новой железнодорожной магистрали "Белкомур" (Архангельск – Сыктывкар – Кудымкар – Пермь). Следует отметить, что "Белкомур" является сложным инфраструктурным транспортно-логистическим проектом. В его реализации участвуют сразу несколько российских регионов, и проект связан не только с железной дорогой, но и с модернизацией морского порта в Архангельске [31]. Строительство этого транспортного коридора предполагается на условиях государственно-частного партнерства [16]. Очевидна необходимость крупных зарубежных инвестиций с возможностью создания концессии в последующем [16].

Для Китая "Белкомур" интересен возможностью уменьшить время следования товаров из КНР в Европу. В 2012 г. власти РК провели по этому вопросу первые обстоятельные переговоры с представителями китайских госкорпораций и частных компаний [9]. В 2013 г. переговорный процесс продолжился [14]. В сентябре 2015 г. в ходе российско-китайских переговоров на высшем уровне в Пекине соглашение о строительстве "Белкомура" было включено в пакет документов, который подписали президент РФ В. Путин и председатель КНР Си Цзиньпин [32]. С китайской стороны непосредственное участие в строительстве намерена осуществлять компания Poly Technologies [24].

Однако, несмотря на наличие серьезной поддержки на федеральном уровне и межрегиональной кооперации, реализация проекта "Белкомур" затягивается. Официальной информации об этом не поступает. В то же время о проблемах с реализацией соглашения 2015 г. свидетельствует проведение новых презентаций для китайских инвесторов в 2017 г. [5]. Помимо этого, в конце 2017 г. правительство РК выставило на продажу 41% из 48% принадлежащих ей акций АО "Белкомур" на аукцион [19]. И это при том, что по некоторым данным, в апреле 2017 г. проект поддержал председатель правительства РФ Д. Медведев [4]. Однако ОАО "РЖД" сомневается в экономической целесообразности строительства новой железной дороги [4]. По всей видимости, небезосновательно, так как аукцион не состоялся по причине отсутствия заявок [2]. Ситуация, когда регион-инициатор, который продвигал проект возведения магистрали ещё с середины 1990-х гг., выставляет большую часть своих акций на продажу, но не находит инвестора, оказывает негативное воздействие на возможные партнёров.

Промышленный потенциал РК может быть существенно усилен за счёт притока зарубежных инвестиций. В 2010-е гг. региональные власти наиболее активно ведут переговоры с представителями КНР по созданию в Коми лесопромышленных предприятий [18] и горно-химических производств [16].

Хотя делаются официальные оптимистичные заявления, по факту китайские деньги в промышленность РК не поступают.

Попытки диверсифицировать сырьевой характер экономики РК также связаны с международным участием. В 2010-е гг. в качестве ключевого несырьевого направления власти РК выбрали туризм. Регион интересен наличием обширных разнообразных нетронутых территорий, а также своим этнокультурным колоритом. В соответствии с этим акцент делается на развитие экологического и этнотуризма. Имеются планы по привлечению китайских инвестиций в развитие финно-угорского этнопарка [36]. К сожалению, пока потока китайских туристов в Коми не наблюдается, хотя другие европейские регионы России сумели наладить плодотворное сотрудничество с китайскими туроператорами. Например, власти Карелии специально для клиентов из КНР развивают "красный туризм". В Коми это также возможно, но для этого ничего не делается, хотя китайские эксперты отмечают актуальность данного направления [11].

Успех туристических проектов нередко связан с международным образовательным взаимодействием. В 2013 г. власти РК анонсировали планы по налаживанию масштабного сотрудничества с Китаем в научно-образовательной сфере. Предполагалось организовать обмен студентами вузов и сузов, стажировки преподавателей, обучения школьников из КНР вокалу, балету и народному художественному творчеству [35]. В качестве основы планировалось организовать в вузах Коми подготовку инженерных кадров для нужд экономики Китая [30]. Пока все попытки не увенчались успехом.

Проблемы с выходом на практические результаты, которые наблюдаются по всем аспектам взаимодействия с КНР, вынуждают власти РК искать новые варианты. В дополнении к давним связям с провинцией Шаньси с 2017 г. начинаются контакты с китайской провинцией Шаньдун [7; 28; 29]. Повестка точно такая же, как и в Шаньси. Диверсификация полезна и может повысить шансы на китайские инвестиции.

Несмотря на то, что сотрудничество РК с Китаем пока осуществляется в интенциональном ключе, это позволяет региональным властям приобретать необходимый опыт. Также следует указать, что региональный уровень китайско-российского взаимодействия даже для приграничных сибирских и дальневосточных субъектов РФ, несмотря на патронаж первых лиц обоих государств [12], в целом также далёк от достижения целевых программных показателей [15].

Транснациональные связи РК с арабо-мусульманским миром начинаются во второй половине 1990-х гг. В 1998–2000 г. РК сотрудничала с двумя регионами Ирана – с Гилянской областью и провинцией Мазандаран. В основном планы сотрудничества строились вокруг развития торгово-экономических связей, но выйти на долгосрочное стратегическое взаимодействие не удалось.

В январе 2018 г. в Постоянном представительстве РК в Москве прошла презентация инвестиционного потенциала региона для представителей бизнес-сообщества Ирана [6]. Тем не менее, иранский бизнес в Коми пока широко не представлен.

Арабское направление международной деятельности РК резко активизировалось в 2016–2018 гг. Пожалуй, именно его можно считать доминирующим с точки зрения привлекаемых организационных ресурсов и частотности очных контактов.

В ноябре 2016 г. было анонсировано решение республиканских властей привлечь инвестиции из монархий Персидского залива. Бахрейн, Катар, Оман и Объединённые Арабские Эмираты были названы как приоритетных инвестиционных партнёров. Однако пока арабы ограничиваются заверениями в своей заинтересованности.

"Разворот" РК на Восток в международном плане сопровождается новыми явлениями, которые ранее не были характерны для субнациональной транснациональной активности региона. Обращает на себя внимание сочетание трёх форматов:

♦ побратимские связи городов: Сыктывкар – Тайюань, Усинск – Ду-ньин;

- ◆ "горизонтальные" международные межрегиональные связи (провинция Шаньси, провинция Шаньдун);

- ◆ межгосударственные российско-китайские отношения, в которых РК выступает как часть российской стороны, и за счёт этого стремится реализовать проекты на своей территории

Механизмы продвижения интересов РК также демонстрируют качественный рост.

- ◆ Самостоятельно в координации и при содействии МИД РФ: визиты делегаций Китая и государства Персидского залива (дипломаты, бизнесмены), презентации, идея открыть фронт-офис в Китае для постоянной работы по поиску инвесторов "на месте";

- ◆ активная международная деятельность Представительств РК в Санкт-Петербурге и в Москве, в том числе учреждён Клуб торгово-экономических миссий;

- ◆ лоббирование проектов на федеральном уровне.

Тем не менее, проведённый анализ указывает на серьёзные сложности в международном "повороте" Коми на Восток. Причины трудностей можно свести минимум к двум аспектам:

- ◆ ресурсная слабость: у РК, как и у большинства других субъектов РФ, в силу существующей системы межбюджетных отношений отсутствуют необходимые "свободные" средства на софинансирование крупных проектов;

- ◆ "имиджевый дефект": потенциальные зарубежные партнёры, конечно, осведомлены о криминальной истории, из-за которой под следствием находятся два бывших главы РК, а также десятки республиканских и муниципальных чиновников разного ранга.

Таким образом, изменение мирополитической обстановки и серьёзное охлаждение отношений России с Западом является мощным стимулом для развития международных связей субъектов РФ на восточном направлении. Анализ регионального аспекта "поворота на Восток" на примере Республики Коми указывает на появление новых форматов и форм внешних связей российских регионов, но в силу причин национального уровня быстрый выход на позитивные результаты затруднён. Отвечая на исследовательский вопрос, следует отметить, что в сфере внешних связей субъектов РФ складывается парадоксальная ситуация. Региональная бюрократия РФ, в том числе в европейских субъектах, вынуждена искать на Востоке финансовые ресурсы на реализацию крупных инфраструктурных проектов во многом вследствие диспропорций межбюджетных отношений в пользу Центра. Однако зарубежные партнёры, в том числе из КНР и арабо-мусульманских государств, опасаются инвестировать в крупные проекты субъектов РФ по причине отсутствия у региональных властей достаточного объёма собственных финансовых средств и явного нежелания Центра менять сложившуюся схему. В то же время, несмотря на отсутствие результатов, прекратить переговорный процесс власти РК не в силах, так как это означает имиджевое фиаско. Кроме того, в условиях конфронтации России с Западом, КНР и арабо-мусульманский мир в качестве потенциальных инвесторов выглядят наиболее привлекательными по своим экономическим параметрам. Для того чтобы как можно больше российских регионов успешно реализовывали проекты с зарубежными партнёрами, независимо от их географического положения, необходимо усовершенствовать политические и экономические аспекты федерально-регионального взаимодействия и перезапустить модель российского федерализма.

Литература

1. Александров О.Б. Регионы во внешней политике России. Роль Северо-Запада. М.: МГИМО(У) МИД России, 2005. 187 с.
2. Аукцион по продаже акций "Белкомур" продлён // Информационное агентство Коминформ [Электронный ресурс]. URL: <https://komiinform.ru/news/159200> (дата обращения: 04.08.2018).
3. Барабанов О.Н. Внутригосударственные регионы как акторы в международных отношениях: зарубежные тенденции и положение субъектов РФ // Общество, политика, наука: новые перспективы. М.: МОНФ, 2000. № 114. С. 477–501.

4. "Белкомур" предлагают всем желающим: Коми выставляет 41% в проекте на аукцион // Коммерсант [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3500623> (дата обращения: 04.08.2018).

5. В Пекине презентовали проекты "Белкомура" и глубоководного района порта Архангельск // ИА БНК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/67641/> (дата обращения: 04.06.2018).

6. В Постоянном представительстве Республики Коми прошли переговоры с рядом иранских компаний // Официальный портал РК [Электронный ресурс]. URL: <http://rkomi.ru/news/61967/> (дата обращения: 11.06.2018).

7. В Республику Коми с деловым визитом прибывает делегация провинции Шаньдун Китайской Народной Республики // Официальный портал РК [Электронный ресурс]. URL: <http://rkomi.ru/news/52156/> (дата обращения: 07.06.2018).

8. В Сыктывкар прибыли делегаты от города-побратима из Поднебесной // ИА БНК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/23129/> (дата обращения: 04.06.2018).

9. Власти Республики Коми совместно с китайской госкорпорацией приступают к разработке механизма реализации проекта строительства железнодорожной магистрали "Белкомур" // Официальный портал РК [Электронный ресурс]. URL: <http://rkomi.ru/news/13377/> (дата обращения: 06.06.2018).

10. Внешнеэкономическая деятельность. Инвестиционный климат // Инвестиционный портал Республики Коми [Электронный ресурс]. URL: <http://invest.rkomi.ru> (дата обращения: 01.09.2018).

11. Вэнь Ли. Китайско-российское сотрудничество в области туризма // Россия и АТР. 2011. № 3. С. 151–158.

12. Гулин К.А. Развитие экономического сотрудничества российских регионов с Китаем // Проблемы развития территорий. 2017. Вып. 5. С. 7–22.

13. Два соглашения о сотрудничестве заключили города-побратимы Сыктывкар и Тайюань // ИА Комиинформ [Электронный ресурс]. URL: <https://komiinform.ru/news/52586/> (дата обращения: 01.06.2018).

14. "Заинтересованность Китая в проекте "Белкомур" свидетельствует о его высокой практической значимости" // Официальный портал РК [Электронный ресурс]. URL: <http://rkomi.ru/news/15202/> (дата обращения: 06.06.2018).

15. Зуенко И. Почему Россия и Китай провалили программу приграничного сотрудничества // Московский Центр Карнеги [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegie.ru/commentary/77081> (дата обращения: 22.08.2018).

16. "Инвестиционные проекты промышленной сферы Республики Коми вызвали интерес со стороны бизнес-структур Китая" // Официальный портал РК [Электронный ресурс]. URL: <http://rkomi.ru/news/15465/> (дата обращения: 06.06.2018).

17. Китайские братья убедились, что Сыктывкар имеет в основном женское лицо // ИА БНК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/750/> (дата обращения: 04.06.2018).

18. Китайским инвесторам предложили проекты по строительству двух ЛПК в Коми // ИА БНК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/41489/> (дата обращения: 05.06.2018).

19. Коми продаст 41% акций "Белкомура" на торгах 25 января // ИА БНК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/72483/> (дата обращения: 05.02.2018).

20. Логвинова И.В. Координация международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации. М.: МГИМО-Университет, 2018. 238 с.

21. Макарычев А.С. Российские регионы как международные акторы. Нижний Новгород, 2000. 114 с.

22. Маркушина Н.Ю., Харлампьева Н.К. Северо-Западный федеральный округ: внешние связи. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. 260 с.

23. Международные отношения в XXI веке. Глобальное в региональном, региональное в глобальном/ Под ред. А.С. Макарычева. Нижний Новгород: НГЛУ, 2000. 183 с.

24. Орлов: Poly Technologies примет участие в двух крупных проектах в РФ // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/economy/20151216/1343134059.html> (дата обращения: 04.08.2018).

25. Плотникова О.В. Теория, система и практика международных связей регионов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. 262 с.

26. Плотникова О.В., Дубровина О.Ю. Международные связи регионов государств: характеристика и особенности. М.: Норма, 2016. 192 с.

27. Проничев И.К. Внешнеэкономические связи Республики Коми. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2005. 164 с.

28. Развитие международных контактов и привлечение дополнительных инвестиций – основные задачи Постоянного представительства Республики Коми при Президенте Российской Федерации // Официальный портал РК [Электронный ресурс]. URL: <http://rkomi.ru/news/53691/> (дата обращения: 07.06.2018).

29. Республика Коми и провинция Шаньдун Китайской Народной Республики намерены укрепить двустороннее сотрудничество // Официальный портал РК [Электронный ресурс]. URL: <http://rkomi.ru/news/52207/> (дата обращения: 07.06.2018).
30. Республика Коми получила поддержку со стороны Торгового представительства России в Китайской Народной Республике // Официальный портал РК [Электронный ресурс]. URL: <http://rkomi.ru/news/15219/> (дата обращения: 06.06.2018).
31. Российско-китайская рабочая группа по реализации проекта "Белкомур" пополнится новыми участниками // Официальный портал РК [Электронный ресурс]. URL: <http://rkomi.ru/news/15468/> (дата обращения: 06.06.2018).
32. Россия и Китай договорились о совместной реализации проекта "Белкомур" // Официальный портал РК [Электронный ресурс]. URL: <http://rkomi.ru/news/32504/> (дата обращения: 07.06.2018).
33. Соглашения Республики Коми // МИД РФ [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/vnesneekonomiceskie-svazi-sub-ektov-rossijskoj-federacii/-/asset_publisher/ukggrK2nC18c/content/id/75302 (дата обращения: 01.03.2018).
34. Столицу Коми с очередным визитом посетит делегация Тайюаня – побратима Сыктывкара // Официальный сайт Администрации Сыктывкара [Электронный ресурс]. URL: http://сыктывкар.рф/index.php?option=com_content&view=article&id=19945 (дата обращения: 01.06.2018).
35. Студенты из Китая смогут обучаться в вузах Республики Коми // Официальный портал РК [Электронный ресурс]. URL: <http://rkomi.ru/news/15370/> (дата обращения: 06.06.2018).
36. Сыктывкар посетят инвесторы из Китая // ИА БНК. URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/41437/> (дата обращения: 05.06.2018).
37. Сыктывкар продолжит дружить с Китаем // URL: <https://komionline.ru/news/6586/> (дата обращения: 01.06.2018).
38. Толстых В.Л. Международная деятельность субъектов Российской Федерации. М.: Международные отношения, 2004. 176 с.
39. Усинск и китайский Дуньин желают стать городами-побратимами // ИА БНК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/70683/> (дата обращения: 01.07.2018).
40. Яровой Г.О., Белокурова Е.В. Европейский Союз для регионов: что можно и нужно знать российским регионам о ЕС. СПб.: Норма, 2012. 368 с.
41. Constitutional Politics and the Territorial Question in Canada and the United Kingdom: Federalism and Devolution Compared / Ed. by M. Keating and G. Laforest. London: Palgrave Macmillan, 2018. 202 p.
42. Jackson T. Paradiplomacy and political geography: The geopolitics of substate regional diplomacy // Geography Compass [Электронный ресурс]. – 2018. – URL: <https://DOI.org/10.1111/gec3.12357> (дата обращения: 15.03.2018).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Aleksandrov O.B. Regiony vo vneshnej politike Rossii. Rol' Severo-Zapada. M.: MGIMO(U) MID Rossii, 2005. 187 s.
2. Auktsion po prodazhe aktsij "Belkomura" prodlyon // Informatsionnoe agentstvo Komiinform [Электронный ресурс]. URL: <https://komiinform.ru/news/159200> (дата обращения: 04.08.2018).
3. Barabanov O.N. Vnutrigosudarstvennye regiony kak aktory v mezhdunarodnykh otnosheniyakh: zarubezhnye tendentsii i polozhenie sub"ektov RF // Obshchestvo, politika, nauka: novye perspektivy. M.: MONF, 2000. № 114. S. 477–501.
4. "Belkomur" predlagayut vsem zhelayushhim: Komi vystavlyayet 41% v proekte na auktsion // Kommersant [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3500623> (дата обращения: 04.08.2018).
5. V Pekine prezentovali proekty "Belkomura" i glubokovodnogo rajona porta Arkhangel'sk // ИА БНК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/67641/> (дата обращения: 04.06.2018).
6. V Postoyannom predstavitel'stve Respubliki Komi proshli peregovory s ryadom iranskikh kompanij // Ofitsial'nyj portal RK [Электронный ресурс]. URL: <http://rkomi.ru/news/61967/> (дата обращения: 11.06.2018).
7. V Respubliku Komi s delovym vizitom pribudet delegatsiya provintsii SHan'dun Kitajskoj Narodnoj Respubliki // Ofitsial'nyj portal RK [Электронный ресурс]. URL: <http://rkomi.ru/news/52156/> (дата обращения: 07.06.2018).
8. V Syktyvkar pribyli delegaty ot goroda-pobratima iz Podnebesnoj // ИА БНК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/23129/> (дата обращения: 04.06.2018).
9. Vlasti Respubliki Komi sovместно s kitajskoj goskorporatsiej pristupayut k razrabotke mekhanizma realizatsii proekta stroitel'stva zheleznodorozhnoj magistrali

"Belkomur" // Ofitsial'nyj portal RK [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://rkomi.ru/news/13377/> (data obrashheniya: 06.06.2018).

10. Vneshneehkonomicheskaya deyatel'nost'. Investitsionnyj klimat // Investitsionnyj portal Respubliki Komi [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://invest.rkomi.ru> (data obrashheniya: 01.09.2018).

11. Vehn' Li. Kitajsko-rossijskoe sotrudnichestvo v oblasti turizma // Rossiya i ATR. 2011. № 3. S. 151–158.

12. Gulin K.A. Razvitie ehkonomicheskogo sotrudnichestva rossijskikh regionov s Kitaem // Problemy razvitiya territorij. 2017. Vyp. 5. S. 7–22.

13. Dva soglasheniya o sotrudnichestve zaklyuchili goroda-pobratimy Syktyvkar i Tajyuan' // IA Komiinform [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://komiinform.ru/news/52586/> (data obrashheniya: 01.06.2018).

14. "Zainteresovannost' Kitaya v proekte "Belkomur" svidetel'stvuet o ego vysokoj prakticheskoj znachimosti" // Ofitsial'nyj portal RK [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://rkomi.ru/news/15202/> (data obrashheniya: 06.06.2018).

15. Zuenko I. Pochemu Rossiya i Kitaj provalili programmu prigranichnogo sotrudnichestva // Moskovskij TSentr Karnegi [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://carnegie.ru/commentary/77081> (data obrashheniya: 22.08.2018).

16. "Investitsionnye proekty promyshlennoj sfery Respubliki Komi vyzvali interes so storony biznes-struktur Kitaya" // Ofitsial'nyj portal RK [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://rkomi.ru/news/15465/> (data obrashheniya: 06.06.2018).

17. Kitajskie brat'ya ubedilis', chto Syktyvkar imeet v osnovnom zhenskoe litso // IA BNK [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/750/> (data obrashheniya: 04.06.2018).

18. Kitajskim investoram predlozhili proekty po stroitel'stvu dvukh LPK v Komi // IA BNK [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/41489/> (data obrashheniya: 05.06.2018).

19. Komi prodast 41% aksij "Belkomura" na torgakh 25 yanvarya // IA BNK [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/72483/> (data obrashheniya: 05.02.2018).

20. Logvinova I.V. Koordinatsiya mezhdunarodnykh i vneshneehkonomicheskikh svyazey sub"ektov Rossijskoj Federatsii. M.: MGIMO-Universitet, 2018. 238 s.

21. Makarychev A.S. Rossijskie regiony kak mezhdunarodnye aktory. Nizhnij Novgorod, 2000. 114 s.

22. Markushina N.YU., KHarlamp'eva N.K. Severo-Zapadnyj federal'nyj okrug: vneshnie svyazi. Spb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2008. 260 s.

23. Mezhdunarodnye otnosheniya v XXI veke. Global'noe v regional'nom, regional'noe v global'nom/ Pod red. A.S. Makarycheva. Nizhnij Novgorod: NGLU, 2000. 183 s.

24. Orlov: Poly Technologies primet uchastie v dvukh krupnykh proektakh v RF // RIA Novosti [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://ria.ru/economy/20151216/1343134059.html> (data obrashheniya: 04.08.2018).

25. Plotnikova O.V. Teoriya, sistema i praktika mezhdunarodnykh svyazey regionov. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2004. 262 s.

26. Plotnikova O.V., Dubrovina O.YU. Mezhdunarodnye svyazi regionov gosudarstv: kharakteristika i osobennosti. M.: Norma, 2016. 192 s.

27. Pronichev I.K. Vneshneehkonomicheskie svyazi Respubliki Komi. Syktyvkar: Izd-vo SyktGU, 2005. 164 s.

28. Razvitie mezhdunarodnykh kontaktov i privlechenie dopolnitel'nykh investitsij – osnovnye zadachi Postoyannogo predstavitel'stva Respubliki Komi pri Prezidente Rossijskoj Federatsii // Ofitsial'nyj portal RK [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://rkomi.ru/news/53691/> (data obrashheniya: 07.06.2018).

29. Respublika Komi i provintsiiya SHAN'dun Kitajskoj Narodnoj Respubliki namereny ukrepit' dvustoronnee sotrudnichestvo // Ofitsial'nyj portal RK [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://rkomi.ru/news/52207/> (data obrashheniya: 07.06.2018).

30. Respublika Komi poluchila podderzhku so storony Torgovogo predstavitel'stva Rossii v Kitajskoj Narodnoj Respublike // Ofitsial'nyj portal RK [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://rkomi.ru/news/15219/> (data obrashheniya: 06.06.2018).

31. Rossijsko-kitajskaya rabochaya grupa po realizatsii proekta "Belkomur" popolnitsya novymi uchastnikami // Ofitsial'nyj portal RK [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://rkomi.ru/news/15468/> (data obrashheniya: 06.06.2018).

32. Rossiya i Kitaj dogovorilis' o sovместnoj realizatsii proekta "Belkomur" // Ofitsial'nyj portal RK [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://rkomi.ru/news/32504/> (data obrashheniya: 07.06.2018).

33. Soglasheniya Respubliki Komi // MID RF [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.mid.ru/vnesneekonomicheskie-svazi-sub-ektov-rossijskoj-federacii/-/asset_publisher/ykggrK2nCl8c/content/id/75302 (data obrashheniya: 01.03.2018).

34. Stolitsu Komi s ocherednym vizitom posetit delegatsiya Tajyuanya – pobratima Syktyvkara // Ofitsial'nyj sajt Administratsii g. Syktyvkara [EHlektronnyj resurs].

URL: http://syktyvkar.rf/index.php?option=com_content&view=article&id=19945 (data obrashheniya: 01.06.2018).

35. Studenty iz Kitaya smogut obuchat'sya v vuzakh Respubliki Komi // Ofitsial'nyj portal RK [Elektronnyj resurs]. URL: <http://rkomi.ru/news/15370/> (data obrashheniya: 06.06.2018).

36. Syktyvkar posetyat investory iz Kitaya // IA BNK. URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/41437/> (data obrashheniya: 05.06.2018).

37. Syktyvkar prodolzhit družhit' s Kitaem // URL: <https://komionline.ru/news/6586/> (data obrashheniya: 01.06.2018).

38. Tolstykh V.L. Mezhdunarodnaya deyatelnost' sub'ektov Rossijskoj Federatsii. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2004. 176 s.

39. Usinsk i kitajskij Dun'in zhelayut stat' gorodami-pobratimami // IA BNK [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/70683/> (data obrashheniya: 01.07.2018).

40. Yarovoj G.O., Belokurova E.V. Evropejskij Soyuz dlya regionov: chto možno i nužno znat' rossijskim regionam o ES. SPb.: Norma, 2012. 368 s.

41. Constitutional Politics and the Territorial Question in Canada and the United Kingdom: Federalism and Devolution Compared / Ed. by M. Keating and G. Laforest. London: Palgrave Macmillan, 2018. 202 p.

42. Jackson T. Paradiplomacy and political geography: The geopolitics of substate regional diplomacy // Geography Compass [Elektronnyj resurs]. – 2018. – URL: <https://doi.org/10.1111/gec3.12357> (data obrashheniya: 15.03.2018).

Артеев С.П. "Поворот на Восток" и транснациональные связи российских регионов (на примере Республики Коми)

В условиях продолжающейся конфронтации России с Западом, особую актуальность приобретает расширение взаимодействия с государствами Востока за счёт международных связей субъектов РФ. В статье анализируются транснациональные связи Республики Коми с Китаем, Ираном и арабскими государствами. Обозначаются новые явления в эволюции транснациональных связей региона и имеющиеся проблемы.

Ключевые слова: Республика Коми, Китай, Иран, Бахрейн, международные связи регионов государств

Arteev S.P. "Turn to the East" and transnational activity of Russia's regions (on the example of the Republic of Komi)

The relevance of the article is due to the need to expand Russia's interaction with the East through the active participation of Russian regions in conditions of Russian-Western confrontation. The article analyzes the transnational relations of the Komi Republic with China, Iran and the arab states. There are identified new phenomena in the evolution of transnational relations of the region and existing problems.

Key words: Republic of Komi, China, Iran, Bahrain, international relations of state's regions

Для цитирования: Артеев С.П. "Поворот на Восток" и транснациональные связи российских регионов (на примере Республики Коми) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 1. С. 26–34. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/26-34

For citation: Arteev S.P. "Turn to the East" and transnational activity of Russia's regions (on the example of the Republic of Komi) // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 1. P. 26–34. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/26-34

УДК 327

Киреев А.А.

Российский Дальний Восток в трансграничных отношениях с АТР: обзор динамики 1990–2017 гг.

Если исследователи первых десятилетий постсоветской истории российского Дальнего Востока (РДВ) зададутся когда-либо целью отыскать для этой эпохи краткое и ёмкое наименование, то весьма вероятно, что в фокусе их коллективного сознания окажется выражение "интеграция в АТР". При всей неоднозначности и внутренней сложности этого словосочетания, оно обладает несомненным и необходимым для исторического девиза достоинством – высокой частотой и длительностью употребления во множестве современных эпохе текстов, от массмедийной продукции и научных трудов до политических и правовых документов национального и международного уровня. То, что, войдя в широкий обиход ещё на рубеже 1980–1990-х гг., "интеграционный дискурс" продолжает настойчиво воспроизводиться до сих пор, само по себе побуждает видеть в нём отражение некоего масштабного и долгосрочного процесса, магистрального вектора развития дальневосточного региона, с которым он за это время стал прочно ассоциироваться.

Какие же именно изменения в состоянии РДВ, произошедшие с начала 1990-х гг., следует рассматривать в качестве эмпирического референта его "интеграции в АТР"? Очевидно, что ответ на этот вопрос будет зависеть от принятого определения понятия "интеграция". Под ней автором понимается процесс взаимодействия, ведущий к повышению относительного уровня взаимной связанности (функциональной зависимости) двух и более социальных систем (поселений, внутренних регионов, систем национального или наднационального типа) вплоть до их слияния в единую систему¹. Из всего спектра трансграничных связей дальневосточного региона России и АТР² в данной статье будут охарактеризованы три типа отношений – торговые, инвестиционные и миграционные. Внимание к этим типам отношений, конечно, далеко не исчерпывающим объёма понятия "интеграция", обусловлено фундаментальной ролью, которую они обычно играют в такого рода процессах³. Немаловажно и то, что торговые, инвестиционные и миграционные отношения РДВ и АТР более плотно описаны в доступных статистических источниках, что, несмотря на многочисленные изъяны официальной статистики, тем не менее, позволяет перевести изучение интеграции в более конкретную, количественную и сравнительную, плоскость.

¹ Рабочее определение социальной (и в т.ч. международной) интеграции базируется на принципах системного подхода, прежде всего, в его функционалистской и неофункционалистской интерпретации. Признавая абстрактность предложенного определения, автор всё же считает его более содержательным в сравнении с широко распространённой трактовкой интеграции как сотрудничества высокого уровня интенсивности (см., например: [12, с. 16–21]), и более корректным, чем её понимание как унификации социальных общностей (например: [23, с. 3]).

² В состав АТР в этой статье включаются страны, входящие в настоящее время в АТЭС. В то же время, как будет отмечено далее, экономико-географические и институциональные границы АТР совпадают не вполне.

³ Вынесение за скобки данного исследования политико-институционального уровня интеграции РДВ и АТР не является, конечно, отрицанием его значимости. Вместе с тем, по мнению автора, даже в том случае, когда трансграничная интеграция инициируется политическими институтами, свидетельством её подлинности (не фиктивности) может быть только устойчивое и массовое втягивание в интеграционные процессы социально-экономических отношений систем.

На основе диахронного сравнения статистической информации об объёме, географической структуре и составе торговых, инвестиционных и миграционных отношений РДВ и стран АТР, в работе будет дана оценка изменений, произошедших в этих отношениях в постсоветский период. Прояснение основных тенденций и особенностей трансграничного взаимодействия двух регионов за более чем четверть века даст возможность сделать предположения о некоторых факторах, которые могли бы объяснить эту динамику.

Хотя на внутриполитическом уровне "интеграционистские" намерения в отношении АТР были заявлены советским руководством ещё в 1986–1987 гг. [1, с. 155], а первые межправительственные соглашения, прокладывающие дорогу в этом направлении, были заключены (с КНР) летом 1988 г., существенное и комплексное влияние на социально-экономическое взаимодействие РДВ с внешним миром политические перемены начали оказывать не ранее 1991 г. Ввиду этого оптимальной исходной базой для дальнейших сравнений могло бы послужить состояние такого взаимодействия на 1990 г. Однако из-за неполноты или методологической нестандартизированности необходимой статистики за 1990 г. применительно к ряду параметров трансграничных отношений РДВ автор будет обращаться к более поздним данным.

В 1990 г. общий объём экспорта РДВ составлял 7916,2 млн долл.⁴, тогда как общий объём импорта – 20852,8 млн долл. [5 (Прил.), с. 70–76]. При этом около 85% внешнего товарооборота РДВ за этот год (24453 млн долл.) приходилось на страны АТР.

Учёт прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в это время производился с помощью показателя количества зарегистрированных предприятий с иностранными инвестициями. В 1990 г. на РДВ насчитывалось 57 таких предприятий [4, с. 83]. Исходя из этого, по оценке автора, в 1990 г. объём ПИИ на РДВ вряд ли существенно превышал 28,6 млн долл.⁵ После изменения методики учёта, в 1995 г. на Дальнем Востоке было зафиксировано поступление ПИИ объёмом 730,7 млн долл.⁶ И по числу предприятий, и по величине вложенного капитала среди инвесторов абсолютно доминировали страны АТР. Так, в 1995 г. на четыре страны АТР (КНР, США, Япония, РК) приходилось 73,1% ПИИ, поступивших на РДВ [19, с. 240].

Наиболее сложно оценить объём трансграничных миграционных отношений РДВ на 1990 г. Основной миграционный обмен между РДВ и АТР в это время шёл через советско-китайскую границу. По данным Благовещенской таможни, в 1990 г. через неё было произведено 37 тыс. поездок (въездов) иностранцев и более 33,5 тыс. поездок (выездов) советских граждан [18, с. 184]. Если допустить наличие незначительного обмена через другие пункты пропуска на границе с КНР, а также учесть въезд северокаорейских рабочих и туристические поездки между РДВ и Японией, то совокупный трансграничный миграционный оборот Дальнего Востока в 1990 г. должен был составлять не менее 80–90 тыс. поездок.

Спустя 28 лет, в 2017 г. объём экспорта РДВ определялся в 51224 млн долл., а объём импорта – в 14484,7 млн долл. При этом доля стран АТР в дальневосточной внешней торговле снизилась до 78,3% (51450 млн долл.)⁷.

Объём ПИИ, поступивших на РДВ в 2017 г., составил, по расчётам автора, 18787,4 млн долл.⁸ Согласно информации Центрального банка РФ, доля

⁴ Стоимостные объёмы торговли и инвестиций в этой работе для сопоставимости пересчитаны в международные доллары 2011 г. по паритету покупательной способности (на основе данных Всемирного банка [31]).

⁵ Принимая во внимание, что к 1995 г. на Дальнем Востоке было зарегистрировано около 2500 подобных предприятий, а общий объём заявленных ПИИ за 1988–1995 гг. превысил 500 млн долл. [18, с. 59], можно предположить, что в 1990 г. объём ПИИ, поступивших на РДВ, не превышал 10 млн долл. (в текущих ценах) или 28,6 млн долл. (в международных долл. 2011 г. по ППС).

⁶ Рассчитано на основе: [17].

⁷ Рассчитано на основе: [27].

⁸ По данным Центрального банка РФ – 8157 млн долл. [16]. Помимо пересчёта в долл. 2011 г. по ППС, расчётное значение включает повышающий коэффициент, необходимый для

ПИИ из АТР на Дальнем Востоке в 2017 г. резко упала: источником 98% объёма инвестиций стали офшорные территории [15, с. 121–123]. Однако часть капитала, проводимого через офшорные компании, по-прежнему исходит от инвесторов из стран АТР. С этой точки зрения, величина доли в ПИИ четырёх стран (КНР, США, Япония и РК) на 2013 г., составлявшая 41,8%, отражает нынешнюю роль АТР в этой сфере трансграничных отношений РДВ более адекватно [19, с. 240–241].

Наибольшую сложность, как и для начальной вехи изучаемого периода, представляет оценка объёма миграционного взаимодействия РДВ и АТР в 2017 г. В официальных публикациях данные о поездках через государственную границу в пределах РДВ не приводятся. Наиболее надёжной основой для оценки их количества являются данные о въезде в РФ граждан ближайших к РДВ стран АТР и выезде в эти страны граждан РФ. В 2017 г. из трёх стран АТР (КНР, РК, Япония) в Россию в совокупности было совершено 2190,6 тыс. поездок. В том же году из России в эти страны было произведено 2627,4 тыс. поездок [7]. Исходя из отдельных данных за предшествующее десятилетие, можно предположить, что примерно половина поездок из названных стран АТР в Россию и из России в эти страны осуществлялась через государственную границу в пределах ДФО. Таким образом, с учётом остальных стран АТР, трансграничный миграционный оборот РДВ в 2017 г. должен был составлять не менее 2400–2500 поездок.

Сопоставление абсолютных показателей трансграничного взаимодействия РДВ и АТР за 1990–2017 гг. позволяет в целом определить его динамику как активный рост. За этот период товарооборот между РДВ и АТР в реальном выражении увеличился более чем в 2,1 раза, что было обеспечено быстрым ростом (в 5,9 раза) экспорта, при снижении объёмов импорта. Резко возрос приток на РДВ прямых азиатско-тихоокеанских инвестиций: за 1990–2017 гг. объём их годового поступления увеличился, по меньшей мере, в 375 раз. Примерно в 30 раз более мощным за изучаемый период стало миграционное взаимодействие между РДВ и его соседями по АТР.

Вместе с тем, как следует из статистических данных, в последние годы наметилась тенденция к некоторому снижению (на 6% с 2014 по 2017 гг. [27]) доли АТР (а также США) во внешней торговле РДВ. Значительно сократилась по сравнению с 1990-ми гг. доля стран АТР в поступающих на Дальний Восток ПИИ. Что же касается миграционных отношений, то, хотя преобладание в них АТР остаётся неизменно подавляющим, со второй половины 2000-х гг. РДВ постепенно утрачивает положение абсолютного доминирующего участника этих отношений среди макрорегионов России.

Картина развития трансграничных отношений РДВ и АТР становится ещё более неоднозначной, если дополнить её рядом других относительных показателей. Так, для оценки степени международной открытости региональной экономики обычно используется показатель внешнеторговой квоты (отношения объёма внешней торговли к ВРП). Подставив в него вместо всего объёма внешней торговли ту её часть, которая связывала РДВ с АТР, можно получить, по сути, показатель меры торговой интеграции первого региона во второй. В 1990 г. внешнеторговая квота РДВ в отношениях с АТР составляла 18,5% (в т.ч. экспортная квота – 5,1%)⁹. В 2005 г. она достигла 42,6%. Однако затем величина объёма азиатско-тихоокеанской торговли РДВ относительно его ВРП в основном снижалась и в 2017 г. составляла уже 32,9% (в т.ч. экспортная квота – 25,3%)¹⁰.

Если взглянуть на внешнюю торговлю РДВ с АТР с точки зрения валового продукта его контрагента (сумма ВВП членов АТЭС, кроме России), то, безусловно, её относительная величина будет ничтожна. Тем не менее, её динамика также примечательна. В 1990 г. азиатско-тихоокеанская торговля РДВ составляла 0,119% от ВВП АТР. В 2005 г. её объём возрос до 0,121% ВВП

обеспечения сопоставимости данных о поступлении ПИИ за периоды до и после 2011 г., когда официальная методика расчёта этого показателя была изменена.

⁹ Рассчитано на основе: [13, с. 73; 5 (Прил.), с. 70–76].

¹⁰ Рассчитано на основе данных Росстата [26] и ДВТУ [27].

АТР, но в 2017 г. снизился до 0,085%¹¹. Таким образом, относительно динамики азиатско-тихоокеанской экономики рост внешней торговли РДВ, не удержав опережающих темпов, в конечном итоге, оказался отстающим.

Ещё одной важной характеристикой дальневосточной торговли с АТР является то место, которое она занимает в общем товарообороте России с этим международным регионом. В 1992 г., когда на АТР приходилось 20% внешней торговли России, 20% от этого объёма принадлежало РДВ [5, с. 100]. В 2017 г., когда на азиатско-тихоокеанском направлении было сосредоточено уже 30% российской торговли, дальневосточная доля в ней опустилась до 12,7%¹².

Как можно видеть из приведённых цифр, на фоне бурного экономического развития АТР и усиливающегося с конца 2000-х гг. вовлечения в него России в целом, торговые успехи РДВ в рассматриваемый период следует считать скорее относительными неудачами. Более надёжны в этом смысле достижения дальневосточного региона в трансграничных миграционных и, особенно, инвестиционных отношениях. Однако и в этих сферах конечный, развивающий эффект трансграничного взаимодействия для экономики РДВ не столь уж велик. Так, в 2017 г. все ПИИ достигали лишь 39% от общего объёма инвестиций в основной капитал, поступивших на РДВ. Учитывая масштаб потребностей Дальнего Востока в капитале, ни эту долю, ни абсолютный объём ПИИ (как наиболее важного в сложившихся условиях инвестиционного резерва) нельзя признать достаточными¹³.

Не столь заметные изменения произошли за 1990–2017 гг. в географической структуре трансграничных отношений РДВ. Наиболее устойчивой её особенностью, как известно, является доминирование среди партнёров РДВ в АТР "большой тройки" США (КНР, Япония, РК). За исключением спада второй половины 1990-х гг., доля США-3 во внешней торговле РДВ колебалась в диапазоне от 65 до 80%. При этом, если в 1990-е гг. ведущее место в тройке, чаще всего, принадлежало Японии, то к настоящему времени выраженного лидерства в её составе какой-либо из стран не наблюдается. Вместе с тем, следует отметить, что для Японии и РК характерно преобладание в дальневосточном экспорте, тогда как ведущим источником импорта для РДВ (до 40% общего импорта и более) долгие годы выступает Китай.

Во второй половине 1990-х гг. в тройку главных торговых партнёров РДВ в АТР входили США¹⁴. Однако с рубежа 2000-х гг., под влиянием политических факторов, американское участие во внешнем товарообороте РДВ неуклонно уменьшалось и в последние годы колеблется в районе 2-3%. Внимания заслуживает некоторое расширение с 2000-х гг. торговых связей РДВ с Индией¹⁵ и странами АСЕАН, но эти процессы идут очень медленно и нестабильно.

В инвестиционных отношениях РДВ в первой половине 1990-х гг. доминировали США и Япония, которым принадлежало в совокупности около 50% всех ПИИ в регион [18, с. 59]. Впоследствии лидерство в этой области перешло к странам Европы, а затем офшорным территориям. Тем не менее, по мнению дальневосточных экономистов, важными донорами капитала, приходящего на РДВ через офшоры, по-прежнему являются США и Япония [19, с. 240–241; 24, с. 144–145].

В сфере миграционного обмена главным визави РДВ стабильно является Китай. С начала 1990-х гг. и до настоящего времени не менее двух третей

¹¹ Рассчитано на основе: [30].

¹² Рассчитано на основе: [30].

¹³ Минимальный объём инвестиций, необходимый для обеспечения среднероссийских темпов развития РДВ, оценивается на период 2013–2025 гг. в 10 трлн руб. (в ценах 2013 г.) [10, с. 78–81], т.е. около 500 млрд долл. по ППС.

¹⁴ В 1997 г. их доля поднималась до 16% внешней торговли РДВ [9, с. 61].

¹⁵ Индия – это наиболее значимый пример страны, которая, не являясь членом АТЭС, экономически всё сильнее тяготеет к АТР.

трансграничного миграционного движения между РДВ и АТР осуществлялось на российско-китайском направлении.

Большей подвижностью в изучаемый период отличалась внутренняя географическая структура трансграничных отношений РДВ. На начало периода (1990 г.) ведущими участниками торговли с АТР среди регионов РДВ были Приморский и Хабаровский края и Якутия. Однако уже к концу 1990-х гг. вместо Якутии в тройке крупнейших участников внешней торговли закрепились Сахалинская область [5, с. 102; 5 (Прил.), с. 70–76; 9, с. 70]. В 2000-е гг. эту тройку покинул Хабаровский край, и с этого времени и до сих пор её состав (в порядке убывания доли в дальневосточной торговле) выглядит следующим образом: Сахалинская область, Приморский край и Якутия [19, с. 238]. К настоящему времени эти регионы формируют свыше 80% внешней торговли РДВ.

С ролью регионов во внешней торговле довольно тесно коррелирует их место в инвестиционном взаимодействии с АТР. В первой половине 1990-х гг. основной поток иностранного капитала привлекали Приморский и Хабаровский края, а также Сахалинская область. В дальнейшем развитии международных нефтегазовых проектов на сахалинском шельфе позволило Сахалинской области резко вырваться вперёд. С середины 2000-х гг. этот регион является абсолютным лидером по привлечению ПИИ (его доля колеблется в пределах от 50 до 80% поступающих на РДВ ПИИ), в т.ч. и в части инвестиций, идущих из стран АТР. С большим отрывом за Сахалином следуют Приморье, Якутия и Амурская область [3, с. 222–225; 4, с. 82–83; 15, с. 119–121].

Что касается миграционных отношений, то в 1990 г., когда основным пунктом пропуска на дальневосточной границе являлась Благовещенская таможня, ведущим их участником была Амурская область. Однако уже в 1993 г. её опередил Приморский край, сохраняющий свою роль узлового отправителя и получателя мигрантов в отношениях с АТР до сих пор. Наряду с Приморьем, в тройке лидеров входящей и исходящей трансграничной миграции на РДВ устойчиво присутствуют Амурская область и Хабаровский край [11, с. 78, 102; 22, с. 207–213].

Особую значимость для понимания специфики конкретного интеграционного процесса имеет выявление состава потоков, образующих его материальную основу. На протяжении изучаемого периода товарный состав экспорта и импорта РДВ менялся очень медленно. Так, в начале периода дальневосточный экспорт на 90% состоял из сырьевых товаров (в т.ч. на 17,2% из "топлива, минерального сырья и металлов") и включал лишь 1,9 % товаров категории "машины, оборудование и транспортные средства". При этом импорт Дальнего Востока состоял на 39,5 % из машиностроительной продукции и ещё на 43% из продовольственных и промышленных товаров народного потребления¹⁶. В 2017 г. сырьевая составляющая экспорта насчитывала 71% (в т.ч. 56% "топлива, минерального сырья и металлов"), а доля машиностроительной продукции увеличилась до 8,4%. В импорте РДВ доля "машин, оборудования и транспортных средств" возросла до 52,9%, а товаров народного потребления – снизилась до 19,8%¹⁷ [15, с. 123–124; 21]. Следует указать, что тенденция к некоторому снижению сырьевой компоненты экспорта и росту в нём доли товаров высокого передела наметилась только после 2014 г., и, по-видимому, связана с институциональными преобразованиями в ДФО.

Среди различных критериев анализа состава поступающего на РДВ потока ПИИ¹⁸ для настоящего исследования наибольший интерес представляет его отраслевая дифференциация. Вплоть до середины 1990-х гг. подавляющая часть приходившего в регион из-за рубежа капитала концентрировалась в сфере внешней и внутренней торговли, страхования и, в меньшей степени, добычи и переработки рыбы и морепродуктов [18, с. 60–61]. С начала же 2000-х гг. внимание инвесторов сместилось от сферы услуг к производству, и,

¹⁶ Данные по экспорту – на 1991 г., по импорту – на 1990 г. [5, с. 101; 25, с. 244].

¹⁷ Свыше 90% экспортируемого сырья стабильно идёт в СВА-3. Из этих же стран и США поступает машиностроительная продукция, а в импорте потребительских товаров лидирует Китай [27].

¹⁸ Поток инвестиций с РДВ в страны АТР крайне незначителен.

прежде всего, к топливно-энергетическому и лесопромышленному комплексам [24, с. 144–145]. В 2017 г. доля вложений в "добычу полезных ископаемых" (в основном, топливных) в общем объеме ПИИ составила 89,5 % [15, с. 121–122].

Основными компонентами связывавших РДВ и АТР в 1990–2017 гг. человеческих потоков были три категории мигрантов – трудовые, коммерческие (торгово-предпринимательские, в т.ч. "челноки") и туристические. Четкое разграничение этих категорий представляет весьма сложную проблему, которая во многом обусловлена длительным и масштабным бытованием на РДВ такого явления как "псевдотуризм", когда лица, въезжавшие в регион или выезжавшие из него формально с целью туризма, фактически занимались в стране пребывания трудовой деятельностью или бизнесом.

Если принять, что в 1990 г. численность иностранных трудовых мигрантов на РДВ была близка к 26,3 тыс. чел.¹⁹, то, вероятно, это был последний год, когда численность въехавших в регион трудовых мигрантов превышала численность туристов. Вместе с тем, в исходящей миграции уже в 1990 г. туристический компонент явно преобладал. При этом следует учитывать, что часть туристов с обеих сторон, в действительности, занималась наёмным трудом или торговала.

В дальнейшем прирост миграционного движения между РДВ и АТР происходил главным образом за счёт туристических поездок. Особенно весомой (до 90% и более) доля туризма была в российской миграции [8; 14]. Однако со второй половины 2000-х гг., в условиях вытеснения трудовых мигрантов из Восточной Азии выходцами из стран СНГ и подавления нелегальной занятости и бизнеса, состав входящей миграции по целям въезда начинает сближаться с составом исходящей. Судя по общероссийской статистике, поток мигрантов, въезжающих на РДВ, сегодня является даже более туристическим по своему составу, чем поток выезжающих в страны АТР: так, в 2017 г. средняя доля туристов среди россиян, выезжающих в КНР, РК и Японию, составляла 81%, тогда как среди выезжающих в Россию из этих стран – 88,2%²⁰. Несмотря на сохраняющийся спрос на иностранную рабочую силу²¹, с 2008 г. численность трудовых мигрантов из АТР на РДВ продолжает сокращаться.

Подводя итог, можно отметить, что сравнение значений абсолютных и в определённой мере относительных количественных параметров торговых, инвестиционных и миграционных отношений РДВ и АТР по их состоянию на начало и конец периода 1990–2017 гг. действительно указывает на присутствие в них ряда интеграционных тенденций. Вместе с тем, представленный обзор, при всей краткости, позволяет зафиксировать несколько присущих интеграционному взаимодействию РДВ и АТР устойчивых особенностей. Тезисно они могут быть сформулированы следующим образом:

1) АТР был, остаётся и в обозримом будущем будет оставаться для РДВ ведущим центром социально-экономической интеграции. Несмотря на усиление интеграционных связей внутри России и на пространстве ЕАЭС, без комплексной барьеризации границ они не способны перевесить гравитационную силу ближайшего международного окружения РДВ;

2) Главной материальной основой, несущим каркасом интеграционных процессов между РДВ и АТР до настоящего времени является торговля (прежде всего, экспортная), что характерно для ранней, доинституциональной, стадии интеграции. Инвестиционное взаимодействие сторон, при опережающих темпах роста, имеет в целом вторичный, обслуживающий по отношению к торговле характер. Миграционные связи РДВ и стран АТР в 2000-е гг. были в основном отделены от экономического сотрудничества и сегодня имеют скорее социальное (рекреационно-потребительское) значение;

3) Социально-экономическая реинтеграция РДВ в Россию проявляется в изменении его трансграничной роли. Из главного представителя России в АТР с начала 2000-х гг. он превращается в транзитную зону, в инструмент

¹⁹ Данные за 1989 г. [6, с. 105].

²⁰ Рассчитано на основе: [20].

²¹ К 2020 г. он может достигнуть 380 тыс. работников [11, с. 131].

обеспечения международного сотрудничества более западных и более развитых российских территорий;

4) Интеграция РДВ в АТР характеризуется резким неравенством сторон. При критической важности торговли с АТР для дальневосточной экономики как для АТР в целом, так и для основных стран-партнёров РДВ в этом регионе, её объём остаётся пренебрежимой величиной²²;

5) Социально-экономическое взаимодействие РДВ с АТР устойчиво сконцентрировано в пределах "большой тройки" СВА (КНР, Япония, РК), положению членов которой в нём не угрожают всерьёз даже такие экономические гиганты, как США, Индия и АСЕАН. Неподвижность географической структуры трансграничных отношений РДВ во многом определяет и косность их содержания, их ресурсного состава;

6) Интеграция РДВ с АТР имеет узкую внутреннюю географию. Традиционно доминирующую роль в ней играли южные приграничные регионы (Приморский и Хабаровский края, Амурская область), однако с 2000-х гг. (по крайней мере, в торгово-инвестиционной сфере) их активно теснят "сырьевые кладовые" РДВ – Сахалинская область и Республика Якутия;

7) С точки зрения своего состава, торговля РДВ и АТР представляет собой обмен сырьевых ресурсов (в особенности, углеводородов) на машиностроительную продукцию и товары народного потребления. Наиболее явной позитивной тенденцией 1990–2017 гг. является постепенное сокращение в торговле доли импорта, а в нём – потребительских товаров;

8) Инвестиции стран АТР (в особенности, СВА) неуклонно сосредотачиваются в тех отраслях РДВ, которые наиболее интересны для них в качестве источников импорта (добыча нефти, газа, угля, руд и лесозаготовка);

9) Политика сдерживания трудовой и коммерческой миграции из АТР заметно снизила их вес в трансграничных миграционных отношениях РДВ. При этом в их туристической составляющей до сих пор преобладает выездное направление, развитие которого работает главным образом на экономики соседей РДВ.

Таким образом, признавая небесспорность проводимого в исследованиях последних лет утверждения о том, что интеграция РДВ в АТР "уже свершилась" [19, с. 236], его использование, тем не менее, следует сопровождать существенными оговорками. Специфическая форма трансграничной интеграции, сложившаяся в социально-экономических отношениях РДВ и АТР за почти три десятилетия, характеризуется такими отличительными чертами как высокая неравномерность и асимметричность. В данном случае, под неравномерностью понимается резкое неравенство, неполнота и фрагментарность участия в интеграционных процессах внутренних территориальных, отраслевых и социальных сегментов двух региональных систем, а под асимметричностью – неравенство меры взаимной зависимости этих систем. Если для АТР эти неравномерность и асимметричность выгодны или малозначимы, то для слабейшей стороны взаимодействия, – РДВ, – они стали весомыми факторами деформации и демодернизации внутренней экономической и социально-демографической структуры.

Длительные отношения РДВ и АТР наглядно свидетельствуют, что трансграничная интеграция РДВ и его опережающее развитие – это два разных процесса, и связь между ними не является ни прямой (однонаправленной), ни однозначной. В 1990-е и в начале 2000-х гг. трансграничное взаимодействие с АТР сыграло важную компенсирующую роль, по сути, позволив РДВ выжить и восстановиться в условиях его фактического "выпадения" из социально-экономического пространства России. Однако с середины 2000-х гг. способ международной интеграции РДВ, состоявший в переключении его периферийных функций с Европейской России на новый центр – северо-восточноазиатское субядро АТР, всё в большей степени становится тормозом развития региона, препятствием на пути его структурно-технологической модернизации. При этом трансграничная периферийность РДВ, уже в силу политической иносистемности центра, значительно более ригидна и деструктивна, чем интраграничная.

²² Оценка роли России и РДВ в трансграничных отношениях в АТР как маргинальной типична для зарубежных исследований. См. например: [28; 29].

Нынешняя неравномерная и асимметричная, косная и консервирующая модель интеграции РДВ в целом, безусловно, отражает объективные внутренние структуры и соотношение социально-экономических потенциалов стран АТР (в первую очередь, КНР, Японии, РК и США), а также их интересы в борьбе за ресурсы и рынки сбыта. Однако историческая закономерность и рыночная обоснованность сегодняшнего способа участия РДВ в АТР не могут быть аргументами в пользу отказа от управления им. Немалая часть ответственности за то, что интеграция не оправдала связывавшихся с ней ожиданий, лежит на государственной политике на РДВ и, в частности, политике пограничной. На протяжении большей части рассматриваемого периода²³ в своей дальневосточной пограничной политике федеральный центр руководствовался, прежде всего, фискальными потребностями и соображениями "национальной безопасности", в остальном предоставляя трансграничные отношения РДВ рыночной стихии. Лишь три – четыре года назад (с 2014–2015 гг.) управление трансграничными отношениями региона стало более или менее систематически увязываться со стратегическими целями его социально-экономического развития²⁴. Судя по всему, не меньший временной интервал понадобится для того, чтобы результаты этой новой политики достаточно определённо проявились в основных показателях, описывающих торговое, инвестиционное и миграционное взаимодействие РДВ с АТР.

Литература

1. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX вв./ В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, К.И. Зубков, И.В. Побережников. М.: Наука, 2004. 600 с.
2. Государственная программа РФ "Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона" (утв. постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 308) // Правительство России. [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/media/files/RoWSNHM7NUM.pdf> (дата обращения: 11.03.2018).
3. Дальний Восток России: экономический потенциал / РАН. Дальневост. отд. ин-т экон. исслед. Владивосток: Дальнаука, 1999. 594 с.
4. Дальний Восток России: экономическое обозрение / Под ред. П.А. Минакира. Хабаровск: РИОТИП, 1995. 477 с.
5. Дальний Восток России: экономическое обозрение / Под ред. П.А. Минакира. М.: Прогресс-Комплекс ЭКОПРОС, 1993. 156 с. + Прил. (124 с.: ил.)
6. Дудченко Г.Б. Китайская, вьетнамская и северокорейская миграция на юге Дальнего Востока России в 80–90-е годы XX века. Дисс... канд. ист. наук. Владивосток, 2004. 262 с.
7. Единая межведомственная информационно-статистическая система. Государственная статистика. [Электронный ресурс]. URL: <https://fedstat.ru/> (дата обращения: 10.12.2018).
8. Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкраторова Л.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. 418 с.
9. Ишаев В.И. Международное экономическое сотрудничество: региональный аспект. Владивосток: Дальнаука, 1999. 129 с.
10. Ишаев В.И., Ивантер В.В., Кувалин Д.Б. Экономика Дальнего Востока и Байкальского региона: государственный подход. М.: МАКС Пресс, 2015. 264 с.
11. Красова Е.В. Иностранная рабочая сила в мировой и региональной экономике: современные аспекты государственного регулирования. Владивосток: ВГУЭС, 2012. 212 с.
12. Лукин А.Л. Интеграционные процессы и институты в Азиатско-Тихоокеанском регионе: политика, экономика, безопасность. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2009. 248 с.
13. Минакир П.А. Дальний Восток и другие регионы в модифицирующейся экономике России // Экономическая наука современной России. 2004. № 1. С. 67–79.
14. Понкраторова Л.А. Этапы развития трансграничной миграции в российско-китайской контактной зоне // Демографическое развитие российского Дальнего

²³ Уже во второй половине 1990-х гг. регионы РДВ фактически перестали быть значимыми субъектами регулирования трансграничных отношений.

²⁴ Выражением этого стало принятие ныне действующей госпрограммы развития РДВ [2] и серии законов о дальневосточных "институтах развития" (ТОРы, СПВ, РИПы, агентства по привлечению инвестиций и развитию человеческого капитала и др.)

Востока. Том 2. № 1 / Под ред. Рязанцева С.В., Храмовой М.Н. М.: Изд-во "Экон-Информ", 2016. С. 92–106.

15. Прокапало О.М., Исаев А.Г., Мазитова М.Г., Суслов Д.В. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2017 г. // *Пространственная экономика*. 2018. № 2. С. 92–133.

16. Прямые инвестиции в РФ // Центральный банк РФ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cbr.ru/statistics/?PrtlId=svs> (дата обращения: 12.09.2018).

17. Регионы России. В 2-х т. Т.2 / Госкомстат России. М., 1997.

18. Российский Дальний Восток и Северо-Восточная Азия. Проблемы регионального сотрудничества. М.: Эдиториал УРСС, 1998. 248 с.

19. Российский Дальний Восток на пути в будущее / Под ред. П.А. Минакира. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2017. 395 с.

20. Российский статистический ежегодник. 2018 / Росстат. М., 2018.

21. Российский экспортный центр. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.exportcenter.ru/services/analitika-i-issledovaniya/> (дата обращения: 24.12.2018).

22. Рыжова Н.П. Экономическая интеграция приграничных регионов. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2013. 352 с.

23. Стрежнева М.В. Теории европейской интеграции // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2009. № 1. С. 28–45.

24. Тихоокеанская Россия – 2030: сценарное прогнозирование регионального развития / Под ред. П.А. Минакира. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. 560 с.

25. Тихоокеанская Россия: страницы прошлого, настоящего, будущего / отв. ред. П.Я. Бакланов. Владивосток: Дальнаука, 2012. 406 с.

26. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 5.01.2019).

27. Федеральная таможенная служба. Дальневосточное таможенное управление. [Электронный ресурс]. URL: <http://dvtu.customs.ru/> (дата обращения: 14.12.2018).

28. Akaha T. and Vassilieva A. Introduction: Russia and East Asia // *Russia and East Asia. Informal and gradual integration*. Ed. by T. Akaha and A. Vassilieva. New York: Taylor & Francis, 2014. P. 1–16.

29. Rowe E.W. and Blakkisrud H. Afterword: 6400 Kilometres Away–But Not a Policy World Apart // *Russia's Turn to the East: Domestic Policymaking and Regional Cooperation*. Ed. by H. Blakkisrud and E.W. Rowe. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2018. P. 159–164.

30. StatsAPEC. [Электронный ресурс]. URL: <http://statistics.apec.org/> (дата обращения: 24.12.2018).

31. World Development Indicators (October 2018) // The World Bank: Data. URL: <http://data.worldbank.org/products/wdi> (дата обращения: 4.11.2018).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Aziatskaya Rossiya v geopoliticheskoy i tsivilizatsionnoj dinamike. XVI–XX vv./ V.V. Alekseev, E.V. Alekseeva, K.I. Zubkov, I.V. Poberezhnikov. М.: Nauka, 2004. 600 с.

2. Gosudarstvennaya programma RF "Sotsial'no-ehkonomicheskoe razvitie Dal'nego Vostoka i Bajkal'skogo regiona" (utv. postanovleniem Pravitel'stva RF ot 15 aprelya 2014 g. № 308) // *Pravitel'stvo Rossii*. [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/media/files/RoWSHHM7NUM.pdf> (дата обращения: 11.03.2018).

3. Dal'nij Vostok Rossii: ehkonomicheskij potentsial / RAN. Dal'nevost. otd-nie. In-t ehkon. issled. Vladivostok: Dal'nauka, 1999. 594 с.

4. Dal'nij Vostok Rossii: ehkonomicheskoe obozrenie / Pod red. P.A. Minakira. Khabarovsk: RIOTIP, 1995. 477 с.

5. Dal'nij Vostok Rossii: ehkonomicheskoe obozrenie / Pod red. P.A. Minakira. М.: Progress-Kompleks EHKOPROS, 1993. 156 с. + Pril. (124 с.: il.)

6. Dudchenko G.B. Kitajskaya, v'etnamskaya i severokorejskaya migratsiya na yuge Dal'nego Vostoka Rossii v 80–90-e gody XX veka. Diss... kand. ist. nauk. Vladivostok, 2004. 262 с.

7. Edinaya mezhvedomstvennaya informatsionno-statisticheskaya sistema. Gosudarstvennaya statistika. [Электронный ресурс]. URL: <https://fedstat.ru/> (дата обращения: 10.12.2018).

8. Zabyako A.P., Kobyzov R.A., Ponkratova L.A. Russkie i kitajtsy: ehtnomigratsionnye protsessy na Dal'nem Vostoke. Blagoveshhensk: Amurskij gos. un-t, 2009. 418 с.

9. Ishaev V.I. Mezhdunarodnoe ehkonomicheskoe sotrudnichestvo: regional'nyj aspekt. Vladivostok: Dal'nauka, 1999. 129 с.

10. Ishaev V.I., Ivanter V.V., Kuvalin D.B. EHKonomika Dal'nego Vostoka i Bajkal'skogo regiona: gosudarstvennyj podkhod. М.: MAKS Press, 2015. 264 с.

11. Krasova E.V. Inostrannaya rabochaya sila v mirovoj i regional'noj ehkonomie: sovremennye aspekty gosudarstvennogo regulirovaniya. Vladivostok: VGUEHS, 2012. 212 s.
12. Lukin A.L. Integratsionnye protsessy i instituty v Aziatsko-Tikhookeanskom regione: politika, ehkonomika, bezopasnost'. Vladivostok: Izd-vo DVGU, 2009. 248 s.
13. Minakir P.A. Dal'nij Vostok i drugie regiony v modifitsiruyushheysya ehkonomie Rossii // EHkonomicheskaya nauka sovremennoj Rossii. 2004. № 1. S. 67–79.
14. Ponkratova L.A. EHTapy razvitiya transgranichnoj migratsii v rossijsko-kitajskoj kontaktnoj zone // Demograficheskoe razvitie rossijskogo Dal'nego Vostoka. Tom 2. № 1 / Pod red. Ryazantseva S.V., KHramovoj M.N. M.: Izd-vo "EHkon-Inform", 2016. S. 92–106.
15. Prokapalo O.M., Isaev A.G., Mazitova M.G., Suslov D.V. EHkonomicheskaya kon'yunktura v Dal'nevostochnom federal'nom okruge v 2017 g. // Prostranstvennaya ehkonomika. 2018. № 2. S. 92–133.
16. Pryame investitsii v RF // TSentral'nyj bank RF. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.cbr.ru/statistics/?PrId=svs> (data obrashheniya: 12.09.2018).
17. Regiony Rossii. V 2-kh t. T.2 / Goskomstat Rossii. M., 1997.
18. Rossijskij Dal'nij Vostok i Severo-Vostochnaya Aziya. Problemy regional'nogo sotrudnichestva. M.: EHditorial URSS, 1998. 248 s.
19. Rossijskij Dal'nij Vostok na puti v budushhee / Pod red. P.A. Minakira. Khabarovsk: IEHI DVO RAN, 2017. 395 s.
20. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2018 / Rosstat. M., 2018.
21. Rossijskij ehksportnyj tsentr. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.exportcenter.ru/services/analitika-i-issledovaniya/> (data obrashheniya: 24.12.2018).
22. Ryzhova N.P. EHkonomicheskaya integratsiya prigranichnykh regionov. Khabarovsk: IEHI DVO RAN, 2013. 352 s.
23. Strezhneva M.V. Teorii evropejskoj integratsii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika. 2009. № 1. S. 28–45.
24. Tikhookeanskaya Rossiya – 2030: stsennarnoe prognozirovanie regional'nogo razvitiya / Pod red. P.A. Minakira. Khabarovsk: DVO RAN, 2010. 560 s.
25. Tikhookeanskaya Rossiya: stranitsy proshlogo, nastoyashhego, budushhego / otv. red. P.YA. Baklanov. Vladivostok: Dal'nauka, 2012. 406 s.
26. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.gks.ru/> (data obrashheniya: 5.01.2019).
27. Federal'naya tamozhennaya sluzhba. Dal'nevostochnoe tamozhennoe upravlenie. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://dvtu.customs.ru/> (data obrashheniya: 14.12.2018).
28. Akaha T. and Vassilieva A. Introduction: Russia and East Asia // Russia and East Asia. Informal and gradual integration. Ed. by T. Akaha and A. Vassilieva. New York: Taylor & Francis, 2014. P. 1–16.
29. Rowe E.W. and Blakkisrud H. Afterword: 6400 Kilometres Away—But Not a Policy World Apart // Russia's Turn to the East: Domestic Policymaking and Regional Cooperation. Ed. by H. Blakkisrud and E.W. Rowe. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2018. P. 159–164.
30. StatsAPEC. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://statistics.apec.org/> (data obrashheniya: 24.12.2018).
31. World Development Indicators (October 2018) // The World Bank: Data. URL: <http://data.worldbank.org/products/wdi> (data obrashheniya: 4.11.2018).

Киреев А.А. Российский Дальний Восток в трансграничных отношениях с АТР: обзор динамики 1990–2017 гг.

В статье рассмотрены объем, географическая структура и состав торговых, инвестиционных и миграционных отношений российского Дальнего Востока со странами АТР, выявлены долгосрочные тенденции их динамики с начала 1990-х гг. Определены роли в трансграничных отношениях входящих в макрорегион субъектов федерации. Впервые на основе статистических данных за более чем четвертьвековой период предпринята попытка характеристики основных особенностей интеграции Дальнего Востока России в структуру трансграничных отношений в АТР и факторов, обусловивших их возникновение.

Ключевые слова: *российский Дальний Восток, Азиатско-Тихоокеанский регион, трансграничные отношения, интеграция, внешняя торговля, инвестиции, миграция, пограничная политика*

Kireev A.A. Russian Far East in transborder relations with the APR: a review of the dynamics of 1990–2017.

The article discusses the volume, geographical structure and composition of trade, investment and migration relations of the Russian Far East with the countries of the Asia-Pacific region, identifies long-term trends in their dynamics since the early 1990s. The roles in the transborder relations of the RF subjects included in this macroregion are defined. For the first time, on the basis of statistical data for more than a quarter-century period, an attempt was made to characterize the main features of the integration of the Far East of Russia into the modern structure of transborder relations in the APR and the factors that caused their occurrence.

Key words: *Russian Far East, Asia-Pacific region, transborder relations, integration, foreign trade, investment, migration, border policy*

Для цитирования: Киреев А.А. Российский Дальний Восток в трансграничных отношениях с АТР: обзор динамики 1990–2017 гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 1. С. 35–45. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/35-45

For citation: Kireev A.A. Russian Far East in transborder relations with the APR: a review of the dynamics of 1990–2017 // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 1. P. 35–45. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/35-45

Внешние связи регионов КНР

Теоретические и географические рамки исследования

Выбор кейса КНР. КНР – оптимальный пример для анализа взаимодействия государства и внутренних регионов. Во-первых, это возможность на примере одного государства проанализировать многообразие способов приспособления различных территорий к вызовам глобализации. Этому способствует административно-территориальный состав [44], единицы которого отличаются по уровню развития, культурным особенностям и преимущественной ориентации внешних связей. Во-вторых, выбор отличается научной новизной – по формальным признакам Китай не является федеративным государством [43], его внутригосударственные регионы (ВГР) редко рассматриваются специалистами. В-третьих, высокая активность КНР на международной арене сегодня подразумевает применение широкого спектра инструментов повышения конкурентоспособности, среди которых и сотрудничество с ВГР.

ВГР в исследовании. Понятие "регион" многозначно: термин употребляется как в отношении частей отдельных государств, так и для обозначения компонентов мирового пространства [1, с. 40, 54]. В настоящем исследовании деление на ВГР совпадает с внутренними административно-территориальными границами [4, с. 596], ВГР предлагается понимать как конструкт, сформированный в политических и аналитических целях. Такие регионы в рамках государства не обладают равным влиянием в мировой политике, не одинаково активны в выстраивании связей с другими регионами. Поэтому к регионам-акторам в полном смысле относятся как минимум не все административно-территориальные единицы, а степень их международной акторности варьируется.

Теоретическая основа исследования. Роль негосударственных акторов в мировой политике исследуется с 1970-х гг. [28, с. 334–368], однако классические теории не характеризуют отношения государства и ВГР. В то же время с позиции тех же теорий цели государств на международной арене по-прежнему формулируются как стремление обрести и расширить возможности контроля разнообразных потоков, повысить его эффективность [18, р. 11] внутри границ и за их пределами. П. Катценштайна и Р. Сил [30, р. 411–431] разрешают противоречие вводом "аналитический эклектизм" – нового инструмента анализа мировых событий. Подход позволяет анализировать проблемы, не укладывающиеся полностью ни в одну из существующих парадигм, за счёт совмещения наработок исследователей, придерживающихся различных парадигм. Растущую активность ВГР объясняет неолиберальное направление, а реализм – действия КНР как государства, во внешней политике сконцентрированного на вопросах суверенитета и территориальной целостности [3, с. 126].

Акторность ВГР в международных отношениях называют "парадипломатией" (от англ. "parallel diplomacy") [15], под которой понимают любую активность ВГР, выходящую за пределы национальных границ [25, р. 92]. Причины её развития – растущая турбулентность мирового порядка и "эрозия традиционных параметров" среды: выход на глобальный уровень некогда внутренних вопросов территориального деления и культурной идентичности [1, р. 55]. Основным ресурсом регионов становятся управленческие возмож-

ности [2, с. 40]; вместе с глобальными городами регионы приобретают ценность связующих элементов, единиц контроля и управления потоками распределённых по миру производственных, образовательных и финансовых кластеров.

Институциональные и внутривластные рамки акторности ВГР КНР

Считается, что в унитарных государствах формирование и реализация внешнеполитического курса просты, поскольку "большинство полномочий принадлежат и реализуются центральным правительством" [29, р. 3]. Утверждение не вызывает возражений, если игнорировать внутривластную расстановку сил и политический процесс, однако как минимум в рассматриваемом кейсе над формальными факторами вроде закреплённого в конституции территориального устройства доминируют устойчивые практики взаимодействия и расстановка сил, что в итоге приводит к значительным возможностям властей ВГР. Поясним тезис на примерах.

Конституция и институты. Компартия строила Китай как централизованное государство с плановой экономикой. На начальном этапе отдельные элементы были заимствованы у СССР и просуществовали до реформ конца 1970-х гг. [8, р. 76]. Реформаторы решали задачу построения процветающего рынка, преобразования активно вовлечённого в экономические процессы государства в децентрализованный механизм, поддерживающий и дополняющий, а не ограничивающий рынок [22, р. 1719–1742].

Аргументы в пользу частичной децентрализации сводятся к тому, что власти на местах лучше владеют ситуацией [19, р. 519–530], а передача им полномочий в том числе по экономическому регулированию повышает ответственность [22, р. 1720]. В КНР сформировавшийся механизм административно-территориального устройства Сю Ченган охарактеризовал как "регионально децентрализованную авторитарную систему" [36, р. 1076]; отсылка к авторитарному режиму здесь доминированием политического процесса над формально описанными в Конституции институциональными параметрами.

Согласно конституции, в провинциях, автономных районах и городах центрального подчинения формируются местные собрания народных представителей и народные правительства, представляющие центр. В то же время, согласно ст. 115 Конституции, органы власти обладают автономией в адаптации положений правительства. Эксперты заключают: в действительности в зоне контроля центральных властей, особенно в экономике, лежит небольшая сфера [36, р. 1082]. Сложившийся режим управления отличают одновременно высокая политическая централизация и региональная децентрализация управления экономикой. Важна роль механизма ответственности региональных чиновников перед центром. В отличие от многих федераций, власти на местах назначаются и продвигаются по службе централизованно. Это вынуждает их строже следовать указаниям центра, но также подталкивает к решению или маскировке проблем вверенного региона. Если регион демонстрирует более высокие темпы роста, чем другие, его глава накапливает влияние и получает большее поощрение.

Полномочия региональных властей ярко проявляются в фискальной сфере. После 1979 г. центр передал на места право распоряжаться дополнительными сгенерированными доходами. Это простимулировало предприимчивость региональных властей, а в долгосрочной перспективе помогло госбюджету – возникавшие социальные обязательства государства реализовывались за счёт региональных бюджетов [9, р. 77]. Источники их пополнения местное руководство искало в том числе за рубежом – регионы начали больше конкурировать за размещение зарубежных производств и открытие особых экономических зон [22, р. 1721]. Создание последних – ещё один фактор роста влияния региональных властей и превращения КНР в одного из крупнейших получателей прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в мире. В контексте исследования примечательно, что идею внедрения такой зоны изначально выдвинули власти провинции Гуандун [36, р. 1113].

Несмотря на сохранение в КНР системы госпланирования времён Мао Цзэдуна, сегодня значение пятилетних планов снизилось: они главным образом задают вектор развития страны. Инициативы и даже содержание планов

в данном случае остаются компетенцией и зоной лоббизма региональных властей [21, p. 4]. Подобная ситуация открывает ВГР возможность самостоятельного разрабатывать и добиваться включения в национальный план стратегий, ориентированных и на прибыльные внешние контакты за счёт создания особых условий содействия местному росту [12, p. 42].

Политический фактор. Чтобы объяснить реформы 1970-х–1980-х гг. власти скорректировали идеологию и частично трансформировали правящую партию. С началом реформ революционную идеологию Компартии КНР сменила концепция "прагматичной компетентности". Лозунг "Только Компартия может спасти Китай" сменил "Только Компартия может развивать Китай" [23, p. 57]. Основой легитимности стало экономическое развитие и рост качества жизни. Новый подход закрепили в уставе Компартии на XV съезде. Отныне решения должны были соответствовать "универсальным критериям политики": вносить вклад в увеличение производительных сил; повышать национальную мощь; удовлетворять материальные и культурные потребности граждан [40, p. 92].

В 2000-е гг. власти закрепили смену оснований легитимности Компартии и режима началом пространственного перераспределения роста: отныне важно было не просто повышать уровень жизни и цифры душевого ВВП или делать это равномерно, но обеспечивать *опережающее развитие* внутренних регионов, за два десятилетия реформ усиливших отставание от прибрежных [26, p. 31]. Функционеры вынуждены были демонстрировать, что способны эффективно управлять вверенными им сферами, решать политическую задачу "выравнивания" показателей уровня жизни [35, p. 1]. Решением стали региональные эксперименты, в форме которых запустили значительную часть успешных реформ [36, p. 1079]. В рамках экспериментов расширили присутствие негосударственных компаний, в том числе с привлечением иностранного капитала, компаний, находящихся в собственности муниципалитетов или сельских поселений. Эксперименты стали главной возможностью чиновников на местах добиться карьерного продвижения [11, p. 104], одновременно они привели к автономизации регионов. Крупнейшие города и наиболее развитые провинции благодаря реформам стали влиятельными игроками мировой экономики [17, p. 104]. Среди этих ВГР – Пекин, Шанхай, провинции Гуандун, Чжэцзян, Цзянсу, Шаньдун и Хэбэй [33]. Каждый по размерам экономики и годовому ВВП превышает размеры экономик многих других государств.

Предпосылки использования фактора ВГР во внешней политике КНР

Представить внешнеполитические подходы КНР, несмотря на закрытый характер политического процесса, можно по т.н. "белым книгам" по отдельным вопросам мировой политики, выступлениям, а также опосредованно – по работам элитологов. В конце 1990-х гг. Дэн Юн охарактеризовал представления элиты как нестабильную смесь подходов: от реалистского-изоляционистского до либерального, подразумевавшего наращивание взаимозависимости с другими государствами [13, p. 309]. Автор описал не устоявшуюся концепцию, но лишь отразил процесс её формирования. Произшедшую к настоящему моменту трансформацию Дж. Баохуэй описал как отход от тактики выжидания, при которой внешняя политика полагалась на фактор времени как главного союзника [38, p. 40]. Ситуация начала меняться с конца 2000-х гг., когда темпы роста стабилизировались, а экономические показатели перестали играть прежнюю роль. На этом этапе цель КНР обрести новое положение на мировой арене начала доминировать в сознании элит. На фазе экономического подъёма Китай максимально пользовался преимуществами сложившегося порядка и не испытывал потребности менять его; угроза же сокращения получаемых от поддерживаемого статус-кво преимуществ потребовала пересмотра подходов во внешней политике.

Принципы современной глобальной политики КНР Си Цзиньпин озвучил в 2014-м г. на Конференции работников сфер, имеющих отношение к международным отношениям [46]. Цели приурочены к столетним юбилеям основания Компартии (2021 г.) и КНР (2049 г.): удвоение ВВП уровня 2010 г. и завершение строительства "современной социалистической страны". В качестве третьей обозначена реализация "китайской мечты о великом возрожде-

нии китайской нации". Цели, перечисленные на конференции работников, специализирующихся на внешней политике, можно свести к партийной пропаганде, но можно увидеть в них и сигнал внутренним и международным элитам. Рост экономических индикаторов в Китае, несмотря на начало переориентации экономики на внутренний рынок [9, p. 2], по-прежнему во многом определяется внешней конъюнктурой и, соответственно, интенсивностью внешних связей.

Си Цзиньпин подтверждает приверженность т.н. "Пяти принципам мирного сосуществования", готовность строить равные отношения в условиях многополярного мира. Среди них важна готовность КНР рассматривать себя в роли лидера развивающихся государств [32]. Одним из последних событий, демонстрирующих высокую значимость внешних связей для будущего КНР, является изменение конституции. Одобрены поправки к 12-му параграфу Преамбулы Конституции КНР: формулировка "Развитие дипломатических отношений со странами и экономическими и культурными обменами" записана как "Развитие дипломатических отношений с другими странами, а также экономические и культурные обмены и содействие созданию сообщества единой судьбы" [42]. Изменения расширяют признаваемый последние несколько десятилетий подход к многополярности [5]. Китай на уровне высшего закона констатирует стремление активнее развивать внешние связи, провозглашает идеологическую рамку развития.

Экономическая составляющая объясняет связь политики центра в отношении ВГР и внешнеполитическую стратегию. Исторические сложившиеся экономические дисбалансы в развитии регионов [26, p. 5] воздействуют на внешнеполитическую линию и систему госуправления, влияют и на поведение региональных элит, заинтересованных в "выравнивании" или "догоняющем развитии" регионов. Инструменты парадипломатии теоретически – при согласии центра или наличии достаточных институциональных оснований – открывают перед ними такие возможности [25, p. 109].

В 2002 г. в рамках политики "выравнивания" подготовлена "Стратегия возрождения старопромышленной базы Дунбея", ориентированная сразу на несколько регионов северо-востока. Запущенный в начале 2010-х проект "Один пояс – один путь" также изначально ориентировался на ряд отстающих в развитии западных регионов. Проекты показывают: центр решает проблему экономического дисбаланса за счёт запуска новых программ помощи либо включения тех или иных регионов в существующие. В то же время, расширяя финансовые возможности регионов и повышая значение развития внешних связей лично для местных руководителей, программы не влияют на институциональные рамки внешних связей ВГР. Аналогично задаче "выравнивания" служат известные в международном контексте т.н. "побратимские связи" между городами и регионами отдельных государств. В частности, параметры регионального сотрудничества китайских ВГР с субъектами РФ корректировались в рамках существующих договорённостей [47] в соответствии с актуальными интересами центра и региональных властей.

В КНР вовлечённость ВГР в мировую политику не стоит рассматривать как отказ центра от собственной внешней политики, она лишь расширяет спектр доступных инструментов за счёт более эффективного использования ВГР и их возможностей [20, p. 26]. Региональные правительства в транснациональном измерении получают доступ к более гибким сетям международного участия, чем государства [41, p. 4]. ВГР эффективно дополняют и расширяют государственную внешнюю политику, реализуя при этом собственные интересы. Избежать рассогласованности позволяет особая организационная структура: общее решение принимается небольшой группой, которую возглавляет губернатор провинции или секретарь провинциального отделения КПК [41, p. 5]. Благодаря участию представителей партии, непосредственно подчиняющихся центральному партийным органам, в координации проектов достигается согласованность позиций. На уровне исполнителей провинциальные канцелярии иностранных дел делят ответственность за внешние контакты с комиссиями по внешней торговле и экономическому сотрудничеству. Соответственно, первые отвечают за политическую сторону связей, а комиссии – за внешнеэкономические аспекты внешних контактов региона.

Провинциальные канцелярии реализуют госполитику в регионах, организуют приёмы иностранных делегаций, протокол зарубежных визитов региональных властей. Одновременно канцелярии занимаются визовыми вопросами местных официальных и деловых поездок за границу; координируют и продвигают сотрудничество с городами-побратимами и ВГР других стран; осуществляют управление консульскими делами и мониторинг деятельности иностранных СМИ [41, р. 6]. Из перечисления видно: региональные канцелярии иностранных дел, хотя и подчиняются центральному правительству (как и все чиновники на местах) политически, по своим функциям являются одновременно и представителями интересов местных властей.

Центральное правительство за счёт подобной децентрализации базовых функций расширяет международную акторность регионов, снижая нагрузку на аппараты ведомств и организаций, ответственных за общее осуществление внешних связей. В то же время главное ограничение свободе внешних связей провинций создаёт общее для ВГР практически всех стран отсутствие полноценного признания на международной арене. Не являясь суверенными субъектами международного права [25, р. 94], ВГР вынуждены выступать лишь в роли агентов влияния. Однако это же двоякое положение открывает для провинций и городов центрального подчинения возможности, недоступные центральному правительству. Например, именно ВГР отвечает за расширение контактов с государствами, которые в связи с политикой "одного Китая" не признают КНР и, соответственно, не имеют официальных отношений с ней [41, р. 6].

Наибольшая активность характерна для развитых регионов, расположенных на побережье. Эти провинции чаще взаимодействуют с представителями государств и другими ВГР. Многие имеют собственные представительства за рубежом, хотя чаще подобные функции передаются не специальным подразделениям, а зарубежным представительствам принадлежащих соответствующим провинциям торговых компаний. Например, правительством Шанхая создано шесть официальных зарубежных офисов в рамках Шанхайского совета по развитию зарубежных инвестиций – правительственного органа, созданного ещё в 1999 г. для привлечения ПИИ. Офисы расположены в Лос-Анджелесе (США), Осаке (Япония), Лондоне (Великобритания), Франкфурте и Гамбурге (Германия) и в Роттердаме (Нидерланды) [41, р. 6]. К настоящему моменту подобные советы расширили функционал и оказывают в том числе консультационные услуги, помогая местным городским или провинциальным компаниям.

Позицию местного бизнеса не всегда можно однозначно отделить от интересов центральных или тем более региональных властей: противоречия редко становятся достоянием общественности, а совпадающие ведут к совместным проектам и успехам в достижении регионом целевых показателей. Возможности регионов снижать налоговые и административные барьеры, обеспечивать более открытый обмен информацией и планами, финансирование развития инфраструктуры [29, р. 7] применимы не только в отношении иностранного бизнеса, пробующего силы на внутреннем рынке КНР, но и для собственно китайских предприятий, если они действуют в русле интересов местных руководителей.

Провинция Гуандун даёт пример активной внешней политики, реализуемой в течение длительного времени. Когда официальные власти КНР позволили провинциям сохранять процент от полученной иностранной валюты, власти этой провинции пользовались возможностью активнее других [10, р. 16]. Авторы отмечают, что основным стимулом роста экономики провинции Гуандун в конце XX в. стали личные амбиции местных властей, стремившихся сформировать и поддерживать статус региона, задающего тренды в развитии экономики всей КНР [34, р. 290].

Вместе с тем преимущества имеются и у менее развитых регионов, которым в условиях политики выравнивания идёт значительная поддержка. Часто её формой становится делегирование регионам прав изменения некоторых национальных стратегий регулирования ПИИ. ТНК, готовые к серьёзным инвестициям в том или ином регионе (в инфраструктуру, высокотехнологичное развитие, производства для экспортной торговли), предпочитают догово-

риваться с чиновниками регионального уровня в провинциях, обладающих значительным регулятивным влиянием [27, p. 19].

Направленность внешних связей провинций не ограничивается вопросами экономики: ВГР КНР – активные акторы в сфере публичной дипломатии. В данном аспекте интересы регионов и центра тоже главным образом совпадают: провинциям в связи с этническими или лингвистическими особенностями населения проще поддерживать отношения с определёнными государствами или целыми мировыми регионами; центральные же власти всячески стремятся повысить эффективность собственной мягкой силы – использование регионов способствует достижению этой цели [14]. Это проявляется в приграничных районах, где сконцентрированы национальные меньшинства, пересекающиеся с этносами соседних государств. Примеры этому можно найти на Дальнем Востоке (регионы китайского Дунбея, населённые этническими корейцами) и в западных регионах: Синьцзяне, Юньнани, Гуанси. Их население близко по языку и обычаям, что облегчает налаживание связей, культурные обмены, помогает развивать туризм, в целом улучшает мнение о государстве за рубежом. Лучшее понимание между населением пограничных районов повышает и инвестиционную привлекательность, следовательно, провинциальные власти сами оказываются заинтересованы в укреплении контактов, которые в дальнейшем могут сказаться на экономике вверенных им территорий.

Заключение

Положение китайских ВГР определяет внутренняя и внешняя политика КНР. Эволюция последней выразилась в осознании элитами связи между статусом Китая на международной арене и успехами внутреннего развития. Переход страны к рыночной экономике, дополненный политически обусловленной необходимостью повышения эффективности системы госуправления, выразился в существенном перераспределении полномочий между центром и ВГР в пользу последних.

Несмотря на формально унитарный статус государства, в КНР к настоящему времени оказалась внедрена система фискальной децентрализации, а власти в провинциях и автономных районах обладают широкими полномочиями по социальному и экономическому развитию. Формирование "регионально децентрализованной авторитарной системы", создающей впечатление повышения эффективности управления за счёт делегирования полномочий и выстраивания меритократической системы продвижения по службе, стало отчасти вынужденным шагом в условиях смены модели поддержания легитимности Коммунистической партии КНР.

Французский исследователь М. Дуран вводит четыре критерия оценки акторности ВГР: "власть", "присутствие", "автономия", "возможность" [16, p. 346]. Проведённый анализ показывает соответствие регионов КНР этим критериям: они обладают институциональными основаниями участвовать в мировой политике; зарубежные ТНК и другие регионы напрямую выстраивают контакты с регионами КНР, фактически признавая их самостоятельную идентичность. Больше того, власти ВГР имеют возможность развивать собственную инфраструктуру внешних связей – создают торгпредства и канцелярии, а их действия за пределами национальных границ не противоречат логике внешней политики, определяемой центральными властями.

Литература

1. Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика, 2012. Т. 8. № 2. С. 30–58.
2. Лебедева М.М. Акторы современной мировой политики: тренды развития // Вестник МГИМО-Университета, 2013. Т. 28. № 11. С. 38–42.
3. Лебедева М.М. Система политической организации мира: "Идеальный шторм" // Вестник МГИМО-Университета, 2016. Т. 47. № 2. С. 125–133.
4. Мельвил А.Ю. Мир политической науки. Кн. 1. М.: Просвещение, 2015. 596 с.
5. Самойлов Г.М. Глобальное видение для партнёров: что Китай предлагает России и США // Внешняя политика, [Электронный ресурс]. URL: <http://www.>

foreignpolicy.ru/analyses/globalnoe-videnie-dlya-partnyorov-cto-kitay-predlagaet-rossii-ssha/ (дата обращения: 18.4.2018).

6. Сергеев В.М., Казанцев А.А. Сетевая динамика глобализации и типология "глобальных ворот" // Полис, 2007. Т. 2. С. 18–30.

7. Andersson A., Andersson D. Gateways to the Global Economy. Northampton, MA: Edward Elgar Pub, 2000. 416 p.

8. Bergsten C., Freeman C. Center-Local Relations: Hu's in Charge Here? // China's Rise: Challenges and Opportunities, 2008. P. 75–89.

9. Bowles P. Rebalancing China's growth: some unsettled questions // Canadian Journal of Development Studies, 2012. № 1. Vol. 33. P. 1–13.

10. Cheng J. Local Government's Role in a Transitional Economy: The Case of Guangdong // China in the Reform Era, 1999. P. 9–33.

11. Cheung P., Chung J., Lin Z. Provincial Strategies of Economic Reform in Post-Mao China: Leadership, Politics, and Implementation. Routledge: CRC Press, 2016. 328 p.

12. Chien S., Gordon I. Territorial competition in China and the West // Regional Studies, 2008. Vol. 42. № 1. P. 31–49.

13. Deng Y. The Chinese conception of national interests in international relations // The China Quarterly, 1998. Vol. 154. P. 308–329.

14. D'Hooghe I. China's public diplomacy shifts focus: From building hardware to improving software // The Asia Dialogue, [Электронный ресурс]. – URL: <https://cpianalysis.org/2013/10/24/chinas-public-diplomacy-shifts-focus-from-building-hardware-to-improving-software/> (дата обращения: 10.5.2018).

15. Duchacek I. The international dimension of subnational self-government // Publius: the journal of federalism, 1984. № 4. Vol. 14. P. 5–31.

16. Duran M. French regions as diplomatic actors: The case of Provence-Alpes-Côte d'Azur // French Politics, 2011. Vol. 9. № 4, P. 339–363.

17. Fornes G., Mendez A. The China-Latin America Axis. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan, 2018. 343 p.

18. Gilpin R. Political Economy of International Relations / R. Gilpin – Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1987. 449 p.

19. Hayek F.A. The use of knowledge in society // The American economic review, 1945. № 4. Vol. 35. P. 519–530.

20. Hocking B. Localizing Foreign Policy: Non-central Governments and Multilayered Diplomacy. London: Palgrave Macmillan, 1993. 249 p.

21. Jacob J. China's Provinces and Foreign Policy: Lessons and Implications for India and Its States // Institute of Chinese Studies Working Paper, December 2014. P. 2–14.

22. Jin H., Qian Y., Weingast B.R. Regional decentralization and fiscal incentives: Federalism, Chinese style // Journal of public economics. 2005. № 9–10, Vol.89. P. 1719–1742.

23. Jing Y. Creative Incrementalism: Governance Reforms in China Since 1978 // Chinese Political Science Review, 2017. Vol. 2. № 1. P. 56–68.

24. Lawson C. Towards a competence theory of the region // Cambridge Journal of Economics, 1999. Vol. 23. № 2. P. 151–166.

25. Lecours A. Paradiplomacy: Reflections on the foreign policy and international relations of regions // International Negotiation, 2002. Vol. 7. № 1. P. 91–114.

26. Lemoine F. et al. The Geographic Pattern of China's Growth and Convergence within Industry // Working Paper CEPPI, 2014, № 2014-04. 46 p.

27. Luo Y. From foreign investors to strategic insiders: Shifting parameters, prescriptions and paradigms for MNCs in China // Journal of world Business, 2007. Vol. 42. № 1. P. 14–34.

28. Mansbach R.W. The web of world politics: nonstate actors in the global system. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1976. 326 p.

29. Michelmann H. Foreign relations in federal countries. Vol. 5. London: McGill-Queen's Press-MQUP, 2009. 413 p.

30. Sil R., Katzenstein P. Analytic Eclecticism in the the Study of World Politics: Reconfiguring Problems and Mechanisms across Research Traditions // Perspectives on Politics Cambridge University Press, 2010. Vol. 8. № 2. P. 411–431.

31. Steans J. et al. An introduction to International Relations Theory: Perspectives and Themes. Edinburgh: Pearson, 2013. 277 p.

32. Swaine M.D. Xi Jinping's Address to the Central Conference on Work Relating to Foreign Affairs: Assessing and Advancing Major Power Diplomacy with Chinese Characteristics // Carnegie Endowment, [Электронный ресурс]. – URL: <http://carnegieendowment.org/2015/03/02/xi-jinping-s-address-to-central-conference-on-work-relating-to-foreign-affairs> (дата обращения: 18.4.2018).

33. Tavares R. Paradiplomacy: cities and states as global players. Oxford University Press, 2016. 256 p.

34. Van Kemenade W. China, Hong Kong, Taiwan, Inc.: The Dynamics of a New Empire. New York: Vintage, 2010. 476 p.

35. Wang Y., Chang C. Economic transition under a semifederalist government: The experience of China // *China Economic Review*, 1998. Vol. 9. № 1. P. 1–23.
36. Xu C. The fundamental institutions of China's reforms and development // *Journal of economic literature*, 2011. Vol. 49. № 4. P. 1076–1151.
37. Zang X. China in the Reform Era. Nova Science Publishers, Inc., 1999. 158 p.
38. Zhang B. Chinese foreign policy in transition: Trends and implications // *Journal of Current Chinese Affairs*, 2010. Vol. 39. № 2. P. 39–68.
39. Zhang D. The Concept of 'Community of Common Destiny' in China's Diplomacy: Meaning, Motives and Implications // *Asia&the Pacific Policy Studies*, 2018. P. 1–12.
40. Zhang Y., Austin G. Power and responsibility in Chinese foreign policy. ANU E Press, 2014. 307 p.
41. Zhimin C., Junbo J. Chinese Provinces as Foreign Policy Actors in Africa // *China in Africa Project*, 2009. № 22. 21 p.
42. (两会受权发布) 中华人民共和国宪法修正案 (Поправки к Конституции КНР (ВСПИ уполномочено опубликовать)) // *Xinhuanet*, [Электронный ресурс]. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2018lh/2018-03/11/c_1122521235.htm (дата обращения: 5.5.2018).
43. 中华人民共和国宪法 (Конституция КНР) // *Chinese Government*, [Электронный ресурс]. Mode of access: http://www.gov.cn/gongbao/content/2004/content_62714.htm (дата обращения: 8.5.2018).
44. 中华人民共和国行政区划 (Административное деление КНР). – 2018. [Электронный ресурс]. Mode of access: http://www.gov.cn/guoqing/2005-09/13/content_5043917.htm (дата обращения: 8.5.2018).
45. 中国的军事战略 (Военная доктрина КНР) // *Chinese Government*, [Электронный ресурс]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2015-05/26/content_2868988.htm (дата обращения: 2.4.2018).
46. 习近平出席中央外事工作会议并发表重要讲话 (Речь Си Цзиньпина на Конференции работников сферы международных отношений) // *Xinhuanet*, [Электронный ресурс]. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2014-11/29/c_1113457723.htm (дата обращения: 1.05.2018).
47. 1999年中俄关系大事记 (Сотрудничество РФ и КНР в 1999 году) // *Renminwang*, [Электронный ресурс]. URL: <http://world.people.com.cn/GB/8212/104201/104367/10168617.html> (дата обращения: 1.12.2018).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Voskresenskij A.D. Kontseptsii regionalizatsii, regional'nykh podsystem, regional'nykh kompleksov i regional'nykh transformatsij v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniyakh // *Sravnitel'naya politika*, 2012. T. 8. № 2. S. 30–58.
2. Lebedeva M.M. Aktory sovremennoj mirovoj politiki: trendy razvitiya // *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2013. T. 28. № 11. S. 38–42.
3. Lebedeva M.M. Sistema politicheskoy organizatsii mira: "Ideal'nyj shtorm" // *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2016. T. 47. № 2. S. 125–133.
4. Mel'vil' A.YU. Mir politicheskoy nauki. Kn. 1. M.: Prosveshhenie, 2015. 596 s.
5. Samojlov G.M. Global'noe videnie dlya partnyorov: chto Kitaj predlagaet Rossii i SSHA // *Vneshnyaya politika*, [Электронный ресурс]. URL: <http://www.foreignpolicy.ru/analyses/globalnoe-videnie-dlya-partnyorov-chto-kitaj-predlagaet-rossii-i-ssha/> (data obrashheniya: 18.4.2018 g.).
6. Sergeev V.M., Kazantsev A.A. Setevaya dinamika globalizatsii i tipologiya "global'nykh vorot" // *Polis*, 2007. T. 2. S. 18–30.
7. Andersson A., Andersson D. Gateways to the Global Economy. Northampton, MA: Edward Elgar Pub, 2000. 416 p.
8. Bergsten C., Freeman C. Center-Local Relations: Hu's in Charge Here? // *China's Rise: Challenges and Opportunities*, 2008. P. 75–89.
9. Bowles P. Rebalancing China's growth: some unsettled questions // *Canadian Journal of Development Studies*, 2012. № 1. Vol. 33. P. 1–13.
10. Cheng J. Local Government's Role in a Transitional Economy: The Case of Guangdong // *China in the Reform Era*, 1999. P. 9–33.
11. Cheung P., Chung J., Lin Z. Provincial Strategies of Economic Reform in Post-Mao China: Leadership, Politics, and Implementation. Routledge: CRC Press, 2016. 328 p.
12. Chien S., Gordon I. Territorial competition in China and the West // *Regional Studies*, 2008. Vol. 42. № 1. P. 31–49.
13. Deng Y. The Chinese conception of national interests in international relations // *The China Quarterly*, 1998. Vol. 154. P. 308–329.
14. D'Hooghe I. China's public diplomacy shifts focus: From building hardware to improving software // *The Asia Dialogue*, [Электронный ресурс]. – URL: <https://>

cpianalysis.org/2013/10/24/chinas-public-diplomacy-shifts-focus-from-building-hardware-to-improving-software/ (data obrashheniya: 10.5.2018 g.).

15. Duchacek I. The international dimension of subnational self-government // *Publius: the journal of federalism*, 1984. № 4. Vol. 14. P. 5–31.

16. Duran M. French regions as diplomatic actors: The case of Provence-Alpes-Côte d'Azur // *French Politics*, 2011. Vol. 9. № 4, P. 339–363.

17. Fornes G., Mendez A. *The China-Latin America Axis*. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan, 2018. 343 p.

18. Gilpin R. *Political Economy of International Relations* / R. Gilpin – Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1987. 449 p.

19. Hayek F.A. The use of knowledge in society // *The American economic review*, 1945. № 4. Vol. 35. P. 519–530.

20. Hocking B. *Localizing Foreign Policy: Non-central Governments and Multilayered Diplomacy*. London: Palgrave Macmillan, 1993. 249 p.

21. Jacob J. China's Provinces and Foreign Policy: Lessons and Implications for India and Its States // *Institute of Chinese Studies Working Paper*, December 2014. P. 2–14.

22. Jin H., Qian Y., Weingast B.R. Regional decentralization and fiscal incentives: Federalism, Chinese style // *Journal of public economics*. 2005. № 9–10, Vol.89. P. 1719–1742.

23. Jing Y. Creative Incrementalism: Governance Reforms in China Since 1978 // *Chinese Political Science Review*, 2017. Vol. 2. № 1. P. 56–68.

24. Lawson C. Towards a competence theory of the region // *Cambridge Journal of Economics*, 1999. Vol. 23. № 2. P. 151–166.

25. Lecours A. Paradiplomacy: Reflections on the foreign policy and international relations of regions // *International Negotiation*, 2002. Vol. 7. № 1. P. 91–114.

26. Lemoine F. et al. *The Geographic Pattern of China's Growth and Convergence within Industry* // Working Paper CÉPII, 2014, № 2014-04. 46 p.

27. Luo Y. From foreign investors to strategic insiders: Shifting parameters, prescriptions and paradigms for MNCs in China // *Journal of world Business*, 2007. Vol. 42. № 1. P. 14–34.

28. Mansbach R.W. *The web of world politics: nonstate actors in the global system*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1976. 326 p.

29. Michelmann H. *Foreign relations in federal countries*. Vol. 5. London: McGill-Queen's Press-MQUP, 2009. 413 p.

30. Sil R., Katzenstein P. Analytic Eclecticism in the the Study of World Politics: Reconfiguring Problems and Mechanisms across Research Traditions // *Perspectives on Politics* Cambridge University Press, 2010. Vol. 8. № 2. P. 411–431.

31. Steans J. et al. *An introduction to International Relations Theory: Perspectives and Themes*. Edinburgh: Pearson, 2013. 277 p.

32. Swaine M.D. Xi Jinping's Address to the Central Conference on Work Relating to Foreign Affairs: Assessing and Advancing Major Power Diplomacy with Chinese Characteristics // *Carnegie Endowment*, [EHlektronnyj resurs]. – URL: <http://carnegieendowment.org/2015/03/02/xi-jinping-s-address-to-central-conference-on-work-relating-to-foreign-affairs> (data obrashheniya: 18.4.2018 g.).

33. Tavares R. *Paradiplomacy: cities and states as global players*. Oxford University Press, 2016. 256 p.

34. Van Kemenade W. *China, Hong Kong, Taiwan, Inc.: The Dynamics of a New Empire*. New York: Vintage, 2010. 476 p.

35. Wang Y., Chang C. Economic transition under a semifederalist government: The experience of China // *China Economic Review*, 1998. Vol. 9. № 1. P. 1–23.

36. Xu C. The fundamental institutions of China's reforms and development // *Journal of economic literature*, 2011. Vol. 49. № 4. P. 1076–1151.

37. Zang X. *China in the Reform Era*. Nova Science Publishers, Inc., 1999. 158 p.

38. Zhang B. Chinese foreign policy in transition: Trends and implications // *Journal of Current Chinese Affairs*, 2010. Vol. 39. № 2. P. 39–68.

39. Zhang D. The Concept of 'Community of Common Destiny' in China's Diplomacy: Meaning, Motives and Implications // *Asia&the Pacific Policy Studies*, 2018. P. 1–12.

40. Zhang Y., Austin G. *Power and responsibility in Chinese foreign policy*. ANU E Press, 2014. 307 p.

41. Zhimin C., Junbo J. Chinese Provinces as Foreign Policy Actors in Africa // *China in Africa Project*, 2009. № 22. 21 p.

42. (两会受权发布) 中华人民共和国宪法修正案 (Popravki k Konstitutsii KNR (VSNP upolnomocheno opublikovat)) // *Xinhuanet*, [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2018lh/2018-03/11/c_1122521235.htm (data obrashheniya: 5.5.2018 g.).

43. 中华人民共和国宪法 (Konstitutsiya KNR) // *Chinese Government*, [EHlektronnyj resurs]. Mode of access: http://www.gov.cn/gongbao/content/2004/content_62714.htm (data obrashheniya: 8.5.2018 g.).

44. 中华人民共和国行政区划 (Administrativnoe delenie KNR). – 2018. [Электронный ресурс]. Mode of access: http://www.gov.cn/guoqing/2005-09/13/content_5043917.htm (data obrashheniya: 8.5.2018 g.).

45. 中国的军事战略 (Voennaya doktrina KNR) // Chinese Government, [Электронный ресурс]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2015-05/26/content_2868988.htm (data obrashheniya: 2.4.2018 g.).

46. 习近平出席中央外事工作会议并发表重要讲话 (Rech' Si TSzin'pina na Konferentsii rabotnikov sfery mezhdunarodnykh otnoshenij) // Xinhuanet, [Электронный ресурс]. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2014-11/29/c_1113457723.htm (data obrashheniya: 1.05.2018 g.).

47. 1999年中俄关系大事记 (Sotrudnichestvo RF i KNR v 1999 godu) // Renminwang, [Электронный ресурс]. URL: <http://world.people.com.cn/GB/8212/104201/104367/10168617.html> (data obrashheniya: 1.12.2018 g.).

Самойлов Г.М. Внешние связи регионов КНР.

В статье рассматриваются политические и институциональные факторы развития внутригосударственными регионами КНР самостоятельных связей с зарубежными государствами и их регионами. Особое внимание автор уделяет вопросу акторности правительственных нецентральных субъектов в условиях сформировавшейся в стране унитарной системы административно-территориального устройства. Развитие внешних связей внутригосударственными регионами рассмотрено как инструмент решения общих внешнеполитических и внутриполитических задач центрального правительства.

Ключевые слова: *Китай, негосударственные акторы, внутригосударственные регионы, государственное управление*

Samojlov G.M. Foreign Relations of China's Sub-national Entities.

The article deals with political and institutional framework which enables China's sub-national entities to develop foreign relations with other states and their regions. The author pays special attention to the activity of the sub-national entities under China's unitary system of political organization. The article reveals the development of foreign relations by the sub-national entities as an instrument that the central government uses to address foreign policy and internal political challenges.

Key words: *China, non-state actors, sub-national entities, public administration*

Для цитирования: Самойлов Г.М. Внешние связи регионов КНР // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 1. С. 46–55. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/46-55

For citation: Samojlov G.M. Foreign Relations of China's Sub-national Entities // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 1. P. 46–55. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/46-55

Социально-экономические аспекты производства строительной керамики в государствах Центральной Азии и Дальнего Востока в период средневековья

Во всём многообразии археологических находок на средневековых памятниках керамические строительные материалы в виде кирпича, черепицы, предметов кровельной скульптуры занимают в количественном отношении далеко не последнее место. Судя по всему, потребность в этих массовых изделиях была велика в периоды экономического подъёма, сопровождавшегося особенно интенсивным строительством в городах. Это являлось стимулом для возникновения ремесленных мастерских, изготавливающих строительную керамику, развития товарно-денежных отношений и зависело от общественного уровня формирования экономики и социальной структуры общества в средневековый период.

Строительная керамика обладает многогранными источниковедческими возможностями [23, с. 5]. Задачей настоящей работы является реконструкция социально-экономических аспектов производства и применения средневековых строительных материалов, например, таких как характер возможных отношений между производителем и потребителем, социальные формы организации производства, назначение и функции строительных материалов, стандартизация, специфика и динамика их применения во времени и пространстве; определение степени трудоёмкости и трудозатрат в производстве и другие не менее важные вопросы.

Географические рамки исследования достаточно широки и включают материалы по истории керамического ремесла ряда средневековых государств, существовавших на территории Центральной Азии и Дальнего Востока, изделия которого можно объединить в общий круг вещественных источников с общими основами производства и традициями применения. Средневековый Китай являлся источником знаний и вдохновителем в различных областях культуры и ремесла. Изготовление строительной керамики является одним из древнейших традиционных ремёсел. Влияние культуры Китая на окружающий мир, буддизм и строительство храмов способствовали повсеместному распространению приёмов китайской строительной техники и началу их самостоятельной эволюции, что обусловило широкую востребованность керамического кирпича и черепицы в качестве строительного материала [23, с. 85]. В X–XIII вв. важным фактором стало перемещение на дальние расстояния квалифицированных ремесленников, явившееся следствием захватнических войн [12, с. 53–60; 8, с. 232; 13, с. 201; 30: р. 57].

Основываясь на отрывочности и скудности доступных сведений, надо признать, что большая часть из них, к сожалению, носит непрямой, косвенный характер. Тем не менее, для решения поставленной задачи стало возможным обобщить вещественные данные в виде археологических находок строительных материалов и остатков средневековых производственных комплексов, предпринять попытку привлечь данные этнографии, а также сведения из письменных источников в виде исторических текстов и надписей на археологических предметах.

Основываясь на многочисленных археологических находках, можно утверждать, что производство строительной керамики в период средневековья являлось весьма востребованным и распространённым. Рост средневековых городов был непосредственно связан с развитием различных ремёсел. В

этот период времени развивалось государственное (казённое) и частное ремесло. Таким образом, рост городов обуславливал и большой спрос на изделия отрасли, и бурное развитие ремесла.

В первую очередь, наиболее крупным потребителем строительной керамики являлся императорский двор. Черепицей крылись крыши дворцов, парков, мавзолеев, административных, а также храмовых и прочих зданий. При этом использовались богато декорированные изделия и кровельная скульптура, выгодно выделяя их на фоне остальных построек. Применение черепицы в строительстве было достаточно дорогим, строго регламентировалось и контролировалось законодательством. В Китае, уже в Тан (618–907 гг.), жителям городов было рекомендовано использовать черепичные кровли для защиты от огня. Позднее, в Сун (960–1279 гг.) был выпущен указ применять черепицу в жилых кварталах, чтобы предотвратить распространение городских пожаров [32, р. 489]. И, конечно, надо думать, что в данном случае речь шла о самой простой сероглиняной черепице, с минимальным ассортиментом, представленным в кровле, без украшений. Позднее, в "Истории государства Юань" ("Юань ши") говорится: "Если человек из простых людей украсил свой конёк на крыше плитами с животными, он получил 37 ударов, а мастер 27" [33, р. 54].

В этот период времени совершенствуется техника ремесла: производство постепенно усложняется, появляется межотраслевая специализация [3, с. 149], разрабатываются стандарты продукции.

По свидетельству письменных источников, в некоторых средневековых китайских городах в XI–XIII вв. существовало три типа профессиональных объединений, содержащих те или иные признаки цеха, например, такие как ремесленные и торгово-ремесленные корпорации, объединения внецеховых ремесленников (лавки и мастерские), а также казённое ремесло. Среди них упоминаются и объединения мастеров-черепичников [25, с. 124–125].

Цеховые организации – объединения ремесленников некоторых строительных специальностей, производственные ячейки, были узаконены ещё в первой половине VIII в. По крайней мере, в Китае порядка 35 тыс. ремесленников были зарегистрированы под крышей Отделения дворцового строительства. Цех являлся, как правило, семейной организацией. Ремесленникам не разрешалось выбирать другую профессию, кроме уже закреплённой. Существовала государственная регистрация ячеек, облагавшихся налогами [39, р. 3]. В VII–X вв. среди прочих имелась специальная структура в виде правительственной инспекции, контролирующей государственное строительство [24, с. 25; 13, с. 196].

Производство строительной керамики в средние века, вероятно, в большей степени функционировало на базе государства. В литературе упоминаются сведения относительно существования в Сун государственных обжигательных печей (Гуан-яо), подчинявшихся только Министерству строительных работ и использовавшихся для изготовления продукции императорских дворцов [39, р. 9–10]. В Юань (1276 г.) была организована Дирекция государственных мануфактур, объединившая под своим руководством 300 ремесленников, которые занимались изготовлением глазурованной архитектурной керамики [30, р. 57]. Принципами казённого ремесла являлось централизованное управление, обеспечение необходимым сырьём, орудиями производства, помещениями, использование принудительного труда и др. [3, с. 149].

Изготовление строительной керамики – процесс весьма трудоёмкий. В силу специфики применения, эта отрасль средневековой экономики обеспечивала своей продукцией только внутренний рынок. Необходимо было большое количество ремесленников, отвечающих за разные производственные этапы и конкретные операции. Судить об организации, кадровом составе и внутренней иерархии в мастерских в той или иной степени можно, обратившись к данным средневековой эпиграфики – коротким надписям и оттискам штампов на черепице.

Исходя из данных китайских источников, знаки ставились только на верхней черепице, по причине того, что она требовала больших навыков для изготовления. Иногда надписи содержат свидетельства иерархического разделения труда мастеров, ответственных за ту или иную операцию, например, квалифицированных ремесленников, изготавливающих полуфабрикаты че-

репиц, мастеров, которые разрезали черепицу на части, а также ремесленников, которые занимались обработкой внешней поверхности [19, с. 123]. На верхней черепице, обнаруженной при исследовании памятников Западной Хань (206 г. до н.э. – 8 г. н.э.) имеются оттиски "Великий мастер", что свидетельствует о квалификации ремесленника, производившего черепицу [34, р. 203].

В целом, изучение надписей на древней и раннесредневековой черепице в исторической ретроспективе показало, что население отбиралось в принудительном порядке на государственные нужды для общественного строительства и производственных работ. Надписи со штампованными символами, найденные в древних столицах Цинь (221–207/206 гг.) и Западной Хань (206 г. до н.э. – 8 г. н.э.), например, свидетельствуют, что большая часть мастеров были осуждены и являлись заключёнными государственных тюрем. Некоторые символы на черепице из Лояна (Зап. Хань) говорят о том, что ремесленники были захвачены для военной службы и являлись в то время важной рабочей силой. Позднее, уже в средневековье (династия Северная Вэй) (386–534 гг.) мастера ставили свои метки с целью качества произведённой продукции. Таким образом, социальный статус занятых при изготовлении черепицы и государственном строительстве мастеров в периоды рубежа эр и раннего средневековья был различён и сводился к нескольким социальным группам: 1. правительственные ремесленники, игравшие ведущую роль в группе ремесленников; 2. осуждённые лица; 3. работники из числа тех, на которых были наложены государственные повинности; 4. военнообязанные [35]. Вероятно, эта же схема продолжала "работать" и позже.

На чжурчжэньских, северо-сунских и монгольских памятниках частыми находками является кирпич и половые плиты, на поверхность которых нанесены отпечатки ладоней рук – знак мастера или даже знак качества [20, с. 151; 15, с. 317, рис. 94, 7, с. 52; 36].

В средневековой же Корее знания передавались по наследству, от отца к сыну [10, с. 65]; производством черепицы занимались мужчины, поскольку процесс включал в себя применение сложных теплотехнических устройств, да и сами операции составления глиняного состава, с использованием больших объёмов перемещаемых глины и воды, формовки и сушки, разделения готовых черепиц, составления подсушенной продукции в печи, её разгрузка являлись достаточно сложными в физическом плане.

В позднее средневековье в Китае изготовление черепицы также стало семейным делом и передавалось от отца к сыну, из поколения в поколение: в середине прошлого века китайским исследователям удалось установить потомков семейств, занимавшихся изготовлением черепицы, продолжавших семейное ремесло. Некоторые из них до сих пор хранят штампы, на которых имеются надписи фамилии и даты, начиная с 1537 г. [33, р. 58].

Характер локализации известных нам производственных комплексов различён. Средневековые производственные центры, специализировавшиеся на изготовлении строительных материалов, устраивали, в первую очередь, вблизи от необходимых источников – глины и воды [21, с. 67; 6, с. 256–257; 23, с. 81–83], а могло располагаться в непосредственной близости к объекту, на котором велось строительство [28, р. 149–151]. Часто печи для обжига керамики устраивались на некотором удалении от городов, поскольку расположение внутри него создавало бы большую пожароопасность [9, с. 35].

Производство строительной керамики и керамической посуды на первых этапах своего развития имело единую основу, но постепенно производство строительной керамики выделилось в отдельную отрасль. При этом сформировался комплекс специфического инструментария: деревянные рамки-ящики для формовки кирпича, разные виды черепичных шаблонов, устанавливавшихся на поворотном (вращающемся) столике, колотушка для отбивки поверхности, нить для срезания черепицы шаблона, инструмент для подравнивания и подправки поверхности, ткань простейшего вида для оборачивания шаблонов, разные виды декоративных штампов, от простейших – для нанесения отдельных единичных оттисков, до специальных, изготовленных под размер черепичного отлива [23, с. 33, рис. 54]; "лучок с тетивой", в современном понимании – гончарная струна для нарезания пластов с целью формования кирпичных и черепичных полуфабрикатов. Иллюстрации некоторых из них

приведены в источнике "Тяньгун Кайу" (1637 г.) ("Совершенство поднебесную, получаем вещи") [41, fig. 7:1, 7:2]. Такой набор инструментов оказался весьма устойчивым и сохранился, по крайней мере, вплоть до середины прошлого столетия [29, fig. 384–387; 407–409, 412; 31, fig. 3.85–3.88, 3. 169–3.172; 37, fig. 221–226].

Развитие теплотехнических устройств в период средневековья претерпело ряд принципиальных изменений и шло по пути усложнения: постепенно утолщались стенки печей, появлялись горны. Для их устройства стал применяться кирпич, поскольку он обладал высокой теплоёмкостью. Горны являлись многообразными устройствами. Со временем усложняется также система жаропроводных каналов, мастера постепенно освоили возможность использования разных видов топлива, применение различных атмосферных режимов, двойной обжиг для получения изделий с разноцветными глазурями. Следует отметить достижения китайских ремесленников в виде возможности обжигать изделия в восстановительной среде, применения эффекта дымления и обработки изделий паром, талька, а также разноцветными глазурей с использованием ангобов. Всё это возможно было получить только с помощью многочисленных опытов, путём проб и ошибок.

Спектр применявшегося топлива для обжига строительной керамики вариативен. По данным из "Тяньгун Кайу", топливом для обжига черепицы являлся хворост и камыш [4, с. 149]; имеются данные, что применяли траву, злаковые, полынь, сосновые ветки, сухой помёт мелкого рогатого скота [39, р. 8], ветки берёзы, дуба, возможно, и брёвна этих и хвойных деревьев [26, с. 347], а также уголь [2, с. 123; 4, с. 149]. Этнографические данные свидетельствуют о том, что кустарные печи топились сеном, гаоляновыми стеблями и хворостом [11, с. 9].

Развитие средневекового ремесла в конце XI – начале XII вв. в Китае позволило создать единую архитектурно-строительную систему, обобщившую весь многовековой опыт. "Инцзао фаши" ("Формы и методы строительства", или согласно другому переводу "Государственные строительные стандарты", 1103 г.) – произведение, автором которого был Ли Минчжун. Трактат, построенный на основе различных источников, учитывал и обобщал практический опыт возведения зданий и изготовления необходимых строительных материалов. Принятая система типизации и стандартизации отдельных элементов конструкций позволяла изготовить весь комплекс деталей заранее, осуществить транспортировку полного "набора" строительных материалов – колонн, перекрытий, балок, каменных баз, кровельной керамики, скульптуры, кирпича и проч., а затем полностью, в короткий период времени возвести здание на месте, отведённом под строительство. Применению черепицы и кирпича, их изготовлению, было посвящено 2 главы из 15 глав книги: глава 13 – черепица, 15 – кирпичу и устройству печей для обжига, отдельно была приведена технология глазурования суриком.

Размеры всех строительных деталей были стандартизированы. Так, согласно трактату, в Сун официально изготавливалось 13 размерных стандартов кирпича, квадратные половые плиты. Часть их могло быть использована для возведения публичных зданий, мостов, стен города и пагод, а также, вероятно, колодцев. Черепица была двух основных типов, каждая из них имела по семь размерных стандартов [39, р. 6–7].

Ассортимент и размеры строительной керамики, её размеры являлись частью сложившейся к XII в. архитектурно-строительной системы. Стандартизация размеров черепицы исходила из модуля 1 чи. По данным китайской метрологии, эта величина была переменной: существовал, например, торговый чи, портняжный, кирпичный, строительный и многие другие [17, с. 215]. 1 чи для черепицы и кирпича, применявшихся в Сун, по данным "Инцзао Фаши" являлась постоянной величиной в 32 см. Стандартны были не только размеры изделий, но и форма, а также, вероятно, их вес.

В основе стандартизации размеров чжурчжэньской черепицы также лежит модульная система [23, с. 63–66]. Согласно результатам проведённого исследования, размерная стандартизация черепицы, обнаруженной на чжурчжэньских памятниках в Приморье, нескольких стандартов, также исходила из эталона 1 чи, который равнялся 32 см. Аналогичный вывод применим и к строительному кирпичу чжурчжэней [1, с. 64].

Изучение черепицы и кирпича средневековых монгольских памятников показало, что они имеют общий размерный стандарт, который составляет 27–29 см по длине изделий. Исследования японских и монгольских археологов на городище Аварга в Монголии позволили установить, что значение 29,6 см соответствует показателю 1 чи в китайской метрической системе и является архитектурным модулем. Было высказано предположение, что этот модуль использовался у средневековых монголов для строительства в первой трети XIII–в. [42, р. 4].

Общее количество черепицы на крыше и её вес также был строго упорядочен: в "Инцзао Фаши" приводятся следующие нормы кровельных покрытий: для крыш дворцовых построек предписывалось использовать 400 кг черепицы на 1 кв. м, для других типов зданий – 280 и 200 кг соответственно [38, р. 228]. Учитывая вес черепицы (в среднем – около 2,5 кг), и её стандартные размеры, несложно подсчитать необходимое количество изделий. Каждый тип черепицы имел своё назначение в кровле, однако некоторые типы её были полифункциональными и универсальными [23, с. 95–96], таким образом, возможно было использовать в кровле минимальный набор черепичного ассортимента. Вид кровельного покрытия крыши постройки, многообразие декора зависели, в первую очередь, от её статуса.

Изделия, при необходимости, заменялись при ремонте кровель: черепичные крыши были легко разбираемы и транспортабельны. Вследствие трудоёмкости производства, большой себестоимости изделий, черепицу и кирпич не выбрасывали, их охотно использовали в перестройках, а также утилитарно, например, при покрытии и устройстве каналов кана – отопительного устройства жилища, где под полом проходили распространяющие тепло дымоходные каналы. Как правило, их поверхность покрывалась плоскими камнями. Кирпич использовали для постройки фундаментов стен, печей, а также для устройства керамических и металлургических горнов [20, с. 78–88; 6, с. 256–257]. Известно применение черепицы при устройстве могил. На Краскинском городище в Приморье, датированном временем существования государства Бохай (VII–X вв.) была исследована подземная камера с черепичными стенами. Камера находилась в непосредственной близости от буддийского храмового комплекса: возможно, она была построена в ритуальных целях [5, с. 66]. Из черепиц изготавливались игральные фишки. Примеры такого "необычного" применения можно проследить у киданей, чжурчжэней, монголов [см., напр., 14, с. 176]. Черепицей, вышедшей из употребления, мостились городские дороги.

Обжиг изделий являлся самым сложным технологическим этапом во всём процессе производства. Устройства, применявшиеся для обжига строительной керамики, являлись специализированными, хотя в них также можно было обжигать и посуду, в том числе и глазурованную. В "Инцзао Фаши" имеются сведения, что в Сун печи для обжига кирпича и черепицы имели специализацию и были двух типов. Да яо применялась для обжига кирпича и черепицы и была больше, чем Пу яо, которая использовалась для производства глазурованных предметов. Таким образом, размеры печей, их устройство, являлись стандартными и также регламентировались [39, р. 9–10].

В последнее время исследовано несколько средневековых памятников, специализировавшихся на производстве строительной керамики. Степень их изученности и сохранности неодинакова. Один из них располагался в Приморье. Здесь была частично раскопана черепичная мастерская с остатками двух печей для обжига, одна из которых была полностью заполнена готовой продукцией – всего 1840 экз. плоской (простой) черепицы, составленной в 4 яруса. Очевидно, обжиг её не был завершён [6, с. 256–257; 23, с. 35]. Печи располагались в 10 км от Шайгинского городища, крупного ремесленного центра чжурчжэней (XII – перв. треть XIII вв.), уездного города. Они обеспечивали своей продукцией близлежащие города. Печь 1 плохой сохранности, она имела в плане подовальную форму. Стенки её были сложены из сырового кирпича на глиняном растворе. Топка печи – глиняная сводчатая камера толщиной несколько сантиметров. Камера обжига размером 1,97 м, максимальная ширина 1,62 м, сохранившаяся высота стен – 1,5 м. Под печи представлял собой предварительно обожжённую ровную площадку из плотной утрамбованной глины толщиной 5–7 см. В нижней части задней стенки

печи прослежены остатки четырёх дымоходных каналов, размером 2-23x8 см, закрытые кусками кирпичей и сырой глины. В центральной части камеры обжига установлены дымоходы по три кирпича в толщину и три – в длину. По краям печи уложены цепочки толщиной в 1 кирпич. Оставшиеся каналы пересекаются рядами на более узкие 10 каналов. Свод печи изготовлен из глины и фрагментов строительной керамики. Вторая печь, расположенная в нескольких метрах от первой, худшей сохранности. По размерам она немного больше первой, длиной 2,4 м, шириной 2,24 м. В ней насчитывалось 6 дымоходных каналов, перекрытых целыми или фрагментированными кирпичами. Боковая стенка сохранилась на высоту 9 кирпичей.

Второй крупный центр недавно открыт в юго-восточном Забайкалье [16]. Памятник Сухой Арбулак находится на расстоянии 4 км от другого памятника – Кондуйского городка – дворцового комплекса монгольских ханов, расположенного на периферии (XIII–XIV вв.). Здесь располагался производственный комплекс, на котором осуществлялся полный цикл по изготовлению строительной керамики, включая её глазурование разноцветными составами. Планиграфия памятника представляет собой полтора десятка округлых холмов, расположенных в виде двух линий Г-образной формы, стоящих параллельно друг другу; в западной части памятника зафиксированы остатки кирпичного фундамента довольно большой постройки. Очевидно, памятник представлял собой поселение ремесленников, занимавшихся изготовлением кирпича, черепицы, архитектурной керамики, мелкой пластики, и являлся частью инфраструктуры, созданной с целью возведения и обслуживания Кондуйского дворцового комплекса. Здесь обнаружено большое количество шлака в виде пережжённой глины и бракованных изделий, начато исследование керамического горна. Материалы обоих памятников идентичны [22].

Производство глазурованной черепицы и кирпича основывалось на опыте и достижениях китайских мастеров. Вопрос об источниках глазурных масс чрезвычайно интересен. В состав последних вводились минеральные пигменты в виде оксидов свинца, меди, марганца, железа и др., которые в необходимых количествах и пропорциях придавали различную окраску поверхности керамики. Спектральный анализ цветных глазурей на черепице, обнаруженной на памятнике Сухой Арбулак, имеющих жёлтый и зелёный цвет, выявил, что они свинцовые. В "Инцзао Фаши" приводятся сведения, что в качестве красящих окислов при изготовлении черепицы применяли оксид свинца в виде сурика или свинцового глета, кварцевый порошок и порошок меди. Эти компоненты соединялись в пропорции 3:0.3:1 с тёплой водой. Использование такой рецептуры позволяло получить глазурь зелёного цвета, имевшую нефритовый оттенок. Применение соединённых вместе свинца, меди и железа, при температуре около 700°C позволяло получить глазурь буро-жёлтого, зелёного или оранжево-красного цвета в зависимости от количества составляющих её компонентов. Для получения глазури также использовали олово и селитру [39, р. 9]. Справедливости ради следует отметить, что все вышеупомянутые компоненты имеются на территории юго-восточного Забайкалья. Медь в виде азурита в самородном виде в настоящее время можно собирать на поверхности Кондуйского городка. Она могла добываться и "из залежей медных руд, одна из которых, Курунзлаевская" [18, с. 41], располагается в 50 км от Кондуйского городка. Олово и ртуть также имеется недалеко от памятника. Серебросвинцовая руда в достаточном количестве находится в окрестностях с. Кондуй.

Третий производственный комплекс был исследован на территории Монголии, в Харахорине – столице Монгольской империи (XIII–XIV вв.). Здесь были раскопаны остатки четырёх идентичных горнов для обжига строительной керамики, располагавшиеся рядом друг с другом на ограниченной территории 19x19 м близи храма. Размеры печей, сложенных из кирпича серого цвета от 3 до 4,6 м, максимально сохранившаяся высота стен 1,5 м. Продукцией этого комплекса являлся кирпич, черепица, кровельная скульптура. Ещё 14 аналогичных печей обследованы за пределами столичного города [28, р. 147–149; 27, р. 101–102].

На всех вышеупомянутых производственных площадках работали печи северокитайского типа "маньтоу" (т.н. круглые печи, в форме "лошадиного копыта"). По своей конструкции найденные теплотехнические конструкции

являлись устройствами с обратным пламенем. Аналогичные устройства обнаружены и на территории Китая [39, р. 9–10].

При исследовании производственных объектов и среди находок, обнаруженных при раскопках городищ, обнаружены отходы производства – разнообразные образцы бракованных изделий. Их находки всегда свидетельствуют об исключительно местном характере изготовления подобной продукции.

В "Инцзао Фаши" цикл производства строительной керамики был регламентирован, и, не включая формовку и сушку, занимал несколько дней. Так, при обжиге черепицы в первый день сырец штабелировали в печь, на второй день изделия подвергались обжигу, на третий день осуществлялся полив печи водой; затем печь открывали, и она медленно остывала на протяжении трёх дней. На следующем этапе печь разгружалась. Таким образом, весь этап обжига был весьма длительным и трудоёмким и занимал не менее 7 дней. Экономически оправданной была постройка нескольких печей в мастерской: пока одна печь разгружалась, следующая только начинала обжиг. Это позволяло, не теряя времени, работать непрерывно, ведь изготовление керамики являлось сезонным производством. В начале 30-гг. прошлого столетия на кустарных кирпичных заводах в Маньчжурии изготовление и обжиг изделий длился около полугода – с апреля по март; в период дождей кирпич не изготавливали, а в холодный период времени шла подготовка глиняного сырья [11, с. 9]. Учитывая наличие нескольких обжигающих горнов, количество готовой продукции, даже с учётом сезонного характера производства, такие мастерские работали весьма продуктивно, изготавливая десятки и даже сотни тысяч готовых изделий за сезон.

Таким образом, наряду с другими средневековыми производствами, изготовление строительной керамики – ремесло, являвшееся важной частью экономики, обусловленное спросом, большим внутренним рынком сбыта, прошедшее долгий путь развития на обширном пространстве Центральной Азии и Дальнего Востока. Производственные центры отрасли специализированные, сконцентрированы на ограниченной территории, использовали местные геологические источники и ресурсы. Продукты производства были стандартизированы. Необходимость развития отрасли обеспечивало преобладание и способствовало развитию квалифицированных кадров. В период средневековья отрасль развивалась особенно динамично, имела зачатки централизованного производства и внутриотраслевого разделения труда и, по сути, являлась кустарным ремеслом в виде серийного производства изделий с применением ручного труда.

Литература

1. Артемьева Н.Г. Домостроительство чжурчжэней Приморья XII-XIII вв. Владивосток: Дальпресс, 1998. 302 с.
2. Богачихин М.М. Керамика Китая: история, легенды, секреты. М., 1998. 388 с.
3. Бокщанин А.А., Непомнин О.Е., Степугина Т.В. История Китая: древность, средневековье, новое время. М.: Восточная литература, 2010. 599 с.
4. Болдин В.И., Ивлиев А.Л. Черепичное производство в Бохае (по материалам Краскинского городища) // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1984. С. 142–151.
5. Болдин В.И., Гельман Е.И., Ивлиев А.Л., Лещенко Н.В. Уникальная находка на Краскинском городище. Подземная камера с черепичными стенами // Россия и АТР. 2005. № 3. С. 66–83.
6. Васильев Ю.М. Раскопки печей для обжига черепицы // Археологические открытия. 1994. М.: ИА РАН, 1995. С. 256–257.
7. Войтов В.Е. Элементы архитектурного декора из древних памятников Центральной Монголии // Научные сообщения ГМИНВ. М.: Наука, 1981. Вып. 15. С. 41–59.
8. Воробьёв М.В. Чжурчжэни и государство Цзинь (X–1234 гг.). Исторический очерк. М.: Наука, 1975. 447 с.
9. Гайдукевич В.Ф. Античные керамические обжигательные печи: по раскопкам Керчи и Фанагории в 1929–1923 гг. // Известия Гос. Академии истории материальной культуры. М., Л.: Гос. соц.-экон. изд-во. Вып. 80. 118 с.
10. Глухарева О.Н. Искусство Кореи с древнейших времен до конца XIX в. М.: Искусство, 1982. 256 с. с илл.

11. Жернаков В. Кирпичное производство в Харбине // Вестник Маньчжурии. Экономический бюллетень. Приложение. 1932. № 2. С. 7–16.
12. Ивлиев А.Л. Межэтнические контакты в средние века на востоке Азии // Вестн. ДВО РАН, 1997. № 1. С. 53–60.
13. Илюшечкин В.П. Сословно-классовое общество в истории Китая (опыт системно-структурного анализа). М.: Наука, 1986. 396 с.
14. Киданьский город Чинтолгай-балгас / отв. ред. Н.Н. Крадин. М.: Восточная литература, 2011. 173 с. илл.
15. Киселёв С.В. Строительные материалы Каракорума // Древнемонгольские города. М.: Наука, 1965. С. 316–322.
16. Крадин Н.Н., Бакшеева С.Е., Бакшеев С.А., Прокопец С.Д., Буравлёв И.Ю. Начальный этап исследований производства строительных материалов Кондуйского дворца // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2018. № 1. с. 3–39.
17. Кроль Ю.Л., Романовский Б.В. Опыт систематизации традиционной китайской метрологии // Страны и народы Востока. М.: Наука, 1982. Вып. 23. С. 209–243.
18. Кузнецов А.К. Развалины Кондуйского городка и его окрестности. Владивосток: Книжное издательство, 1925. Т. 16. 64 с.
19. Крюков М.В., Софронов М.В., Малявин В.В. Китайский этнос на пороге средних веков. М.: Наука, 1979. 328 с.: илл.
20. Леньков В.Д. Металлургия и металлообработка у чжурчжэней в XII веке (По материалам исследований Шайгинского городища). Новосибирск, 1974. 188 с.
21. Майдар Д., Пюрвеев Д. От кочевий до мобильной архитектуры. М.: Стройиздат, 1980. 266 с.: илл.
22. Саранцева С.Е. Черепица Кондуйского городка // Россия и АТР. 2012. № 2. С. 60–69.
23. Саранцева С.Е. Чжурчжэньская черепица: По материалам средневековых памятников Приморья. Владивосток: Дальнаука, 2013. 348 с.
24. Свистунова Н.П. Казённое ремесло танского периода (VII–X вв.). Структура, сырьё, рабочая сила // История и культура Китая. М.: Наука, 1974. С. 249–274.
25. Стужина Э.П., 1979. Китайский город XI–XIII вв.: Экономика и социальная жизнь. М.: Наука. 408 с. ил.
26. Тушикина С.М., 2003. Центр керамического производства в средневековом Приморье // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: Материалы междунар. конф. "Из века в век", посвящ. 95-летию со дня рождения акад. А.П. Окладникова и 50-летию Дальневост. археол. экспедиции РАН. Владивосток, 11–25 сент. 2003 г. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 347–350.
27. Bemman J., Hollmann T., Ahrens B., Mueller S. A stone Quarry on the Hinterland of Karakorum, Mongolia, with Evidence of Chinese Stonemasons // Journal of Inner Asian Art and Archaeology. 2011. Vol. 6. p. 101–136.
28. Franken C. Die Brennofenim Palastbezirk von Karakorum // Dschingis Khan Seine Erben: Das Weltreich der Mongolen. Bonn. 2005. P. 147–149. На нем. яз.
29. Hommel R.P. China at Work; An Illustrated Record of the Primitive Industries of China's Masses, Whose Life is Toil, and thus an account of Chinese Civilization. Cambridge, Mass., Publ. by The M.I.T. Press, 1969. 366 p., ill. На англ. яз.
30. Hsiang-ling Hsu E. Monks in glaze: patronage, kiln origin, and iconography of the Yixian Luohans. Leiden; Boston: Brill, 2017. 284 p. На англ. яз.
31. Knapp R.G. China's Old Dwellings. Honolulu: University of Hawaii Press, 1986. 362 p. На англ. яз.
32. Kerr R., Needham J., Wood N. Science and Civilization in China: Volume 5, Chemistry and Chemical Technology, Part 12, Ceramic Technology. Cambridge: Cambridge University Press 2004. 968 p. На англ. яз.
33. Krahl R. Glazed Roof and Other Tiles // Orientations. Vol. 22. N. 3 (March 1991). P. 47–61. На англ. яз.
34. Liu Zhendong, Zhang Jianfeng. A Preliminary Study of Semi-circular Roof Tiles of the Western Han // Chinese Archaeology. Vol. 9. 202–206. На англ. яз.
35. Mukai Yusuke. Roof Tiles System in Ancient and Medieval China // Fifth Worldwide Conference of the SEAA. 6-10 June 2012, Fukuoka, Japan. // [Электронный ресурс]. URL <http://www.seaa-web.org/arc-con-fuk-sced.htm> / (дата обращения 06.02.2014).
36. Northern Song Dynasty mural tomb found in Shanxi // [Электронный ресурс]. URL http://www.chinadaily.com.cn/culture/2017-08/31/content_31366250.htm / (дата обращения 20.01.2018).
37. Qinghua Guo. Chinese architecture and planning: Ideas, Methods, Techniques. Stuttgart, London: Ed. Axel Menges, 2005. 166 p. На англ. яз.
38. Qinghua Guo. The structure of Chinese Timber Architecture. London – Sydney, 1999. 424 p. На англ. яз.
39. Qinghua Guo. Tile and Brick Making in China: A Study of the Yingzao Fashi // Construction History. 2000. Vol. 16. P. 3–11. На англ. яз.

40. Qinghua Guo. Yingzao Fashi: Twelfth-Century Chinese Building Manual // Architectural History. 1998. Vol. 41. P. 1–13. На англ. яз.
41. Sung Ying-Hsing. Chinese Technology in the Seventeenth Century: T'ien-kung K'ai-wu. (transl. by E-tu Zen Sun & Shiou-chuan Sun). Publ. by Dover Publications, Mineola, New York, 1997. 372 p. На англ. яз.
42. The Avraga site: Preliminary report on Japanese-Mongolia Joint Archaeological Expedition "New Century Project" 2009. 2010. Niigata University, Mongolian Academy of Sciences / Ed. By N. Shiraishi. Niigata, 2011. 26 p. На англ. яз.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Artem'eva N.G. Domostroitel'stvo chzhurchzhzhnej Primor'ya XII-XIII vv. Vladivostok: Dal'press, 1998. 302 s.
2. Bogachikhin M.M. Keramika Kitaya: istoriya, legendy, sekrety. M., 1998. 388 s.
3. Bokshhanin A.A., Nepomnin O.E., Stepugina T.V. Istoriya Kitaya: drevnost', srednevekov'e, novoe vremya. M.: Vostochnaya literatura, 2010. 599 s.
4. Boldin V.I., Ivliev A.L. Cherepichnoe proizvodstvo v Bokhae (po materialam Kraskinskogo gorodishha) // Arkheologiya yuga Sibiri i Dal'nego Vostoka. Novosibirsk: Nauka, 1984. S. 142–151.
5. Boldin V.I., Gel'man E.I., Ivliev A.L., Leshhenko N.V. Unikal'naya nakhodka na Kraskinskom gorodishhe. Podzemnaya kamera s cherepichnymi stenami // Rossiya i ATR. 2005. № 3. S. 66–83.
6. Vasil'ev YU.M. Raskopki pechej dlya obzhiga cherepitsy // Arkheologicheskie otkrytiya. 1994. M.: IA RAN, 1995. S. 256–257.
7. Vojtov V.E. EHlementy arkhitekturnogo dekora iz drevnikh pamyatnikov TSentral'noj Mongolii // Nauchnye soobshheniya GMINV. M.: Nauka, 1981. Vyp. 15. S. 41–59.
8. Vorob'yov M.V. Chzhurchzhzhni i gosudarstvo TSzin' (X–1234 gg.). Istoricheskij ocherk. M.: Nauka, 1975. 447 s.
9. Gajdukevich V.F. Antichnye keramicheskie obzhigatel'nye pechi: po raskopkam Kerchi i Fanagorii v 1929–1923 gg. // Izvestiya Gos. Akademii istorii material'noj kul'tury. M., L.: Gos. sots.-ehkon. izd-vo. Vyp. 80. 118 s.
10. Glukhareva O.N. Iskusstvo Korei s drevnejshikh vremen do kontsa XIX v. M.: Iskusstvo, 1982. 256 s. s ill.
11. Zhernakov V. Kirpichnoe proizvodstvo v KHarbine // Vestnik Man'chzhurii. EHkonomicheskij byulleten'. Prilozhenie. 1932. № 2. S. 7–16.
12. Ivliev A.L. Mezhehtnicheskie kontakty v srednie veka na vostokey Azii // Vestn. DVO RAN, 1997. № 1. S. 53–60.
13. Ilyushechkin V.P. Soslovno-klassovoye obshhestvo v istorii Kitaya (opyt sistemno-strukturnogo analiza). M.: Nauka, 1986. 396 s.
14. Kidan'skij gorod CHintolgoj-balgas / otv. red. N.N. Kradin. M.: Vostochnaya literatura, 2011. 173 s. ill.
15. Kiselyov S.V. Stroitel'nye materialy Karakoruma // Drevnemongol'skie goroda. M.: Nauka, 1965. S. 316–322.
16. Kradin N.N., Baksheeva S.E., Baksheev S.A., Prokopets S.D., Buravlyov I.YU. Nachal'nyj ehtag issledovaniy proizvodstva stroitel'nykh materialov Kondujского dvortsa // Mul'tidistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii. 2018. №1. s. 3–39.
17. Krol' YU.L., Romanovskij B.V. Opyt sistematizatsii traditsionnoj kitajskoj metrologii // Strany i narody Vostoka. M.: Nauka, 1982. Vyp. 23. S. 209–243.
18. Kuznetsov A.K. Razvaliny Kondujского gorodka i ego okrestnosti. Vladivostok: Knizhnoe izdatel'stvo, 1925. T. 16. 64 s.
19. Kryukov M.V., Sofronov M.V., Malyavin V.V. Kitajskij ehtnos na poroge srednikh vekov. M.: Nauka, 1979. 328 s.: ill.
20. Len'kov V.D. Metallurgiya i metalloobrabotka u chzhurchzhzhnej v XII veke (Po materialam issledovaniy SHajginskogo gorodishha). Novosibirsk, 1974. 188 s.
21. Majdar D., Pyurveev D. Ot kochevij do mobil'noj arkhitektury. M.: Strojizdat, 1980. 266 s.: ill.
22. Sarantseva S.E. Cherepitsa Kondujского gorodka // Rossiya i ATR. 2012. № 2. S. 60–69.
23. Sarantseva S.E. Chzhurchzhzhn'skaya cherepitsa: Po materialam srednevekovykh pamyatnikov Primor'ya. Vladivostok: Dal'nauka, 2013. 348 s.
24. Svistunova N.P. Kazyonnoe remeslo tanskogo perioda (VII–X vv.). Struktura, syr'yo, rabochaya sila // Istoriya i kul'tura Kitaya. M.: Nauka, 1974. S. 249–274.
25. Stuzhina EH.P., 1979. Kitajskij gorod XI–XIII vv.: EHkonomika i sotsial'naya zhizn'. M.: Nauka. 408 s. il.
26. Tupikina S.M., 2003. TSentr keramicheskogo proizvodstva v srednevekovom Primor'e // Problemy arkheologii i paleoehkologii Severnoj, Vostochnoj i TSentral'noj Azii: Materialy mezhdunar. konf. "Iz veka v vek", posvyashh. 95-letiyu so dnya rozhdeniya

akad. A.P. Okladnikova i 50-letiyu Dal'nevost. arkheol. ehkspeditsii RAN. Vladivostok, 11–25 sent. 2003 g. Novosibirsk: IAEHT SO RAN. S. 347–350.

27. Bemman J., Hollmann T., Ahrens B., Mueller S. A stone Quarry on the Hinterland of Karakorum, Mongolia, with Evidence of Chinese Stonemasons // *Journal of Inner Asian Art and Archaeology*. 2011. Vol. 6. p. 101–136.

28. Franken S. Die Brennofenim Palastbezirk von Karakorum // *Dschingis Khan Seine Erben: Das Weltreich der Mongolen*. Bonn. 2005. R. 147–149. Na nem. yaz.

29. Hommel R.P. China at Work; An Illustrated Record of the Primitive Industries of China's Masses, Whose Life is Toil, and thus an account of Chinese Civilization. Cambridge, Mass., Publ. by The M.I.T. Press, 1969. 366 r., ill. Na angl. yaz.

30. Hsiang-ling Hsu E. Monks in glaze: patronage, kiln origin, and iconography of the Yixian Luohans. Leiden; Boston: Brill, 2017. 284 p. Na angl. yaz.

31. Knapp R.G. China's Old Dwellings. Honolulu: University of Hawaii Press, 1986. 362 r. Na angl. yaz.

32. Kerr R., Needham J., Wood N. Science and Civilization in China: Volume 5, Chemistry and Chemical Technology, Part 12, Ceramic Technology. Cambridge: Cambridge University Press 2004. 968 r. Na angl. yaz.

33. Krahl R. Glazed Roof and Other Tiles // *Oriental Art*. Vol. 22. N. 3 (March 1991). P. 47–61. Na angl. yaz.

34. Liu Zhendong, Zhang Jianfeng. A Preliminary Study of Semi-circular Roof Tiles of the Western Han // *Chinese Archaeology*. Vol. 9. 202–206. Na angl. yaz.

35. Mukai Yusuke. Roof Tiles System in Ancient and Medieval China // *Fifth Worldwide Conference of the SEAA. 6-10 June 2012, Fukuoka, Japan*. // [EHlektronnyj resurs]. URL <http://www.seaa-web.org/arc-con-fuk-sced.htm> / [Data obrashheniya 06. 02. 2014 g.]

36. Northern Song Dynasty mural tomb found in Shanxi // [EHlektronnyj resurs]. URL http://www.chinadaily.com.cn/culture/2017-08/31/content_31366250.htm / [Data obrashheniya 20.01. 2018 g.]

37. Qinghua Guo. Chinese architecture and planning: Ideas, Methods, Techniques. Stuttgart, London: Ed. Axel Menges, 2005. 166 p. Na angl. yaz.

38. Qinghua Guo. The structure of Chinese Timber Architecture. London – Sydney, 1999. 424 p. Na angl. yaz.

39. Qinghua Guo. Tile and Brick Making in China: A Study of the Yingzao Fashi // *Construction History*. 2000. Vol. 16. P. 3–11. Na angl. yaz.

40. Qinghua Guo. Yingzao Fashi: Twelfth-Century Chinese Building Manual // *Architectural History*. 1998. Vol. 41. P. 1–13. Na angl. yaz.

41. Sung Ying-Hsing. Chinese Technology in the Seventeenth Century: T'ien-kung K'ai-wu. (transl. by E-tu Zen Sun & Shiou-chuan Sun). Publ. by Dover Publications, Mineola, New York, 1997. 372 r. Na angl. yaz.

42. The Avraga site: Preliminary report on Japanese-Mongolia Joint Archaeological Expedition "New Century Project" 2009. 2010. Niigata University, Mongolian Academy of Sciences / Ed. By N. Shiraiishi. Niigata, 2011. 26 r. Na angl. yaz.

Бакшеева С.Е. Социально-экономические аспекты производства строительной керамики в государствах Центральной Азии и Дальнего Востока в период средневековья.

Производство строительной керамики: кирпича, черепицы, кровельной скульптуры – важная отрасль средневековой экономики в государствах Центральной Азии и Дальнего Востока в XI–XIV вв. В работе предпринята попытка объединить археологические и нарративные данные, несмотря на их отрывочный характер с целью реконструкции социально-экономических аспектов ремесла. Производственные центры были сконцентрированы на ограниченной территории, существовало внутриотраслевое разделение труда, продукция производства была стандартизирована и пользовалась большим спросом на внутреннем рынке. Руководство отраслью было сосредоточено в руках правительственных органов.

Ключевые слова: *строительная керамика, кирпич, черепица, экономика, средневековая археология, ремесло, производство, Дальний Восток, Центральная Азия, XI–XIV вв.*

Baksheeva S.E. Socio-economic aspects of the production of building ceramics in the states of Central Asia and the Far East in the Middle Ages.

Manufacture of building ceramics – bricks, roof tiles, sculptures – an important branch of the medieval economy in the states of Central Asia and the Far East in the XI–XIV centuries. The paper attempts to combine archaeological and narrative data, despite their fragmentary nature with the aim of reconstructing the socio-economic aspects of the craft. Production centers were concentrated in a limited area, there was an intrasectoral division of labor, production was standardized and was in great demand in the domestic market. The leadership of the industry was concentrated in the hands of government bodies.

Key words: *building ceramics, bricks, roof tiles, economics, medieval archeology, craft, manufacturing, Far East, Central Asia, XI–XIV cc.*

Для цитирования: Бакшеева С.Е. Социально-экономические аспекты производства строительной керамики в государствах Центральной Азии и Дальнего Востока в период средневековья // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 1. С. 56–66. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/56-66

For citation: Baksheeva S.E. Socio-economic aspects of the production of building ceramics in the states of Central Asia and the Far East in the Middle Ages // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 1. P. 56–66. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/56-66

УДК 334.72:332.3 (571.63)

Гайкин В.А.

Экспансия Японии в Маньчжурии и корейская диаспора (1905–1945 гг.)

Введение

Маньчжурия (Северо-Восточный Китай) всегда находилась на перекрёстке движения и интересов нескольких народов и государств: Китая, маньчжурских этносов, Кореи (в Корею этот регион считается сакральной родиной предков современных корейцев) [8, с. 234]. В XX в. здесь столкнулись волны российской экспансии и японской агрессии. Этот регион стал местом совместного проживания китайцев, маньчжур, корейцев, японцев и русских, чья общая история переплетается в сложных отношениях как у жителей большой коммунальной квартиры, создающих коалиции, плетущих интриги, но вынужденных уживаться в этом общем доме. После победы СССР в советско-японской войне 1945 г. Маньчжурия стала территориальной, военно-экономической базой для народно-освободительной армии Китая в войне против Гоминдана, которая закончилась созданием КНР. Северо-Восточный Китай играл важную роль в истории и политике Восточной Азии в XX в., в настоящее время этот регион является частью Китайской народной республики.

Новая интерпретация социальных отношений в Маньчжурии приводит к переосмыслению истоков северокорейской революции и, в конечном счёте, истоков нынешнего национализма северокорейского государства. Руководители КНДР считают северо-корейское государство результатом корейской герильи против Японии в Маньчжурии, и, в первую очередь, партизанской борьбы Ким Ир Сена. Многочисленная корейская диаспора в Маньчжурии стала базой антияпонской борьбы как корейских националистов, так и коммунистов. Последние создавали свои организации в этом регионе Китая в 1917–1931 г. под влиянием российской революции 1917 г. и при спонсорской поддержке и контроле со стороны Коминтерна. После оккупации Японией Маньчжурии в 1931 г. произошло частичное замещение "руководящей и направляющей силы". Корейские коммунисты влились в Коммунистическую партию Китая, образовав единый коммунистический фронт борьбы против японской агрессии. Сильные позиции корейских коммунистов в Маньчжурии, созданные до 1931 г. при активном участии СССР, были успешно использованы КПК для установления здесь влияния компартии Китая. Япония применяла для борьбы против коммунистических и националистических инсургентов в Маньчжурии не только "кнут" но и "пряник" – политику так называемой "защиты и покровительства" корейской диаспоры. Комплекс военных, экономических, идеологических (демагогическое объявление корейцев в Маньчжурии "братьями" японцев) мер привёл к разгрому некогда мощной антияпонской герильи, выдавливанию в 1941 г. остатков партизанских отрядов на территорию СССР. С этого момента дальнейшее развитие военно-политического процесса создания корейского коммунистического государства вновь перешло под контроль руководства СССР.

Основная часть

Можно выделить три этапа социально-экономического и политического процесса формирования корейского населения Маньчжурии до 1945 г., истории его борьбы за социальное и национальное освобождение.

© Гайкин В.А., 2019

ГАЙКИН Виктор Алексеевич, канд. нист. наук, старший научный сотрудник отдела Японии и Кореи Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). E-mail: unara49@mail.ru

Первый этап – от появления в начале XVII в. первых корейских поселений в приграничных с Кореей районах Маньчжурии до установления в 1905 г. японского протектората над Кореей; второй этап – с 1905 г. до вторжения японской армии в Маньчжурию в 1931; третий этап – 1931–1945 гг. – от оккупации Маньчжурии японскими войсками, создания марионеточного государства Маньчжоу-го до разгрома Квантунской армии и освобождения Кореи Советской армией.

На первом этапе переселение корейцев в Маньчжурию до середины XIX в. встречало активное сопротивление цинской администрации. С 80-х гг. XIX в. маньчжурские власти, уже не способные остановить иммиграцию, вынуждены были признать существование корейских поселений де-юре и практически не препятствовали дальнейшему увеличению численности корейцев в Восточной Маньчжурии.

В то же время Цинские власти ещё до Синьхайской революции начали оказывать давление на корейцев Цзяньдао (основной регион проживания корейских иммигрантов в Маньчжурии), чтобы натурализовать их как китайских граждан. Натурализация принимала форму изменения этнокультурного облика – принуждения ношения маньчжурской одежды и причёски: чёрная одежда с широкими, длинными рукавами, бритая передняя часть головы и ношение косы. Этот маньчжурский обычай контрастировал с корейской практикой ношения белой одежды и причёсок в соответствии с семейным положением: коротких волос спереди и длинной косы в задней части головы для неженатых мужчин и волос, связанных в верхней части головы, для женатых мужчин. Многие корейцы считали, что душа народа "не примет такой натурализации", так как конфуцианская обычай определяет причёску как завещание предков [6, с. 15].

Во втором этапе (1905–1931 гг.) можно выделить период 1905–1910 гг., т.е. от окончания русско-японской войны до аннексии Кореи Японией. В 1907 г. японские экспансионисты открыли в Цзяньдао (регион проживания корейцев в Маньчжурии) отделение генерального резидентства в Корее и объявили Цзяньдао корейской территорией. Территориальный спор между Китаем и Японией продолжался до 1909 г, когда был заключён договор, оставивший Цзяньдао за Китаем [9, с. 254]. Следующий период: 1910–1920 гг. Аннексия Кореи Японией в 1910 г. увеличила поток эмигрантов в Маньчжурию. Граница Китая с Кореей стала границей с империалистической Японией. Наличие в Маньчжурии корейцев, не перешедших в китайское подданство, Япония использовала как предлог для вмешательства во внутренние дела Китая. Китайские власти изменили политику в отношении корейских переселенцев, предпринимая попытки помешать дальнейшей иммиграции.

Третий период: 1920–1930 гг. Победа Октябрьской революции вызвала подъём борьбы народов колоний и полуколоний за социальное и национальное освобождение. В районах Маньчжурии, населённых корейцами, развернулась деятельность корейских националистических организаций, нацеленных на вооружённую борьбу против колониального режима в Корее. В начале 1920-х гг. в Восточной Маньчжурии насчитывалось около 30 военно-политических организаций националистов, от левых, мелкобуржуазных, до правых, связанных с лидерами корейской диаспоры в Шанхае. Были и монархические группы, выступавшие за реставрацию в Корее императорской власти. В условиях Маньчжурии, бывшей в 1920-х гг. оплотом реакционных сил, легальная форма существования националистических формирований со штаб-квартирами, офицерскими училищами и школами в значительной мере объективно вела к развитию правых тенденций в их идеологической платформе.

В начале 1920-х гг. в Маньчжурии появились первые коммунистические группы. Их попытки внедрения в крестьянские массы относятся ко второй половине 20-х гг., когда наблюдалось особенное ухудшение положения корейских крестьян. В 1925 г. была организационно оформлена Коммунистическая партия Кореи и её филиал в Маньчжурии. В корейских деревнях начали создаваться низовые партийные организации, крестьянские союзы, молодёжные организации под руководством коммунистов.

Корейские коммунисты не отделяли задач национального освобождения от разрешения социальных проблем. Провозгласив программу аграрной революции, они завоёвывали корейские крестьянские массы. В конце 1920-х гг.

наблюдалось ослабление влияния националистов и рост авторитета корейских коммунистов. Отношения между двумя сторонами не приняли характер тактического союза в борьбе против японского империализма и характеризовались возрастающей враждебностью.

Со времени установления в Корее колониального режима и вплоть до оккупации Маньчжурии в 1931 г. японский империализм проводил в отношении маньчжурских корейцев комплекс политически экономических и идеологических мероприятий, именованный в демагогических целях "защитой и покровительством". Политика "защиты и покровительства" была составной частью агрессивной политики Японии, направленной на установление своего господства в Северо-Восточном Китае.

Под предлогом защиты корейцев Япония добилась в Маньчжурии определённых преимуществ, проводила политику территориальной экспансии. Так, в Цзяньдао, являвшимся китайской территорией, японские чиновники и торговцы вели себя как дома.

В борьбе с антияпонским национально-освободительным движением политика "защиты и покровительства" потерпела провал. В 1930–1931 гг. в Цзяньдао вспыхивали мощные восстания корейских крестьян, направленные как против китайских помещиков, так и против японских колонизаторов. Как отметил Сольц в статье "Революционное движение в Корее и оккупация Маньчжурии": "Самое значительное то, что это движение корейцев в Цзяньдао, арендаторов в своём подавляющем большинстве, проходило в единстве с арендаторами-китайцами. Арендаторы – китайцы и корейцы – с успехом преодолевают ту национальную рознь", которую сеют между ними японские империалисты и китайские помещики [4, с. 89]. Следует сказать, что теоретик коммунистического движения Сольц выдавал желаемое за действительное. И японские колонизаторы, и китайские правители Маньчжурии преуспели в насаждении национальной розни между китайским и корейским населением региона.

Третий этап: 1931–1945 гг. В начале 1930-х гг., в результате последствий мирового экономического кризиса резко ухудшилось экономическое положение корейских крестьян. Агрессия Японии усугубила трудности корейского населения. Шло резко выраженное обнищание и разорение корейских крестьян. Массовые крестьянские волнения прокатились по Восточной Маньчжурии в 1932–1934 гг. Корейские коммунисты вносили в крестьянское движение элемент организованности, призывали к аграрной революции, выдвигали антияпонские лозунги. В начале 1930-х гг. в Цзяньдао было создано несколько советских районов, на территории которых земля, принадлежавшая помещикам, конфисковалась и распределялась между арендаторами.

Приоритетное значение имеет вклад корейских коммунистов в становление китайско-корейского коммунистического сопротивления агрессорам. Один из руководителей партизанского движения в Северо-Восточном Китае Чжоу Баочжун писал: "Есть две вещи, которые глубоко запали в мою душу. Первая – это боевые дела мужественных корейских патриотов, которые сыграли важную роль в партизанском движении против японских захватчиков ..." [11, с. 93].

Если китайским коммунистам удалось создать единый фронт с китайскими националистами в Маньчжурии, то корейские коммунисты и националисты в целом боролись в Восточной Маньчжурии порознь (исключая отдельные случаи взаимодействия). Корейские коммунисты присоединились к КПК. Корейские националисты не смогли до конца преодолеть барьер "социальной несовместимости", традиционной межнациональной розни, возводившийся десятилетиями, и, не имея широкой опоры в массах и сильных союзников, постепенно сходили с военно-политической сцены. Борьба партизанских отрядов корейских коммунистов продолжалась дольше, но и она в сложных условиях Маньчжурии конца 30-х гг., не благоприятствующих партизанам, постепенно шла на убыль и почти прекратилась в 1941 г.

В условиях конфронтации с японской военной машиной и репрессивным аппаратом Маньчжоу-го важное значение имела социальная база политической организации, её связи (выходы) на различные слои и профессиональные группы Маньчжоу-го. Для Корейской революционной армии была характерна относительная ограниченность социальной опоры, национальная

замкнутость, отрезанность от китайского социума, в силу многих причин воспринимавшего корейскую диаспору не как органическую часть китайского общества. Из 87 человек, арестованных японской полицией с октября 1935 г. по март 1936 г. в Мукденской провинции за связь с Корейской революционной армией (поставки продовольствия, боеприпасов), были 51 крестьянин, 11 лесоторговцев, врач, учитель, лавочник, 6 деревенских старост [8, с. 111–113]. Почти все подходили под определение "корейская мелкая буржуазия". Основной контингент, симпатизирующий её деятельности, – среднее крестьянство. Никто из них не имел доступа к оружию и боеприпасам, столь необходимых партизанам. Эти обстоятельства вкупе с другими, о которых говорилось выше, практически не оставляли Корейской революционной армии шансов "выжить" в качестве самостоятельной военно-политической организации.

В группе арестованных за связь с КПК были, в том числе, два начальника полицейских участков и один простой полицейский. Офицеры полиции продавали оружие и боеприпасы представителям НРА. Японский аналитик отметил, "красные партизаны в отличие от других инсургентов связаны со всеми слоями населения Маньчжурии" [8, с. 111–116].

Изощёренной идеологической пропагандой, политическими и экономическими мероприятиями японским оккупантам удалось установить жёсткий контроль над корейским населением Маньчжурии, которое к началу 1940-х гг. оказалось практически изолированным от партизан. Определённая часть корейцев, подавшив японской демагогии, объявившей их "братьями" японцев, стала сотрудничать с оккупантами. Основная масса народа была запугана репрессиями и, хотя не питала симпатий к оккупантам, активного сопротивления им не оказывала.

Во второй половине 30-х гг. японские экспансионисты приступили к реализации программы переселения в Маньчжурию десятков тысяч корейских крестьян. В системе японо-корейской колонизации Маньчжурии японские поселения имели военно-стратегическое значение. Они создавались у границ с СССР и должны были стать оплотом японского военно-политического влияния в Маньчжурии. Японские переселенцы имели оружие, большую часть времени занимались военной подготовкой. Корейские переселенцы не пользовались доверием колонизаторов. Они занимались экономическим обеспечением японской экспансии. Корейцев селили главным образом на территориях, годных для выращивания риса, подвергали жестокой эксплуатации.

К 1945 г. в Маньчжурии проживало около 1,5 млн. корейцев, 24 тыс. дворов (около 100 тыс. человек), переселённых в период 1936–1944 гг., находились под прямым контролем японских переселенческих организаций, по низким ценам скупавшим практически весь товарный рис, выращиваемый в этих хозяйствах [5]. Косвенно, японский капитал контролировал большую часть земли, обрабатываемую корейскими крестьянами в Маньчжурии. Японской военщине удалось в целом подавить антияпонское движение в Маньчжурии. Северо-Восточному Китаю отводилась роль плацдарма как для нападения на Китай, так и для агрессии против СССР, а значит и тыла, в котором не должно было быть очагов сопротивления. Несмотря на поражение, эта борьба внесла большой вклад в движение китайского и корейского народов к национальному и социальному освобождению.

В течение длительного времени японские милитаристы вынуждены отвлекать крупные контингенты войск и материальные ресурсы для борьбы с партизанами, что сдерживало расширение агрессии в Китае. В этой борьбе выковывались кадры будущей народно-революционной армии Северо-Восточного Китая – костяка НОАК. Вооружённое сопротивление, которое оказывали японским интервентам в Маньчжурии корейские партизаны, вдохновляло патриотов в Корее, вселяло в них веру в возможность борьбы с японским империализмом, давало импульс к борьбе крестьян в деревнях и рабочих в городах против колониальной эксплуатации. Как отмечал В. И. Ленин, "только борьба воспитывает эксплуатируемый класс ... открывает ему меру его сил ... поднимает его способности ... выковывает его волю" [2, с. 364]. Продолжая эту мысль, можно сказать, что только в процессе борьбы народа за независимость создаются политико-психологические предпосылки построения независимого государства. Опыт создания в Восточной Маньчжурии первых корейских Советов и "Общества возрождения отечества" был использован при

строительстве народно-демократического государства в Северной Корее. 170 корейцев-бойцов Северо-Восточной объединённой антияпонской армии после капитуляции Японии были направлены на самые ответственные участки создания новой Кореи [11, с. 25]. Многие из них впоследствии заняли ключевые посты в правительстве и армии КНДР.

Заключение

Корейские переселенцы не растворились в аборигенном населении. Они сформировали диаспору, оказавшую существенное влияние на экономическую и политическую жизнь страны. Ан Су гиль один из самых известных писателей Южной Кореи, переехавший туда из Маньчжурии после разгрома Японии, до 1945 г. работал в *Manson ilbo*, корейской газете в Маньчжурии, подконтрольной японским властям. Два его самых известных произведения – *Pukhyangbo* (Генеалогия северной родины) и стоящее к нему в смысловой оппозиции *Pukkando* (Повесть о Цзяньдао) [6]. Опубликованный с 1944 по 1945 гг. в ряде номеров газеты *Manson ilbo* роман *Pukhyangbo* рисует корейских иммигрантов как колониальных субъектов официального проекта Японии по созданию в Маньчжурии корейских поселений, для усиления здесь влияния и позиций Японии. *Pukhyangbo* (Генеалогия северной родины) характеризует автора в определённой степени как коллаборациониста.

Pukkando может быть расценено как произведение, искупающее грех его сотрудничества с оккупантами. Написанные между 1959 г. и 1967 г. в Южной Корее два тома *Pukkando* составляют эпопею корейской диаспоры в Маньчжурии с 1860-х гг. XIX в. по 1945 г., зажатой между китайским национализмом и японским империализмом. В первый том вошли события начального этапа корейской иммиграции (с 1867 г. до 1910 г.), взгляд на двойную идентичность корейцев, которые рассматривали себя в качестве колонизаторов в Маньчжурии, не желавших принимать китайское подданство, и которые одновременно были колонируемыми для Японии в период 1906–1910 гг. Второй том охватывает период с начала 1910-х годов до 1945 г., это повествование, изображающее корейцев жертвами японского империализма и героями антияпонской борьбы (при игнорировании коммунистической герильи).

Сегодня в КНР существует корейский национальный округ Яньбянь (бывший Цзяньдао). "Восток – дело тонкое", в 1964 г. Чу Тыхкэ, губернатор корейского национального округа заявил: "Необходима общая борьба Кореи, Японии, Вьетнама. Для этого нужно изучать способы укрепления связей этих стран. Они имеют общие культурные традиции... Необходимо установить боевую дружбу с Японией" [1, с. 48]. В июне 1998 г. в интервью японской газете "Асахи" известный китайский писатель корейского происхождения Ким Чэжук сказал: "Для преодоления экономических трудностей Япония, Китай и Корея должны объединить свои усилия, и это сотрудничество определит будущее Северо-Восточной Азии"[7]. Наследники антияпонских партизан "забывают" кровавые будни герильи. В памяти потомков видимо остаётся "патернализм" Японии, снизошедшей до покровительства "младших корейских братьев" в Маньчжурии. Возможно, реалии корейской псевдоавтономии в КНР подталкивают представителей корейской диаспоры в Китае к попытке реанимации концепции японской "Сферы сопроцветания", но уже на принципах равноправия участников (Китай, Япония, Корея).

Литература

1. Гайкин В.А. Туманган // Россия и АТР. 1994. № 2. С. 40–52.
2. Ленин В.И. Доклад о революции 1905 г. // Собр. соч. Т. 30. М. 1970. 396 с.
3. Маньчжурия. Экономическое, географическое описание. ч. 1. Харбин. 1934. 275 с.
4. Сольц. Революционное движение в Корее и оккупация Маньчжурии // Оккупация Маньчжурии и борьба империалистов. М., 1932. С. 32–46.
5. Manchuria Daily News. 19.05.1944.
6. An Sugil. Pukkando. Seoul: Samjungdan, 1993. 358 с. (кор. яз.).
7. Асахи. 04.06.1998. (яп. яз.).
8. Паньши дзимин какумэйгун (Народно революционная армия Паньши). Б.м. 1936. 270 с. (яп. яз.).
9. Тёсэн тодзи сирё (Материалы по истории управления Кореей) в 10 томах. Т. 1. Токио, 1970. 508 с. (яп. яз.).
10. Тёсэн тодзи сирё (Материалы по истории управления Кореей) в 10 томах. Т. 8. Токио, 1971. 569 с. (яп. яз.).
11. Чжоу Баочжун. Дунбэйды канжи юцзи чжаньчжэн хэ канжи лянъцзюнь. Чугао (Антияпонская партизанская война и объединенная антияпонская армия Северо-Восточного Китая. Краткий очерк) // Данши цзыляо. 1954. № 9. С. 20–49. (кит. яз.).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Gajkin V.A. Tumangan // Rossiya i ATR. 1994. № 2. S. 40–52.
2. Lenin V.I. Doklad o revolyutsii 1905 g. // Sobr. soch. T. 30. M. 1970. 396 s.
3. Man'chzhuriya. ENkonomicheskoe, geograficheskoe opisanie. ch. 1. KHarbin. 1934. 275 s.
4. Sol'ts. Revolyutsionnoe dvizhenie v Koree i okkupatsiya Man'chzhurii // Okkupatsiya Man'chzhurii i bor'ba imperialistov. M., 1932. S. 32–46.
5. Manchuria Daily News. 19.05.1944.
6. An Sugil. Pukkando. Seoul: Samjungdan, 1993. 358 s. (kor. yaz.).
7. Asakhi. 04.06.1998. (yap. yaz.).
8. Pan'shi dzimin kakumehjgun (Narodno revolyutsionnaya armiya Pan'shi). B.m. 1936. 270 s. (yap. yaz.)
9. Tyosehn todzi siryo (Materialy po istorii upravleniya Koreej) v 10 tomakh. T. 1. Tokio, 1970. 508 s. (yap. yaz.).
10. Tyosehn todzi siryo (Materialy po istorii upravleniya Koreej) v 10 tomakh. T. 8. Tokio, 1971. 569 s. (yap. yaz.).
11. CHzhou Baochzhun. Dunbehjdy kanzhi yutszi chzhan'chzhohn kheh kanzhi lyan'tszyun'. CHugao (Antiyaponskaya partizanskaya vojna i ob'edinennaya antiyaponskaya armiya Severo-Vostochnogo Kitaya. Kratkij ocherk) // Danshi tszylyao. 1954. № 9. S. 20–49. (kit.yaz.).

Гайкин В.А. Экспансия Японии в Маньчжурии и корейская диаспора (1905–1945 гг.)

Корейская диаспора в Маньчжурии стала базой антияпонской борьбы корейских националистов и коммунистов. Последние создавали свои организации в этом регионе Китая в 1917–1931 гг. под влиянием российской революции 1917 г. и при спонсорской поддержке со стороны Коминтерна. После оккупации Японией Маньчжурии в 1931 г. корейские коммунисты влились в Коммунистическую партию Китая, образовав единый фронт борьбы против японской агрессии. Япония реализовала комплекс военных, экономических, идеологических мер, который привёл к разгрому антияпонской герильи, выдавливанию в 1941 г. остатков партизанских отрядов на территорию СССР.

Ключевые слова: *корейские переселенцы, Маньчжурия, японская агрессия, политика Китая, антияпонское сопротивление*

Gaikin V.A. Expansion of Japan in Manchuria and the Korean diaspora (1905–1945)

The Korean diaspora in Manchuria became the base of the anti-Japanese struggle of Korean nationalists and Communists. Last created their own organization in that region of China in 1917–1931 under the influence of the Russian revolution of 1917, and with sponsorship from the Comintern. After the Japanese occupation of Manchuria in 1931, Korean communists joined the Communist Party of China, forming a United Front to fight against Japanese aggression. Japan has implemented a range of military, economic, ideological measures that led to the defeat of anti-Japanese guerrilla, extrusion in 1941 remnants of guerrilla groups on the territory of the USSR.

Key words: *Korean immigrants, Manchuria, Japanese aggression, China's Policy, anti-Japanese resistance*

Для цитирования: Гайкин В.А. Экспансия Японии в Маньчжурии и корейская диаспора (1905–1945 гг.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 1. С. 67–73. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/67-73

For citation: Gaikin V.A. Expansion of Japan in Manchuria and the Korean diaspora (1905–1945) // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 1. P. 67–73. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/67-73

УДК 39(571.63)(=941.135)

Старцев А.Ф.

Религиозные воззрения и культовые сооружения тазов Приморского края

Специальных исследований по проблеме культовых сооружений тазов и процесса общения людей с духами природы в историко-этнографической литературе нет, хотя разрозненные материалы о религиозных воззрениях тазов имеются в трудах В.К. Арсеньева, С.Н. Браиловского и частично Л.И. Сём. Именно публикации этих исследований положены в основу настоящей статьи и дополнены другими источниками, в том числе и материалами исследований автора, выявленных в процессе полевых работ среди тазов с. Михайловки Ольгинского района в 1971–1973, 1993 и 2011 гг.

По мировоззрению тазов и аборигенного населения Приморья и Приамурья считается, что природа живая, управляется добрыми и злыми духами, которые во множестве населяют окружающий мир. Пользуясь своей невидимостью, они зорко следят за человеком и управляют не только людьми, но и всеми живыми существами на земле [14, с. 56].

По мнению тазов, каждое живое существо имеет своих предводителей или начальников, известных у тунгусо-маньчжурских этносов Приамурья, Приморья и Сахалина под терминами *эзэ*; *эзэн*; *эзэни*¹ [12, с. 438]. С.Н. Браиловский отмечал, что по верованиям тазов или удэгейцев каждый вид зверя имел своего бога – хозяина: "у медведей свой бог, у соболей свой, у рыб свой. Они таких богов называют "хозяева" [7, с. 184].

Божеств и хозяев природы у тазов много, и все они живут в недостижимом для человека мире. К сожалению, тазы только знают об их существовании в Верхнем (небесном), Среднем (земном) и Нижнем (подземном) мирах. Каждое божество того или иного мира имеет своё имя, многочисленных помощников – местных *эзэней* – хозяев живых существ и природных объектов.

К наиболее важным божествам и хозяевам природы, с которыми тазы регулярно "общались", относятся владыка Верхнего мира *Лао-е* и его ближайший помощник – управляющий земным миром – *Сан-сын-е* (*Сансы*). Для каждого аборигена Приморского края, в частности этнической группы тазов Ольгинского района, Средним или земным миром является та территория, на которой осуществляется хозяйственная деятельность местных и пришлых охотников, рыболовов или собирателей. Поэтому, по верованиям тазов, территорией обитания людей в первую очередь управляет Верховное божество *Лао-е* со своим ближайшим помощником – хозяином гор или управляющим земным миром *Сан-сын-е* (*Санси*, *Сансы*) [15, с. 87]. Следует особо сказать, что уссурийские нанайцы хозяина гор называют именем *Санси ё*, а нанайцы низовьев Амура – *Санси* [16, с. 395]. Аналогичное воззрение на окружающую природу наблюдается и в этнических представлениях корейцев, у которых "универсальным для всех районов является название повелителя гор *Сансин* [10, с. 46], а тигр являлся хозяином гор, которому молились, "чтобы обезопасить горные дороги и перевалы, а также свои селения" [10, с. 47].

Идентичное название хозяина или повелителя гор у тазов и корейцев свидетельствует не только о близких этнокультурных контактах тазов с корейцами, но возможном существовании и этногенетические связи прошлых

¹ Буква "Э", в отмеченных терминах, в произношении звучит как "ДЖ", т.е. "эджэ", "эджэн", "эджэни".

столетий. Иначе говоря, местное божество тазов *Сан-сын-е*, своим названием тесно связывается с духовной культурной корейцев.

По своим функциональным обязанностям местное божество тазов *Сан-сын-е* идентично удэгейскому хозяину тайги *Онку*, имевшему ближайшего помощника *Уонки* – карлика с чёрным лицом, одетого в шубу из меха кабарги, выполнявшего все приказания хозяина тайги (АОИАК². Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. Л. 248). В отличие от мифического удэгейского *Уонки*, которого никто и никогда не видел, но все знали о его существовании, тазы во время промыслов в тайге часто встречали "царя зверей" – тигра *ломаза*. Тигр, по их мнению, был ближайшим помощником хозяина тайги *Сан-сын-е*. Считалось, что этот тотемный зверь управлял всеми хозяевами местной фауны [11, с. 932]. Это по его приказу нуждающемуся тазу-охотнику навстречу выходил изюбр, чтобы своей плотью накормить семью промысловика. В качестве благодарности охотник одаривал хозяина тайги и его помощника горсткой свежей крови и кусочком сердца [15, с. 87].

Процесс поклонения божествам и духам природы возлагался на деда по материнской линии, который по номенклатуре родства тазов, как и Верховное небесное божество, имел название *Лао-е* (кит. термин *вайцзифу*). У нанайцев Нижнего Амура дух предков имел название *Лаои* [16, с. 395]. Идентичные названия Небесного божества и старого человека связываются с почитанием культа предка как среди тазов и нанайцев, так и китайцев северной Маньчжурии. Считается, что дух предков (*Лао-е* – тазы; *Лаои* нанайцы) и Верховное божество *Лао-е* оказывали практическую помощь законопослушным людям, поэтому в мартовские дни поминовения усопших *Чин Мин* [11, с. 932] все тазы посещают семейные кладбища, посыпают зерном могилку, жгут бумажные купюры, сообщают умершим о своих делах, а если возникала необходимость, просили оказать помощь в хозяйственных делах или не беспокоить живых.

Идентичность имен Верховного божества, деда по материнской линии и духа предков свидетельствует о высоком статусе деда – отца матери. Тазы этого человека ставят в один ряд с Верховным божеством и духом предка, потому что повелитель Верхнего мира *Лао-е* и дух предка *Лао-е* у тазов имели одинаковые обязанности: обеспечивать семейство таза всеми средствами, необходимыми для продолжения "рода". Верховный владыка и дух предка, пользуясь своей невидимостью, зорко отслеживали каждый шаг человека, "требовали" от него соблюдения неписаных законов (обычного права) общества, письменно фиксированных законов территории обитания тазов. Кроме этого, они "охраняли" тазов от диких животных, "оказывали" помощь в добыче пушных и мясных зверей, "сохраняли" им здоровье и т.д. Все тазы знают это. Поэтому при отсутствии деда по материнской линии между Верховным божеством и людьми, с одной стороны, между людьми и духом предка – с другой, – выступал как бы в роли посредника самый старший и уважаемый человек общины или старший таз из большой или малой семьи, тоже звавшийся именем – *Лао-е*. Именно на него возлагалась честь всегда обращаться к божествам, духам и хозяевам природы с просьбами об оказании помощи в промысловой деятельности, сохранении здоровья тазовского семейства. Иначе говоря, уже само обращение старого таза, наделённого почётным званием *Лао-е* – "хранитель закона", к Верховному повелителю или духу предков было гарантией экономического и физического благополучия семьи промысловика.

В данной статье автор ставит цель не только отразить "практическую" деятельность божеств и хозяев природы в жизни тазов, но и показать, где, как и когда осуществлялся процесс общения тазов с божествами и духами природы.

Общение тазов с Верховным божеством *Лао-е* или хозяином тайги *Сан сын е*, духами деревьев, реки, земли, дорог или духами предков осуществлялось в ритуальных постройках – кумирнях *лао-ин-фу* [11, с. 931]. "На всех дорогах, идущих через горы, на самых перевалах, всюду можно видеть маленькие кумирни из дерева или сложенные из дикого камня с изображением богов, – отмечал В.К. Арсеньев. – Кумирни эти поставлены китайскими охотниками и искателями женьшеня. Тут же, где-нибудь поблизости, пове-

² АОИАК – Архив Общества изучения Амурского края

шены на дереве лоскутки красного кумача с надписями, сделанными тушью, следующего содержания: "Господину истинному духу гор, охраняющему и леса... Владыке гор и лесов, охраняющему природу богатства. Если просишь, то непременно и обещаешь – тогда просящему нет отказа..." [4, с. 214].

Кумирни тазов были трёх видов: общественные – *лаоинфу*, семейные – *лао-е-мяо* или *мёо* и промысловые – *лао пату*.

Общественные кумирни или моленные домики *лаоинфу* строились в лесу, на вершинах перевалов или в больших селениях [11, с. 932]. "Это нечто вроде часовни или храма таких размеров, что едва вместится пять молящихся. Длина такого храма не более двух сажен³; ширина 1 или 1,5 саж.; высота около 2 саж. Строится он из дерева; крыт соломой, травой и тёсом. Крыша – двускатная. На лицевой стороне – одностворчатая дверь. С мелкорешетчатой верхней частью, которая с внутренней стороны выклеена прозрачной китайской бумагой. Иногда кумирня окружается жердевым или досчатый забором, с лицевой стороны которого имеется дверь. Забор – не высокий, не выше двух аршин⁴. Перед храмом, внутри ограды или вне её, ставится два деревянных шеста, иногда окрашенных в разноцветную краску" [7, с. 109].

С.Н. Браиловский отмечал, что при каждом поселении тазов обязательно имеется общественная китайская кумирня, которая во всех селениях строилась почти одинаково. Это "небольшое, около 4-х аршин в длину и ширину, здание, с двускатною крышею из соломы ... Вся она выстроена из дерева, но задняя и боковые стены тщательно обмазаны глиною. Лицевая сторона, раскрашенная красным, жёлтым, белым и чёрным цветами, имеет двустворчатую входную дверь, над которою – навесик, поддерживаемый двумя столбами. Против этой двери, в расстоянии сажени, вкопаны два трёхсаженных, окрашенных в красный цвет, шеста, с различными украшениями; верхи шестов – копьевидны и позолочены. Внутри кумирня убрана так. На стене, против входной двери, наклеено печатное изображение различных богов, нечто вроде наших религиозных картин. Тут были: царь богов Лаое, бог дождя Лун-ван, бог лошадей Мао-ван, бог богатства Шань-жень, бог войны Хуи-дзы, бог земледелия – Тху-ды и другие. Перед изображением богов – жертвенник, имеющий форму продолговатого стола; на жертвеннике пять красных деревянных чашечек с палочками и два подсвечника. Кроме того, на других стенах висели доски с китайскими письменами, вероятно, молитвенные изречения" [7, с. 182].

В общественной кумирне ритуал поклонения верховным и местным божествам в торжественной обстановке осуществлялся преимущественно в праздничные дни. Начало поклонения божествам возвещалось двумя или несколькими китайскими ракетами.

Поклонение божествам осуществляется следующим образом: старший из группы тазов становится на колени, ставит в плоские зажжённые свечи, которые не горят, а медленно тлеют, испуская струйки пахучего дыма. Он читает молитву, а присутствующие в кумирне люди за ним повторяют. В содержании молитвы обычно имеется просьба к Владыке неба *Лаое* дать людям здоровье и оказать помощь в промыслах: "дай нам изюбря или козулю; у нас уже давно нет съестных припасов; недавно я видел изюбря, но было далеко, и я не мог стрелять. Пожалуйста, пришли нам изюбря или козулю" [7, с. 182]. Считается, что после такой просьбы, Всевышний бог идёт навстречу своим подданным и приказывает своему помощнику тигру *ломаза* выгнать на охотника нужного зверя.

Семейная кумирня – *лао-е-мяо* или *мёо* – ставилась в сотне шагов от фанзы, на пашнях или огородах, ближе к тайге, в укромных местах усадьбы.

Одна из таких семейных кумирен обращала на себя особое внимание, отмечал Браиловский. "Она представляла из себя вид маленького рубленого деревянного дома в 1 аршин в квадрате с двускатной крышей, с хорошо отделанными дверями. Снаружи дверей сделано крылечко, на котором стоит два деревянных идола, изображающие стоящих людей. Внутри домика висели в

³ Сажень – мера длины равная 213,3 см.

⁴ Аршин – мера длины равная 71,1 см.

деревянной обтянутой китайской бумагой клетке два свинцовых идола в 2,5 вершка⁵ каждый... " [7, с. 183].

В.К. Арсеньеву удалось зафиксировать и другое обустройство кумирни, поставленной на территории усадьбы. "Шагах в ста от фанзы, в стороне, ставится небольшая кумирня (Лао-е-мяо), всегда обращённая лицом к югу. В кумирне наклеены картины религиозного содержания, перед которыми стоят деревянные чашечки грубой работы с золой и с огарками бумажных свечей (сян). Тут же лежат позолоченные палочки для еды (куай-цзы), варёный рис, чумиза, кусочек сахара и т.п." [5, с. 394]. Снаружи кумирни имелось два-три красных флажка, на одном из них тушью было написано, что эта кумирня является местом обитания духа деревьев, духа реки, духа земли, духа гор (тигра), духа дорог и других божеств и духов природы, а на другом флажке имелся перечень имён "жертводателей", кто осуществлял ритуал поклонения этим духам [5, с. 395].

В каждой семейной кумирне *Лао-е-мяо* или *мёо* проживал семейный бог *лойфу*. По представлениям тазов в семейной кумирне вместе с семейным покровителем жил и дух (бог) деревьев *Лобату*. Оба эти божества не имеют жён, в семейной кумирне они изображались в рисунках или фиксировались китайскими иероглифами на разных дощечках. Дух деревьев или местности *Лао пату* (Лобату – Л.И. Сём) – один из помощников хозяина гор и таёжных отрогов Уссурийского края *Сан-сын-е*. Это божество оказывает адресную помощь тому человеку, который напрямую обращается к нему за помощью в поисках женьшеня или добыче копытных или пушных животных. Если корневщик после своей просьбы находил корень женьшеня или охотник добывал какого-либо зверя, то хозяину местности *Лао пату* (*Лобату*) чуть в стороне от найденного корня льют на землю водку и благодарят духа за помощь. Если это был охотник, то он при свежании зверя брызгал кровью на три стороны света, но не на запад, и тоже благодарил хозяина местности за помощь.

В семейной кумирне главы семейств тазов обычно обращались к верховным божествам и просили хорошего здоровья для членов семьи, хорошего урожая зерновых и овощей и удачи в таёжных промыслах и других хозяйственных делах.

Промысловая кумирня *Лао пату* всегда сооружалась на приметных деревьях, на вершинах сопок или на перевалах, где, как считали тазы-промысловики, любил отдыхать дух деревьев или хозяин местности. В честь этого духа, оказывавшего помощь охотникам и корневщикам, сооружалась и кумирня, название которой, как и имя хозяина местности, было идентичным – *Лао пату*. "Самая простая кумирня, какую мне довелось видеть в долине р. Сяо-Судухэ (р. *Киевка в Лазовском районе Приморского края – ред*), – общал С.Н. Браиловский, – представляла большой пенёк сломанного бурею дерева, с которого была содрана кора. В пне этом на полтора аршина от земли сделано топором углубление, куда горизонтально вставлена дощечка. Дощечка эта исполняла роль жертвенника, потому что на ней лежала буда, лоскутки кумача – приношения богу, которого в данном случае изображала стоявшая вертикально узенькая красная дощечка (в четверть величиною) с китайскими письменами" [7, с. 109].

Другая кумирня, которую видел С.Н. Браиловский на р. Та-Судухэ, была сооружена у подножья прямоствольного дерева. "На высоте от одного до полуторых аршин от земли срезают кору в виде треугольника. В стволе вырезают трёхгранный угол или просто вешают дощечку с китайскими письменами, и кумирня готова... Жертвенником при такой кумирне бывает или колода, или помост из коры, укрепляемый на сошках" [7, с. 183].

В.К. Арсеньев на одном из перевалов Сихотэ-Алиня к реке Вай-Фудин (р. Аввакумовка) кратко упоминает об одной из таких кумирен: "На самом перевале, у подножия большого кедра, стояла маленькая кумирня, сложенная из корья" [1, с. 164]. Аналогичные кумирни в приметных местах ставили не только тазы, но и иманские удгейцы. В конце 1960-х – начале 1970-х годов в бывшем селении Санчихеза нам приходилось встречать аналогичную кумирню. Она была устроена у подножия самого высокого и толстого в два обхвата береста *тидзанке*, растущего на Санчихезской сопке. Под деревом из тонких

⁵ Вершок – старинная русская мера длины равная 1/16 аршина или 4,44 см.

небольших палочек сооружалось некое подобие столика *дагю*, покрытого прямоугольным куском кедровой коры. На столике имелись стеклянные плоскости с жертвенной пищей. Рядом на соседних деревьях висели красные лоскутки ткани (АДВОРАН⁶. Ф. 13. Оп. 1. Д. 45. Л. 71–72). В метре от комоля или подножия береста имелась треугольная зарубка, известная у нанайцев и орочей под названием *пиухэ*, у *удэгейцев* – *пиу* или *тору*. Делалась *пиухэ* на деревьях с мягкой или твёрдой древесиной: на иве, тополе, липе, ели, пихте, кедре. Удэгейцы и орочи *пиухэ* – антропоморфные изображения духов – наносили на деревья хвойных пород – ель, пихту, кедр и др. Часто изображения *пиу* встречаются на бересте или ясене. Эвенки, эвены и негидальцы чаще под эти изображения использовали лиственницу. Термин "*пиу*" на удэгейском языке означает "ритуальное углубление в виде треугольника, вырезанного в дереве или высеченного в скале, рядом с которым ставился столик для жертвоприношений" [8, с. 252]. В.К. Арсеньеву у нанайцев удалось зафиксировать священное дерево рядом с их традиционным жилищем. "Гольдский балаган оказался развалившимся, – писал В.К. Арсеньев. – Около него на старой лиственнице грубо было вырезано большое человеческое лицо, запачканное смолой. Это *тору*, перед которым гольды каждый раз, выступая на охоту, совершали моления. Рядом с лиственницей на четырёх столбиках было поставлено деревянное корытце. В нем сжигались листья багульника и клались жертвоприношения. Бурхан имел такой вид, как будто он окарауливал развалины балагана и чем-то был весьма озабочен" [3, с. 510]. Промысловая кумирня *Лао пату* или *Ланату* сооружалась не только на приметных деревьях, но и на вершинах сопок, состоящих из плоских каменных плит. Считалось, что дух местности обитает среди таких сопок и сверху наблюдает за подопечными животными и людьми.

Каменная кумирня *Лао пату* сооружалась корневицами или охотниками всегда в тёплое время года. Место установки кумирни определялось наличием плоских камней, внешний вид которых напоминает прямоугольные строительные блоки разной длины, ширины и толщины. Выбор под строительную площадку для кумирни определялся не только наличием в большом количестве плоских камней, но и в прошлом удачным промыслом на этой сопке. Корневиц, нашедший дорогой корень женьшеня, в память об этой находке строил из камней кумирню и благодарил хозяина местности за удачный промысел. Такая промысловая кумирня до сих пор существует на западной стороне, в нескольких километрах от с. Михайловки. Это каменное сооружение в своём основании имеет прямоугольник длиной 180 и шириной – 80 см. Справа и слева на выбранной площадке основания (на глазок) выкладываются боковые вертикальные "стены-тумбочки" шириной 40 и длиной – 80 см, высотой 100 см, расстояние между правой и левой "стенками-тумбочками" доходит до 100 см. Затем эти "стены-тумбочки", стоящие друг против друга, сверху перекрываются покрытием из тех же плоских и крупных по размерам каменных плит. Таким образом, спереди такая постройка может напоминать букву "П". Задняя часть постройки закрывается несколькими вертикальными плитами, которые перекрывались верхним рядом (крышей) плоских камней. Фронтальная часть постройки всегда направлена в сторону тропы. Полностью построенную кумирню можно сравнить с каменной будкой с входным отверстием примерно 100x100 см. Внутри постройки, на задней стенке устанавливались рисунки божеств или вертикальные дощечки с именами Верховного владыки Лао-е и хозяина гор Сан-сын-е. Обязательно в кумирне имелись и красные флажки с китайскими письменами, на которых обязательно указывался тот дух местности, которому конкретно приносилось жертвоприношение за удачный промысел местности (**Полевые материалы автора**).

Мимо промысловой кумирни из местных или пришлых охотников никто не мог пройти. В противном случае промысловик лишался главного – удачи в промысле. Поэтому каждый корневиц, охотник, если замечал кумирню, обязательно подходил к ней, клал на жертвенное место свои дары: крупу, табак, водку и др. Возлагая дары хозяину местности, некоторые тазы за удачный промысел обещали хозяину гор, пожертвовать кабана или корову.

⁶ АДВОРАН – Архив Дальневосточного отделения Российской академии наук.

В западном направлении в окрестностях с. Михайловки существует распадок *Танюгоуза*, название которого переводится на русский язык как *Коровий распадок*. Из рассказов А.Г. Лан – жителя села Михайловки – известно, что один из корневщиков пообещал хозяину гор и леса за хороший корень женьшеня принести в дар корову. После этого корневщик находит очень дорогой корень. Тогда корневщик отвёл корову к кумирне и забил её в честь хозяина местности (**Полевые материалы автора**).

Коренные народы Нижнего Амура и Приморья, в том числе и тазы, собственнo говоря, поклонялись не дереву, а запечатлённому на нём духу – посреднику между людьми и хозяином Неба – Эндури или Лао-е. "Дерево оттого и было священным, что дух-посредник Фиухэ (кур-урмийский диалект), или Пиухэ (среднеамурский), избрал его своим вместилищем, домом и жил, невидимый людям, внутри него" [9, с. 160–161].

Если удэгейцы ритуальную зарубку на священном дереве называют *пиу*, а нанайцы – *пиухэ*, то тазы её называют *пату*, а сам комплекс кумирни с треугольной зарубкой и жертвенным столиком – *Лао пату* (**Полевые материалы автора**).

Под термином *пату* одни тазы подразумевают место, где тазы занимаются поисками женьшеня или охотничьим промыслом. Другие тазы считают, что *пату* – это человек, предводитель отряда, группы промысловиков, хорошо знающий территорию промыслов. Главным его никто не выбирает, но все знают, что *пату* – это тот человек, который может обеспечить удачу в охоте на животных или в поисках целебного корня женьшеня.

Аналогичного мнения в выборе предводителя придерживались и удэгейцы. "В любом деле отдавалось предпочтение самому уважаемому, умному, мудрому и знающему человеку. Если удэгейцы шли на охоту, то группу возглавлял наиболее опытный охотник. Плаванием по реке руководил тот, кто лучше знал фарватер. При неизбежном столкновении с вражеским родом отряд возглавлял наиболее умный и рассудительный человек" [13, с. 21].

Тазы, орочи, удэгейцы и гольды, входившие в состав тазов Южно-Уссурийского края, хорошо знали способности каждого охотника, поэтому вожака не выбирали, он выдвигался сам. "Никто его старшим не выбирает, но все знают, что это его дело, и все подчиняются его голосу", – отмечал В.К. Арсеньев [1, с. 87]. Правильный выбор вожака обуславливал физическое выживание как отдельных членов, так и всей семьи или рода.

По нашему мнению, этимология термина промысловой кумирни под названием *Лао пату* означает понятие "священное место" или "священное дерево". Первая часть этого названия – "лао" может быть переведена как "божество", "священный", а "пату" – "место", "дерево". Первую часть сложного названия *лао пату* тазы заимствовали у китайцев, а вторую часть – *пату* – у кур-урмийских гольдов (нанайцев), которые этим термином называют комель дерева [12, с. 318]. Таким образом, дословный перевод слова *лао пату* может означать "священное место" или "священный комель", что в принципе не противоречит понятию – "священное дерево".

"Кроме того, на перевалах, равно у прибрежных скал часто можно встретить божнички, которые тоже позаимствованы орочами-удихэ от манз вместе с буддийской религией. Эти божнички представляют шкапики с двускатною крышею; с лицевой стороны – двустворчатая дверца. Эти божнички помещаются или на столбах или на высоких камнях" [7, с. 109–110]. Аналогичные промысловые кумирни, состоящие из небольшой скворечникообразной постройки, до наших дней сохранились у бикинских удэгейцев на священной скале Сивантай. Эту скалу вместе с кумиренкой удэгейцы считают священной и называют это место *Лаобату* [6, с. 183–184].

Рассмотренный комплекс ритуальных построек тазов наглядно свидетельствует о наличии этнического синкретизма двух культур. С одной стороны, например, наблюдается совмещение китайского термина *лао* с нанайским словом *пату* с конечным общим названием *лао пату*, означающим промысловую кумирну или имя духа местности. Аналогичное построение имеет и название общественной кумирни тазов. Термин *лаоинфу* состоит из китайского слова *лао* (священный), объединительного суффикса *ин* и маньчжурского слова *фу*, означающего понятие "стена, ограда" [12, с. 301]. Полный дословный перевод тазовского слова *лаоинфу* может означать "священная стена или

ограда", "священная постройка", что в принципе не противоречит понятию "кумирня".

Если в семейной кумирне *Лао-е-мяо* или *мёо*, поставленной на территории усадьбы, к духам местности или нужным божествам могли обращаться только члены семьи таза, то в общественной сельской кумирне молились жители конкретной местности, а в промысловых кумирнях, поставленных на перевалах или в местах таёжных промыслов, просить помощи у божеств или сделать поклон мог каждый проходящий человек.

Литература

1. Арсеньев В.К. Краткий географический очерк Уссурийского края (1901–1911 гг.) // Соч. Владивосток: Примиздат, 1948. Т. 5. С. 3–110.
2. Арсеньев В.К. По Уссурийскому краю. Путешествие в горную область Сихотэ-Алинь в 1906 г. // Собр. соч. в 6 томах. Владивосток: Альманах "Рубеж", 2007. Т. I. С. 43–396.
3. Арсеньев В.К. Сквозь тайгу // Собр. соч. в 6 томах. Владивосток: Альманах "Рубеж", 2011. Т. II. С. 479–604.
4. Арсеньев В.К. Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края. 1901–1911 // Собр. соч. в 6 томах. Владивосток: Тихоокеанское издательство "Рубеж", 2012. Т. III. С. 63–322.
5. Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. Очерк историко-этнографический // Собр. соч. в 6 томах. Владивосток: Тихоокеанское издательство "Рубеж", 2012а. Т. III. С. 323–506.
6. Березницкий С.Н. Этнические компоненты верований и ритуалов коренных народов Амура-Сахалинского региона. Владивосток: Дальнаука, 2003. 487 с.
7. Браиловский С.Н. Тазы или уди́е: Опыт этнографического исследования (отд. оттиск из журнала "Живая старина"). СПб., 1901. 223 с.
8. Гирфанова А.Х. Словарь удэгейского словаря. СПб.: Наука, 2001. 476 с.
9. Древний свет. Сказки, легенды, предания народов Хабаровского края. Очерки о фольклоре, запись и литературная обработка сказок Алины Чадаевой. Хабаровск: Хаб. кн. изд-во, 1990. 240 с.
10. Марков В.М. Республика Корея. Традиции и современность в культуре второй половины XX века. Взгляд из России. Владивосток: Изд-во Дальневосточ. ун-та, 1999. 448 с.
11. Сём Л.И. Тазы // Северная энциклопедия. М.: Европейское издание "Северные просторы", 2004. С. 929–932.
12. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. Л.: Наука, 1977. Т. 2. 992 с.
13. Старцев А.Ф. Культура и быт удэгейцев (вторая половина XIX–XX в.). Владивосток: Дальнаука, 2005. 444 с.
14. Старцев А.Ф. Мировоззрение тазов Ольгинского района Приморского края о природе // Инновационные технологии в науке и образовании: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 18 дек. 2015 г.). Чебоксары: ЦНС "Интерактив плюс", 2015. С. 55–63.
15. Старцев А.Ф. Тотемические пережитки тазов Ольгинского района Приморского края // Инновационная наука. 2016. № 3 (часть 4). С. 83–90.
16. Шаманизм народов Сибири. Этнографические материалы XVIII–XX вв.: хрестоматия: в 2 т. 2-е изд., испр. и доп. / Сост., вступ. ст., исслед., прилож., заключ., подбор ил. Т.Ю. Сём. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2011. 496 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Arsen'ev V.K. Kratkij geograficheskiy ocherk Ussurijskogo kraja (1901–1911 gg.) // Soch. Vladivostok: Primizdat, 1948. T. 5. S. 3–110.
2. Arsen'ev V.K. Po Ussurijskomu krayu. Puteshestvie v gornuyu oblast' Sikhoteh-Alin' v 1906 g. // Sobr. soch. v 6 tomakh. Vladivostok: Al'manakh "Rubezh", 2007. T. I. S. 43–396.
3. Arsen'ev V.K. Skvoz' tajgu // Sobr. soch. v 6 tomakh. Vladivostok: Al'manakh "Rubezh", 2011. T. II. S. 479–604.
4. Arsen'ev V.K. Kratkij voenno-geograficheskiy i voenno-statisticheskij ocherk Ussurijskogo kraja. 1901–1911 // Sobr. soch. v 6 tomakh. Vladivostok: Tikhookeanskoe izdatel'stvo "Rubezh", 2012. T. III. S. 63–322.

5. Arsen'ev V.K. Kitajtsy v Ussurijskom krae. Ocherk istoricheskoe-ethnograficheskij // Sobr. soch. v 6 tomakh. Vladivostok: Tikhookeanskoe izdatel'stvo "Rubezh", 2012a. T. III. S. 323–506.
6. Bereznitskij S.N. Ehtnicheskie komponenty verovanij i ritualov korennykh narodov Amuro-Sakhalinskogo regiona. Vladivostok: Dal'nauka, 2003. 487 s.
7. Brailovskij S.N. Tazy ili udihe: Opyt etnograficheskogo issledovaniya (otd. ottisk iz zhurnala "ZHivaya starina"). SPb., 1901. 223 s.
8. Girfanova A.KH. Slovar' udehgejskogo slovarya. SPb.: Nauka, 2001. 476 s.
9. Drevnij svet. Skazki, legendy, predaniya narodov Khabarovskogo kraja. Ocherki o fol'klore, zapis' i literaturnaya obrabotka skazok Aliny CHadaevoj. Khabarovsk: Khab. kn. izd-vo, 1990. 240 s.
10. Markov V.M. Respublika Koreya. Traditsii i sovremennost' v kul'ture vtoroj poloviny XX veka. Vzglyad iz Rossii. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevostoch. un-ta, 1999. 448 s.
11. Syom L.I. Tazy // Severnaya ehntsiklopediya. M.: Evropejskoe izdanie "Severnye prostory", 2004. S. 929–932.
12. Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov. Materialy k ehtimologicheskomu slovaryu. L.: Nauka, 1977. T. 2. 992 s.
13. Startsev A.F. Kul'tura i byt udehgejtsev (vtoraya polovina XIX–XX v.). Vladivostok: Dal'nauka, 2005. 444 s.
14. Startsev A.F. Mirovozzrenie tazov Ol'ginskogo rajona Primorskogo kraja o prirode // Innovatsionnye tekhnologii v nauke i obrazovanii: materialy IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Cheboksary, 18 dek. 2015 g.). Cheboksary: TSNS "Interaktiv plyus", 2015. S. 55–63.
15. Startsev A.F. Totemicheskie perezhitki tazov Ol'ginskogo rajona Primorskogo kraja // Innovatsionnaya nauka. 2016. № 3 (chast' 4). S. 83–90.
16. SHamanizm narodov Sibiri. Ehtnograficheskie materialy XVIII–XX vv.: khrestomatiya: v 2 t. 2-e izd., ispr. i dop./ Sost., vstup. st., issled., prilozh., zaklyuch., podbor il. T.YU. Syom. SPb.: Filologicheskij fakul'tet SpbGU; Nestor-Istoriya, 2011. 496 s.

Старцев А.Ф. Религиозные воззрения и культовые сооружения тазов Приморского края.

В исследовании рассматривается проблема взаимоотношений божеств, хозяев и духов природы с тазами Ольгинского района – одним из малочисленных этносов Приморского края. Основная цель и задачи исследования заключаются в показе разных культовых сооружений. В культуре тазов бытовали семейные, промысловые и общественные кумиры, в которых происходил процесс общения тазов с божествами и хозяевами природы. Определённое внимание уделяется этимологии этнических названий, связанных с культовыми постройками, божествами и хозяевами природы.

Ключевые слова: культура, этнос, тазы, Верховное божество, хозяин гор, дух деревьев, община, священная постройка

Starcev A.F. Religious views and cult constructions of Tazy of Primorsky Krai.

In research the problem of relationship of deities, owners and spirits of the nature with Tazy of the Olginsky area – one of small ethnoses of Primorsky Krai is considered. The main objective and research problems consists in display of different cult constructions. In culture of Tazy there were family, trade and public kumirn, in which there was a process of communication of Tazy with deities and owners of the nature. A certain attention is paid to etymology of the ethnic names connected with cult constructions, deities and owners of the nature.

Key words: culture, ethnos, Tazy, Supreme deity, owner of mountains, spirit of trees, community, sacred construction

Для цитирования: Старцев А.Ф. Религиозные воззрения и культовые сооружения тазов Приморского края // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 1. С. 74–81. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/74-81

For citation: Starcev A.F. Religious views and cult constructions of Tazy of Primorsky Krai // Ojkuмена. Regional researches. 2019. № 1. P. 74–81. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/74-81

УДК 39(08):7.048

Подмаскин В.В.

Военный врач Ф.А. Дербек как исследователь истории и культуры народов Приморья и Приамурья (1902–1930 гг.)

Дербек (Albert F.) Фёдор Альбертович (23 января 1871–1947 гг.) – военно-морской врач, зоолог, краевед, коллекционер. Сын купца. В 1894 г. окончил естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, затем Императорскую военно-медицинскую академию. Служил корабельным врачом на транспортах "Алеут", "Тунгус", "Охотск" и во Владивостокском морском госпитале. Защитил диссертацию в Казанском университете. Действительный член комитета правления Общества изучения Амурского края (1902–1917 гг.) [9, с. 213], заведующий музеем Общества (1902–1914 гг.), занимался систематизацией коллекций музея по зоологии (1903 г.), изучал культуру и быт коренных народов Дальнего Востока. В 1930 г. через Шанхай эмигрировал в Германию [5, с. 10, 12].

Во время плавания врачом на транспортах "Алеут" и "Охотск" собрал обширные коллекции и гербарий растительного и животного мира Охотского и Японского морей [5, с. 21]. В медицинских кругах Дербек прославился работами по методике лечения венерических заболеваний (сифилиса). Выступал с докладами об итогах борьбы с венерическими заболеваниями в Германии, Австрии (посещал клиники в этих странах) и во Владивостоке на заседаниях Общества врачей Южно-Уссурийского края и обществе морских врачей г. Владивостока. Был членом этих обществ, организатором и первым руководителем кожно-венерического диспансера во Владивостоке в 1923 г. [7, с. 179].

Ф.А. Дербек написал статью о "Медвежьем празднике" гиляков (нивхов): "... заметка эта составлена по данным, сообщённым мне бывшим лоцмейстером лимана Амура М. Е. Чепелёвым, жившим много лет среди гиляков, и по личным наблюдениям во время плаваний по лиману" [2, с. 27]. По сообщению Ф.А. Дербек, многие элементы праздничного обряда были связаны с народной педагогикой. "На голову, выведенного из клетки медведя, спереди бросается один из смельчаков мальчиков, обхватывает его шею и крепко прижимается. Медведь совершенно теряет, старается освободиться от маленького нахала, а в это время ему уже набросили петли на лапы и вложили и закрепили в пасть палку" [2, с. 29]. Исследователь оставил описание программы праздника, включавшей бега ездовых собак, запряжённых в нарты, музыкальное сопровождение: "... беспрестанно поют всё одни и те же слова: "киль менъ ра", а женщины устраивают музыку на своеобразном инструменте: подвешивают горизонтально длинное сухое бревно, вдоль которого становятся несколько гилячек и деревянными колышками отбивают по бревну известный такт" [2, с. 31].

В 1956 г. в г. Дармштадте (ФРГ) под псевдонимом Фридрих Альберт вышла в свет монография на немецком языке "Лесные люди удехе. Исследовательские путешествия в районах Амура и Усури" [10], при написании которой, использовался не только собственный полевой материал, но и "устные и записанные сообщения В.К. Арсеньева, который умер у меня на руках" [10, с. 40]. В "Предисловии" Дербек написал о том, что он решил восстановить в целостном виде устные сообщения и опубликованные материалы своего друга В.К. Арсеньева. "Ни один исследователь не делал таких обширных наблюдений, как Арсеньев, – подчеркнул Дербек, – поэтому этот труд должен быть посвящён памяти В.К. Арсеньева и должен служить вкладом в дальнейшее изучение маньчжуро-тунгусских народов" [10, с. 7]. Возможно, речь идёт о

© Подмаскин В.В., 2019

ПОДМАСКИН Владимир Викторович, д-р ист. наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). E-mail: podmaskin@yandex.ru

части рукописи В.К. Арсеньева "Страна удэ(he)", материал которой Дербек использовал для написания своей монографии [8, с. 240]. Следует отметить, что Дербек в монографии часто ссылается на брошюру В.К. Арсеньева "Лесные люди удэгейцы", которую сам автор охарактеризовал как "краткое популярное изложение большого труда "Страна удэ(he)" [1, с. 3].

Этнографическое наследие врача Ф.А. Дербек остается практически не изученным. Однако в той его части, которая стала доступной для изучения, некоторые высказанные Дербином идеи вызывают критику у современных исследователей: обоснование этногенеза удехе (удэгейцев) и орочей, оценка роли шаманов в общественной жизни орочей (он считает, что шаманы главным образом заботятся о благе своих соплеменников и занятие шаманством не приносило им никакого дохода), вывод о том, что удэгейцы и орочи народ субтропической расы, они пришли на Амур и восточное побережье Японского моря с юга, смешались с нивхами и айнами, восприняв их обычаи и образ жизни, и др. [10, с. 14–15]. Действительно, некоторое противоречие наблюдается в высказываниях Ф.А. Дербек по этногенезу и этнической истории удэгейцев и орочей [3, с. 12–13; 4, с. 12–15], что не снижает его вклада в этнографическое изучение этих народов в целом.

Ф.А. Дербек изучал удэгейцев и орочей, когда традиционная культура доминировала в их жизни. Благодаря его монографии до нас дошли ценные сведения о хозяйстве и материальной культуре удэгейцев и орочей начала XX в. Его заметки содержат оригинальный фактический материал о приемах охоты и рыбной ловли, морском зверобойном промысле, собирательстве, особенностях меновой торговли и утилизации добычи. Исследователь писал, что жир и молодые рога изюбря служили туземцам для целебных целей, шкуры – для обуви, одежды и лыж, сухожилия – для нитчатой тесьмы. Из рогов оленя туземцы изготавливали предметы домашнего обихода и охоты, костный жир, который не густел даже при сильных морозах, использовали для смазки стволов огнестрельного оружия.

У орочей Дербек отметил интересную, но утраченную ныне традицию держать пойманных животных и птиц в своих посёлках. В пос. Датта, расположенном в устье реки Тумнин, исследователь обнаружил "целый зоопарк". В специально построенном из толстых брёвен лиственницы сооружении с плоской крышей содержались медведи. Их готовили для медвежьего праздника. "В другой деревянной клетке была молодая лиса, на столбе для просушки лососей сидел привязанный за лапу орёл; далее на краю посёлка в деревянном ящике помещались утята. В юрте прыгала привязанная за ногу сойка" [10, с. 64].

Экономика аборигенов создавалась на основе добычи морских и речных рыб. Для удехе, отмечает исследователь, речное рыболовство являлось вспомогательным занятием. Дербек обратил внимание на то, что обычно рыбу ловят в свободное время в устье реки. Хорошо зная повадки ихтиофауны, туземцы тратили на добычу короткое время.

Особое внимание Дербек обратил на эффективное использование туземцами даров моря. Он отметил, что объектами охоты служили морской лев, морская собака (тюлень) и белуха. В быту и торговле важное место занимал тюлений жир (служил пищей и топливом), шкуры (шили одежду и пологи для юрт).

Охотясь на тюленей, отмечает Ф.А. Дербек, туземцы соблюдали определённые правила. Например, на доске плавающего гарпуна наносилось графическое изображение человека, без которого оружие не могло успешно действовать. Глаза, нос и голову тюленя попеременно бросали в воду, полагая, что душа убитого животного не узнает охотника.

Самым почитаемым морским животным у удехе-орочей была касатка Тэму, которую, по свидетельству Дербек, называли "господин и благодетель". Завидев касатку, удэге "направляют к ней молитвы, просят пощады и бросают в качестве жертвенных даров самые ценные товары – спички, табачные листья и куски сахара. Если море прибывало к берегу тело мёртвой касатки, туземцы хоронили его в специальном дощатом сооружении, а голову насаживали на украшенный столб, установленный на берегу. Почитание касатки было связано с тем, что при охоте на морских животных она играла роль своеобразного загонщика: при её появлении среди морских млекопитающих

начиналась паника, они близко проплывали у лодки и становились лёгкой добычей охотника".

Комментируя методы охоты на морских млекопитающих и связанные с этим обычаи, Дербек отмечает, что удехе переняли их от гиляков (нивхов) или ольчей. В качестве доказательства исследователь приводит тот факт, что среди удэге охота на тюленя не пользуется большой популярностью, однако признавалась ими как необходимая деятельность.

Исследователь обратил внимание на растительные ресурсы юга Дальнего Востока. Он заметил, что в тёплые месяцы женщины с детьми туземцев собирали клубни, ягоды, травы, орехи, плоды деревьев, древесную кору, морские водоросли и морскую капусту. Значительную роль в рационе питания играла растительная пища, служившая дополнением к мясным блюдам. Дербек выделил 19 видов съедобных ягод. Большинство из них поедалось в сыром виде, некоторые замораживались; сок ягод подвергали брожению в мешках из кожи тюленей, пили по праздникам. По данным Фридриха Альберта, ягоды служили главным продуктом для приготовления самого лакомого блюда удехе-орочей – сейни. Помимо ягод, в пищу шли листья и луковички дикого чеснока (черемши) и дикого лука; клубни лилии (*Lilium Marsagon*) поджаривали для приготовления напитка, подобного кофе. Грибы продуктом не являлись, в качестве опьяняющего средства использовали мухомор [10, с. 136].

Традиционную духовную культуру удехе он изучал посредством удэгейского информатора, которого звали Сунцай Геонка [10, с. 183–184]. На основании собранных с его помощью данных, Ф.А. Дербек доказал, что воззрения удехе-орочей на природу носили ярко выраженный анимистический характер с развитием антропоморфизма. Он пишет: "Удехе видит вокруг себя только живой мир, который связан с ним непосредственно. Все животные и растения такие же живые существа, как он сам. Неживая природа, по его представлению, также состоит из одухотворённых существ" [10, с. 180]. Он также изучил генезис родовых духов-покровителей и духов-защитников. Покровителями рода становились души членов рода, убитых медведей, утонувших в море и погибших от огня. По мнению Дербека, вера в невидимых духов способствовала развитию духовного самоконтроля у коренных народов и щадящего отношения к природе.

По мировоззрению удехе-орочей, всё, что человек получает и завоёвывает из окружающей его природы, это безусловное выражение благоволения к нему защищающих его духов. Это до известной степени для него и его рода. Поэтому он и готов разделить всё, что он имеет, пищу или табак, со своими гостями, со своими товарищами по племени или друзьями. Гостеприимство уходит своими корнями в привитую ему родовыми правилами веру. Оно простирается не только на проходящих мимо голодных странников, но и на каждого, кто входит в его хижину, если даже это случается несколько раз в день. Угощают, не спрашивая, сыт ли ты, или голоден. Гостю предлагают курить, а если у хозяина заканчивается табак, то хозяин, затянувшись из своей трубки, передаёт её гостю. Если приносят ему лакомства или водку, то он делится приношением со всеми, кто присутствует в хижине, а также с детьми. Было бы пренебрежением и недостаточным признанием благоволения духов-защитников, если бы он утратил чувство гостеприимства, так как доброта духов-защитников распространяется не только на него, но и на весь род.

Духами-защитниками являлись тигр, касатки и медведь, которые пользовались наибольшим почитанием у удехе. Сам культ перечисленных животных исследователь объяснял чувством страха и почтительностью, которые испытывали туземцы при встрече с тигром, медведем или касаткой: каждый из них в своей стихии превосходил всех силой и был более сильным и независимым, чем удехе на земле [10, с. 200].

Если дела удехе идут хорошо и его жизнь протекает гладко и счастливо, то он убеждён в том, что духи-защитники его рода к нему благосклонны и помогают ему. Но как только злые враждебные духи начинают угрожать жизни и нарушают покой, он забывает добрых духов и пытается, прежде всего, усмирить и задобрить злых. Если ему не хватает для этого собственных средств и злой дух оказывается слишком сильным, он обращается к шаману (Sama).

Почти в каждой семье имеется шаманский бубен, и почти в каждой семье один из его членов до известной степени знаком с камланием. Он умеет

"камлать", как это выражает тюрко-татарское слово, перенятое русскими от якутов, и поэтому оно понятно по всей Сибири [10, с. 215].

Иногда дух прежнего товарища по роду, который находится в близких отношениях с "хозяйном гор и лесов", мешает его удаче во время охоты, если не всё соблюдено, чего требует обычай. Если, например, косяки рыбы пошли в другом направлении и обходят его участок ловли, то он должен прекратить оказывать необходимое внимание, приносить жертвы и другие почести господину моря или соответствующему родовому духу-защитнику. Если же туземец убеждён, что всё выполнено, вплоть до мелочей, то на охоте при трудных походах или плавании на лодке он не знает страха, и в наших глазах чрезвычайно мужественен и отважен. Но если ему кажется, что что-то было не соблюдено при обращении с духами, то он становится нерешительным, по нашему мнению, трусом. Наблюдения таких моментов часто обобщались и приводили к неправильным выводам.

Духи могут иногда издавать звуки, подобные свисту, шипению или стону. Для других чувств человека они не распознаваемы, их нельзя ни видеть, ни обонять, ни ощущать на вкус, ни осознать. Когда спрашиваешь, каким же собственно создан дух, всегда слышишь один и тот же ответ: "Таким же, как человек: он чувствует голод, холод и жару, он может быть завистливым и мстительным, а если ему делают добро, то благодарным и благожелательным, он может быть весёлым и печальным. На его настроение можно влиять, а при угрозах и применении силы, при шумах и криках он может пугаться. Его можно просить и с него можно требовать, его можно запугать и заставить принять какое-либо решение. В своей деятельности дух поступает разумно и проявляет те или иные душевные качества" [10, с. 188].

Анализируя верования удехе, исследователь отметил: "От своей религии туземец получал определённые направления, как он мог бы спастись от опасности, болезни и смерти. Его духи или божества были в его представлении подобны ему, только они имели иные сферы деятельности, и их нельзя было видеть или чувствовать. Его поведение по отношению к ним опиралось на принцип "Dont des" (я даю, дай же и мне!), но не в купеческом смысле продажи за плату. Благодаря распределению товаров среди людей, животных и невидимых существ или духов поддерживается гармоничное равновесие сил, что нельзя нарушать, поэтому не каждый подарок, благодаря которому часть сил или власти переходит к получающему этот подарок, должен последовать ответный подарок, чтобы веса гармонически распределённых сил оставались в равновесии. Поведение удехе по отношению к духам не было смиренным, а таким, какое существует между двумя договаривающимися партнёрами. Причём при этом договоре им руководили страх нарушения договора и поиски помощи" [10, с. 192].

В религиозных представлениях удехе Ф.А. Дербек выявил строгую иерархию: верховное божество Эндури, никогда не снисходившее к человеку; смертные существа Онку, Ганихи и хозяин огня, от которых зависела повседневная жизнь туземца, и, прежде всего, процесс добывания пищи. Ступенькой ниже стояли самые разнообразные духи, обитавшие как в отдельных деталях ландшафта, так и в предметах быта. Отношения между туземцами и духами он характеризовал как партнёрские.

Кроме этих четырёх сил, благожелательных для человека, в представлении туземцев, имеется целый ряд злых духов, мешающих и угрожающих спокойной жизни человека. Это, например, горный дух Какзаму, которого удехе представляют себе тощим великаном на тонких ножках, голова которого имеет форму редьки, заострённой книзу. Этот Какзаму живёт у истоков рек в скалах и каменных россыпях. Он хватает людей, превращает их в камни – Кадани и оставляет их на вершинах гор. Понятный ужас охватывает удехе, если он случайно очутился в ущелье. При малейшем предчувствии опасности он зажигает факел из бересты и быстро бежит с громким криком, минуя опасное место. Причём он всё время оглядывается и наблюдает за скалами, имеющими сходство с человеком [10, с. 185].

Злой дух Боко – это горбатый карлик на одной ноге и только с одной рукой. Он живёт в болоте. Из-за его наговоров (козней) люди часто заблуждаются в лесу и не могут найти выхода. Самый страшный из всех злых духов – это Огзо. Он имеет фигуру страшной птицы с железными крыльями и таким же

клювом с железными зубами. С быстротой молнии он летает по всему миру и не имеет постоянного пристанища. Этот Огзо является шаману и приказывает ему приготовить изображение в виде дерева (Тхун). При этом он точно указывает место и вид дерева, и какие звери и птицы должны быть на нём изображены. Шаман должен непременно выполнить приказ, иначе в его доме поселится злой дух.

Удехе очень боятся таких мест, где находятся Тхуны. Ночью никогда к ним не приближаются, избегая их и днём. Гроза – это тоже живое существо (Agdi), оно изрыгает огонь из своей пасти и имеет вид змеи с ногами и крыльями. Когда злой дух Огзо долго задерживается на одном месте, то Эндури посылает Агди, гром которого изгоняет Огзо, бегущего от него с ужасом. На футляре бубна шамана обычно изображён Гром в виде дракона, извергающий огонь из своей пасти [10, с. 198].

Духи могут найти пристанище в органах людей, в предметах неживой природы, в вещах, изготовленных руками человека. Вселение духа возможно при помощи просьбы в специальное жилище Севохи, изготовленное из дерева или соломы в виде зооморфной или антропоморфной фигуры.

Если дух проник в такой предмет или изображение, то он живёт как гость в юрте туземца и с ним общаются с просьбой. Но он слышит также упреки и укоры и даже угрозы. Ему подносят еду, которой питается хозяин, причём он естественно принимает лишь духовное содержание кушаний и оставляет нетронутой их видимую часть. Аромат и запахи духи, конечно, воспринимать могут и ощущают при этом либо удовольствие, либо отвращение, когда запах неприятный (тошнотворный). Эта способность используется туземцами также практически при изгнании духа, проникшего в человека и причиняющего ему мучения, подвергая его воздействиям вони при сжигании кала, отходов и т.д. Если сломается предмет (оружие или вещь), в котором проживает дух, то его невидимая часть исчезает. При похоронах сопровождающие предметы сначала ломаются, а осколки (например, котла) и сломанные куски укладываются с покойником. Ведь при уходе в царство мёртвых душу должны сопровождать только невидимые части [10, с. 189].

Кроме Севохи вместилищем для невидимых существ служат обереги Мяонки. Они делаются по указанию шамана из кожи или ткани, пришиваются на внутреннюю сторону одежды. Мяонки представляют изображения людей, птиц, змей, рыб, насекомых, а чаще всего это какие-нибудь отвлечённые предметы: пуля с кусочком красной тряпочки, три шпильки, нашитые на лоскуток кожи, пружина от ружейного замка, зашитая в беличий мех и многое другое.

Можно утверждать, если духи, по убеждению удехе-орочей, в состоянии проникать в любые предметы и там на некоторое время поселяться, то и сам человек не является исключением из таких предметов. Если это происходит, то последствия, конечно, могут быть самые различные: если дух злобно настроен против такого человека, то он может принести ему болезнь, от которой человек погибает. Внедрившись в человека в виде незримой лисицы Чигали, вызывает, например, у жертвы эпилептические припадки: "Он гнёт и ломает конечности больного". Изгнание этой лисицы очень трудная задача, но бываю-т и удачи без вмешательства шамана, как, например, по упомянутому методу с помощью отвратительного запаха, которому подвергается больной до тех пор, пока дух этого не выдерживает и не покидает больного. В опасное положение попадает человек, когда он в сонном состоянии, то есть в отсутствии своей "души", подвергнется нападению злого духа. Тогда дух делает с ним всё, что хочет. В случаях тяжёлого продолжительного душевного заболевания туземец признаёт поражение человеческой души после длительной борьбы с проникшим в человека духом. Исследователь пришёл к выводу, что удехе, чтобы противопоставить себя духам, должен быть хорошим их знатоком.

Удехе-орочи смерть живого существа, а также человека не рассматривают как естественное явление: она есть следствие удара со стороны духа, злобно настроенного к этому человеку. По их убеждению, незримая часть существа "душа" покидает тело, но остаётся вблизи человека, блуждает вокруг юрты умершего и ждёт, пока шаман не проведёт её в царство, которое находится по ту сторону видимого мира. Только испытанный шаман может выполнить эту трудную задачу. На пути в царство мёртвых он должен преодолеть мно-

го трудных препятствий. Нередко он должен возвращаться снова назад, и лишь на следующий день вновь начинается его путешествие. Если шаману не удастся провонять "дұшу" в потустороннее царство, то она будет блуждать по земле и попадёт во власть злого дұха, становится злым дұхом и стремится отомстить всему роду.

Потустороннее царство Буни находится очень далеко от того места, где солнце при заходе исчезает за горизонтом. Там живёт душа в течение одного поколения таким же образом, как на земле: дұши занимаются рыбной ловлей, ходят на охоту, женятся или выходят замуж и снова умирают. После второй смерти душа становится меньше и снова идёт на запад к заходящему солнцу, уменьшается и уменьшается, пока не превращается в пылинку. На одре умершего складываются все его вещи. Как уже упомянуто, они должны быть все поломаны и изорваны, короче говоря, они не должны являться целыми вещами. В этих вещах, поясняют туземцы, будет нуждаться душа умершего как в том, так и в этом мире. Удехе любят очень точно рассматривать маленьких живых существ, например, тлей. Они малы и ничтожны, говорят, они находятся, следовательно, в стадии полного исчезновения. Где-нибудь имеется другой мир, где тля была очень большим зверем. Теперь в этом мире она в последней стадии жизни [10, с. 194].

Ф.А. Дербек опроверг гипотезу некоторых (не названных им. – Авт.) европейских исследователей о наличии тотемов у удехе-орочей, ольчей или ороков, гольдов (нанайцев), гиляков (нивхов) и айнов. С его точки зрения, изображения зверей, людей и смешанных образов "зверо-человеков", размещённых на юртах или рядом с ними, являются не идолами, а жилищем для духов.

Ф.А. Дербек оставил описание народной медицины удехе-орочей, уделяв большое внимание народным целителям – знахарям и шаманам, а также способам их врачевания [10, с. 221–227]. В частности, большую распространённость психоневрологических заболеваний у тунгусо-маньчжуров Фридрих Альберт объяснял условиями жизни и верованиями этих народов. Главной причиной заболеваний, по мнению аборигенов, являлась "деятельность" злых духов, поселяющихся в тело человека. Это обстоятельство открывало шаманам "большое поле деятельности". Действия шамана, отмечает исследователь, имели благоприятное воздействие на больных даже при инфекционных заболеваниях: "уже сам сеанс камлания и вера в его помощь приносили больному надежды на улучшение общего состояния".

В декоративном искусстве удехе Ф.А. Дербек выделил традиционный орнамент, украшавший одежду, оружие и культовые фигуры. Мотив рисунка выполнялся по заданию шамана или самим шаманом. Исследователь делит художественные ремёсла удехе на мужские и женские. Женщины занимались шитьём одежды, обуви, головных уборов и украшали их орнаментом, "не имея образцов для копирования". Мужчины изготавливали и украшали оружие, а также занимались резьбой по дереву и кости. Фигуры животных и птиц, изготовленные мастерами удехе, Фридрих Альберт оценил как "довольно реалистические" [10, с. 178].

Сравнивая декоративное искусство тунгусо-маньчжуров и гиляков (нивхов), Фридрих Альберт отметил наличие сходных элементов в орнаменте гольдов (нанайцев), орочей и гиляков (нивхов). Причиной этому являлось "регулярное общение и взаимовлияние этих народов и племён". Скульптурные изделия гиляков и некоторых тунгусо-маньчжурских народов в виде людей, зверей и фантастических птиц выполнены довольно грубо, пишет Фридрих Альберт. Кустарные работы гольдов отличаются развитой фантазией и сложностью композиции. Художественные изделия удехе, по оценке Дербека, "не столь талантливо" по сравнению с аналогичными изделиями у гольдов и тунгусов. Главная причина этому, по словам исследователя, кроется в том, что удехе больше времени проводят в перекочёвках и единственным "оседлым" периодом у них был сезон лова лосося.

Изучая народные знания аборигенов, Фридрих Альберт отметил обширные познания удехе-орочами ландшафта, животного и растительного мира, свойств отдельных видов флоры и фауны тех районов, где они обитали. Благодаря этим знаниям они "...являются лучшими проводниками в дикой лесистой горной местности с реками, ручьями и болотами", в частности, туземные

проводники не раз оказывали большую помощь экспедициям В.К. Арсеньева по Приморью.

Оценивая положительный вклад Дербек в изучение народных знаний, необходимо отметить ряд неверных замечаний. В данной монографии он отмечал: "О звёздном небе от удехе мы не получили более менее точных сведений. Кажется, они со своими мыслями мало имеют к нему отношения" [10, с. 42, 200]. Позднее, в ходе этнографического изучения удэгейцев, стало известно, что они обладали обширной информацией о планетах и созвездиях, которые служили ориентирами, по ним определяли время, устанавливали сроки рыбного промысла и охоты [6, с. 30–34].

Таким образом, Ф.А. Дербек как врач, используя свои полевые наблюдения и опубликованные материалы В.К. Арсеньева, оставил интересное исследование быта и этнопсихологии аборигенов Тихоокеанской России (удэгейцев, орочей, нивхов и многих других) конца XIX – начала XX в. с описанием таёжной природы. Этнографическое исследование и собранные им материалы по удехе-орочам отличаются скрупулёзной документальностью, что придаёт им научную ценность, которая определяется ещё и тем, что исследователь собирал их в тот период, когда традиционная культура сохранялась в значительной мере, представляя собой единый комплекс из форм материальной культуры (жилище, одежда, пища и др.), социальной (семейная обрядность и быт) и духовной (анимизм, шаманство). В своей книге учёный затронул сложные и во многом не решённые проблемы этногенеза и этнической истории народов Дальнего Востока.

Литература

1. Арсеньев В.К. Лесные люди – удэгейцы. Владивосток, 1926. 46 с.
2. Дербек Ф.А. Медвежий праздник гиляков // Записки Общества изучения Амурского края Владивостокского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического об-ва. СПб., 1913. Т.13. С. 27–32.
3. История и культура орочей: историко-этнографические очерки / отв. ред. В.А. Тураев. СПб.: Наука, 2001. 172 с.
4. Ларькин В. Г. Орочи: историко-этнографический очерк с середины XIX в. до наших дней. М.: Наука, 1964. 175 с.
5. Отчёт за 1908 год Общества изучения Амурского края. Владивосток: Общество изучения Амурского края Владивостокское отделение Приамурского отдела Императорского Русского географического об-ва, 1910. 30 с.
6. Подмаскин В.В. Народные знания удэгейцев: историко-этнографическое исследование по материалам XIX–XX вв. Владивосток: ДВО РАН, 1998. 228 с.
7. Приморский край: Краткий энциклопедический справочник. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. 596 с.
8. Тарасова А.И. Владимир Клавдиевич Арсеньев. М.: Наука, 1985. 270 с.
9. Хисамутдинов А. А. Три столетия изучения Дальнего Востока: (Материалы к библиографии исследователей). Владивосток: Дальнаука, 2007. Вып. 1. (1639–1939). 667 с.
10. Albert F. (F.A. Derbek). Die Waldmenschen Udehe. Forschungsreisen im Amur – und Ussuriegebiet. Darmstadt: C. W. Leske Verlag, 1956. 272 s.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Arsen'ev V.K. Lesnye lyudi – udehkhejtsy. Vladivostok, 1926. 46 s.
2. Derbek F.A. Medvezhij prazdnik gilyakov // Zapiski Obshhestva izucheniya Amurskogo kraja Vladivostokskogo otdeleniya Priamurskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo ob-va. SPb., 1913. T.13. S. 27–32.
3. Istoriya i kultura orochej: istoriko-ethnograficheskie ocherki / отв. red. V.A. Turaev. SPb.: Nauka, 2001. 172 s.
4. Lar'kin V. G. Orochi: istoriko-ethnograficheskij ocherk s serediny KHIKH v. do nashikh dnei. M.: Nauka, 1964. 175 s.
5. Otchyot za 1908 god Obshhestva izucheniya Amurskogo kraja. Vladivostok: Obshhestvo izucheniya Amurskogo kraja Vladivostokskoe otdelenie Priamurskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo ob-va, 1910. 30 s.
6. Podmaskin V.V. Narodnye znaniya udehgejtsev: istoriko-ethnograficheskoe issledovanie po materialam XIX–XX vv. Vladivostok: DVO RAN, 1998. 228 s.

7. Primorskij kraj: Kratkij ehntsiklopedicheskiy spravocnik. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 1997. 596 s.
8. Tarasova A.I. Vladimir Klavdievich Arsen'ev. M.: Nauka, 1985. 270 s.
9. KHisamutdinov A. A. Tri stoletiya izucheniya Dal'nego Vostoka: (Materialy k bibliografii issledovatelej). Vladivostok: Dal'nauka, 2007. Vyp. 1. (1639–1939). 667 s.
10. Albert F. (F.A. Derbek). Die Waldmenschen Udehe. Forschungsreisen im Amur – und Ussuriegebiet. Darmstadt: C. W. Leske Verlag, 1956. 272 s.

Подмаскин В.В. Военный врач Ф.А. Дербек как исследователь истории и культуры народов Приморья и Приамурья (1902–1930 гг.).

Статья посвящена научной деятельности врача, общественного деятеля, краеведа, соратника В.К. Арсеньева Фридриха Альбертовича Дербек (Ф. Альберта). В экспедициях по Приморью и Приамурью он собрал с помощью информатора Сунца Геонка ценный этнографический материал об удэгейцах. В его научно-популярной книге "Лесные люди удехе. Путешествие по Амуру и Уссурийскому краю" на немецком языке содержится уникальная информация об этногенезе, истории и культуре удэгейцев и орочей, которых он считал одним родственным народом по языку, антропологическому типу, материальной и духовной культуре. В данной статье даётся оценка трудов исследователя, вводятся в научный оборот новые знания и обширный фактический материал по этнографии удэгейцев, орочей и нивхов. Специалисты по первобытной истории и проблемам развития человеческой культуры найдут интересную и нужную информацию, отражающую далёкие стадии развития человечества, оставленную нам путешественником и учёным-этнографом начала XX в. Ф.А. Дербек.

Ключевые слова: "Страна удэ(хе)", гилыки (нивхи), удехе (удэгейцы), орочи, народная медицина, медвежий праздник, касатка и медведь, пища, орнамент, Эндурри, Онгу, Севохи, горный дух Какзаму, царь моря Генехи, охота, рыбная ловля, народные знания, верования, духи и души, шаманство

Podmaskin V.V. Military doctor Friedrich Albertovich Derbek (1902–1930), as a researcher of history and culture of the peoples of the Amur Region.

The article is devoted to the scientific activity of the doctor, public figure, ethnographer, colleague of V. K. Arsenyev, Friedrich Albertovich Derbek (Albert). In expeditions to Primorye and the Amur region, he collected valuable ethnographic material about the Udege with the help of an informant Suntsai Geonka. In his popular science book "Forest people Udeh. Journey through the Amur and the Ussuri region" in German contains unique information about the ethnogenesis, history and culture of the Udege and Orochi, whom he considered one related people in language, anthropological type, material and spiritual culture. This article provides an assessment of works of the researcher, is introduced into the scientific circulation of new knowledge and extensive factual material on the Ethnography of the Udege, Oroch and Nivkhs. Specialists in primitive history and problems of human development will find interesting and necessary information, reflecting the distant stages of human development, left us by the traveler and ethnographer of the early twentieth century.

Key words: "the Country Ude(a)", gilyak (Nivkh), udihe (Udege), Orochi, folk medicine, holiday bear, killer whale and bear, food, ornament, Endure, Once, Sewage, mountain spirit Caccamo, king of the sea Genichi, hunting, fishing, folk knowledge, beliefs, spirits and souls, shamanism

Для цитирования: Подмаскин В.В. Военный врач Ф.А. Дербек как исследователь истории и культуры народов Приморья и Приамурья (1902–1930 гг.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 1. С. 82–89. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/82-89

For citation: Podmaskin V.V. Military doctor Friedrich Albertovich Derbek (1902–1930), as a researcher of history and culture of the peoples of the Amur Region // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 1. P. 82–89. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/82-89

УДК 940.2(470)

Литвинов В.В.

Взгляд из Днепропетровской области на развитие медицины на русском Дальнем Востоке (1857–1922 гг.)

Литвиновой Татьяне Николаевне посвящается

Тем, кто в Днепропетровской области занимается изучением освоения русского Дальнего Востока трудно удивить дальневосточных коллег, учитывая популяризацию на Востоке локальной истории в изучении не только края, города, села, но и семьи. В такой атмосфере некоторым уважаемым коллегам сложно принять "прозаическое" обстоятельство, что есть ещё регионы (страны), где отсутствует даже не новейшая, а просто информация о Дальнем Востоке. Вот лишь один пример. В 1997 г. автор отправил запросы в архивы Владивостока, Хабаровска, Читы, Иркутска, Омска, Красноярска. Ответы¹ были почти идентичны: 29.01.1998 г. в письме, подписанном заместителем директора Российского Государственного исторического архива Дальнего Востока Д.И. Мелюховым, рекомендовалось "за исчерпывающей информацией обратиться к работам Ю.В. Аргудяевой, историка-этнографа, специалиста по славянскому переселению на Дальний Восток". Но в библиотеках Днепропетровской области не было ни книг, ни статей этого автора². В 2004–2005 гг. свои фонды продолжала пополнять научными журналами из Российской Федерации лишь библиотека Днепропетровского исторического музея.

Если охарактеризовать современное положение то, **во-первых**, в Интернете в большинстве случаев есть информация о публикации, но не её текст. Когда речь идёт о диссертациях и монографиях, изданных на Дальнем Востоке, то в открытом доступе, как правило, размещают введение и анализ литературы и источников с пояснением: "полностью с текстом можно ознакомиться в читальном зале библиотеки", находящейся во Владивостоке или Хабаровске. Если бы семья автора продолжала жить в Кременово, Хурбе, Комсомольске-на-Амуре или Возжаевке, это было бы возможно, но когда между тобой и Владивостоком не только государственная граница, но и дорога, превышающая 10375 км, то дальневосточные исследования и недоступны и неизвестны.

Во-вторых, на Украине в 2017 г. ряд поисковых систем, мягко говоря, объявлен "нежелательным", а в декабре распоряжение МОН Украины запретило ВУЗам работать с российскими сайтами. Так не успевшие сохранить размещённую "В Контакте" книгу Элеоноры Лорд Прей "Письма из Владивостока"

¹ Исключением стали письма, которые подписали директор Государственного архива Приморского края И.Г. Яцкова (1998 г.) и архивист ГАПК В.М. Розенблит (1998 г.) и, особенно, директор Государственного архива Хабаровского края В.Д. Родинцева (1998, 2000 гг.), ведущий археограф ГАХК Л.А. Кривченко (1998 г.) и научный сотрудник ГАХК М.Г. Сморгчова (2000 г.), за что им огромное спасибо!

² В библиотеке Днепропетровского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета имени 300-летия воссоединения Украины с Россией хранится "История Сибири"; две монографии В.М. Кабузана; 13-й т. Учёных записок Томского государственного педагогического института (1955 г.); Сборник статей по истории Дальнего Востока (Владивосток, 1957 г.); 16-й т. Учёных записок Хабаровского государственного педагогического института (1968 г.); сборник "Экспансия Японии на Дальнем Востоке (конец XIX – первая треть XX в.)" (Владивосток, 1990 г.); два сборника архивных документов (Хабаровск, 1949 г., 1962 г.); сборники документов Пограничные войска в СССР.

© Литвинов В.В., 2019

ЛИТВИНОВ Виталий Витальевич, канд. ист. наук, доцент кафедры гуманитарной, психологической подготовки и идентификации культурных ценностей Университета таможенного дела и финансов (г. Днепропетровск, Украина). E-mail: Litvinovv76@rambler.ru

стока 1894–1930" сейчас не могут довольствоваться даже отрывками из статей об этой книге. Доставка книг из Российской Федерации была пресечена украинскими властями в 2015 г.

В-третьих, научные интересы большинства украинских авторов³ лежат в стороне от Амура и Великого океана, что "объясняет" редакционные исправления, когда читаем вместо "Г.И. Невельской" – "Невельский" [8, с. 90], "Е.П. Сидорчук" – "Сиборчук" [10, с. 108], "Сахалынь" – "Сахалин" [9, с. 105].

В-четвёртых, в украинской историографии популярна "концепция украинских клинзев" ⁴ В. Сергейчука [6, с. 32–34], а в 1990-е гг. единственной книгой, по которой изучали историю Украины в школах и ВУЗах, была переведённая с английского работа Ореста Субтельного. Вот что канадский автор писал о переселении на Дальний Восток: "Между 1896 и 1906 гг., после строительства Транссибирской магистрали, на Восток переселилось около 1,6 млн. украинцев. Суровые условия заставили многих вернуться домой. Всё же, несмотря на это, в 1914 году на Дальнем Востоке проживало около 2 млн. украинцев. К тому же на Восток в поисках земли переселилось вдвое больше украинцев, чем россиян" [19, с. 233]. Документы государственных архивов Украины⁵ также не могут в полной мере раскрыть эту тему [6, с. 35–38], поэтому складывается впечатление о тупике из-за отсутствия материалов для исследования. Но выход есть, иначе автору не удалось бы написать не только автореферат [7], но и диссертацию [6].

В доступной на территории Днепропетровской области литературе о миграционной политике большинство авторов упускают из вида вопрос развития (создания) инфраструктуры. Актуальность статьи обусловлена современным положением Украины, не сумевшей сохранить советское наследие и столкнувшейся с эпидемическими вспышками ранее искоренённых болезней. На этом фоне работы, изучающие российский опыт XIX–XX в. по созданию с нуля **эффективной системы лечебных учреждений** в регионе со стремительно растущим населением, не приветствуются. Цель работы – рассмотреть особенности этого процесса, показать коллегам, каким он видится на Украине. В сложившейся ситуации уместно вспомнить конец выступления Ф.Г. Углова на одном из заседаний Терапевтического общества в Ленинграде: "Я ничего не предполагаю, я ничего не предлагаю, я только излагаю и прошу вас самих сделать вывод из изложенного" [20, с. 17].

Современный человек вкладывает в понятие "инфраструктура" не только решение транспортного вопроса, наличие жилья, рабочих мест, медицинских и образовательных учреждений. На Дальнем Востоке на 2(14).11.1860 г. при красивой девственной природе, относительно немногочисленном населении, находящемся на стадии соседской общины, не было не только школ, медицинских пунктов, промышленных предприятий, но и населённых пунктов. Транспортные артерии были представлены реками Амурского бассейна и тяжёлыми тропами.

В литературе существует мнение, что вплоть до середины 1930-х гг. в Дальневосточном регионе отсутствовала единая система здравоохранения. Оказание медицинской помощи, проведение санитарно-гигиенической и противоэпидемической работы до конца XIX в. возлагалось на "лекарские пункты" тюремного и военного ведомств. В дальнейшем возникает переселенческая медицина, приисковая, железнодорожного и водного транспорта. Вся медицинская сеть, пронизанная сословно-ведомственными ограничениями, дробилась на ряд не связанных между собой организаций и была только лечебной. Ни одного профилактического учреждения в дальневосточном крае

³ Данные опубликованы в Google Academy и НБУ имени В. Вернадского.

⁴ Изучение доминирующего значения украинцев в развитии различных регионов России, обосновывая украинские права "на русское наследство" [7; 11, с. 112–113, 116–119; 12, с. 93–95].

⁵ Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины и Центральный государственный исторический архив Украины в Киеве.

не было⁶. Но насколько это безапелляционное утверждение соответствует действительности?

Автор обращался к условиям жизни первых переселенцев на Востоке во второй половине XIX ст. [13, с. 124–126]. Сложный климат, большая скученность людей, оторванных от "цивилизации" на переселенческом пункте или в тайге, приводили к инфекционным заболеваниям, периодически перераставших в эпидемии, нередко приходившие из-за границы.

Время уничтожило многие документы об истории освоения Дальнего Востока. Но уцелевшие говорят о высокой смертности в Хабаровске: в 1889 – 33,6 % от общего числа жителей; 1891 – 34,1 %; 1892 – 36 %; 1893 – 39,3 %. С 1860 по 1895 гг. число умерших детей в возрасте до 5 лет составляло 54 %. Средняя продолжительность жизни не превышала 36 лет [5]. Подобная картина наблюдалась во всём генерал-губернаторстве. Болезни, собиравшие урожай смерти, можно разделить на две группы:

– те, которые **поражали переселенцев в дороге**⁷: натуральная оспа, цинга, брюшной тиф, дизентерия, дифтерия, рожа, воспаление лёгких и корь, от которых в первую очередь умирали дети [1];

– болезни, **распространённые в регионе**: холера, тиф, оспа, корь, скарлатина, цинга, дифтерия, дизентерия [5].

Столь бедственное положение имело объективные и субъективные причины. К первым относятся недостаток врачей и непривычный для европейцев климат, способствующий развитию воспаления лёгких. В 1897 г. в Хабаровске на 14314 жителей было зарегистрировано 78 лиц, занимающихся медико-санитарной деятельностью. То есть на одного, "условно связанного" с медициной, приходилось 183,51 потенциальных пациентов. В Хабаровском округе на 6108 проживавших было зарегистрировано 10 человек, имевших отношение к медицине (610,8 потенциальных пациента на одного специалиста) [17]. Недостаток врачей приводит к самолечению и губительным последствиям.

Субъективной причиной эпидемий и высокой смертности от оспы и брюшного тифа – пресловутый человеческий фактор. В городах (особенно в азиатских кварталах) причинами желудочно-кишечных заболеваний и эпидемий были грязь, антисанитария⁸, проблемы водоснабжения⁹ (так как нечистоты и навоз сбрасывались у водозаборов во многих населённых пунктах региона¹⁰), "погрешности питания" и алкоголизм [5; 14, с. 25, 30–31].

Специалисты выделяют:

– эпидемию азиатской холеры во Владивостоке, занесённую из Нагасаки август – сентябрь 1886 г.¹¹;

– эпидемию кори в Хабаровске в 1894 г.¹²;

– крупную эпидемиологическую вспышку холеры 1902 г. в Приамурье;

– эпидемии сыпного и возвратного тифа в 1907 и 1908 гг.;

⁶ А.В. Исаков в 1967 г., Г.В. Сколупович в 1997 г.

⁷ Эпидемии поражали переселенцев всех трёх волн. Максимальной смертностью сопровождалась первая волна, когда мигранты шли Сибирским трактом (1861–1881), число жертв сократилось в период (1882–1900), не только благодаря относительной быстроте морских путешествий, но и благодаря штатному врачу и фельдшеру на каждом судне Добровольного флота.

⁸ 25.06.1895 газета "Владивосток": "Даже на главной улице Светланской стояла такая грязь, что для перехода через улицу требовалось нанимать извозчика..." [5].

⁹ О нехватке питьевой воды во Владивостоке в 1881 году писал В.С. Пикуль в романе "Три возраста Окини-сан".

¹⁰ Повторялась история, когда переселенцы оставили мешки с выданной мукой под дождём, не поставив над этими штабелями даже навес, обвинив местные власти, в том, что промокшая мука не пригодна к выпечке хлеба [13, с. 125].

¹¹ Число жертв первой волны эпидемии не поддавалась учёту, вторая волна в 1890 году унесла 259 жизней. Третья волна – 101 летальный исход [5].

¹² Во время этой эпидемии в городе появилась первая городская больница на 28 коек, устроенная в частном доме [5].

– эпидемию оспы в Амурской области в 1907 г.¹³;
– эпидемии тифа (5070 зарегистрированных больных) и цинги (5519 заболевших) в Приморской области в 1908 г., которые преимущественно распространились среди переселенцев, прибывших в 1907 г.¹⁴ [21, с. 176];
– эпидемию холеры во Владивостоке и нескольких селениях вокруг (148 заболевших при 95 умерших осенью 1909 г.);
– эпидемиологическую вспышку холеры осенью 1910 г. во Владивостоке, Хабаровске, Николаевске и Благовещенске, прекратившуюся к зиме. 742 зарегистрированных случаев заболевания, 369 – с летальным исходом [21, с. 176].

От эпидемий страдали и животные. В 1907 г. в Амурской области сибирской язвой заболело 723 лошади и пало 560. С 1908 по 1910 гг. эта же область была охвачена чумой рогатого скота (7455 голов заболело и 4606 голов пало). В 1908 г. чума рогатого скота охватила Приморскую область – 1955 голов заболело и 1400 пало [21, с. 181].

Противостоять силе, регулярно выписывавшей местным жителям билеты на ладью Харона, могла только развитая **система здравоохранения с подготовленными** специалистами. Истории было угодно, что не только первые медики в регионе, были русскими военными врачами и фельдшерами, но и первые стационарные медицинские учреждения создавались военными:

– в **Благовещенске** в 1862 г. был открыт бригадный военный лазарет Амурского казачьего войска¹⁵ на 72 койки [1];

– в **Хабаровске** в 1867 г. – местный военный лазарет¹⁶ на 14 коек (11 мужских и 3 женских) [5];

– в селе **Никольском** (современный Уссурийск) 1.01.1883. приказом по военному ведомству был учреждён местный лазарет¹⁷ на 115 коек, в том числе 10 женских и 5 офицерских [22];

– к 1890 г. во **Владивостоке** функционировали морской госпиталь на 150 кроватей, лазарет сухопутных войск на 50 кроватей, городской приёмный покой [3].

С развитием региона и увеличением численности населения постепенно развивалась и гражданская медицина (по мере государственного финансирования и частных пожертвований¹⁸). Гражданские лечебные заведения появились в дальневосточных городах в 1880–1890-х гг.. В конце XIX – начале XX вв. в Приамурском крае начала действовать сеть медицинских учреждений общего профиля и узкой специализации. К последним следует отнести:

– санитарную станцию морского ведомства на Анненских горячих ключах¹⁹. С 1866 г. здесь лечились нижние чины больные ревматизмом и цингой. С переносом порта во Владивосток интенсивность использования станции

¹³ Унесла 200 православных жизней [5]. Данных о других жертвах не сохранилось.

¹⁴ К осени 1908 г. эпидемии прекратились, а в 1909 г. 1900 случаев тифа и 847 случаев цинги [21, с. 176].

¹⁵ В 1882 г. был реорганизован в военный лазарет на 100 коек, обслуживающий не только казаков, но и гражданское население. Лечение в лазарете было платным, поэтому его услугами пользовались только тяжелобольные из близлежащих округов [1].

¹⁶ Первоначально персонал насчитывал лекаря IV разряда, старшего и младшего фельдшеров, надзирателя больных и двух лазаретных служащих. В 1898 г. лазарет был расширен до 150 коек (4 врача), в 1904 – до 350 [5].

¹⁷ В штате 1 старший врач и три фельдшера. 14.02.1897 г. штат лазарета расширен до 160 коек. В 1904 лазарет размещался в 12 одноэтажных каменных зданиях, а его штат – 350 коек. В 1912 г. лазарет расширен до 550 коек, а в 1914 году переименован в Никольск-Уссурийский военный госпиталь [22].

¹⁸ Обер-шталмейстер Анатолий Владимирович Орлов-Давыдов пожертвовал 400000 рублей на строительство в Хабаровске больницы для лиц военного и морского ведомств имени Марии Фёдоровны [21, с. 175–176]. До 1910 года содержанием и лечением туберкулёзных больных в Хабаровске занимались благотворительные общества [5].

¹⁹ В 120 верстах от Николаевска находятся Анненские и Михайловские минеральные источники, с 1866 г. открытые для лечения больных. Вода их содержит щелочи и некоторое количе-

снизилась, хотя сюда приезжали на лечение представители всех сословий из Амурской, Приморской и Забайкальской областей [21, с. 180–181];

– лепрозорий под Николаевском для больных проказой, не прекращавшейся в низовьях Амура [21, с. 180];

– психиатрическая лечебница в Никольск-Уссурийске (открыта в 1904). В Благовещенске действовало психиатрическое отделение, созданное на пожертвование местного коммерсанта Глеба Ларина [21, с. 180];

– в Хабаровске были открыты в ноябре 1911 г. специальная амбулатория для больных туберкулёзом (на 1.01.1912 г. зарегистрировано 120 больных); в 1913 детская противотуберкулёзная колония, созданная на средства Хабаровского отдела Всероссийской лиги по борьбе с туберкулёзом [5];

– во Владивостоке и Хабаровске действовали зубные лечебницы [4];

– в различных городах края действовали японские больницы по внутренним болезням [4];

– во Владивостоке было несколько лазаретов для больных венерическими заболеваниями [5];

– в Благовещенске действовала бактериологическая станция [21, с. 182];

– пастеровская станция действовала во Владивостоке [21, с. 180].

К концу XIX века в Приморской области было уже 38 гражданских больниц и приёмных покоев на 480 коек, из них 15 учреждений на 289 коек находились в городах [5]. Пример деятельности дальневосточных лечебных заведений общего профиля – Хабаровская городская больница, осуществлявшая амбулаторное и госпитальное лечение и проводившая ряд операций²⁰. Частный капитал в лице некоторых промышленных компаний²¹ внёс свою лепту в развитие медицины в регионе вместе с государственными и ведомственными медицинскими учреждениями.

Был использован оригинальный способ, чтобы приучить дальневосточников делать прививки домашним животным, выплачивалась компенсация владельцу в случае смерти привитого животного [21, с. 182]. Массовый характер подобные вакцинации приобрели с 1909 г. Сыворотка от сибирской язвы выпускалась на бактериологической станции в Благовещенске (70000 доз в год). Это позволило обеспечить отечественным препаратом Амурскую, Приморскую и Забайкальскую области. Сыворотки для противочумных прививок, которые заслужили доверие населения, изготавливались на Хунчунской станции в Маньчжурии [21, с. 182].

Коллеги не всегда уделяют внимание такой "прозаической" теме, как стоматология. А ведь больные зубы – это серьёзно. Достаточно вспомнить мучения чеховского генерала Булдеева из рассказа "Лошадиная фамилия". Читатели В.С. Пикуля помнят, как, собираясь на Камчатку в 1903 г., А.П. Соломин во Владивостоке у дантиста²² удалял зубы, которые "в ближайшее время могут заболеть", заплатив за 2 зуба 20 рублей.

Первый специалист в области стоматологии появился в Амурской области в 1897 г. К 1909 г. гражданский зубоврачебный персонал Амурской области состоял из 7 зубных врачей и 3-х дантистов. В 1911 г. в Благовещенске было зарегистрировано 9 зубных врачей [4].

ство сероводорода [15]. Эти ключи были признаны медицинским советом при МВД как средство против ревматизма, цинги и катаральных заболеваний желудка [21, с. 181].

²⁰ Больница была построена в 1897 г. на 50 коек. В 1904 г. была проведена 161 операция, в 1905 г. – 281. Из наиболее распространённых операций: вскрытие гнояников, зашивание ран, ампутация фаланг, выправление вывихов. Проводились и более сложные хирургические вмешательства [5].

²¹ В 1906 году Верхне-Амурская золотопромышленная компания открыла свою больницу в городе Зея с хирургическим и инфекционным отделениями и амбулаторным приёмом, к 1914 г. расширив её до 50 коек [1].

²² Дантист – в дореволюционной России специалист-практик по лечению зубов, не прошедший зубоврачебной школы [16, с. 130].

Таблица 1. Распределение зубных врачей и дантистов в Приморской области в 1914 г.

Местонахождение	Количество зубных врачей	Количество дантистов
г. Владивосток	11	3
г. Никольск-Уссурийск	4	-
г. Хабаровск	9	-
Никольск-Уссурийский уезд	1	-
Ольгинский уезд	-	-
Иманский уезд	1	-
Хабаровский уезд	-	-
Уссурийское казачье войско	-	-

Источник: [4].

В Приморской области дантисты²³ были официально зарегистрированы в 1900 г. Число стоматологов постепенно увеличивалось, и в 1905 г. в области были зарегистрированы 8 гражданских дантистов. В 1907 г. – 6 зубных врачей и 15 дантистов. В 1908 г. в городе Владивосток проживали 5 зубных врачей. "Приморский календарь за 1909 год" сообщал, что в Приморской области зуболечебную помощь можно получить в лечебнице Е. Залевской, у зубного врача В. Грунис и П.А. Козлова. В 1911 г. в Памятной книжке Приморской области были сведения, что в городе Владивосток ведут приём 7 вольнопрактикующих зубных врачей, в городе Хабаровск – 7, в Никольск-Уссурийске – 3. К 1913 г. в Приморской области было 26 зубных врачей и 11 дантистов.

В "Российском медицинском списке" за 1916 г. – данные о 31 враче в Приморской области, из которых 15 во Владивостоке и 8 в Хабаровске [4].

Современные реалии свидетельствуют, что зубоврачебная помощь, оказываемая в частных кабинетах, как и в начале XX в. была доступна исключительно обеспеченным горожанам. Действительно, гонорары дальневосточных зубных врачей были высокие²⁴. Однако законодательство **требовало**, чтобы врачи довольствовались скромным вознаграждением от людей малоимущих, например, удаление испорченного зуба в Хабаровске (для данной категории пациентов) стоило 15 копеек [4].

Сохранилась информация о проводимой зубными врачами Приамурья санитарно-просветительской работе, пропагандирующей знания о гигиене полости рта и профилактику стоматологических заболеваний. Так в хабаровских аптеках можно было получить бесплатно брошюру "Зубы и уход за ними" местного зубного врача М.И. Залевского [4].

В отчёте о деятельности амбулаторий всех врачебных и фельдшерских участков Приморского переселенческого района за 1914 г. зарегистрировано 8087 первично принятых больных с заболеваниями полости рта (ходоков – 248, переселенцев – 7280, рабочих – 156, прочих – 403 человека). К достоинствам переселенческих больниц относят обилие хирургических операций, проводимых переселенческими врачами, не говоря уже о менее сложных врачебных действиях [4].

Особое место в конце XIX – начале XX вв. занимает переселенческая медицина, которая внесла значительный вклад в охрану здоровья дальнево-

²³ Р.В. Алексеева, К.Ф. Ильницкий и японец Ямагучи во Владивостоке.

²⁴ Во Владивостоке удаление зуба стоило 1 рубль, удаление без боли с анестезией – 2 рубля, пломба зуба цементная – 2 рубля, серебряная – 2 рубля 50 копеек, платиновая – 3 рубля, фарфоровая и золотая – 5 рублей, искусственные зубы на каучуке – 3 рубля, зуб на золотом штифте – 8 рублей, удаление зуба под хлороформом, мостовидный протез (без нёба) и коронки – по соглашению [4].

сточников. В 1886 во Владивостоке была открыта первая бесплатная амбулатория для переселенцев [5]. В Сретенском переселенческом пункте переселенцы могли посетить больницу, принявшую в 1908–1909 гг. 30 больных, хотя по данным О.Б. Вакуленко в помощи нуждалось около 100 человек [2]. Между Сретенском и Владивостоком постепенно выстроилась цепь лечебных заведений Переселенческого управления. В вопросах организации и финансирования переселенческой медицины на Востоке соединился государственный и частный капитал. Так, приёмный покой (на 3 койки) и аптека Благовещенского переселенческого пункта были построены за счёт казны в 1897–1898 гг., а хозяйственные здания (баня, караулка и жилые помещения) – на частные пожертвования в 1895 г. Здесь переселенцы могли получить оспопрививание детей, амбулаторную и больничную помощь. В 1909 г. к амбулатории был пристроен барак для "заразных больных" на 10 коек. В штате переселенческого пункта находились врач и фельдшер. Но одним лечебным заведением проблему медицинское обслуживание многих тысяч людей решить невозможно, нужна сеть. И в начале XX в. переселенческая медицина Амурской области включала в себя временные больницы для борьбы с инфекционными заболеваниями в станицах Покровская и Черняево, работавшие только летом; вторую переселенческую больницу с 1907 г. в деревне Мазаново; фельдшерский пункт в деревне Екатеринославка. В 1912 г. был создан первый медицинский пункт в с. Суражевка; переселенческие больницы в городе Алексеевск в 1913–1914 гг., на станции Гондатти и Бурее на 10 коек каждая, открылись с вводом в эксплуатацию средней части Амурской железной дороги [1].

Приведённые выше цифры о незначительном числе коек в переселенческих больницах, свидетельствуют, либо об улучшении условий путешествия железнодорожным транспортом, которые не позволяли переселенцам столкнуться в полной мере с распространёнными в дороге ещё десятилетие назад инфекционными заболеваниями, либо о недостаточном финансировании.

Проведение санитарных мероприятий по охране генерал-губернаторства от проникновения инфекционных заболеваний, их локализации, постройке барakov для больных при развитии эпидемии входило в компетенцию Управления водными путями Амурского бассейна (УВПАБ), так как главными транспортными артериями региона были реки, вокруг которых возникали и населённые пункты. В 1903 г. УВПАБ был разработан ряд мер для предупреждения и борьбы с эпидемиями чумы и холеры. Так как эти эпидемии приходили в регион с мигрантами, ответственными лицами был поднят и решён вопрос правил приёма переселенцев, которые делились на следующие категории:

1) **приём на морской границе** – во Владивостоке все переселенцы должны были пройти 5-дневную обсервацию;

2) **передвижение переселенцев по железной дороге** предусматривало уменьшение нормы вместимости переселенческих эшелонов.

Но центральные власти пересмотрели эти постановления, так как их реализация требовала 1,5 млн. рублей [5]. Пересмотр постановления не означал его отмену, поэтому санитарные врачи осматривали каждое приходящее в русские дальневосточные порты судно, выявляли больных, требуя от капитанов выполнения санитарных норм и устранения выявленных недостатков²⁵. Труднее было с джонками, которые часто разносили инфекцию по побережью, минуя портовые карантинные службы. С 1903 г. УВПАБ начало активное строительство врачебно-наблюдательных и обсервационных пунктов. Врачебно-наблюдательный пункт Хабаровска включал в себя холерное и чумное отделения на 12–16 коек, обсервационный барак, изоляционный дом с помещением для лаборатории, дом для медицинского персонала, баню с парформалиновой камерой для массового мытья и дезинфекции. В Благовещенске – барак с двумя палатами для чумных и одной для сомнительных больных, дом для персонала [5]. Подготовить квалифицированных медицинских работников на месте в исследуемый период было затруднительно. Поэтому в Петербурге формировались санитарные отряды для врачебно-санитарных пунктов Приамурья. Как правило, врачебная организация состояла из

²⁵ Только в 1911 г. врачи 1289 раз осматривали пассажирские пароходы, сделав 973 записи об обнаружении нарушений санитарных правил [5].

одного санитарного и четырёх участковых врачей с пятью фельдшерами при них [5].

В 1910 г. начала функционировать медицинская служба железнодорожного транспорта Амурской области [1]. Законы 15.01. и 21.06.1910 г. об изменении и дополнении штатов сельской врачебной части Амурской и Приморской областей, "*способствовавшие увеличению числа лечебных заведений и медицинского персонала*" [21, с. 175], стали одним из последних правительственных решений накануне страшного испытания, поставившего шекспировский вопрос "*быть или не быть*" жизни на Дальнем Востоке. В сентябре 1910 г. в северо-западной части полосы отчуждения КВЖД началась эпидемия PASTEURELLA PESTIS – лёгочной чумы²⁶, которая начала стремительное движение на юго-восток.

Чумой оказались поражены все населённые пункты, расположенные вдоль линии КВЖД, и крупные центры, где накапливались трудовые мигранты, прибывавшие в Маньчжурию из Чифу [25]. Под угрозой удара оказался Владивосток, так как большая часть китайских рабочих прибывала в Приморье морем из Чифу, в котором русское консульство выдавало им паспорта. Об эпидемии и мерах для борьбы с ней писал А. Шаров [24, с. 101–143]. Данные о числе умерших в Маньчжурии колеблются от более 60 тысяч человек (Д.К. Заболотный) до 100 тысяч человек (У Ляньдэ). Среди них были и 942 медицинских работника: 8 врачей (3 русских), 4 студента медика (2 русских), 6 фельдшеров (5 русских) и 924 санитаров (20 русских) [25].

Чтобы не пропустить эпидемию на свою территорию, в Маньчжурии работали противочумные отряды (39 человек от профессора до слушателей различных медицинских институтов), научная экспедиция профессора Д.К. Заболотного (8 человек); 10 военных врачей, 12 студентов медиков Томского университета, 10 студентов и курсантов Военно-Медицинской Академии [25]. Но, отдавая должное медикам России, Китая и других стран, боровшихся с эпидемией, нельзя не вспомнить офицеров и рядовых пограничной стражи, казаков, армейцев и гражданских чиновников, которые обеспечили реализацию следующих мер:

1) все дальневосточные административные и общественные учреждения были объединены Приморской и Амурской областными санитарно-исполнительными комиссиями;

2) китайцам запретили въезд на территорию России;

3) в городах были подготовлены чумные больницы, в сёлах и других населённых пунктах заготовлены дезинфекционные средства и намечены отдельные дома для карантина;

4) был введён запрет на перевозку больных из одного населённого пункта в другой. В случае возникновения угрозы туда направлялась медицинская помощь;

5) Никольск-Уссурийский уезд, находившийся в зоне риска, был разделён на врачебно-санитарные участки, которыми заведовали отдельные врачи, имевшие в своём распоряжении низший медицинский и санитарный персонал;

6) при появлении подозрительных больных врач, на участке которого находился данный населённый пункт, принимал меры к изоляции больного и бактериологическим путём выяснял характер болезни;

²⁶ "Чума – острое инфекционное заболевание, характеризующееся тяжелейшей интоксикацией, лихорадкой, поражением лимфатической системы и лёгких. Основным резервуаром инфекции в природе являются грызуны (крысы, суслики, мышевидные грызуны, тарбаганы (последние и стали причиной эпидемии, так как первыми заболевшими были заготовители шкурок этих животных, так как изделия из шкурок тарбаганов пользовались спросом не только в Китае, но и в Европе)), а так же верблюды. Переносчик инфекции – блоха. Заражение человека происходит при укусе блох, при непосредственном соприкосновении с больными людьми, животными, их трупами и выделениями. Особую опасность представляют больные лёгочной формой чумы, которые могут становиться источниками воздушно-капельного заражения людей. Восприимчивость людей к чуме очень высока. Инкубация 2–3 дня, при лёгочной форме чумы короче. Чума обычно начинается внезапно. Температура тела с сильным ознобом быстро повышается до 39° и выше. Раньше лёгочная чума заканчивалась смертью в течение 2–4 дней" [18, с. 259–260].

7) в каждом населённом пункте были организованы санитарные попечительства, следившие за появлением подозрительных больных и обязанные немедленно доносить о них врачу;

8) каждый населённый пункт был приписан к отдельному воинскому гарнизону, который в случае необходимости отправлял туда отряд для оцепления.

На совещании на станции Пограничная начальника Приамурского края и представителя КВЖД решили:

9) не допускать проезда китайцев из Харбина по КВЖД дальше станции Мулин (100 вёрст от русской границы);

10) все китайцы подлежали observationalному задержанию на станции Пограничная, в подготовленных помещениях для обсервации и чумной больнице;

11) воинские команды перекрыли китайцам доступ к границе с Россией на протяжении 50 вёрст к югу и северу от станции Пограничная. Такой же пограничный и таможенный надзор был установлен вокруг Благовещенска [21, с. 178–179] с использованием кораблей Амурской Военной Флотилии, и в Забайкалье;

12) по неподтверждённым данным всем жителям русского Дальнего Востока были сделаны прививки от бубонной чумы [25].

Со временем меры были даже усилены. Их называли драконовскими, но ни одного заболевшего лёгочной чумой в России не было. Русский Дальний Восток победил невидимого, но смертельного врага малой кровью и на чужой территории. Медико-санитарные отряды, показавшие *заметный результат*, были сохранены на случай возникновения эпидемии холеры [5].

В 1913 г. на водных путях Амурского бассейна была создана новая врачебно-санитарная организация, состоящая из 5 врачей [1]. А в 1913 г. в регионе проходил съезд врачей²⁷, который проводило Хабаровское медицинское общество. Были приглашены врачи из Владивостока, Харбина, Читы, Благовещенска. Участники обсуждали вопросы о переселенческой и сельской медицине, борьбе с туберкулёзом, чумой, холерой, проституцией, алкоголизмом и распространением венерических болезней. В программу съезда входило посещение Хабаровской городской больницы, хабаровского лазарета и амбулатории хабаровского отделения Всероссийской лиги для борьбы с туберкулёзом. У медиков была возможность поделиться опытом, совместно разработать программы для решения наиболее острых проблем здравоохранения края [5], то есть дальневосточная медицина не только лечила больных и занималась профилактикой, но и обобщала накопленный опыт, передавая знания, обучаясь у более опытных коллег.

Развитие системы здравоохранения в регионе было прервано гражданской войной. Уровень ущерба иллюстрируют цифры. Если в 1914 г. лечебная сеть только в **Амурской области** состояла из 72 больниц на 1278 коек, 23 фельдшерских пунктов и 10 врачебных участков, а медицинская сеть в сельской местности в 1917 г. была представлена 4 сельскими больницами и 10 фельдшерскими приёмными покоями на 3 койки каждый²⁸ [1]. То в 1921 г. на территории всей Дальневосточной Республики (*Прибайкальская, Забайкальская, Амурская, Приморская, Камчатская, Сахалинская области и Пелоса отчуждения КВЖД*) функционировало лишь 84 больницы на 3000 коек, 228 амбулаторий и 194 фельдшерских пункта. На 1 врача приходилось 48000 населения, а в сельской местности 63000 человек [1]. Последствия этой гуманитарной катастрофы не были ликвидированы долгие годы. Так А.А. Фадеев в феврале-марте 1934 г. в своём письме в Дальневосточный крайком ВКП(б) вторым пунктом мер улучшения жизни в Улахинской долине предлагал "учредить в Чугуевке медпункт, который был там до революции, а сейчас нет..." [23, с. 236].

Работа, опубликованная в научном издании, предполагает наличие выводов. Но когда речь заходит о статьях, посвящённых медицине, её истории или квалификации врачей, то нередко рассуждения лиц, не имеющих

²⁷ Первый съезд врачей на Дальнем Востоке прошёл в 1901 г.

²⁸ На 10000 жителей села приходилось 4 койки [4].

медицинского образования, вызывают, в лучшем случае, улыбку у продолжателей дела Асклепия и Гиппократов. В 1947 г. на киноэкраны вышел художественный фильм "Пирогов"²⁹, в котором главный герой, обращаясь к молодым врачам XIX столетия, сравнивает начавшуюся в Петербурге эпидемию холеры с ревизором. Действительно, эффективность организации врачебной помощи, обсервации, организация карантинной службы и сама квалификация медиков проверяется во время эпидемий. Практика, при которой в столице находится группа врачей-эпидемиологов³⁰ уровня Д.К. Заболотного и Л.А. Зильбера, без разветвлённой сети медицинских учреждений и квалифицированных специалистов (врачей и фельдшеров) в регионах приводит к катастрофическим последствиям. Доступные в Днепропетровской области данные свидетельствуют, что русский Дальний Восток с 1857 по 1917 гг. был покрыт сетью больниц и ФАП и имел подготовленные медицинские кадры³¹. Экзаменом для людей в белых халатах и системы здравоохранения в регионе стала гражданская война (1918–1922). Приведённые выше данные о последствиях сокращения (прекращения) финансирования и закрытия (уничтожения) врачебных пунктов, отъезде и гибели врачей, фельдшеров и сестёр милосердия в эти годы, не могли не сделать жителей региона незащищёнными перед старыми и новыми болезнями. Но оставшиеся медики при многократно выросшей нагрузке, опираясь на свои знания и сеть медицинских учреждений, созданную во время империи, не только противостояли традиционным болезням, к которым добавились испанка и тиф, но и успешно боролись в 1920–1922 гг. с эпидемией лёгочной чумы в Маньчжурии, Забайкалье и Приморье, не допустив её распространения. Замечу, что решение этой задачи осложнялось активными боевыми действиями, которые не позволяли медикам, находившимся по разные стороны линии фронта, координировать свои усилия. Уже этот факт даёт положительную оценку подготовке кадров, позволившей врачам общего профиля компенсировать отсутствие эпидемиологов. После войны, несмотря на сложные процессы в стране, представители старой школы и их молодые коллеги, получившие образование после революции, восстанавливая и развивая сеть медицинских учреждений, решали текущие вопросы медицинского обслуживания населения. Это позволило эффективно бороться при помощи столичных специалистов с многочисленными вспышками чумы, эпидемией клещевого энцефалита (1935–1937 гг.) и деятельностью "отряда 731", направленной против граждан СССР, МНР и Китая.

Литература

1. Брагина Н.М. Развитие системы охраны здоровья населения Амурской области в XIX – начале XX в. [Электронный ресурс]. URL: <http://do.teleclinica.ru/184382/> (дата обращения: 29.08.2013 г.).
2. Вакуленко О.Б. Переселенческая политика правительства в Приамурье (конец XIX – начало XX в.). [Электронный ресурс]. URL: <http://geoamur.pf/sources/history/article/docs-x=10.php> (дата обращения: 29.08.2013 г.).
3. Владивосток, город Приморской области. // Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон в 86 томах. // [Электронный документ]. CD версия.
4. Гончар В.В., Ратманов П.Э. Зубоврачебная помощь населению Приамурья в конце XIX – начале XX вв. // Вестник общественного здоровья и здравоохранения Дальнего Востока России. 2013. № 1.
5. Ланкина Ю.С. Здравоохранение южных городов Приамурского генерал-губернаторства в конце XIX – начале XX века как составляющая повседневности // Власть и управление на Востоке России. 2011. № 4 (57). С. 224–229.
6. Литвинов, В. В. Участь українців в колонізації Хабаровського краю (1910–1928 рр.): дисертація канд. іст. наук: 07.00.01. ДНУ. Д., 2005. 237 с.
7. Литвинов В.В. Участь українців в колонізації Хабаровського краю (1910 – 1928 рр.): автореферат дисертації канд. іст. наук: 07.00.01; ДНУ. Д., 2006. 17 с.

²⁹ Снят на киностудии "Ленфильм". Режиссёр Г. Козинцев. Автор сценария Ю. Герман.

³⁰ Которые во главе специальных групп выезжают из столицы на эпидемию в регион. Это же относится к хирургам, терапевтам, педиатрам и т.д.

³¹ К сожалению, о дальневосточных врачах начала XX в. многие судят, исходя из негативного образа камчатского доктора Трушина в романе В.С. Пикуля "Богатство".

8. Літвінов В.В. Економіко-демографічна політика Росії на далекосхідних територіях у XIX – на початку XX ст. // Історія торгівлі, податків та мита. Д. 2011. № 2(4). С. 87–95.
9. Літвінов В.В. Російський державний кордон на Далёкому Сході, як один із факторів, що впливав на загострення громадянського протистояння в період соціальних конфліктів початку XX ст. // Історія торгівлі, податків та мита. Д., 2012. № 1(5). С. 100–107.
10. Літвінов В.В. Проблема захисту економічних інтересів держави в прикордонних регіонах на прикладі російського Далёкого Сходу. // Історія торгівлі, податків та мита. Д., 2012. № 2(6). С. 105–113.
11. Литвинов В.В. Национальный фактор и защита пограничных регионов. // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2013. № 248. С. 107–20.
12. Литвинов В.В. Перспективы существования молодых государств в зоне пересечения стратегических и геополитических интересов на примере существования Дальневосточной республики (1920–1922 гг.) // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2013. № 261. С. 85–95.
13. Литвинов В.В. Анализ политики русского правительства по организации переселенческого движения на Дальний Восток (1857–1900 гг.). // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2013. № 264. С. 121–130.
14. Литвинов В.В. Отражение особенностей развития торговли на русском Дальнем Востоке (1857–1917 гг.) в литературе. // Історія торгівлі, податків та мита. Д., 2016. № 1(2) (13(14)). С. 49–41.
15. Никольский А.М. Приморская область. // Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон в 86 томах. // [Электронный ресурс]. CD версия.
16. Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57000 слов / испр. М.: Рус. яз., 1984. 797 с.
17. Распределение населения г. Хабаровска и Хабаровского округа по группам занятия и народностям на основании родного языка // Государственный архив Хабаровского края, НСБ Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Приморская область. Тетрадь 3 – СПб, 1905 ЛЛ, 146–147.
18. Справочник практикующего врача. М.: Медицина, 1967. 744 с.
19. Субтельний О. Україна: історія / Пер. з англ. Ю. І. Шевчука. – 2-е вид. К.: Либідь, 1992. 512 с.: іл.
20. Углов Ф.Г. Сердце хирурга. Автобиографическая повесть. Л.: Детская литература, 1981. 267 с.
21. Унтербергер П.Ф. Приамурский край 1906–1910 гг. Очерк. СПб., 1912. 516 с.
22. Уссурийский военный госпиталь. URL: <http://ussur-hospital.ru/istoriya/> (дата обращения: 29.08.2013 г.).
23. Фадеев А.А. Письмо в бюро Дальневосточного крайкома ВКП(б) февраль – март 1934. // Фадеев А.А. Собрание сочинений. Том 5. Статьи, рецензии, записные книжки, письма. М., 1961. С. 236–237.
24. Шаров А. Против смерти. Повести о борцах с болезнями. Минск: Госиздат БССР, 1962. 403 с.
25. Эпидемия чумы на Дальнем Востоке 1910–1911 годов. [Электронный ресурс]. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Эпидемия_чумы_на_Дальнем_Востоке_1910-1911_годов (дата обращения: 29.08.2013 г.).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Bragina N.M. Razvitiye sistemy okhrany zdorov'ya naseleniya Amurskoj oblasti v XIX – nachale XX v. [ЭНлектронныj resurs]. URL: <http://do.teleclinica.ru/184382/> (data obrashheniya: 29.08.2013 g.).
2. Vakulenko O.B. Pereselencheskaya politika pravitel'stva v Priamur'e (konets XIX – nachalo XX v.). [ЭНлектронныj resurs]. URL: <http://geoamur.rf/sources/history/article/docs-x=10.php> (data obrashheniya: 29.08.2013 g.).
3. Vladivostok, gorod Primorskoj oblasti. // ЭНтсиклопедический словарь Брокгауз и Ефрон в 86 томках. // [ЭНлектронныj документ]. CD versiya.
4. Gonchar V.V., Ratmanov P.EH. Zubovrachebnaya pomoshh' naseleniyu Priamur'ya v kontse XIX – nachale XX vv. // Vestnik obshhestvennogo zdorov'ya i zdравookhraneniya Dal'nego Vostoka Rossii. 2013. № 1.
5. Lankina YU.S. Zdravookhraneniye yuzhnykh gorodov Priamurskogo general-gubernatorstva v kontse XIX – nachale XX veka kak sostavlyayushhaya povsednevnosti // Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii. 2011. № 4 (57). S. 224–229.
6. Litvinov, V. V. Uchast' ukraintsiv v kolonizatsii Khabarovskogo krayu (1910–1928 rr.): disertatsiya kand. ist. nauk: 07.00.01. DNU. D., 2005. 237 s.
7. Litvinov V.V. Uchast' ukraintsiv v kolonizatsii Khabarovskogo krayu (1910 – 1928 rr.): avtoreferat disertatsii kand. ist. nauk: 07.00.01; DNU. D., 2006. 17 s.

8. Litvinov V.V. Ekonomiko-demografichna politika Rosii na dalekoskhidnikh teritoriyakh u XIX – na pochatku XX st. // Istoriya torgivli, podatkov ta mita. D. 2011. № 2(4). S. 87–95.
9. Litvinov V.V. Rosijs'kij derzhavnij kordon na Dalyokomu Skhodi, yak odin iz faktoriv, shho vplivav na zagostrennya gromadyans'kogo protistoyannya v period sotsial'nikh konfliktiv pochatku XX st. // Istoriya torgivli, podatkov ta mita. D., 2012. № 1(5). S. 100–107.
10. Litvinov V.V. Problema zakhistu ekonomichnikh interesiv derzhavi v prikordonnikh regionakh na prikladi rosijs'kogo Dalyokogo Skhodu. // Istoriya torgivli, podatkov ta mita. D., 2012. № 2(6). S. 105–113.
11. Litvinov V.V. Natsional'nyj faktor i zashhita pogranichnykh regionov. // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. Simferopol', 2013. № 248. S. 107–20.
12. Litvinov V.V. Perspektivy sushhestvovaniya molodykh gosudarstv v zone peresecheniya strategicheskikh i geopoliticheskikh interesov na primere sushhestvovaniya Dal'nevostochnoj respubliky (1920–1922 gg.) // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. Simferopol', 2013. № 261. S. 85–95.
13. Litvinov V.V. Analiz politiki russkogo pravitel'stva po organizatsii pereselencheskogo dvizheniya na Dal'nij Vostok (1857–1900 gg.). // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. Simferopol', 2013. № 264. S. 121–130.
14. Litvinov V.V. Otrazhenie osobennostej razvitiya torgovli na russkom Dal'nem Vostoke (1857–1917 gg.) v literature. // Istoriya torgivli, podatkov ta mita. D., 2016. № 1(2) (13(14)). S. 19–41.
15. Nikol'skij A.M. Primorskaya oblast'. // EHntsiklopedicheskij slovar' Brokgauz i Efron v 86 tomakh. // [EHlektronnyj resurs]. CD versiya.
16. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka: ok. 57000 slov / ispr. M.: Rus. yaz., 1984. 797 s.
17. Raspredelenie naseleniya g. Khabarovska i Khabarovskogo okruga po gruppam zanyatiya i narodnostyam na osnovanii rodnogo yazyka // Gosudarstvennyj arkhiv Khabarovskogo kraja, NSB Pervaya vseobshhaya perepis' naseleniya Rossijskoj Imperii 1897 g. Primorskaya oblast'. Tetrad' 3 – SPb, 1905 LL, 146–147.
18. Spravochnik praktikuyushhego vracha. M.: Meditsina, 1967. 744 s.
19. Subtel'nij O. Ukraina: istoriya / Per. z angl. YU. I. Shevchuka. – 2-e vid. K.: Libid', 1992. 512 s.: il.
20. Uglov F.G. Serdtse khirurga. Avtobiograficheskaya povest'. L.: Detskaya literatura, 1981. 267 s.
21. Unterberger P.F. Priamurskij kraj 1906–1910 gg. Ocherk. CPb., 1912. 516 s.
22. Ussurijskij voennyj gospi'tal'. URL: <http://ussur-hospital.ru/istoriya/> (data obrashheniya: 29.08.2013 g.).
23. Fadeev A.A. Pis'mo v byuro Dal'nevostochnogo krajnogo VKP(b) fevral' – mart 1934. // Fadeev A.A. Sobranie sochinenij. Tom 5. Stat'i, retsenzii, zapisnye knizhki, pis'ma. M., 1961. S. 236–237.
24. SHarov A. Protiv smerti. Povesti o bortsakh s boleznyami. Minsk: Gosizdat BSSR, 1962. 403 s.
25. EHpidemiya chumy na Dal'nem Vostoke 1910–1911 godov. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/EHpidemiya_chumy_na_Dal'nem_Vostoke_1910-1911_godov (data obrashheniya: 29.08.2013 g.).

Литвинов В.В. Взгляд из Днепропетровской области на развитие медицины на русском Дальнем Востоке (1857–1922 гг.).

Статья продолжает знакомить читателей с взглядом из Днепропетровской области на развитие русского Дальнего Востока в 1857–1922 гг. Автор не только рассмотрел особенности раскрытия этой темы в доступной на территории Украины литературе и доминирующие взгляды украинских чиновников. Не разделяя отношения официальных властей к России и русскому Дальнему Востоку, автор изучает развитие медицины в регионе как составную часть политики русского правительства по организации переселенческого движения на Дальний Восток, и часть русской гуманитарной политики.

Ключевые слова: *медицина, врач, больница, болезни, эпидемии, переселенец*

Litvinov V.V. A look from the Dnipropetrovsk region on the development of medicine in the Russian Far East (1857–1922).

This article continues acquaint readers with view on especially development Russian Far East at 1857–1922 from Dnepropetrovsk region. Author described peculiarity uncover this theme at literature which have access explorers Russian Far East on territory Ukraine and official Ukraine's conception study this problem. Author no share opinion Ukraine officials about Russian and Russian Far East which predominate at present time. Author study the development medicine in this region how significant part policy Russian governments organization emigrants in the Far East regions and the part Russian humanitarian's policy.

Key words: *medicine, doctor, hospital, illness, epidemics, migrant*

Для цитирования: Литвинов В.В. Взгляд из Днепропетровской области на развитие медицины на русском Дальнем Востоке (1857–1922 гг.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 1. С. 90–102. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/90-102

For citation: Litvinov V.V. A look from the Dnipropetrovsk region on the development of medicine in the Russian Far East (1857–1922) // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 1. P. 90–102. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/90-102

УДК 94(470)+94(477)"1917/25"

Татаринов И.Е.

К вопросу о формировании российско-украинской границы на юге Центрального Черноземья в 1917–1925 гг.

Одним из наиболее острых вопросов российско-украинских отношений остаётся проблема государственных границ. После Гражданской войны советское руководство пришло к решению о целесообразности строительства советского федеративного государства. Но каким образом и по каким критериям формировались границы и решались проблемы республиканской территориализации? Исследуемые вопросы приобрели особую актуальность в свете событий 2014 г. на Майдане в Киеве и звучащих на разных уровнях территориальных претензиях.

Вопросы российско-украинского административно-территориального разграничения неоднократно поднимались в работах как украинских, так и российских авторов. Отметим исследования таких украинских историков, как В. Боечко [1], В. Кузьменко [17], В. Сергийчук [20–21], Г. Ефименко [9–12] и других. Заметим, что украинская историография следует преимущественно в контексте идей академика АН УССР С. Рудницкого, который ещё в 1910 г. сделал акцент в вопросе украинской территориализации на этнокультурном принципе [19, с. 6]. Именно это положение отстаивали украинцы на межреспубликанских переговорах в 1920-е гг. Иную позицию занимают российские исследователи. Их разработки выделяются широтой выводов и более основательной работой с источниковой базой. Прежде всего, отметим труды Е. Борисёнок [2–3], Е. Кринко [15–16], К. Дроздова [7–8] и др. Отдельно отметим коллективную монографию "Российско-украинское пограничье: двадцать лет разделённого единства" [18], где авторы затронули широкий спектр вопросов, в том числе уделили внимание историко-политическим характеристикам пограничья, а также проанализировали специфику трансграничных связей вдоль российско-украинской границы. Однако, несмотря на наличие серьёзных работ, следует указать на достаточно фрагментарное освещение российско-украинского разграничения на юге Центрального Черноземья в 1920-е годы.

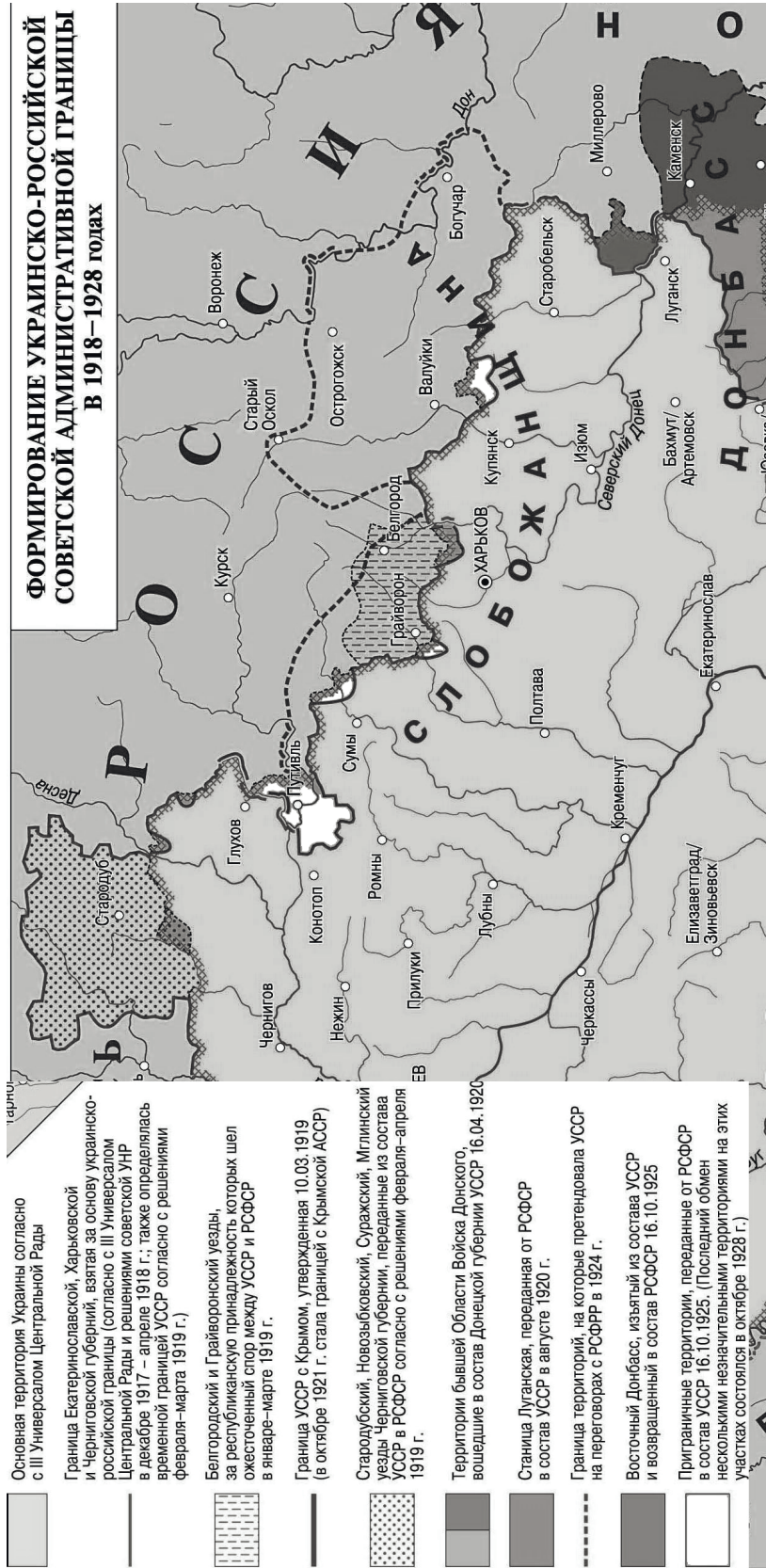
Целью статьи является систематизация источников по раннему периоду российско-украинского разграничения на юге Центрально-Чернозёмного района в 1920-е годы и дополнение документальной базы новыми материалами. Представляется важным проследить механизмы и динамику формирования границ, выявив основные факторы, обусловившие территориальное разграничение в исследуемом регионе.

Считается, что ни советское партийное руководство, ни И. Сталин не вмешивались в процесс российско-украинского разграничения до тех пор, пока его результаты не начали затрагивать всесоюзные интересы и ставить под угрозу социалистическое строительство. Республиканские и местные власти принимали активное участие в территориализации, заботясь в первую очередь о благосостоянии своих республик, что порою усложняло достижение компромисса. Существовавшее дореволюционное губернское деление не устраивало, прежде всего, украинцев, которые, апеллируя к справедливости границ, настаивали на этническом принципе.

На Всеукраинском национальном съезде, проходившем в Киеве с 6 (19) по 8 (21) апреля 1917 г., было оформлено образование Украинской Центральной рады (далее – УЦР) как высшего законодательного органа. В резолюции съезда в п. 3 утверждалось, что "Украинский съезд, признавая право всех на-

© Татаринов И.Е., 2019

Рисунок 1. Формирование украинско-российской административной границы в 1918–1928 гг.

Источник: [9]

ций на политическое самоопределение, считает: а) что границы между государствами должны быть установлены в соответствии с волей приграничного населения" [4]. Переговоры с центром привели к подписанию 4 (17) августа 1917 г. главою Временного правительства А. Керенским "Временной инструкции Генеральному секретариату Временного правительства на Украине". Документ закреплял полномочия Генерального секретариата УЦР как высшего органа Временного правительства по делам местного самоуправления в Украине. Следует обратить внимание на п. 2 Инструкции, где определялись границы украинской автономии. В частности, "полномочия Генерального секретариата распространялись на губернии Киевскую, Волынскую, Подольскую, Полтавскую и Черниговскую, за исключением Мглинского, Суражского, Стародубского и Новозыбковского уездов. Они могут быть распространяемы и на другие губернии или части их, в случаях, если образованные в сих губерниях, на основании постановления Временного правительства, земские учреждения высказуются за желательность такого распространения" [5, с. 227–228].

В ноябре 1917 г. в Третьем Универсале УЦР (политико-правовой акт общеполитического программного характера, издававшийся Центральной Радой – *авт.*) к территории УНР отнесли "земли, заселённые в большинстве своём украинцами. Окончательное определение границ УНР, как присоединённых частей Курщины, Холмщины, Воронежчины, так и смежных губерний, и областей, где большинство населения украинское, должно быть установлено по согласию организованной воли народов" [14, с. 67]. Позиция большевиков по принципам формирования границ основывалась на признании старого губернского деления. Так, в постановлении Совнаркома РСФСР от 17 апреля среди прочего отмечалось: "Губернии: Курская, Орловская, Тульская, Воронежская, Область войска Донского даже по одностороннему заявлению Киевской рады, воспроизведённом и заверенном в радио германского правительства от 29 марта, входят в состав Российской Федеративной Советской Республики. Учитывая это, на их территорию не должны распространяться военные действия, которые ведутся на Украине" [6, с. 123].

В результате интервенции Центральных держав, заключивших с УЦР военно-политическое соглашение о взаимопомощи, к маю 1918 г. под их контролем оказались все украинские губернии и юг Центрального Черноземья. 12 мая 1918 г. было подписано российско-украинско-немецкое перемирие и зафиксирована демаркационная линия между войсками. Однако украинцы апеллировали к несоответствию демаркации этнографическому принципу. Украинцы при поддержке австро-немецких войск быстро распространили свою юрисдикцию на ряд спорных районов. Речь шла о Путивльском, Суджанском, Грайворонском, Рыльском, Белгородском, Корочанском, Новооскольском уездах Курской губернии и Валуйском уезде Воронежской губернии, где были созданы украинские администрации. Согласно постановлению Правительства гетмана П. Скоропадского от 14 августа 1918 г. Путивльский и Рыльский уезды вошли в состав Черниговской, остальные – к Харьковской губернии (ЦГАВОВУ¹. Ф. 1064. Оп. 1. Д. 6. Л. 168). Опираясь на австро-немецкие воинские контингенты, украинское государство претендовало на значительные территории Центрального Черноземья, Кубань и Донскую область. 26 сентября 1918 г. Х. Раковский заявил, что "определять границы Украины можно только в рамках губерний, названных в Третьем Универсале УЦР. Вся остальная территория является российской, оккупированной украинским государством, и поэтому последняя должна её освободить" (ЦГАВОВУ. Ф. 2607. Оп. 1. Д. 2. Л. 16–18). Завершение Первой Мировой войны и ноябрьская революция в Германии привели к отзыву немецких войск. Отсутствие поддержки австро-немецких войск и начавшееся антигетманское восстание обрушили режим П. Скоропадского.

Изменением обстановки воспользовались большевики. В Курске 28 ноября 1918 г. образовалось Временное правительство УССР во главе с Г. Пятаковым, которое в январе 1919 г., переехав в Харьков, преобразовалось в СНК под руководством Х. Раковского. Некоторое время Совнарком УССР считал действительным административное деление 1918 г. В этой связи весьма

¹ ЦГАВОВУ – Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины.

показательно решение особой комиссии при комиссариате финансов от 3 марта 1919 г. по слушаниям ходатайства исполкома Валуйского уездного съезда советов Воронежской губернии. Речь шла о необходимости предоставить финансирование за ноябрь 1918 г. находившимся на государственном содержании педагогам уезда. Комиссия учла, "что Валуйский уезд постановлением гетманского правительства был отнесён к территории Украины и новое постановление по этому поводу Советского Украинского правительства, по которому Валуйский уезд признан таковым, который отошёл Российской Советской Республике / Воронежская губ / было принято только 10 февраля...", согласившись предоставить запрашиваемые средства (ЦГАВОВУ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 18. Ч. 1. Л. 12.).

Вопрос о спорных уездах Курской губернии вызывал острую реакцию местных властей. Так, 22 января 1919 г. Курский губернский чрезвычайком направил правительству УССР телеграмму, где указывалось: "Согласно постановлению ЦИК Советов уезды, которые освобождаются, подчиняются своему губернскому центру. Соответственно уезды Курской губернии, которые освобождаются, подчиняются Курску, а не Харькову. Прошу Вас немедленно сделать распоряжение Белгородской, Путивльской, Грайворонской и другим уездным ЧК Курской губернии, которые до сих пор подчинялись украинскому правительству, о том, что они подчиняются Курску, а не Харькову. О совершенных Вами мерах прошу сообщить в Курский Чрезвычайком" (ЦГАВОВУ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 47. Л. 12.). Однако украинские большевики надеялись оставить спорные уезды под своим контролем. 28 января заведомо внутренних дел УССР В. Аверин в ответ на запрос почтового ведомства отмечал: "Грайворон, Белгород и Ворожба принадлежат Харьковской губернии". 31 января в телеграмме Белгородского уездного ревкома в Курск отмечалось: "В результате телеграммы сообщая, что Белгородский уезд, согласно постановлению Рабоче-крестьянского правительства Украины, входит в Харьковскую губернию. Удивляюсь вашей неосведомлённости" (ЦГАВОВУ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 47. Л. 5, 12).

Спорный вопрос на некоторое время закрыл Кремль. Харьков получил прямое указание отказаться от спорных уездов. В решении президиума ЦК КП(б)У от 8 февраля, в качестве ответа на запрос Белгородского ревкома отмечалось: "Учитывая полученное распоряжение правительства о переходе Белгородского уезда в РСФСР, а также необходимости непосредственного подчинения Белгородского комитета ЦК РКП... не входить в обсуждение доклада по существу" (ЦГАВОВУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. Л. 8). А накануне управделами СНК УССР М. Грановский телеграфом сообщил в Москву, Курск, Белгород и Грайворон: "На заседании 7 февраля Временное рабоче-крестьянское правительство постановило: считать Белгородский и Грайворонский уезды таковыми, что входят в состав Курской губернии" (ЦГАВОВУ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 47. Л. 27). 16 февраля глава СНК УССР Х. Раковский в телеграмме Г. Чичерину подтвердил, что "украинское рабоче-крестьянское правительство отказывается от какой бы то ни было юрисдикции над этими уездами" (ЦГАВОВУ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 47. Л. 27. Л. 38).

На российско-украинских переговорах в Москве при экономико-правовом отделе НКВД 25 февраля 1919 г. созвали специальное "Межведомственное совещание по вопросу о выделении Гомельской губернии и установлении границ с Украиной". В итоге решили сохранить дореволюционные границы между губерниями в качестве границ между республиками, также провести по Перекопу границу между УССР и Крымом. По настоянию Х. Раковского Суражский, Новозыбковский, Мглинский и Стародубские уезды Черниговской губернии отошли к РСФСР. 28 апреля политбюро ЦК КП(б)У, рассмотрев вопрос "О северных уездах Черниговской губернии", постановило окончательно оставить их в составе России [12, с. 152]. Позиции сторон выглядели весьма аргументированными. Так, представитель УССР отмечал, что Белгородский и Грайворонский уезды тяготеют к Украине экономически и культурно. Не отрицая эти доводы, представитель России Д. Гопнер парировал, что целесообразнее подходить "с экономической и тактической точки зрения: в экономическом отношении Белгородский уезд, как богатый хлебный центр, имеет большое значение лишь для Великороссии, оставаясь незначительным для Украины. В тактическом отношении, в случае военных неудач Украины,

Великороссия, раз отказавшись от претензий на Белгородский уезд, тем самым лишится возможности предъявления претензий в будущем" (ЦГАВОВУ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15. Л. 110). Отстаивая старое губернское административное деление, представители Москвы активно апеллировали к наиболее важному, по их мнению, критерию – политической целесообразности. Что в итоге, и повлияло на отказ передачи Белгородского и Грайворонского уездов Харьковской губернии УССР.

8–10 марта 1919 г. в Харькове на 3-м Съезде Советов УССР провозглашено создание Украинской ССР как независимого государства, а также был принят проект Конституции УССР. Вопрос спорных районов Центрального Черноземья удалось на некоторое время закрыть подписанием 10 марта 1919 г. "Договора о границах с Российской Социалистической Советской Республикой". Признавались государственными административные границы УССР в рамках 9 губерний: Киевской, Херсонской, Подольской, Волынской, Харьковской, Полтавской, Черниговской, Екатеринославской и Таврической (ЦГАВОВУ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 18. Ч. 1. Л. 70).

Для республиканских партийных и хозяйственных функционеров вопросы границ всегда имели большое значение. Так, Генеральный прокурор УССР Н. Скрипник неоднократно озвучивал требования о присоединении территорий Азовской, Черноморской, Кубанской, Курской и Воронежской областей (ЦГАВОВУ. Ф. 3833. Оп. 1. Д. 197. Л. 56). Отвергая притязания украинцев, российская сторона выдвигала встречные требования о возврате земель Войска Донского, переданных в состав УССР в 1920 г.

В начале 1924 г. в адрес ЦИК СССР поступил украинский проект "О внешних границах УССР", где обосновывалась необходимость изменения границ причинами административного, экономического и политического характера (ЦГАВОВУ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 331. Л. 2–6). Украинская сторона настаивала на передаче УССР ряда территорий Курской, Воронежской губерний, населённых, согласно данным переписей населения в основном украинцами. В проекте подчёркивалось, что в этих губерниях проживало 1,7 млн. украинцев [1, с. 52]. Для рассмотрения проекта, ЦИК СССР создал специальную Комиссию, куда вошли по два представителя от сторон, которую возглавил А. Червяков. В результате был выработан предварительный проект разграничения, где были частично удовлетворены пожелания украинцев о присоединении Путивльского, Грайворонского (за исключением Бутовской волости) и Белгородского уездов. Согласовали также передать четыре волости Корочанского, три Новооскольского и одну волость Суджанского уездов – от Курской губернии, а от Воронежской – Валуйский уезд целиком.

Отметим, что украинская сторона рассчитывала на гораздо большие территориальные приобретения. Понимая, что на юге придётся отдать каменноугольные бассейны Александрово-Грушевского и Каменского районов, а также Таганрог и округу, было решено сосредоточиться на Центральном Черноземье. Постоянно апеллируя к этнографической составляющей, Украина выдвинула следующий проект изменения границ между РСФСР и УССР. Из Курской губернии к УССР предлагалось передать ряд волостей Путивльского и Суджанского уездов, весь Грайворонский (за исключением Буровской и Солдатской волостей) и весь Белгородский уезды, Пемскую волость Обоянского уезда, ряд волостей Корочанского уезда и несколько волостей Ново-Оскольского уезда. Из состава Воронежской губернии Украине должны были отойти Валуйский уезд, южная часть Острогожского, Россошский, Богучарский, северо-западные, юго-западные части Павловского и южная часть Калачевского уездов. Кроме того, просили передать селение Знобь-Трубчевская Трубецкого уезда и ряд сёл Севского уезда Брянской губернии [2, с. 212].

Украинцы подкрепляли свою позицию аргументами о том, что ещё в 1920 г. за вхождение в состав Украинской ССР высказались съезды ряда волостей Рильского уезда Курской губернии, волостей Путивльского уезда и других мест. В частности, в совместном постановлении Новооскольского, Корочанского и Белгородского уездных исполкомов отмечалось: "Ещё в 1917–1918 годах местное население единодушно высказалось в пользу присоединения к Харьковской губернии, и только немецкая оккупация Украины

прервала дальнейшее осуществление этого народного желания" (ЦГАОО². Ф. 5. Оп. 1. Д. 320. Л. 13, 39, 53, 321).

Масштабные требования украинской стороны вызывали удивление и недоумение российской делегации. Так, представитель РСФСР в Комиссии по урегулированию границ А. Белобородов заметил, что относительно Курской губернии "у нас почти ничего нет возразить, но относительно Воронежской губернии кажется, насколько я знаю, для нас это в большинстве является неожиданным ...Поскольку Украина ставит вопрос об отторжении целых уездов по существу половины Курской губернии, вопрос приобретает большое экономическое и политическое значение..." (ГАРФ³. Ф. 6892. Оп. 1. Д. 11. Л. 6–7). Россияне в качестве контраргумента указывали на неоднозначность "лингвистической ситуации" в спорных пограничных уездах. Так, курский Губплан утверждал, что характерной особенностью спорной пограничной территории является этнографическая неоднородность, затрудняющая разрешение вопроса о границах на украинских принципах. Ссылались также и на обстоятельство, что "язык населения в значительной части пограничной с УССР полосы Курской губернии является средним, переходным от украинского к великорусскому", "по территории пограничной полосы ... идёт полоса чисто великорусских "егунских" говоров", вследствие чего "пограничную южную часть Курской губернии невозможно, по диалектологическому признаку, считать украинской". Поэтому при установлении новой административной границы "решающее значение должно быть оставлено за экономическими признаками" (ГАРФ. Ф. 6892. Оп. 1. Д. 4. Л. 7об. – 9). Ставя под сомнение аргументы украинцев, россияне выдвинули встречные территориальные претензии на присоединение к Курской губернии Новгород-Северского уезда, части Глуховского и двух волостей Кролевецкого уездов Черниговской губернии. Эту заявку курян внесли на обсуждение в Комиссию по урегулированию границ [2, с. 214].

Схожую позицию занимало и руководство Воронежской губернии. В частности, губисполком также считал украинские претензии необоснованными и высказывался против изменения границ Воронежской губернии. Воронежцы указывали на однородность губернии по этнографическим, почвенно-климатическим, хозяйственным и другим параметрам. Как справедливо отмечает Е. Борисёнок, "оперируя лозунгами советской национальной политики, опираясь на решения XII съезда РКП(б) о коренизации, украинские партийные вожди сделали попытку разыграть почти беспроигрышную карту: сослаться на волю украинского населения, требующего присоединения к национальному государству – УССР. Добиваясь присоединения к Украине довольно обширной территории, украинские руководители надеялись на успех, тем более что положение сторон было явно неравным: Украинской республике противостояли в данном случае отдельные области РСФСР" [2, с. 216].

2 июля 1924 г. Харьков получил телеграмму из Москвы с просьбой "срочно выслать экономические, этнографические, географические и иные материалы по установлению границ между УССР и РСФСР" (ГАРФ. Ф. 6892. Оп. 1. Д. 5. Л. 24). Украинский ВУЦИК решил ответить центру мнением двух крупнейших украинских историков того периода – академиков Д. Багалей и М. Грушевского. В соответствующей справке Д. Багалей основное внимание уделил современному этническому состоянию спорных территорий, указав, что украинскими по составу населения следует считать Острогжский, Богучарский, Бирючинский, Белгородский, Грайворонский и Путивльский уезды. М. Грушевский, аргументируя притязания украинцев на спорные районы Курщины и Воронежщины, обосновал необходимость присоединения части уездов к Украинской ССР ссылками на историю украинской колонизации этих земель. Он резюмировал свою справку выводом о необходимости "восстановления справедливости": "Как будто бы настало время объединить край по принципам экономической и культурной целесообразности, порвав совершенно со случайными и механическими губернскими делениями, и соответственно размежевать и восточные границы Украинской Республики в целях достиже-

² ЦГАОО – Центральный государственный архив общественных объединений Украины.

³ ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

ния более планового производства и культурного развития" (ГАРФ. Ф. 6892. Оп. 1. Д. 9. Л. 18).

Российские историки были не согласны с такими доводами. В статье проф. С. Введенского "Об украинском населении в пределах Воронежской губернии (по поводу исторических справок академиков Багалея и Грушевского)" автор обратил внимание, что в освещении украинских академиков "остаётся в тени вопрос о самой территории, куда направлялись эти переселенцы. Создаётся впечатление, будто массы новых поселенцев оседали на местах, представлявших собой действительно "Новый Свет" – области никому дотоле не принадлежавшие и никем не освоенные ни исторически, ни со стороны их географической номенклатуры". Он проанализировал историю Воронежского края с точки зрения её заселения и принадлежности к Рязанскому княжеству и Московскому государству, отметив следующее: "С незапамятной древности и до времени построения Воронежа (1586 г.) и других сторожевых городков (Оскол, Валуйки, Ливны и др.), территория Воронежской губернии всецело входила в состав коренных областей, освоенных великорусским племенем и никогда не представляла собой нейтральной, никому не принадлежащей или спорной полосы между двумя какими-либо этнографическими единицами" [2, с. 218–219]. Справедливо указывалось также на значительную долю преувеличений и неточностей в подсчётах академиков.

Грядущие изменения вызвали серьёзную озабоченность жителей пограничных территорий. Так, на сессии Воронежского губисполкома (ноябрь 1924 г.) председатель Богучарского уездного исполкома заявил, что "большинство жителей Богучарского уезда не желает присоединения к Украине из-за неудобства связи с украинскими центрами. Настроение крестьян в этом вопросе отрицательное" [2, с. 220]. На местах многие руководители отрицательно воспринимали будущие территориальные изменения в пользу Украины. В некоторой степени активно проводимая в УССР украинизация вызывала беспокойство и негатив как у русского населения, и, как ни парадоксально, у самих украинцев Центрального Черноземья. Население в большинстве своём не одобряло изменения и беспокоилось о возможных трудностях. Так, председатель Острогожского исполкома утверждал, что "большинство жителей Острогожского уезда определённо не считают себя малороссами, украинизация в уезде совершенно невозможна и должна перевернуть всю жизнь верх дном" (ГАРФ. Ф. 6892. Оп. 1. Д. 17. Л. 26). Показательно, что ещё в 1917 г. Острогожская уездная земская управа провела анкетирование с целью выяснить, желает ли сельское население обучаться в школах на украинском языке. Ответы свидетельствовали о нежелании проводить украинизацию: из 44 сельских общин только 9 высказалось "за", а остальные – "против" [2, с. 222].

Как видим, процесс российско-украинской территориализации был исключительно противоречивым. С одной стороны, нельзя не учитывать петиции жителей ряда уездов о присоединении их к Украинской ССР. С другой – часто доминировали противоположные мнения. Отметим чрезвычайно сложный этнический состав пограничных с Украиной российских территорий. Ситуация осложнялась активной проводимой властями УССР украинизацией. В то же время ассимиляционные процессы в спорных уездах зашли достаточно далеко, и провести украинизацию школ, делопроизводства и прессы можно было лишь принудительными административно-командными мерами.

Заметим, что позиция населения существенного влияния на урегулирование вопроса об украинско-российской границе на членов Комиссии не оказала. Решающим для центра стало мнение различных административно-хозяйственных инстанций, высказавшихся против резких изменений. 30 ноября 1924 г. комиссия ЦИК СССР по урегулированию границ постановила положить "в основу урегулирования границ между УССР и РСФСР этнографический признак, присоединяя к республике непосредственно прилегающие к ней территории, заселённые в большинстве населения национальностями этой республики" (ЦГАОУ Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1813. Л. 102–106). В то же время комиссия оставляла для себя возможность некоторых исключений, указывая на необходимость учитывать также и экономические моменты, где "экономическое тяготение в тех отдельных случаях, где оно является ярко выраженным, а также ... момент административного удобства лишь в отноше-

нии отдельных мельчайших административных делений" (ГАРФ. Ф. 6892. Оп. 1. Д. 11. Л. 10–11).

Обе стороны не удовлетворились таким решением. Украинская делегация выступила с "особым мнением" по вопросу об изменении границ между УССР и РСФСР, настаивая на необходимости привести Украину "к пределам её этнографических границ и тем исправить неправильное размежевание по губерниям царского времени", а также учитывать "национально-этнографический момент" и "экономическое средство данной территории с УССР". Они настаивали, что "отторгаемая ... территория имеет население (сельского) 901 287 чел., из них украинцев 478 814 чел. (53 %), великороссов 419 892 чел. (47 %) и прочих 1 581 чел. (0,17 %), если мы сюда причислим городское население Белгорода, Путивля, то украинское население составит около половины". Указывая на ярко выраженную чересполосность заселения этих территорий, РСФСР считает "целесообразным произвести лишь частичное исправление границ" [2, с. 229–230].

Новые границы окончательно зафиксировали Постановлением ЦИК СССР "Об урегулировании границ Украинской ССР с РСФСР и Белорусской ССР" от 16 октября 1925 г. Всего к УССР присоединили территорию с 278 081 жителей, к РСФСР – 478 009 жителей. В частности, на юге Центрального Черноземья к УССР отошли "Семеновская волость Новозыбковского уезда Гомельской губернии; селение Знобь Трубчевской волости Почепского уезда Брянской губернии; селения Хинельской волости Севского уезда Брянской губернии: Фатевиж, Барановка, Демьяновка, Муравейня, Толстодубово (бывш. Лемешковской волости) и Сельцо-Никитское, Сетное, деревня Грудская (бывш. Подыводской волости); весь бывш. Путивльский уезд (с гор. Путивлем), за исключением бывш. Крупецкой волости в старых её границах; бывш. Криничевская волость бывш. Суджанского уезда Курской губернии; южная часть Грайворонской волости Грайворонского уезда Курской губернии; южная часть Муромской волости Белгородского уезда Курской губернии, Троицкая волость и часть Уразовской волости Валуйского уезда Воронежской губернии" [13]. Заметим, что в последующие годы украинцы продолжали добиваться пересмотра границ в свою пользу.

Отдельно следует отметить, что проведённое разграничение разделило ряд населённых пунктов, а также сложившуюся производственную инфраструктуру – предприятия, колхозы и совхозы, линии коммуникаций, что не могло не отобразиться на их социально-экономическом состоянии. С распадом СССР, когда очертания советских республик приобрели характер государственной границы, появились дополнительные трудности для жителей российско-украинского приграничья. В то же время, как показали последние исследования, на исследуемых территориях отмечается наличие весьма своеобразной пограничной идентичности переходного и размытого характера. Что не удивительно, поскольку "в условиях широкого распространения двуязычия и смешанных браков многие граждане ассоциируют себя одновременно и с украинской, и с русской культурами... При этом политическая (государственная) идентичность белгородцев сильнее, чем у харьковчан, что в определённой степени отражало восприятие людьми социально-экономической ситуации в двух областях". Кроме этого, наблюдается "внутреннее сопротивление части населения государственному курсу на сплочение украинской политической нации на базе только украинской историографии и культуры, связанное с приверженностью многих граждан двум культурам" [18, с. 176].

Подводя итог, отметим, что большая часть украино-российских пограничных споров на юге Центрального Черноземья имела место в течение 1920-х гг. Процесс республиканской территориализации был неоднозначный и сопровождался многочисленными апелляциями сторон к руководству страны. Благоприятная для центра социально-политическая ситуация создала основания для перевода разграничения с межгосударственной плоскости к положениям о реформировании внутреннего административно-территориального деления, где основной акцент делался на экономическую и политическую целесообразность. При этом мнение населения приграничных районов не учитывалось. Очевидно, главные мотивы, которыми руководствовались стороны, вытекали из представлений об интересах своих государственных административно-территориальных образований. Поэтому так непросто шла дискуссия

между соседними регионами двух союзных республик, руководители которых отстаивали порой взаимоисключающие позиции. Идя в некоторых вопросах навстречу позиции УССР по применению этнического подхода, который они неизменно отстаивали на протяжении всего периода разграничения, в конечном итоге, обе стороны согласились учесть политико-экономическую целесообразность. Хотя в некоторых вопросах было сделано исключение и применён этно-территориальный принцип. Юг Центрального Черноземья стал серьёзным камнем преткновения для сторон, которые имели разные представления о целесообразности. Найденный компромисс оказался недостаточно эффективным. Однако сложившаяся на тот момент обстановка не позволяла выработать иное решение.

Литература

1. Боечко В., Ганжа А., Захарчук Б. Границы Украины: историческая ретроспектива и современное положение. К.: "Основы", 1994. 168 с.
2. Борисенко Е.Ю. Украина и Россия: спор о границах в 1920-е годы // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2005. С. 205–237.
3. Борисенко Е.Ю. Феномен советской украинизации, 1920 – 1930-е годы / Ин-т Славяноведения РАН. М.: Европа, 2006. 256 с.
4. Вісті з Української Центральної Ради. 1917. № 3. Квітень.
5. Временная инструкция Генеральному секретариату Временного правительства на Украине / Архив новейшей истории России. Серия "Публикации". Т. IX. Журналы заседаний Временного правительства: Март-октябрь 1917 года. В 4-х т. Том 3. Июль–август 1917 года. М.: РОССПЭН, 2004.
6. Декреты Советской власти (далее – ДСВ). Т. II. 17 марта – 10 июля 1918 г. М., 1959. 624 с.
7. Дроздов К.С. Государственное регулирование русско-украинских национальных отношений в Центральном Черноземье (1923–1933 гг.) / Автореф. дисс. на соиск. науч. степ. канд. ист. наук по спец. 07.00.02. М.: МГУ, 2010. 30 с.
8. Дроздов К.С. "...Признать вполне целесообразным присоединение Белгородского уезда к УССР..." (К вопросу изменения административно-территориальных границ между РСФСР и Советской Украиной в 1924 году) // Межнациональные отношения в южнорусском порубежье: материалы областной науч.-практ. конф. / Под ред. А.И. Дудка. – Белгород, 2006. С. 13–21.
9. Ефіменко Г. В 1917–1918 гг. границі України сформувала Советська Україна, то єсть большевики? // ЛІКБЕЗ [Електронний ресурс]. URL: <http://likbez.org.ua/?p=907> (дата обращения: 01.08.2018).
10. Ефіменко Г.Г., Кульчицький С.В. Кордони державні України, принципи і історична практика їх визначень // Енциклопедія історії України: У 10 т. К., 2008. Т. 5. С. 137–148.
11. Ефіменко Г. Статус УСРР та її взаємовідносини з РСФРР: довгий 1920 рік. Монографія. Київ, Інститут історії України, 2012. 367 с.
12. Ефіменко Г. Визначення кордону між УСРР та РСФРР (1917–1920) // Проблеми історії України: факти, судження пошуки. 2011. С. 135–176.
13. Известия. 1926. 31 января.
14. Конституційні акти України. 1917–1920. Невідомі конституції України. К.: "Філософська та соціологічна думка", 1992. 569 с.
15. Кринко Е.Ф., Медведев М.В. "...Избрать паритетную комиссию": документы о передаче Таганрогского и Шахтинского округов в состав РСФСР в 1924–1925 гг. // Русский архив. 2015. № 3–4(10).
16. Кринко Е.Ф., Татаринов И.Е. "Мы – Россия, а Вы – Украина, и нам до Вас нет дела...": территориальные споры в Приазовье и на Донбассе в 1920-е гг. // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2014. № 34(4). С. 639–644.
17. Кузьменко В.Б. До історії формування північно-східного та східного кордонів України (1917–1925 рр.) // Університетські наукові записки Хмельницького ун-ту управління та права. 2005. № 4(16). С. 26–30.
18. Российско-украинское пограничье: двадцать лет разделённого единства: монография / под ред. В.А. Колосова, О.И. Вендиной. М.: Новый хронограф, 2011. 352 с.
19. Рудницький С. Коротка географія України. К.: "Лан", 1910.
20. Сергийчук В.І. Етнічні межі і державний кордон України. К.: ПП Сергийчук М.І., 2008. 560 с.
21. Сергийчук В.І. Північний Кавказ: українські аспекти заселення, розвитку господарства та національної свідомості. К.: ІМФЕ ім. М.Т. Рильського НАН України, 2014. 294 с.

Транслітерація по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Boecko V., Ganzha A., Zakharchuk B. Granitsy Ukrainy: istoricheskaya retrospektiva i sovremennoe polozhenie. K.: "Osнови", 1994. 168 s.
2. Borisenok E.YU. Ukraina i Rossiya: spor o granitsakh v 1920-e gody // Regiony i granitsy Ukrainy v istoricheskoy retrospektive. M.: In-t slavyanovedeniya RAN, 2005. S. 205–237.
3. Borisenok E.YU. Fenomen sovetskoj ukrainizatsii, 1920 – 1930-e gody / In-t Slavyanovedeniya RAN. M.: Evropa, 2006. 256 s.
4. Visti z Ukraïns'koï TSentral'noi Radi. 1917. № 3. Kviten'.
5. Vremennaya instruktsiya General'nomu sekretariatu Vremennogo pravitel'stva na Ukraine / Arkhiv novejshej istorii Rossii. Seriya "Publikatsii". T. IX. Zhurnaly zasedanij Vremennogo pravitel'stva: Mart-oktyabr' 1917 goda. V 4-kh t. Tom 3. Iyul'-avgust 1917 goda. M.: ROSSPEHN, 2004.
6. Dekrety Sovetskoj vlasti (dalee – DSV). T.II. 17 marta – 10 iyulya 1918 g. M., 1959. 624 s.
7. Drozdov K.S. Gosudarstvennoe regulirovanie russko-ukrainskikh natsional'nykh otноshenij v TSentral'nom Chernozem'e (1923–1933 gg.) / Avtoref. diss. na soisk. nauch. step. kand. ist. nauk po spets. 07.00.02. M.: MGU, 2010. 30 s.
8. Drozdov K.S. "...Priznat' vpolne tselesoobraznym prisoedinenie Belgorodskogo uezda k USSR..." (K voprosu izmeneniya administrativno-territorial'nykh granits mezhdru RSFSR i Sovetskoj Ukrainoj v 1924 godu) // Mezhnatsional'nye otноsheniya v yuzhnorusskom porubezh'e: materialy oblastnoj nauch.-prakt. konf / Pod red. A.I. Dudka. – Belgorod, 2006. S. 13–21.
9. Efimenko G. V 1917–1918 gg. granitsy Ukrainy sformirovala Sovetskaya Ukraina, to est' bol'sheviki? // LIKBEZ [Elektronnyj resurs]. URL: <http://likbez.org.ua/?p=907> (data obrashheniya: 01.08.2018).
10. Efimenko G.G., Kul'chits'kij S.V. Kordonni derzhavni Ukraïni, printsipi i istorichna praktika ikh viznachen' // Entsiklopediya istorii Ukraïni: U 10 t. K., 2008. T. 5. S. 137–148.
11. Efimenko G. Status USRR ta її взаємовідносини з RSFR: довгий 1920 рік. Монографія. Київ, Інститут історії України, 2012. 367 s.
12. Efimenko G. Viznachennya kordonu mizh USRR ta RSFR (1917–1920) // Problemi istorii Ukraïni: fakti, sudzhennya poshuki. 2011. S. 135–176.
13. Izvestiya. 1926. 31 yanvarya.
14. Konstitutsijni akti Ukraïni. 1917–1920. Nevidomi konstitutsii Ukraïni. K.: "Filosofs'ka ta sotsiologichna dumka", 1992. 569 s.
15. Krinko E.F., Medvedev M.V. "...Izbrat' paritetnyyu komissiyu": dokumenty o peredache Taganrogskogo i SHakhtinskogo okrugov v sostav RSFSR v 1924–1925 gg. // Russkij arkhiv. 2015. № 3–4(10).
16. Krinko E.F., Tatarinov I.E. "My – Rossiya, a Vy – Ukraina, i nam do Vas net dela...": territorial'nye spory v Priazov'e i na Donbasse v 1920-e gg. // Bylye gody. Chernomorskij istoricheskij zhurnal. 2014. № 34(4). S. 639–644.
17. Kuz'menko V.B. Do istorii formuvannya pivnichno-skhidnogo ta skhidnogo kordoniv Ukraïni (1917–1925 rr.) // Universitets'ki naukovі zapiski KHMel'nits'kogo un-tu upravlinnya ta prava. 2005. № 4(16). S. 26–30.
18. Rossijsko-ukrainskoe pogranich'e: dvadtsat' let razdelyonnogo edinstva: monografiya / pod red. V.A. Kolosova, O.I. Vendinoj. M.: Novyj khronograf, 2011. 352 s.
19. Rudnits'kij S. Korotka geografiya Ukraïni. K.: "Lan", 1910.
20. Sergijchuk V.I. Etnichni mezhi i derzhavnij kordon Ukraïni. K.: PP Sergijchuk M.I., 2008. 560 s.
21. Sergijchuk V.I. Pivnichnij Kavkaz: ukraïns'ki aspekti zaseleння, rozvitku gospodarstva ta natsional'noi svidomosti. K.: IMFE im. M.T. Ril'skogo NAN Ukraïni, 2014. 294 s.

Татаринов И.Е. К вопросу о формировании российско-украинской границы на юге Центрального Черноземья в 1917–1925 гг.

Статья освещает вопросы формирования российско-украинской границы на юге Центрально-Чернозёмного района в 1920-е гг. Она основана на изучении архивных документов, анализе современных публикаций ведущих специалистов. Сложившийся в приграничных районах смешанный состав населения осложнял проведение границ строго по этническим принципам. Территориальный спор завершился в 1925 г. передачей ряда районов Воронежской и Курской губерний Украинской ССР.

Ключевые слова: *Украинская ССР, Центрально-Чернозёмный район, украинско-российская граница, территориализация, Воронежская губерния, Курская губерния*

Tatarinov I.E. On the formation of the Russian-Ukrainian border in the south of the Central Black Earth Region in 1917–1925.

The article deals with the issues of formation of the Russian-Ukrainian border in the south of the Central Black Earth region in the 1920s. It is based on a study of archival documents, contemporary publications of leading experts. Fold in the border areas of the mixed composition of the population complicates the strict boundaries on ethnic principles. The territorial dispute culminated in 1925 after transfer of some districts of the Voronezh and Kursk provinces to the Ukrainian SSR.

Key words: *Ukrainian SSR, Central Black Earth Region, Ukrainian-Russian border, territorialization, Voronezh and Kursk provinces*

Для цитирования: Татаринов И.Е. К вопросу о формировании российско-украинской границы на юге Центрального Черноземья в 1917–1925 гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 1. С. 103–113. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/103-113

For citation: Tatarinov I.E. On the formation of the Russian-Ukrainian border in the south of the Central Black Earth Region in 1917–1925 // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 1. P. 103–113. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/103-113

Институт собственности на землю: захваты, "ресурсное изобилие" и особенности инфорсmenta на российском Дальнем Востоке

Исследовательский проект, по результатам которого подготовлена данная статья, был посвящен изучению *института захватной собственности на землю*. Основной вопрос исследования состоял в следующем. Способствуют ли земельные захваты формированию института частной собственности? Следуя идеям новой институциональной экономической теории [21], можно утверждать, что земельные захваты являются причиной и следствием плохой спецификации прав собственности и/или неэффективности государственного принуждения к соблюдению этих прав (далее – инфорсмент), иначе – захваты подрывают институт или мешают его формированию. Однако ряд исследователей [23; 25, с. 177–197] утверждает, что именно захваты позволили сформировать частную земельную собственность, что сложилось в США или Австралии. Но при этом дореволюционные и советские историки нередко утверждали, что именно захватная собственность препятствовала становлению частной собственности и шире – капитализма в Сибири [7; 9].

Означает ли это, что захваты могут при одних условиях становиться фундаментом для института частной собственности на землю, а при других – препятствовать его формированию? Какие стимулы и влияющие на них условия способствуют «отклонению» или приближению к «идеальной», если таковая существует, частной собственности? Хотя в целом наш проект был посвящен современным институтам собственности на землю на российском Дальнем Востоке, данная статья – попытка ответить на эти вопросы, обращаясь к историческим сюжетам. В этом смысле следуя идеям новой институциональной экономической теории, в частности идее зависимости от выбранного пути или «эффекту колеи», мы предполагаем, что есть определенные обстоятельства (основания), которые закрепляют институты, делая появление альтернатив менее вероятным. Соответственно, говоря об «основаниях», мы следуем логике А. Грейфа [4, с. 11], который настаивает, что для понимания процесса формирования института в историческом контексте необходимо скрупулезно исследовать стимулы (почему поведение взаимодействующих экономических агентов именно такое) и основания стимулов (почему стимулы именно такие).

Формирование института частной собственности на землю в имперской России в целом, и в частности, на Дальнем Востоке, ранее не однократно становилось предметом исследовательского внимания [17, с. 58–68]. До недавних пор дискуссия носила упрощенный характер в том смысле, что ученые либо утверждали, что частная собственность в России складывалась [5], либо заявляли, что нет [13]. При этом часть исследователей утверждала, что для восточной окраины частные отношения собственности были даже более характерны, чем для остальной России в силу меньшего значения общинного зем-

© Рыжова Н.П., Гузей Я.С., Карбаинов Н.И., 2019

РЫЖОВА Наталья Петровна, д-р. экон.наук, профессор РАН, заведующий Приморской лабораторией Института экономических исследований ДВО РАН (г. Хабаровск). E-mail: n.p.ryzhova@gmail.com

ГУЗЕЙ Яна Сергеевна, канд. ист. наук, преподаватель кафедры международных отношений Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (г. Санкт-Петербург) E-mail: guzeiana@mail.ru

КАРБАИНОВ Николай Иванович, научный сотрудник Социологического института РАН (г. Санкт-Петербург) E-mail: nkarbainov@gmail.com

Проект выполнен при финансовой поддержке фонда РФФИ, проект № 16-32-00029-ОГН\18 "Институт захватного землепользования на Востоке России: исторический и сравнительный анализ".

лепользования и в целом либерального характера проекта колонизации Приамурья, разработанного Н.Н. Муравьевым-Амурским [18]. Дискуссия о том, что общинное землепользование оставалось преградой для распространения частной собственности восходит к советской и даже досоветской традициям. Еще до революции были опубликованы работы об «исконно русской» форме общинного землевладения [2; 16]. Сделаны выводы о том, что этот культурно специфичный феномен препятствует формированию частной собственности на землю. Тогда же были опубликованы и критические работы, указывающие на ошибочность выводов об исключительном именно для России общинном хозяйстве [3]. В 1990-е гг. очарование либеральными идеями лишь усугубило картину традиционно, исторического сложившегося антирыночного образа России в целом и Дальнего Востока в частности.

Вопрос о том, как влияли именно *захваты* на формирование частной собственности на Дальнем Востоке, насколько можно судить, очень редко обсуждался в литературе. Наиболее близки к задачам нашего проекта исследования Польской и Стасюкевич, которые пришли к выводу, что захваты формировали «у дальневосточного крестьянства этику частного собственника», и сделали вывод о том, что для защиты своего права крестьянин «не останавливался ни перед насилием, ни перед обращением к авторитету старосты и волостного суда, которые всегда ограждали его от всякого вторжения» [18]. Вместе с тем, поднятые дальневосточными историками вопросы, требуют более детального обсуждения и концептуального осмысления в том числе путем акцента на спецификации и информенте. Для этих целей мы используем теоретическую модель, предложенную Альстоном, Миллером с коллегами. Эта модель была разработана авторами для объяснения процесса формирования частной собственности на землю при заселении периферий или так называемых «фронтиров» [22; 23; 27], в том числе и прежде всего посредством земельных захватов. По мнению авторов именно особенности заселения *фронтира* определили отношения собственности в таких странах, как США, Бразилия, Австралия, Аргентина.

Применяя модель Альстона-Миллера к случаю Дальнего Востока, мы не утверждаем, что к региону в целом применима концепция фронтира [1]. Вместе с тем мы приходим к заключению, что стимулы и основания формирования были сравнимы с теми, что формировали институты собственности на землю в американских и австралийских условиях. Анализ этих стимулов и оснований показал, насколько непродуктивна идея о том, что институт частной собственности или «есть» или «нет». Иначе говоря, мы приходим к выводу, что захваты способствовали формированию института частной собственности, но он был культурно-специфичным, отличным от тех, что формировались на других перифериях.

Стимулы и основания, также, как и теоретическая модель частной собственности, формируемая на фронтирах, обсуждаются в первом разделе статьи. Соответственно, проявление этих стимулов и оснований в условиях восточка Российской империи обсуждается во втором разделе работы.

Влияние захватов на отношения собственности: теоретическое осмысление особенностей фронтира

В экономической теории прав собственности сложилось понимание, что для экономического роста и успешного социального и политического развития необходим институт частной собственности на землю. В государстве, не развивающем такой институт, земля используется неэффективно, так как за пределами высокими оказываются трансакционные издержки, ведь за узурпаториями должна наблюдать армия контролеров. Неэффективность и рост бюрократического аппарата приводит к различным неприятным последствиям, в том числе, к коррупции. Напротив, если экономика организована на свободе контракта и частной собственности, то земельные ресурсы используются эффективнее и в целом государство работает лучше: «... свободно передаваемая частная собственность играет основополагающую роль в рыночной экономике. Если условия, сложившиеся в экономике, препятствуют обмену, то это имеет серьезные последствия в виде снижения эффективности». [21, с. 96–97]. Поэтому либеральная парадигма всем странам с «неэффективными» институтами предписывает провести реформы, способствующие формиро-

ванию «правильных» институтов частной собственности. При всей кажущейся убедительности этого постулата, ни теоретически, ни практически непонятно, как именно этот – да и любой другой – институт может быть имплементирован, выращен, заимствован?

Попытка ответить на этот вопрос активно ведется применительно к таким случаям, как Австралия, Бразилия, США, Аргентина – то есть к странам нового света. Исследователи внесли ряд значимых теоретических концепций, объясняющих процессы формирования прав собственности в указанных странах – на т.н. «фронтирных» территориях. Фокус на фронтиры не случаен. Во-первых, гипотеза о том, что страны показывают разную экономическую динамику в зависимости от отличий в правах собственности, справедливо требует рассматривать развивающиеся страны. А гипотеза о колониальном испанском (португальском) или английском влиянии также делает выбор указанных стран весьма логичным. Во-вторых, «фронтирь» рассматриваются как территории, где «права собственности» не существовали, а были сформированы колонистами. Аборигенные права в этом смысле экономистов, конечно, не интересуют. Наконец, в-третьих, именно фронтиры позволяют включать в анализ категорию насилия, как раз связанную с наличием аборигенов, категорию, которая с недавних пор вошла в институциональный мейнстрим [15].

Итак, Альстон, Миллер с коллегами [23, 24], обращаясь к изучению влияния захватов на формирование собственности и разделяя спецификацию и инфорсмент прав собственности, пришли к заключению, что права собственности *универсально эволюционируют* вместе с прогрессом заселения. Вначале земли имеют «открытый доступ» (то есть отсутствует контроль доступа к земельному ресурсу). Затем благодаря захватам права специфицируются – то есть формируется частная собственность *de facto*. В это время формируется инфорсмент прав собственности, который в основном носит клубный характер – то есть фактические собственники объединяются для защиты своих прав, вводя и поддерживая неформальные правила инфорсмента. И, наконец, из-за роста стоимости земли и конкуренции на нее происходит спецификация земли *de jure*. Это происходит благодаря обращению к государству, инициируемому одним из «клубов», то есть фактическими собственниками. Роль государства резко возрастает, и оно может избирать разные стратегии, в зависимости от ценности (и стоимости) земли. Таким образом, основным фактором легализации собственности является ценность/ стоимость земли.

Разные исследователи, проверяя качество модели, применили ее к эмпирическим данным Бразилии, Австралии и США [23]. В целом соглашась с полученными Альстоном и Миллером выводами, другие авторы анализировали случаи (конкретно – аргентинские пампы), когда модель не работала – частная собственность *de jure* не создавалась, т.к. правительство оказалось не способным ввести и поддержать инфорсмент [27]. Сами авторы в предложенной доработанной модели ставят вопрос об влиянии власти, конкретно – об экономических стимулах, извлечении ренты и влиянии насилия. В целом данная работа остается в экономической логике, основное объяснение авторы видят в ценности / стоимости земли, которая зависит от возможности контроля государством насилия.

Несмотря на предложенные уточнения и признание девиаций в зависимости от организации власти, в данной работе не подвергается сомнению эволюционный характер развития института частной собственности и определяющая роль государства в обеспечении инфорсмента. Однако обойти этот вопрос невозможно: по мнению влиятельного экономиста либерального толка развивающиеся страны, среди которых и упомянутые Аргентина и Бразилия остаются в настоящее время «странами узуфруктариев», где плохая – преимущественно неформальная – защита частной собственности объясняет постоянное экономическое отставание этих стран [6]. Но если, например, в Бразилии XIX в. сложились «правильные» институты собственности на землю, что произошло с ними далее? Почему, например, легализация и наличие государственного инфорсмента в перуанских деревнях не формирует частную собственность со всеми необходимыми атрибутами защиты [28]? Не зависит ли качество защиты от культурных особенностей, которые, конечно, могут быть похожими для Аргентины и Бразилии, но отличаться в других странах, на-

пример Афганистане [29, с. 3–4]? И, наконец, будут ли отношения собственности одинаковыми в разнообразных культурных контекстах?

Важным выводом модели, рассматривающей «захват земли открытого доступа» – «собственность de facto» – «собственность de jure» является выделение двух стимулов: 1) стремление к извлечению земельной ренты у экономических агентов (основание – изобилие земельного ресурса) и 2) стремление государства к извлечению ренты (основание – появление de facto собственников). Далее мы обсудим, как специфические национальные и/или локальные основания изменяют стимулы и отношения собственности приобретают культурную специфику.

Исторически устойчивые особенности земельных отношений на восточной российской периферии

Изобилие и захват. В имперском российском дискурсе дальневосточная окраина практически с момента своего присоединения стала ассоциироваться с бескрайними просторами незанятых земель, открывающими потрясающие возможности для развития хозяйственной активности и сулящими переселенцам быстрое обогащение. Распространению таких представлений во многом способствовала и сама программа правительства по заселению Дальнего Востока. Различные издания империи, имевшие своей целью привлечение переселенцев на окраину, «рисовали» перед мужицким воображением радужную картину свободных земель, бескрайних пустопорожных полей и покосов [17].

Данный дискурс поддерживался во многом и правилами переселения в дальневосточный регион 1861 г., устанавливавшими для переселенцев не только право свободного выбора земель, но и возможность закрепления за ними значительного надела земли общей площадью до 100 десятин, который можно было получить в пользование или даже выкупить в собственность по льготной цене [8, с. 12–13]. Право выбора мест водворения непреложно защищалось государством. В отчетах Южно-Уссурийского переселенческого управления проводилась мысль, что «поставив усадьбы, переселенец может свободно брать пахотную землю в ту или другую сторону, назначить выгон, указать сенокосы, в местах по своему усмотрению, в пределах установленного очертания дачи и причитающейся обществу площади» (РГИА¹, Ф. 391. Оп. 1. Д. 24. Л. 67).

На практике переселенцы, прибывавшие на Дальний Восток, в собственности на первых порах, не испытывали никакого стеснения в земельных угодьях. Помимо стодесятинного надела, который, по мнению специалистов, был закреплен за переселенцами даже не законом о переселении 1861 г., а дальневосточной администрацией, неверно его истолковавшей и превратившей максимальный порог надела в норму [8, с. 12–13], переселенцы широко использовали возможность «прихватить» земли сверх установленной нормы.

На первых порах каждый переселенец выбирал землю там, где хотел и в том количестве, в котором он желал. В результате, фактически повсеместно на Дальнем Востоке установилась практика, основанная «на праве первого захвата» (*Jus primi occupandi*), когда земля признавалась собственностью того, кто первым ее присвоил и обработал [8, с. 12]. Закон 1861 г. предусматривал возможность выкупа земли в двадцатилетний срок в частную собственность по льготной цене в 3 руб. за десятину, однако, весьма интересно, что на 1912 г. ни одно из старожильческих селений не воспользовалось этим правом, по всей видимости, не видя в этом шаге особого смысла [11, с. 79]. Получавшие землю в бессрочное пользование (при условии ее обработки в течение определенного срока с момента поселения в крае), старожили, не имевшие каких-либо оформленных прав на владение, тем не менее, активно пользовались своим «захватным правом» на землю, продавая право на ее обработку вновь прибывшим поселенцам [8, с. 12; 11, с. 82]. При этом цена на пользование землей нередко завышалась и достигала исключительно высокой стоимости, в разы превосходившей сумму, установленную правительством за выкуп государственной земли в собственность. Так, в одном из селе-

¹ РГИА – Российский государственный исторический архив.

ний право на пользование землей и надворными постройками было продано за 6700 рублей, составив 42–45 рублей за одну десятину [11, с. 82].

В этих условиях неслучайно, что желание «застолбить» за собой как можно больше свободных земель становится для многих инициативных старожилов-переселенцев делом особой важности. Поэтому весьма распространенной практикой становится создание необработанных земельных зазоров между пашнями и полями одного домохозяина, которые с течением времени можно было прирезать к уже существующему наделу [11, с. 97]. И чем больше переселенцев селилось поблизости, тем сильнее были подобные стремления.

Таким образом, избыток земли на российской периферии стало таким же стимулом для захватов конца XIX – начала XX вв., как и, например, на «американском западе» того же XIX в. В пользу того, что институт собственности на землю на восточной российской окраине был ближе к таковому в той же Америке, чем в центральной России, говорит тот факт, что общины, видимо, играли роль клубов, помогавших скорее защищать интересы *de facto* собственников, чем вовлекать земли в общинный передел.

Однако говорить об идентичности формирующихся отношений собственности нельзя. В отличие от американских или австралийских условий восточная российская периферия «фронтиром» не была. Близость Китайского государства влияла и на отношения собственности. В частности, значительная часть т.н. «открытых земель», наиболее пригодных к сельскохозяйственному производству, подвергалась вторичному захвату – крестьяне российской империи под протекцией властей изымали земли, уже ранее освоенные. В качестве примера можно вспомнить о т.н. «маньчжурском клине», где и сейчас расположены наиболее плодородные земли Амурской области [12]. Существовали и другие формы «вторичного» захвата, связанные, например, с религиозными практиками – ряд староверческих конфессий предпочитал уходить при подселении к ним представителей иных конфессий, освобождая разработанные пашни. Для нашего аргумента важно, что в отличие от описанной Альстоном и Миллером модели, на российской периферии государство играло более важную роль в обеспечении захватов, с первых дней предоставляя широкие права, покровительствующие захватам.

Клубы, в рамках которых экономические агенты, договариваясь, вырабатывали правила защиты прав собственности, были, видимо, менее важны, чем государство, которое организовывало, покрывало, поддерживало определенные захваты. Этот вывод приводит нас ко второму стимулу, который, сразу оговоримся, работает совершенно не так, как в описанных в литературе условиях фронтира.

Рента государства и de facto собственники. Нельзя полностью отрицать привлекательность для российского государства извлечения ренты из обустройства территории. Тем не менее, этот стимул не был определяющим: поселенцы были необходимы для защиты, в том числе и прежде всего военной, новых границ, а не для превращения их в источник государственного дохода. Стимул защиты восточных рубежей оказывал определяющее значение на отношения собственности. Примечателен в этом смысле случай г. Владивостока, который в силу ландшафта начал страдать от дефицита городской земли почти с самого начала своего основания. «Бесконечные споры о захватываемых землях продолжались и в 1892 г. По докладу городского головы было постановлено избрать комиссию... и просить военного губернатора о том, чтобы все заинтересованные ведомства и учреждения командировали в эту комиссию своих депутатов» [10, с. 300]. Цель комиссии состояла в том, чтобы определить, какие захваченные ведомства земли простаивают, не используются и при этом самым «злостным» ведомством оказалось военное, у которого было преимущество перед всеми иными и которое оказывало негативное влияние на гражданское развитие города. Долгое время Владивосток не имел возможности даже обустроить коммерческий флот из-за того, что вся прибрежная земля была отдана военному ведомству. Однако, как пишет современник, из этого правила существовали исключения. В частности, для целей коммерческих предприятий Добровольного флота и купца Шевелева земля отводилась на территории военного порта [10, с. 273].

Показательно, что складывавшиеся клубные способы инфорсментации прав собственности нередко оказывались в оппозиции не к другим экономи-

ческим агентам (это, конечно, тоже имело место: особенно явна оппозиция старожилов и новых поселенцев), а к государству – к конкретным учреждениям военного ведомства. В этом отношении весьма показательным является дело жителей деревни Амурки, написавших жалобу на имя императора Александра II, с просьбой разобраться с поселением в непосредственной близости от них крепостной артиллерийской команды, занявшей земли, принадлежащие поселенцам Амурки. По сообщениям жителей, в «1867 г. крепостная артиллерия первоначально произвольно заняла в расстоянии от домов наши 200 сажень для усадьбы самую удобную землю <...>, а потом в лето того же 1867 [им – авторы] сделан отвод тоже земли, значащейся в одной площадке в качестве уже 3-х десятин, также отведена на адекватном расстоянии от деревни нашей внизу по р. Амурке на 1,5 версты и по берегу тоже 1,5 версты всего в квадрате на 3 версты удобного по обеим сторонам сенокосного места, и так по случаю такового года нам для себя в нынешнее лето заготовить сено совершенно негде...» (РГИА ДВ². Ф. 6. Оп. 1. Д. 25. Л. 6.). Дававший разъяснения по этому делу землемер Почекунин, отмечал, что при отводе земель нижним чинам Николаевской крепостной артиллерии, руководствовался показаниями депутата от Земской полиции и ряда других свидетелей, которые показали, что отводимая земля никогда не использовалась жителями Амурки: «из прошения видно, как под огородами, так и покосная земля отданная помянутым артиллеристам, будто бы принадлежала ранее переселенцам, то это явная ложь, что доказывается как показаниями Непомнющего, депутата и понятых, еще и тем, что поселенцам сенокос был вовсе не нужен за неимением у себя травоядных животных». Кроме того, Почекунин считал нужным подчеркнуть, что «за сим отводом, по той речке осталось удобной земли еще в большом количестве, не только для четырех семейств, но и для 100 семейств и с избытком» (РГИА ДВ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 25. Л. 7 об.–8).

Таким образом, несмотря на изобилие земли, наличие стимулов к извлечению государством ренты и распространенность захватов, отношения собственности на восточной российской периферии едва ли могли напоминать идеализированный американский «запад» или австралийский фронт. Близость Китая, приоритет военной рациональности над экономической – те основания, которые корректировали – и, кстати, продолжают корректировать – стимулы. Упомянутые выше коммерческие склады на территории военного порта свидетельствуют, что военная рациональность, конечно, не была тотальной – при определенных условиях, представитель военного ведомства мог откорректировать ее в пользу рациональности экономической. Сложно сделать вывод, носила ли эта коррекция характер ренты, изымаемой в пользу самого чиновника или городского сообщества, но очевидно, что механизмы государственного инфосмента, часто представляемого в виде «черного ящика», требуют дальнейшей деконструкции и объяснения.

Возвращаясь к нашему исследовательскому вопросу, согласимся, что захватная собственность способствовала становлению частной собственности *de facto* и, видимо, переход ее к частной собственности *de jure* был бы лишь вопросом времени, которого у восточной Российской периферии не оказалось. Другое дело, что эти отношения собственности не могли быть идентичными тем, что сформировались в других странах и регионах постольку, поскольку иной была рациональность российского государства.

Литература

1. Бостан К.А., Кузнецов А.М. Идея "фронтира": выгодное приобретение или опасный фантом? // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 1(44). С. 73–84.
2. Васильчиков А.И. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1876. Т. 1–2.

² РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока.

3. Герье В.И., Чичерин Б.Н. Русский дилетантизм и общинное землевладение: разбор кн. А. Васильчикова *Землевладение и земледелие*. М.: тип. А.И. Мамонтова и К°, 1878. 250 с.
4. Грейф А. Институты и путь к современной экономике: Уроки средневековой торговли. М.: Изд. Дом ГУ-ВШЭ, 2013. 531 с.
5. Данилова Л.В. Сельская община в средневековой Руси. М.: Наука, 1994. 316 с.
6. Де Сото Э. Загадка капитала: Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире? М.: Олимп-Бизнес, 2004. 263 с.
7. История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5-ти томах / Гл. ред. П.А. Окладников. Ленинград: Наука, 1968. Том 3: Сибирь в эпоху капитализма. 530 с.
8. Крюков Н.А. Опыт описания землепользования у крестьян-переселенцев Амурской и Приморской областей // Записки Приамурского отдела императорского русского географического общества. М., 1896. Т. 2. Вып. 2. С. 1–122.
9. Ленин В.И. Развитие капитализма в России. Полное собрание сочинений, Т. 3. Москва: Издательство политической литературы, 1971. 792 с.
10. Матвеев Н.П. Краткий исторический очерк г. Владивостока. Владивосток: Рубеж, 2012. 512 с.
11. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Старожилы-стодесятильники. Том III (текст). / Составил А. Меньщиков. Под ред. А.А. Татищева. Саратов: Переселенч. упр. Г.У.З. и З., 1912. 505 с.
12. Матюнин Н.Г. Записка о китайцах манчжурах, проживающих на левом берегу Амура // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LVIII. СПб., 1894. С. 33–39.
13. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998. 573 с.
14. Назаров А.Ю. Манчжуры, дауры и китайцы Амурской области // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества. Т. 14. № 1–2. 1885. С. 1–18.
15. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Пер. с англ. Д.Узланера, М.Маркова, Д.Раскова, А.Расковой. М.: Изд. Института Гайдара, 2011. 480 с.
16. Панаев В.А. Общинное землевладение и крестьянский вопрос. С-Пб.: тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. канц., 1881. 283 с.
17. Переселение на Дальний Восток в 1906 г. (Амурская область и Уссурийский край Приморской области). СПб.: тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1906. Вып. XXVIII. 112 с.
18. Польская Е.В., Стасюкевич С.М. Проблема частной собственности на землю в России в отечественной историографии // История науки и техники. 2014. № 3. С. 58–68.
19. Польская Е.В., Стасюкевич С.М. Частная собственность на землю на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 4. № 3. С. 91–101.
20. Собственность в России: Средневековье и раннее новое время / Отв. ред. Н.А. Горская. М.: Наука, 2001. 283 с.
21. Фуруботн Э.Г., Рихтер Р. Институты и экономическая теория. Достижения новой институциональной экономической теории / Пер. с англ. под ред. В.С. Катькало и Н.П. Дроздовой. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2005. 701 с.
22. Allen Douglas W. Homesteading and Property Rights: Or How the West Was Really Won // *Journal of Law & Economics*. 1991. Vol. 34. № 1. Pp. 1–23.
23. Alston L. J., Harris E. and Mueller B. De facto and de jure property rights: Land settlement and land conflict on the Australian, Brazilian and U.S. frontiers. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research. Working paper №15264.
24. Alston L.J., Mueller B. 2010. Property Rights, Land Conflict and Tenancy in Brazil. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research. Working paper №15771.
25. Alston L. J., Harris E. and Mueller B. property Rights, Land Conflict and Tenancy in Brazil. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research. Working paper № 15771.
26. Anderson T., Hill P.J. The Race for Property Rights // *Journal of Law & Economics*, 1990. №33. Pp. 177–197.
27. Dye A., La Croix S. The Political Economy of Land Privatization in Argentina and Australia, 1810–1850: a Puzzle // *The Journal of Economic History*, 2013. № 73. Vol.4. Pp. 901–936.
28. Kerekes C. B., Williamson, C. R. Propertyless in Peru, Even with a Government Land Title // *American Journal of Economics and Sociology*, 2010. Vol. 69. Pp. 1011–1033.
29. Murtazashvili I., Murtazashvili J. Anarchy, self-governance, and legal titling // *Public Choice*. 2015. № 162 (3-4). P. 287–305.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Bostan K.A., Kuznetsov A.M. Ideya "frontira": vygodnoe priobretenie ili opasnyj fantom? // Ojkumena: Regionovedcheskie issledovaniya. 2018. № 1(44). S. 73–84.
2. Vasil'chikov A.I. Zemlevladienie i zemledelie v Rossii i drugih evropejskikh gosudarstvakh. SPb.: tip. M. Stasyulevicha, 1876. T. 1–2.
3. Ger'e V.I., Chicherin B.N. Russkij diletantizm i obshhinnoe zemlevladienie: razbor kn. A. Vasil'chikova Zemlevladienie i zemledelie. M.: tip. A.I. Mamontova i K^o, 1878. 250 s.
4. Grejf A. Instituty i put' k sovremennoj ehkonomike: Uroki srednevekovoj trgovli. M.: Izd. Dom GU-VSHEH, 2013. 531 s.
5. Danilova L.V. Sel'skaya obshhina v srednevekovoj Rusi. M.: Nauka, 1994. 316 s.
6. De Soto EH. Zagadka kapitala: Pochemu kapitalizm torzhestvuet na Zapade i terpit porazhenie vo vsem ostal'nom mire? M.: Olimp-Biznes, 2004. 263 s.
7. Istoriya Sibiri s drevnejshikh vremen do nashikh dnei: v 5-ti tomakh / Gl. red. P.A. Okladnikov. Leningrad: Nauka, 1968. Tom 3: Sibir' v ehpokhu kapitalizma. 530 s.
8. Kryukov N.A. Opyt opisaniya zemlepol'zovaniya u krest'yan-pereselentsev Amurskoj i Primorskoj oblastej // Zapiski Priamurskogo otdela imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshhestva. M., 1896. T 2. Vyp. 2. S. 1–122.
9. Lenin V.I. Razvitie kapitalizma v Rossii. Polnoe sobranie sochinenij, T. 3. Moskva: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1971. 792 s.
10. Matveev N.P. Kratkij istoricheskij ocherk g. Vladivostoka. Vladivostok: Rubezh, 2012. 512 s.
11. Materialy po obsledovaniyu krest'yanskikh khozyajstv Primorskoj oblasti. Starozhily-stodesyatinniki. Tom III (tekst). / Sostavil A. Men'shikov. Pod red. A.A. Tishheva. Saratov: Pereselench. upr. G.U.Z. i Z., 1912. 505 s.
12. Matyunin N.G. Zapiska o kitajtsakh manchzhurakh, prozhivayushhikh na levom beregu Amura // Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii. Vyp. LVIII. SPb., 1894. S. 33–39.
13. Milov L.V. Velikorusskij pakhar' i osobennosti rossijskogo istoricheskogo protsessa. M.: ROSSPEHN, 1998. 573 s.
14. Nazarov A.YU. Manchzhury, daury i kitajtsy Amurskoj oblasti // Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshhestva. T. 14. № 1–2. 1885. S. 1–18.
15. Nort D., Uollis D., Vajngast B. Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoj istorii chelovechestva / Per. s angl. D.Uzlanera, M.Markova, D.Raskova, A.Raskovoj. M.: Izd. Instituta Gajdara, 2011. 480 s.
16. Panaev V.A. Obshhinnoe zemlevladienie i krest'yanskij vopros. S-Pb.: tip. 2 Otd-niya Sobstv. e. i. v. kants., 1881. 283 s.
17. Pereselenie na Dal'nij Vostok v 1906 g. (Amurskaya oblast' i Ussurijskij kraj Primorskoj oblasti). SPb.: tip. F. Vajsberga i P. Gershunina, 1906. Vyp. XXVIII. 112 s.
18. Pol'skaya E.V., Stasyukevich S.M. Problema chastnoj sobstvennosti na zemlyu v Rossii v otechestvennoj istoriografii // Istoriya nauki i tekhniki. 2014. № 3. S. 58–68.
19. Pol'skaya E.V., Stasyukevich S.M. Chastnaya sobstvennost' na zemlyu na Dal'nem Vostoke Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. 2012. T. 4. № 3. S. 91–101.
20. Sobstvennost' v Rossii: Srednevekov'e i rannee novoe vremya / Otv. red. N.A. Gorskaya. M.: Nauka, 2001. 283 s.
21. Furubotn E.H.G., Rikhter R. Instituty i ehkonomicheskaya teoriya. Dostizheniya novej institucional'noj ehkonomicheskoy teorii / Per. s angl. pod red. V.S. Kat'kalo i N.P. Drozdovoj. SPb.: Izdatel'skij dom Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2005. 701 s.
22. Allen Douglas W. Homesteading and Property Rights: Or How the West Was Really Won // Journal of Law & Economics. 1991. Vol. 34. № 1. Pp. 1–23.
23. Alston L. J., Harris E. and Mueller B. De facto and de jure property rights: Land settlement and land conflict on the Australian, Brazilian and U.S. frontiers. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research. Working paper №15264.
24. Alston L.J., Mueller B. 2010. Property Rights, Land Conflict and Tenancy in Brazil. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research. Working paper №15771.
25. Alston L. J., Harris E. and Mueller B. property Rights, Land Conflict and Tenancy in Brazil. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research. Working paper № 15771.
26. Anderson T., Hill P.J. The Race for Property Rights // Journal of Law & Economics, 1990. №33. Pp. 177–197.
27. Dye A., La Croix S. The Political Economy of Land Privatization in Argentina and Australia, 1810–1850: a Puzzle // The Journal of Economic History, 2013. № 73. Vol.4. Pp. 901–936.
28. Kerekes C. B., Williamson, C. R. Propertyless in Peru, Even with a Government Land Title // American Journal of Economics and Sociology, 2010. Vol. 69. Pp. 1011–1033.

29. Murtazashvili I., Murtazashvili J. Anarchy, self-governance, and legal titling // Public Choice. 2015. № 162 (3-4). P. 287–305.

Рыжова Н.П., Гузей Я.С., Карбаинов Н.И. Институт собственности на землю: захваты, "ресурсное изобилие" и особенности инфорсментна на российском Дальнем Востоке.

Способствуют ли земельные захваты формированию института частной собственности? Могут ли захваты в одних условиях становиться фундаментом для института частной собственности на землю, а в других – препятствовать его формированию? Статья представляет собой попытку ответить на эти вопросы, обращаясь к опыту колонизации российского Дальнего Востока. В частности, обсуждается, как специфические национальные и/или локальные основания изменяют стимулы в результате чего отношения собственности приобретают культурную специфику.

Ключевые слова: захваты, институт собственности на землю, периферия, стимулы и основания, российский Дальний Восток

Ryzhova N.P., Guzej YA.S., Karbainov N.I. Property right over land: seizures, "recourse abundance" and features of enforcement in the Russian Far East.

Do land seizures contribute to the formation of private property? Can seizures in some conditions become the foundation for the private ownership of land, and in others – prevent its formation? What incentives and conditions affecting them contribute to "rejecting" or approaching the "ideal", if such exists, private property? The article is an attempt to answer these questions, referring to the experience of the colonization of the Russian Far East. For these purposes, the authors critically use the Alston, Miller et al model in which property rights universally evolve along with the progress of colonization. That is initially the land of "open access" is seized; then, thanks to club enforcement, de facto property is formed; Further, the state, guided by the incentive to extract rent, offers an enforcement that consolidates de jure property. The article discusses that specific national and / or local grounds change incentives and, as a result, property relations acquire cultural specificity. With regard to the case of the Russian Far East, this means that although the seizures contributed to the formation of the institution of private property, it was by no means identical to the institutions that were formed during the development of other "open access" lands.

Key words: housing, mass culture, cinema, mass anxiety, locality, oikophobia

Для цитирования: Рыжова Н.П., Гузей Я.С., Карбаинов Н.И. Институт собственности на землю: захваты, "ресурсное изобилие" и особенности инфорсментна на российском Дальнем Востоке // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 1. С. 114–122. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/114-122

For citation: Ryzhova N.P., Guzej YA.S., Karbainov N.I. Property right over land: seizures, "recourse abundance" and features of enforcement in the Russian Far East // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 1. P. 114–122. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/114-122

Социально-демографическая составляющая человеческого капитала на субрегиональном уровне (исследование на примере Владивостокского городского округа)

Введение

Человеческий капитал в широком смысле представляет собой производительный фактор социально-экономического, культурно-нравственного и интеллектуально-инновационного развития общества. Особенности и тенденции развития человеческого капитала той или иной страны (территории, округа, города, района и т.д.) рассматриваются через систему факторов и показателей, характеризующих уровень демографического и социально-экономического развития.

Социально-демографический фактор включает в себя широкий пласт фундаментальных отношений между людьми, формирующих базовые параметры развития человеческого общества и лежащих в основе разработки методов управления с целью реализации и эффективного использования человеческого капитала. Как показывают многочисленные исследования, такие социально-демографические составляющие, как численность народонаселения, его половозрастная и профессионально-квалификационная структуры, динамика урбанизации, формат семейного уклада и т.д., в значительной степени определяют уровень развития человеческого капитала, являющегося сегодня одним из наиболее важных факторов устойчивого развития нации [2; 4]. За 1990–2010 гг. в российском обществе произошли существенные трансформации, и в современных условиях влияние социально-демографических факторов на человеческий капитал далеко не исчерпано, поэтому должно подвергаться разностороннему и глубокому анализу с целью оптимизации регулирующего воздействия на социум. Кроме того, существенная дифференциация регионов России по географическому и экономическим признакам обнажает целый ряд специфических для каждой территории социально-демографических проблем. В силу этого целесообразно опускать исследования человеческого капитала на региональный уровень и ниже для более широкого охвата проблемы эмпирическими данными.

В настоящее время научные исследования охватывают, главным образом, макро-, микро уровень, а также региональный аспект развития человеческого капитала как наиболее актуальный для отечественной экономики. Субрегиональный (муниципальный) уровень рассматривается пока не так пристально, хотя его роль в управлении экономикой и социумом чрезвычайно важна: именно на этом уровне идёт непосредственное взаимодействие государства и бизнеса, реализуются многие социально-экономические решения, а также функционируют локальные подразделения предприятий федерального и транснационального уровней [3, с. 258].

Фундаментальной научной задачей, решению которой способствует данное исследование, является оценка социально-демографического фактора в развитии человеческого капитала на субрегиональном уровне. Целью настоящего исследования является изучение социально-демографической составляющей человеческого капитала на субрегиональном уровне, взятого на примере Владивостокского городского округа (сокращённо – ВГО).

Методологически исследование опирается на современные положения теории человеческого капитала, в особенности те, которые нашли отражение в трудах российских учёных, рассматривающих человеческий капитал не только как совокупность образовательных и профессиональных характеристик, которыми обладает население в целом, но и присущих им духовных, психофизических и демографических качеств [7, с. 90; 16]. Принимая во внимание российскую специфику, формирование человеческого капитала за счёт социально-демографической составляющей представляется фундаментом дальнейшего развития территорий на региональном и субрегиональном уровнях. Исследование данной составляющей предполагает пристальное изучение двух компонент: демографического потенциала, характеризующего возможности воспроизводства населения территории, и социально-трудового потенциала, отражающего способность населения осуществлять общественно полезную трудовую деятельность.

Социально-демографическое развитие Владивостока в историческом контексте

История заселения Владивостока, развития его человеческого капитала отражает все социально-экономические и военно-политические процессы, происходившие в городе на протяжении всего периода освоения стратегически важного, но большого по территории и слабо заселенного Дальневосточного региона России. По сравнению с большинством городов центральной части России, имеющих многовековую историю, Владивосток имеет ряд существенных отличий, связанных, во-первых, с его удалённостью, во-вторых, с его относительной молодостью, в-третьих, с интенсивностью его освоения. Все это наложило отпечаток на динамику и характер формирования демографического, трудового и социального потенциалов города.

Рассматривая историю формирования народонаселения и человеческого капитала Владивостока, можно выделить следующие предпосылки его социально-демографического развития в соответствии с периодизацией:

- укрепление военно-политического присутствия России в Азии (1860–1920-е гг.);
- активное освоение территории, развитие промышленного производства и портового хозяйства (1930–1980-е гг.);
- разрушение накопленного экономического и демографического потенциалов (1990 гг.);
- развитие рыночного хозяйства и повышение качества жизни, связанного с превращением Владивостока в международный центр экономического сотрудничества в АТР (2000–2010-е гг.) [8].

Со второй половины XIX в. до второй половины XX в. на развитие демографического и трудового потенциалов воздействовали экзогенные факторы, а именно: укрепление военно-политической мощи и построение советского народно-хозяйственного комплекса. Демографическая политика являлась вторичной по отношению к экономической и основывалась на миграционных методах привлечения населения. С 1990-х гг. преобладающими стали эндогенные факторы, а с конца 2000-х гг. в связи с новым курсом стратегического развития Дальнего Востока сочетаются как экзогенные, так и эндогенные факторы. Наглядно и обобщённо информация об этапах формирования человеческого капитала Владивостока представлена в *таблице 1*.

Вплоть до 1990 г. за счёт различных мер, принимаемых государством, и активного репродуктивного поведения населения, численность населения Владивостока росла темпами, опережающими темпы роста населения в целом по России (*таблица 2*).

За период с 1926 г. по 1989 г. (период между первой и последней советскими переписями) население города увеличилось в 6,4 раза, в то время как население Дальнего Востока возросло в 5 раз, а население России – в 1,9 раза. Будучи основанным в 1861 г. на расстоянии более 9 тысяч километров от центра страны, к 1989 г. Владивосток занимал по численности населения 10-е место среди 33-х советских городов с количеством жителей от 500 до 999,9 тыс. чел., а по темпам роста численности населения – 13-е место среди данных городов [11]. Всего лишь через 128 лет после своего основания Владивосток имел население, сопоставимое по численности с такими стары-

Таблица 1. Факторы формирования человеческого капитала Владивостокского городского округа

Период	Цели и задачи развития человеческого капитала	Методы формирования населения	Созданный демографический потенциал
Вторая половина XIX в. – начало XX в.	Создание военной базы на Тихом океане, аграрное переселение, заселение пограничных территорий (внешние факторы)	Централизованная государственная политика, массовые переселения из внутренних губерний России	К 1926 г.: 98,9 тыс. чел.
1926 – 1939 гг.	Освоение территории, создание промышленной базы за счёт перехода к индустриальному развитию (внешние факторы)	Добровольные переселения, принудительные переселения политзаключённых. Предоставление льгот добровольным переселенцам	К 1939 г. 206,4 тыс. чел.
1939 – 1959 гг.	Создание и развитие сильной добывающей отрасли, оборонной промышленности (внешние факторы)	Организованные наборы с предоставлением льгот. Введение надбавок к заработной плате	К 1959 г.: 290,6 тыс. чел.
1959 – 1970 гг.	Комплексное развитие производительных сил города, создание промышленной и социальной инфраструктуры (внешние факторы)	Организованные наборы с предоставлением льгот, общественный призыв. Кредитование строительства домов для переселенцев	К 1970 г.: 440,9 тыс. чел.
1970 – 1979 гг.	Комплексное развитие производительных сил города, промышленной и социальной инфраструктуры (внешние факторы)	Предоставление монетарных льгот: введение коэффициентов и надбавок к зарплате, предоставление подъёмных средств выпускникам, льгот для самостоятельных переселенцев	К 1979 г.: 549,8 тыс. чел.
1979 – 1990 гг.	Комплексное развитие производительных сил города, промышленной и социальной инфраструктуры, стремление улучшить качество жизни (внешние факторы)	Действие введённых ранее надбавок, улучшение социально-бытового обслуживания	К 1989 г.: 633,8 тыс. чел.
1991 – первая половина 2000-х гг.	Выживание населения в условиях разрушения социально-экономического потенциала (внутренние факторы)	Ориентация на предпринимательскую деятельность, самозанятость, "челночную" торговлю с Китаем	К 2009 г.: 578,6 тыс. чел.
Конец 2000-х – 2010-е гг.	Реализация стратегических инвестиционных проектов по развитию добывающих отраслей. Развитие города как центра международного сотрудничества в АТР (сочетание внешних и внутренних факторов)	Закрепление имеющего населения путём повышения качества жизни: обеспечение занятости, предоставление образовательных, медицинских и культурных услуг	К 2015 г.: 631,4 тыс. чел. (ВГО)

Источник: составлено на основе: [10; 12].

ми городами, как Воронеж, Запорожье, Кривой Рог, Кишинёв, Ижевск. Уже к 1990 г. по количеству жителей Владивосток превзошёл Ярославль, Тольятти, Ульяновск, Краснодар, Фрунзе, Хабаровск, Новокузнецк, Душанбе, Вильнюс, Оренбург, Пенза, Тулу, Кемерово, Рязань, Астрахань, Томск, Гомель и другие города.

В 1990-х гг., в период рыночных реформ, кардинально изменивших тип хозяйствования в стране и концепцию освоения Дальнего Востока, экзогенные факторы сменились эндогенными, не предполагавшими какие-либо резервы для наращивания человеческого капитала города и региона в целом. В

Таблица 2. Сопоставление темпов прироста населения СССР, Дальнего Востока и города Владивостока за 1926–1989 гг., %

Периоды	1926–1939	1939–1959	1959–1970	1970–1979	1979–1989
Вся страна (СССР)	16,1	22,4	15,8	8,4	9,0
Дальний Восток	87,5	60,0	20,8	17,2	17,6
Владивосток	108,7	40,8	51,7	24,7	15,3

Источник: составлено на основе: [10; 11; 12].

отличие от внешних факторов, внутренние действовали на население выталкивающим образом, что привело к депопуляции Владивостока, разрушению накопленного трудового потенциала, появлению циклической безработицы и углублению социальных проблем. С 1992 г., впервые за всю историю Владивостока, началось падение численности населения, сокращение трудовых ресурсов и ухудшение их возрастной структуры. За годы падения – 1992–2009 гг. – численность населения снизилась на 66 тыс. чел., а демографический потенциал города вернулся почти на 30 лет назад, к уровню начала 1980-х гг.

За первые 130 лет своего существования Владивосток реализовал себя как военно-морская и промышленная база России на Дальнем Востоке. Следующие 20 лет (1990–2000-е гг.) показали, насколько хрупким и нестабильным может оказаться человеческий капитал. В 2000-х гг. вернулось понимание стратегических проблем, связанных с потерей человеческих ресурсов на Дальнем Востоке, в результате чего усилилось внимание государства к региону и его ключевым городам. Государственная поддержка выразилась в реализации целого ряда программ по развитию Дальнего Востока, Приморского края и, конечно, Владивостока как восточной столицы России.

Реалии сегодняшнего дня говорят о том, что, наряду с централизованными мерами, немаловажную, а подчас и приоритетную роль в развитии трудового потенциала играет использование имеющихся у города собственных, внутренних преимуществ. Накопленная экономическая мощь должна быть конвертирована в качество среды, в долгосрочные жизненные стратегии людей, живущих в городе.

В 2010-х гг. в России чётко оформилась государственная политика, направленная на ускоренное развитие Владивостока как центра международного сотрудничества в АТР. Как показал советский опыт, экономический рост и значительные финансовые вливания ещё не означают накопления человеческого капитала и устойчивого роста качества жизни. Следовательно, федеральные и региональные цели развития должны быть дополнены собственными целями развития Владивостока, достижение которых повысит качество жизни жителей города до уровня, позволяющего сначала стабилизировать численность населения, а затем постепенно его наращивать. Фактически, это означает переход от экстенсивной стратегии формирования народонаселения "люди для экономики" к инновационной концепции развития человеческого капитала "экономика для людей", предполагающей повышение привлекательности города для жизни, работы, творчества и самореализации.

Демографический потенциал Владивостокского городского округа на современном этапе

Первые же попытки государства с конца 2000-х гг. совместить грандиозные планы экономического развития города и края с элементами инновационной стратегии по развитию человеческого капитала привели к определённым позитивным сдвигам в сферах, традиционно связанных с уровнем комфортности жизни: занятости, образовании, в том числе дошкольном, здравоохранении, ЖКХ, социальной политики и т.д. Результатом этого стал постепенный рост населения Владивостокского городского округа до относительно устойчивого уровня 633 тыс. чел. к 2016 г. (таблица 3).

Таблица 3. Динамика численности населения Владивостокского городского округа за 2009-2018 гг.

Год	Тыс. чел.
2009	605,2
2010	616,8
2011	616,0
2012	622,7
2013	625,9
2014	630,0
2015	631,4
2016	633,2
2017	633,4
2018	633,1

Источник: составлено на основе: [1].

Следует отметить, что положительные моменты имеют оба механизма роста численности населения – и естественный, и миграционный. Так, естественное движение населения Владивостока с 2009г. характеризуется непрерывным приростом числа родившихся вплоть до 2015 г. и снижением числа умерших, вследствие чего до 2016 г. прослеживалась тенденция к сокращению естественной убыли. В 2013 г., впервые за 20 лет (с 1993 г.) в городе был зафиксирован естественный прирост в 67 человек, который достиг максимума в 2015 г. в количестве 727 человек и снова принял отрицательные значения в 2017 г. в количестве 433 человек (таблица 4).

Важной чертой естественного движения населения является постепенное снижение уровня смертности в трудоспособном возрасте, как в абсолютных, так и в относительных показателях: в 2009 г. уровень смертности указанной категории людей составлял 3,788‰, в 2012 г. – 3,136‰, в 2016 г. – 3,119‰.

Таблица 4. Динамика естественного движения населения Владивостокского городского округа за 2010–2017 гг., чел.

Год	Численность родившихся	Численность умерших	Разница между родившимися и умершими
2010	6 327	7 330	-1 003
2011	6 498	7 258	-760
2012	6 752	7 080	-328
2013	6 987	6 920	67
2014	7 180	6 857	323
2015	7 634	6 907	727
2016	7 402	6 998	404
2017	6 494	6 927	-433

Источник: составлено на основе: [1].

Таблица 5. Динамика миграционного движения ВГО за 2011-2017 гг.

Показатель	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Прибывшие, чел.	26 298	23 918	24 729	23 698	24 497	23 991	23 551
Выбывшие, чел.	18 854	20 415	20 637	22 546	23 444	24 148	23 430
Миграционный прирост, чел.	7 444	3 503	4 092	1 152	1 053	-157	121
Степень миграционной активности населения, %	7,33%	7,12%	7,25%	7,34%	7,59%	7,60%	7,42%
Уровень миграционной привлекательности города, %	16,5%	7,9%	9,0%	2,5%	2,2%	-0,3%	0,3%

Источник: составлено на основе: [1].

Миграция населения во Владивостоке в 2011–2017 гг. в целом характеризуется ежегодным положительным сальдо (таблица 5).

Как видно из таблицы 5, за период 2011–2017 гг. по миграционному каналу население Владивостока увеличилось более чем на 17 тыс. чел. Основными донорами, пополняющими население города, являются субъекты Дальневосточного федерального округа (69% всех прибывших) и другие регионы России (27%). Если рассматривать структуру источников миграционного роста нарастающим итогом за более длительный период – 1989–2015 гг., то можно отметить, что 52% пополнения населения города – это жители Приморского края, 25% – жители других регионов Дальнего Востока и Сибири, 15% – прибывшие из регионов европейской части России и 8% – из стран СНГ [1; 11].

Особенностью миграционного движения в ВГО является умеренная степень миграционной активности населения – в среднем, 7,4% за 2011–2017 гг. К сожалению, доля населения, предпринимающего активные попытки уехать из города навсегда, за последние годы не уменьшилась и даже возросла на 24%. Уровень миграционной привлекательности, рассчитываемый как отношение абсолютного прироста к общему числу миграционно активного населения, снизился вслед за миграционным приростом с 16,5% в 2011 г. до 0,3% в 2017 г.

Анализируя место города в общей демографической системе России, можно отметить, что в настоящее время Владивосток входит в 50 самых крупных городов России, занимая в этом списке 24-е место по численности населения. Согласно переписи населения 2010 г., Владивосток занимал 11-е место среди 25-ти российских городов с количеством жителей от 500 до 999,9 тыс. чел. В 2017 г. по численности населения Владивосток уступил таким сопоставимым с ним городам, как Воронеж, Саратов, Краснодар, Тольятти, Барнаул, Тюмень, Ижевск, Ульяновск, Иркутск, но превосходил Оренбург, Новокузнецк, Томск, Кемерово, Рязань, Астрахань, Пензу, Тулу, Калининград, Курск, Ставрополь, Иваново, Белгород, Сочи и другие российские города [1]. Наиболее близким к Владивостоку по характеристикам репродуктивного и миграционного поведения городом является Хабаровск. Отражая, в целом, демографические тенденции, присущие всей России, Владивосток и Хабаровск имеют свою дальневосточную специфику [13; 15].

Сегодня и в ближайшем будущем формирование народонаселения Владивостока будет идти благодаря как внешним, так и внутренним факторам, которые расширяют и дополняют друг друга в своём единстве. Развитие человеческого капитала и качество жизни должно рассматриваться как первичный, приоритетный, а не вторичный фактор развития города. Процветание Владивостока в будущем напрямую зависит от того, насколько многочисленным, здоровым, образованным и предприимчивым будет постоянное владивостокское население. Важным и перспективным инструментом реализации инновационной стратегии развития человеческого капитала являются Свободный порт Владивосток, территории опережающего развития, а также реализация международных инвестиционных проектов [5; 14]. Привлечение

Таблица 6. Численность трудоспособного населения ВГО за 2012–2018 гг.

Показатель	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Всего, тыс. чел.	411,8	410,5	409,5	405,8	401,7	397,2	392,7
Доля в общей численности населения, %	65,2%	65,0%	64,9%	64,3%	63,6%	62,9%	62,2%

Источник: составлено на основе: [1].

трудовых ресурсов на новые конкурентоспособные рабочие места должно осуществляться, главным образом, за счёт создания условий жизнедеятельности, отвечающих самым современным стандартам. Вместе с тем, следует развивать и расширять систему нематериальных стимулов закрепления населения в городе и регионе [9].

Различные варианты развития города предполагают разные сценарии его дальнейшего демографического развития. Так, инерционный сценарий к 2045 г. увеличит население на 26 тыс. чел., реалистичный – на 170 тыс. чел., оптимистичный – на 370 тыс. чел. Реализация какого-либо из сценариев будет зависеть от темпов и качества экономического роста [6].

Социально-трудовой потенциал Владивостокского городского округа: динамика и структура

К трудовым ресурсам относится часть населения, обладающая физическими, духовными и умственными способностями, необходимыми для осуществления трудовой деятельности. Данные способности выступают основой для формирования профессиональных навыков и умений. В широком смысле трудовые ресурсы – это потенциал использования ресурсов труда в процессе общественного производства на конкретной территории.

Анализ динамики и структуры трудовых ресурсов города включает в себя ряд количественных и качественных показателей, таких как:

- ◆ численность трудоспособного населения и его доля в общей численности населения;
- ◆ половозрастная структура трудоспособного населения;
- ◆ численность трудового резерва.

1. *Трудоспособное население* – это мужчины в возрасте 16–59 лет и женщины в возрасте 16–54 года за исключением инвалидов I и II групп, а также неработающих лиц трудоспособного возраста, получающих пенсии. Данные категории граждан выступают фундаментом трудовых ресурсов. По состоянию на 01.01.2018 г., общая численность трудоспособного населения ВГО составляла 392,7 тыс. чел., или 62,2% от общей численности населения. По данному показателю Владивосток превосходит Россию в целом, где доля трудоспособного населения составляет лишь 56% [1], однако нельзя забывать, что такая ситуация сложилась за счёт значительного сокращения численности и доли населения возрастов моложе трудоспособного (таблица 6).

Неблагоприятный прогноз количества трудоспособных граждан обусловлен регрессивной возрастной структурой, при которой численность пожилых граждан (старше 60 лет) существенно больше численности молодых (до 16 лет): на сегодняшний день их соотношение составляет 1,6, т.е. на 1000 молодых людей приходится 1600 пожилых. Такой дисбаланс возник как в результате "демографических ям" 1990-х гг., так и вследствие активной невозвратной миграции за пределы Владивостока. К сожалению, сложившаяся возрастная структура и дальше будет определять отрицательную динамику трудоспособного населения и усиливать степень социально-демографической нагрузки на юных владивостокцев. Поэтому городу не обойтись без дополнительных мер по привлечению населения из других регионов.

2. *Половозрастная структура трудоспособного населения* определяет качественные характеристики рабочей силы и оказывает непосредственное воздействие на предложение труда. Структура трудоспособного населения по возрастным группам представлена в таблице 7.

Таблица 7. Возрастная структура трудоспособного населения ВГО в 2018 г.

Возрастная категория населения	Удельный вес в общей численности трудоспособного населения
16-19 лет	5%
20-24 года	9%
25-29 лет	15%
30-34 года	15%
35-39 лет	13%
40-44 года	12%
45-49 лет	11%
50-54 года	10%
55-59 лет	10%

Источник: составлено на основе: [1].

Как видно из *таблицы 7*, наибольшую долю – 15% – занимают граждане Владивостока в возрасте 25–29 лет и 30–34 года: их совокупная численность составляет 125,1 тыс. чел. Общая численность молодых людей в рабочем возрасте, рассчитанная по методике Международной организации труда и включающая возрастные группы от 16 до 35 лет, составляет около 237,4 тыс. чел., или 60,5% общего количества трудоспособных по возрасту граждан. Для сравнения: в целом по России доля трудоспособных граждан до 35 лет в общей численности дееспособных по возрасту граждан составляет 46,2%, т.е. меньше, чем во Владивостоке. В целом, можно сказать, что возрастная структура трудоспособного населения ВГО достаточно сбалансирована, что пока благотворно отражается на преемственности поколений.

Гендерная структура близка к оптимальной, существенных перекосов в численности мужчин и женщин не наблюдается ни в одной возрастной группе. Вопреки распространённому мнению о превышении количества женщин и "нехватке" мужчин, женщин в трудоспособном возрасте на 21,6 тыс. чел. меньше, чем мужчин. Устойчивое превышение женского населения наблюдается только в возрастных группах после 50 лет (*таблица 8*).

3. *Трудовой резерв* – это дополнительный источник трудовых ресурсов из числа тех, кто по возрасту не входит в категорию трудоспособного населения. Обычно трудовой резерв складывается из подростков 14–15 лет, желающих работать, и пенсионеров до 70 лет, не завершивших свою трудовую деятельность. Обе категории могут относиться к экономически активному населению, формируя занятость. В *таблице 9* представлен текущий и прогнозируемый трудовой резерв в условиях сохранения продолжительности жизни, а также влияние резерва на общую численность трудовых ресурсов города.

Как видно из *таблицы 9*, в настоящее время трудовой резерв Владивостока составляет 64,0 тыс. чел. Это значит, что в случае "перегрева" экономики, т.е. при критически высоких темпах роста, город может дополнительно рассчитывать на 64,0 тыс. чел. рабочей силы. Молодёжь 14–15 лет составляет всего лишь 15,6% имеющегося резерва, остальную часть составляют пенсионеры. Несмотря на небольшой прогнозируемый рост резерва на 2022 г., настаивает его глубокий возрастной перекоп: город не сможет долго пользоваться резервом.

Таким образом, максимальная численность трудовых ресурсов Владивостока с учётом трудоспособного населения и трудовых резервов составляет 456,7 тыс. чел., при этом, 86,0% ресурсов занимает трудоспособное население, 11,8% – резерв из числа пенсионеров и только 2,2% – резерв из числа молодёжи.

Таблица 8. Гендерная структура трудоспособного населения ВГО в 2018 г.

Возрастная группа, лет	Оба пола, тыс. чел.	в т.ч. мужчины, тыс. чел.	Доля мужчин, %	в т.ч. женщины, тыс. чел.	Доля женщин, %
16-19	22 107	12 357	55,9%	9 750	44,1%
20-24	35 881	20 364	56,8%	15 517	43,2%
25-29	63 146	30 680	48,6%	32 466	51,4%
30-34	61 980	30 800	49,7%	31 180	50,3%
35-39	54 326	26 823	49,4%	27 503	50,6%
40-44	49 477	24 438	49,4%	25 039	50,6%
45-49	46 262	23 151	50,0%	23 111	50,0%
50-54	40 727	19 721	48,4%	21 006	51,6%
55-59	18 820	18 820	100,0%		
Всего	392 726	207 154	52,7%	185 572	47,3%

Источник: составлено на основе: [1].

Выводы

На основе проведённого исследования можно сделать следующие выводы.

1. Исторический опыт развития Владивостокского городского округа отражает чёткую периодизацию процесса создания социально-демографического и трудового потенциалов и позволяет обозначить наиболее эффективные методы формирования человеческого капитала. Со второй половины XIX в. до второй половины XX в. социально-демографическое развитие шло под воздействием укрепления военно-политической мощи страны и становления советского народно-хозяйственного комплекса. Численность населения города росла темпами, опережающими общесоветские темпы роста. Начиная с 1990-х гг., появление циклической безработицы и углубление социальных проблем привели к депопуляции Владивостока, разрушению накопленного трудового потенциала.

2. Демографический потенциал – важный индикатор, характеризующий количественный базис человеческого капитала на территории. Так же, как и другие российские города, Владивосток сталкивается с проявлениями демографического кризиса, среди которых в текущем десятилетии можно выделить главные:

- возвращение к отрицательному естественному приросту населения;

Таблица 9. Трудовой резерв ВГО в 2018 г. и прогноз на 2022 г., тыс. чел.

Показатель	2018 г.	2022 г.	Прогнозируемое изменение 2022 к 2018 гг., тыс. чел.
Всего резерв	63,95	72,94	9,0
– в т.ч. за счёт молодых людей 14-15 лет	9,98	10,38	0,4
– в т.ч. за счёт пожилых людей: женщин 55–70 лет и мужчин 60–70 лет	53,96	62,56	8,6
Общая численность трудовых ресурсов	456,65	455,25	-1,4

Источник: составлено на основе: [1].

- постоянное снижение миграционного прироста и соответствующее ему снижение уровня миграционной привлекательности;
- постепенный рост миграционной активности за счёт людей, желающих уехать за пределы города.

На сегодняшний день демографический фактор продолжает оказывать негативное влияние на количественные характеристики человеческого капитала, снижая возможности формирования народонаселения в городе и регионе в целом. По сравнению с 1990-ми гг. скорость протекания негативных процессов несколько замедлилась, но, к сожалению, не поменяла своего знака.

3. Социально-трудовой потенциал оказывает влияние на качественную структуру накопленного человеческого капитала по половозрастному признаку. Численность трудоспособного населения ВГО составляет 392,7 тыс. чел., или 62,2% от общей численности населения, и имеет отрицательную динамику из-за регрессивной возрастной структуры населения. По сравнению с другими городами трудоспособное население округа на сегодняшний день имеет достаточно сбалансированную внутреннюю структуру по полу и возрасту. Общие трудовые ресурсы оцениваются в 456,7 тыс. чел., или 72% его населения. В то же время трудовые резервы города имеют неоптимальную возрастную структуру, и при отсутствии естественного прироста населения в долгосрочной перспективе они будут сокращаться. Таким образом, продолжающееся постепенное старение населения, сокращение величины трудового резерва – одна из главных причин замедления омоложения трудовых ресурсов, снижения его экономической активности в обозримой перспективе и способности к расширенному воспроизводству. Основная сложность состоит в том, что улучшение количественных и качественных характеристик человеческого капитала – тяжёлый и долгий процесс, требующий отвлечения значительного объёма средств и усилий многих поколений.

Литература

1. База данных показателей муниципальных образований // Сайт Федеральной службы государственной статистики РФ [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (дата обращения: 13.10.2018).
2. Бобылев С.Н., Кудрявцева О.В., Соловьёва С.В. Индикаторы устойчивого развития для городов // Экономика региона. 2014. № 3 (39). С. 101–110.
3. Булатова О.В. Структурно-уровневая организация системы управления экономической субрегиональных структур // Бизнес в законе. 2010. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturno-urovnevaya-organizatsiya-sistemy-upravleniya-ekonomikoy-subregionalnyh-struktur> (дата обращения: 13.10.2018).
4. Варавва М.Ю. Витальные ресурсы российского человеческого капитала: индикаторы состояния, факторы формирования и тренды развития // Вестник НГУЭУ. 2016. № 4. С. 238–252.
5. Варкулевич Т.В., Пашук Н.Р. Основные проблемы функционирования Свободного порта Владивосток как фактора развития экономики Приморского края // Проблемы современной экономики. 2018. № 1 (65). С. 132–135.
6. Демографический ежегодник Приморского края: статистический сборник. Федерал. служба гос. статистики, Территор. орган федерал. службы гос. статистики по Прим. краю. Владивосток: Приморскстат, 2017. 96 с.
7. Ионцев В.А., Магомедова А.Г. Демографические аспекты развития человеческого капитала в России и её регионах // Экономика региона. 2015. № 3 (43). С. 89–102.
8. Красова Е.В. Трудовой потенциал Дальнего Востока в системе экономического развития и укрепления национальной безопасности России // Национальная безопасность / nota bene. 2016. № 6 (47). С. 720–729.
9. Кузубов А.А. Формирование нематериальной составляющей групповой трудовой мотивации // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7. № 1 (22). С. 147–150.
10. Мотрич Е.Л., Кравчук С.А. Государственная политика хозяйственного освоения и заселения Дальнего Востока с конца XIX в. до середины 1980-х гг. // Вестник ДВО РАН. 2006. № 6. С. 120–128.
11. Население России 2006: Четырнадцатый ежегодный демографический доклад. Отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. 229 с.
12. Население СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. / Госкомстат СССР/. М.: Финансы и статистика, 1990, 45с.

13. Рябченко С.А. Роль человеческого капитала в социально-экономическом развитии Дальневосточного федерального округа // Современные тенденции политического, экономического развития и проблемы управления в странах АТР. Материалы I научно-практической конференции с международным участием. Ред. В.Ф. Печерица, А.С. Белов, Е.И. Бережнова, В.А. Останин, С.Г. Пушкарёв. Владивосток, 2014. С. 235–244.

14. Сапунов А.В., Красова Е.В. Историко-экономический обзор важнейших инвестиционных проектов между Россией и Республикой Кореей в Приморском крае // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2012. № 1 (14). С. 74–83.

15. Сидоркина З.И. Миграция в крупных городах Дальнего Востока // Региональные проблемы. 2015. Т. 18. № 3. С. 15–22.

16. Симонян Р.Х., Кочегарова Т.М. Человеческий капитал современной России: социально-экономические и демографические аспекты // Сегодня и завтра Российской экономики. 2017. № 85. С. 5–15.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Baza dannykh pokazatelej munitsipal'nykh obrazovanij // Sajt Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki RF [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (data obrashheniya: 13.10.2018).

2. Bobylev S.N., Kudryavtseva O.V., Solovyova S.V. Indikatory ustojchivogo razvitiya dlya gorodov // Экономика региона. 2014. № 3 (39). С. 101–110.

3. Bulatova O.V. Strukturno-urovnevaya organizatsiya sistemy upravleniya ehkonomikoj subregional'nykh struktur // Biznes v zakone. 2010. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturno-urovnevaya-organizatsiya-sistemy-upravleniya-ekonomikoy-subregionalnyh-struktur> (data obrashheniya: 13.10.2018).

4. Varavva M.YU. Vital'nye resursy rossijskogo chelovecheskogo kapitala: indikatory sostoyaniya, faktory formirovaniya i trendy razvitiya // Vestnik NGUEHU. 2016. № 4. С. 238–252.

5. Varkulevich T.V., Pashuk N.R. Osnovnye problemy funkcionirovaniya Svobodnogo porta Vladivostok kak faktora razvitiya ehkonomiki Primorskogo kraja // Problemy sovremennoj ehkonomiki. 2018. № 1 (65). С. 132–135.

6. Demograficheskij ezhegodnik Primorskogo kraja: statisticheskij sbornik. Federal. sluzhba gos. statistiki, Territor. organ federal. sluzhby gos. statistiki po Prim. krayu. Vladivostok: Primorskstat, 2017. 96 s.

7. Iontsev V.A., Magomedova A.G. Demograficheskie aspekty razvitiya chelovecheskogo kapitala v Rossii i eyo regionakh // Экономика региона. 2015. № 3 (43). С. 89–102.

8. Krasova E.V. Trudovoj potentsial Dal'nego Vostoka v sisteme ehkonomicheskogo razvitiya i ukrepleniya natsional'noj bezopasnosti Rossii // Natsional'naya bezopasnost' / nota bene. 2016. № 6 (47). С. 720–729.

9. Kuzubov A.A. Formirovanie nematerial'noj sostavlyayushhej gruppovoj trudovoj motivatsii // Azimut nauchnykh issledovanij: ehkonomika i upravlenie. 2018. Т. 7. № 1 (22). С. 147–150.

10. Motrich E.L., Kravchuk S.A. Gosudarstvennaya politika khozyajstvennogo osvoeniya i zaseleniya Dal'nego Vostoka s kontsa XIX v. do serediny 1980-kh gg. // Vestnik DVO RAN. 2006. № 6. С. 120–128.

11. Naselenie Rossii 2006: CHetyrnadtsatij ezhegodnyj demograficheskij doklad. Otv. red. A.G. Vishnevskij. M.: Izd. dom GU VSHEH, 2008. 229 s.

12. Naselenie SSSR: po dannym Vsesoyuznoj perepisi naseleniya 1989 g. /Goskomstat SSSR/. M.: Finansy i statistika, 1990, 45s.

13. Ryabchenko S.A. Rol' chelovecheskogo kapitala v sotsial'no-ehkonomicheskom razvitii Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga // Sovremennye tendentsii politicheskogo, ehkonomicheskogo razvitiya i problemy upravleniya v stranakh ATR. Materialy I nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Red. V.F. Pecheritsa, A.S. Belov, E.I. Berezhnova, V.A. Ostanin, S.G. Pushkarev. Vladivostok, 2014. С. 235–244.

14. Sapunov A.V., Krasova E.V. Istoriko-ehkonomicheskij obzor vazhnejshikh investitsionnykh projektov mezhdru Rossiej i Respublikoj Koreej v Primorskome krae // Territoriya novykh vozmozhnostej. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ehkonomiki i servisa. 2012. № 1 (14). С. 74–83.

15. Sidorkina Z.I. Migratsiya v krupnykh gorodakh Dal'nego Vostoka // Regional'nye problemy. 2015. Т. 18. № 3. С. 15–22.

16. Simonyan R.KH., Kochegarova T.M. Chelovecheskij kapital sovremennoj Rossii: sotsial'no-ehkonomicheskie i demograficheskie aspekty // Segodnya i zavtra Rossijskoj ehkonomiki. 2017. № 85. С. 5–15.

Красова Е.В. Социально-демографическая составляющая человеческого капитала на субрегиональном уровне (исследование на примере Владивостокского городского округа)

На основе изучения истории формирования народонаселения, анализа важнейших демографических и социально-трудовых показателей рассмотрены особенности развития социально-демографической составляющей человеческого капитала Владивостокского городского округа. Автор обосновывает важность исследования человеческого капитала на субрегиональном уровне, даёт характеристику демографическому и социально-трудовому потенциалу города на современном этапе. Развитие человеческого капитала сегодняшнего Владивостока характеризуется достаточно трудным переходом от отрицательных тенденций к положительным в части естественного и миграционного прироста, оптимизации возрастной структуры и формирования трудового резерва.

Ключевые слова: *социально-демографическое развитие, человеческий капитал, Владивостокский городской округ, демографический потенциал, социально-трудовой потенциал*

Krasova E.V. Socio-demographic component of human capital at the subregional level (on the example of Vladivostok urban district)

Based on study of population formation history, as well as analysis of the most important demographic and socio-labor indicators, the socio-demographic component of the Vladivostok city human capital is considered in development. The author substantiates the importance of studying human capital at the subregional level, gives the assessment of demographic and socio-labor city potential in present days. The human capital of today's Vladivostok is characterized by rather difficult transition from negative to positive trends in terms of natural and migratory growth, optimization of age structure and labor reserve formation.

Key words: *Socio-demographic development, human capital, Vladivostok urban district, demographic potential, socio-labor potential*

Для цитирования: Красова Е.В. Социально-демографическая составляющая человеческого капитала на субрегиональном уровне (исследование на примере Владивостокского городского округа) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 4. С. 123–134. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/123-134

For citation: Krasova E.V. Socio-demographic component of human capital at the subregional level (on the example of Vladivostok urban district) // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 4. P. 123–134. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/123-134

УДК 323.28(5-191.2)

Комарова Т.М.

Демографическая безопасность и экстремизм в странах Центральной Азии

Современный мир представляет сложное переплетение отдельных региональных и локальных проблем, которые могут привести и к глобальным изменениям. Изменение равновесия в одном регионе может сказаться на приграничных территориях и в целом привести к дестабилизации ситуации в мире. Принято считать, что основу национальной безопасности составляют физическое выживание общества, сохранение суверенитета и территориальной целостности государства. [6; 8] Это чрезвычайно сложная многоуровневая функциональная система, одной из составных частей которой является демографическая. Именно её анализ может показать имеющиеся для развития общества угрозы в том или ином регионе как в настоящем, так и в будущем. Как отмечает Л.Л. Рыбаковский: "Демографическая безопасность – такое состояние демографических процессов, которое достаточно для воспроизводства населения без существенного влияния внешнего фактора и обеспечение человеческими ресурсами геополитических интересов государства" [10].

Для современного общества одной из самых злободневных является проблема терроризма и экстремизма. При этом демографические факторы являются ключевыми в возникновении конфликтов в развивающихся странах. Везде, где численность населения растёт высокими темпами, опережая рост валового внутреннего продукта, возникают тенденции к внутренним беспорядкам и насилию, а иногда и деструктивной международной политике или международному насилию. В результате быстрого роста численности населения, высокой безработицы возникают широкие маргинальные слои людей, начинающих отходить или уже отошедших от традиционных устоев, но не пришедшие к прогрессивным, у которых развивается собственная культурная идентичность, эти люди весьма активно воспринимают фундаменталистские идеи. Наибольшую опасность национальной безопасности любой страны, её культурному и социально-экономическому устройству несут организации, принадлежащие к направлениям исламского радикального фундаментализма и новым религиозным движениям деструктивного характера.

Экстремизм, как известно, в самом общем виде характеризуется как приверженность крайним взглядам и действиям, радикально отрицающим существующие в обществе нормы и правила, проявляющийся в разжигании расовой, межэтнической, профессиональной вражды, что в итоге приводит к беспорядкам, акциям гражданского неповиновения [1].

Среди факторов, которые могут способствовать росту экстремизма, ведущее значение имеют социально-экономические кризисы и их последствия, прежде всего, безработица и падение жизненного уровня людей, социально-экономические деформации и потрясения, религиозная рознь, стремление элит и их лидеров использовать религиозный фактор для достижения своих целей [9]. Социальную среду для религиозного экстремизма составляют в основном маргинальные и обездоленные слои населения, не удовлетворённые своим положением и не видящие дальнейших перспектив.

Одной из наиболее уязвимых социальных групп в обществе оказывается молодёжная среда. Влияние молодёжного экстремизма на общество обусловлено теми обстоятельствами, что данное явление затрагивает широкие круги населения, вызывает негативные эмоции у большинства его членов. Социальная динамика феномена связана с уровнем конфликтности в обще-

© Комарова Т.М., 2019

стве: накоплением неудовлетворённости существующим положением дел, возрастанием притязаний, изменением самосознания и социального самочувствия индивидов и социальных групп [2]. Но при этом, как правило, молодому человеку очень сложно объективно оценить существующие реалии. Он далеко не всегда способен безоговорочно воспринимать предлагаемые ему обществом правила поведения, ценности, нормы и условия существования, а иногда становится инструментом нагнетания общественной напряжённости в руках тех или иных политиков. Благоприятную почву для распространения экстремизма среди молодёжи создают низкий уровень образования и культуры, демографические проблемы, общее низкое состояние здравоохранения, безработица, наркомания, криминализация [19]. Многие из стран, в которых в настоящее время активно наблюдаются процессы экстремизма, достаточно молоды, в некоторых из них половина населения моложе 20 лет. Например, в Афганистане медиальный возраст населения – 17,5 лет, Ираке – 19,3, Палестине – 19,3, Сирии – 20,8 лет. Это, в основном, молодёжь, которая выросла в нищете, без образования, и она становится лёгкой добычей [17].

Рассмотрим ситуацию на постсоветском пространстве Центральной Азии, включающей в себя Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Выбор данного региона в качестве объекта исследования не случаен, так как на территорию России активно перемещаются мигранты из этих стран, в том числе, возможно, и с экстремистскими целями, и могут стать источником опасности для российского общества. Площадь региона составляет более 3,9 млн. кв. км. Численность населения на 2017 г. более 70 млн. человек [4]. Распад Советского Союза поставил перед странами региона ряд сложных проблем, которые коснулись всех сторон их жизни. С 1992 г. численность населения увеличилась на 30%. Ежегодный прирост населения составлял 1,5–2%, за исключением Казахстана, где с 1990–2002 гг. он был отрицательным [9].

В Центральной Азии резко обострились такие факторы нестабильности, как ослабление экономики, нарушение отлаженных экономических связей с другими странами, ранее входившими в состав СССР, что в итоге усилило бедность населения и привело к социальной и политической нестабильности. Помимо этого отчасти дестабилизирующую роль на страны данного региона оказывает соседство с Афганистаном. Как отмечают некоторые политики, в условиях обострения региональных противоречий наблюдается рост деструктивных сил, прикрывающихся религией, в первую очередь, исламских радикалов [9].

В целом, этнические, территориальные и религиозные проблемы сыграли весомую роль в развязывании гражданских войн, прокатившихся на территории этих стран в 1990-е гг. [6]. Социально-экономический кризис 90-х гг. XX в., быстрый рост населения, высокий процент молодого населения, высокая доля безработицы, особенно среди молодёжи, привели к распространению фундаментализма среди населения.

В связи с кризисными явлениями в экономике России, снижением курса рубля по отношению к основным мировым валютам, с конца 2013 г. усилился обратный отток легальных трудовых мигрантов на родину, особенно в Таджикистан и Узбекистан, что создало дополнительное негативное давление на социально-экономическую ситуацию в Центральной Азии. Кроме этого, в связи с изменением военно-политической ситуации в Сирии и Ираке, страны региона могут столкнуться с угрозой возвращения боевиков обратно домой. Как отмечают некоторые эксперты, их численность оценивается примерно в 5 тысяч человек [3].

Идея данной работы состоит в том, чтобы проанализировать взаимосвязь демографической безопасности и экстремизма в Центральной Азии. Расчёт интегрального показателя демографической безопасности был проведён на основе использования следующих показателей: коэффициента рождаемости, коэффициента смертности, коэффициента миграционного прироста, коэффициента младенческой смертности, коэффициента суммарной рождаемости, доля населения младше 15 лет, доля населения старше 65 лет, ожидаемая продолжительность жизни.

В основу методики по оценке состояния демографической безопасности положен метод индикативного анализа, позволяющий оценить наличие, ха-

Таблица 1. Классификация уровней безопасности

Интервалы величин показателя безопасности	Характеристика градаций
Менее 0,3	кризис
0,31-0,5	напряжённость
0,51-07	стабильность
0,71- 1	благополучие

Источник: составлено на основе: [18].

рактический и уровень проявления угроз в демографической сфере и их динамику. При оценке уровня и характера проявления угроз сравниваются фактические значения индикаторов демографической безопасности с их пороговыми значениями.

Интегральный индикатор демографической безопасности был рассчитан из среднего суммы отдельных показателей, указанных выше для каждого конкретного года. Для расчёта первоначально были использованы максимальные и минимальные значения каждого показателя среди стран мира на данный год. Затем был рассчитан интегральный показатель. Таким образом, рассчитанные показатели показывают динамику безопасности не среди стран Центральной Азии, а их положение в целом в мире. При этом, благодаря расчёту отдельных показателей, можно выявить и "слабые" места в демографической безопасности, на которые в дальнейшем необходимо обратить более пристальное внимание.

В настоящее время отсутствует общепринятый обобщающий индикатор, его предпочтительной заменой может быть многомерная средняя арифметическая, рассчитанная методом В.М. Рябцева, её выбор обусловлен тем, что исследуемые показатели имели абсолютные значения [11]. Основным преимуществом данного метода является определение весов стандартизированных индикаторов исходя из математических расчётов, а не на основе экспертных оценок. Кроме этого, возможно увеличение количества используемых показателей и в целом мониторинг ситуации. Здесь мы приводим формулы для расчёта

$$Y = (X - X_{\min}) / (X_{\max} - X_{\min}) \quad (1)$$

Y – уровень безопасности,

X – показатель n-региона,

X_{min} – минимальный мировой показатель,

X_{max} – максимальный мировой показатель.

В связи с тем, что рассчитанные таким образом некоторые индексы являются обратными, например, при расчёте смертности, формула приняла следующий вид:

$$Y = 1 - ((X - X_{\min}) / (X_{\max} - X_{\min})) \quad (2)$$

При мониторинге рейтинга страны в регионе предпочтителен интервальный анализ. Он позволяет более чётко классифицировать его изменения (таблица 1). При этом, чем выше показатель, тем стабильнее демографическая ситуация в регионе [18].

Анализ полученных интегральных показателей демографической безопасности в странах Центральной Азии за 2005–2016 гг. показал, что они имеют тенденцию к росту. Страны Центральной Азии, за исключением Туркменистана, с 2015 г. относятся к зоне демографической стабильности (таблица 2). Основной причиной отнесения Туркменистана к зоне демографической напряжённости является более низкая рождаемость (21 промилле) по сравнению с соседними странами (23–31 промилле) и связанные с ней низкие показатели суммарного коэффициента рождаемости, низкой доли детского населения в возрасте до 15 лет (23%), высокая младенческая смертность (43 промилле) [17].

Рассматривая демографическую безопасность стран Центральной Азии можно сказать, что страны демографически стабильны, идёт рост численно-

Таблица 2. Интегральный показатель демографической безопасности стран Центральной Азии)

	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Казахстан	0,43	0,50	0,53	0,52	0,52	0,46	0,53	0,53
Кыргызстан	0,49	0,53	0,58	0,56	0,58	0,55	0,60	0,59
Таджикистан	0,54	0,59	0,64	0,62	0,62	0,62	0,59	0,59
Туркменистан	0,48	0,50	0,51	0,50	0,51	0,49	0,49	0,46
Узбекистан	0,51	0,55	0,56	0,54	0,53	0,51	0,52	0,51

Источник: составлено на основе: [12; 13; 14; 15; 16; 17].

сти населения. Население демографически молодо, что может стать хорошим дивидендом для экономического роста, как это в своё время произошло в Китае. Согласно текущей мировой экономической конъюнктуре, ситуации в регионе и показателям, свидетельствующим об укреплении экономической активности, в 2018 г. ожидается продолжение экономического роста в странах Центральной Азии. По оценкам Всемирного банка, в Европе и Центральной Азии в среднем он достигнет 2,7%. Среднегодовые темпы экономического роста в Казахстане составят около 2–3%, в Кыргызстане 3–3,5%, Таджикистане 5–6%, а в Узбекистане и Туркменистане – около 6% [3].

Если при расчёте интегрального показателя демографической безопасности к вышеперечисленным демографическим показателям добавим экономические, такие как валовой внутренний продукт на душу населения, уровень безработицы, то мы сможем говорить о социально-демографической безопасности, при этом картина в странах Центральной Азии несколько изменится. Страны перейдут в зону социально-демографической напряжённости. Например, если мы рассчитаем интегральный показатель для 2011 г. на основе только демографических данных для Казахстана, то он составляет 0,53. Как только мы вводим один из предложенных выше экономических показателей (валовой внутренний продукт на душу населения), то интегральный показатель снижается до 0,49. И согласно классификации уровней безопасности страна переходит на уровень напряжённости. Падение показателей характерно для всех стран Центральной Азии.

Таджикистан, Кыргызстан, Узбекистан образуют конфликтный треугольник. Эти три страны являются наиболее проблемными в плане социально-демографической безопасности. Обеспечить работой быстро растущее население местные экономики не в состоянии. При этом эти страны имеют достаточно низкий ВВП на душу населения от 1150–1860 долларов на человека в 2005 г. до 3410–6640 долларов на человека в 2016 г. Более 30% ВВП Кыргызстана и 45% ВВП Таджикистана и 1\5 ВВП Узбекистана, по оценкам экспертов, формировались за счёт трудовых мигрантов. Начиная с 2015 г., уровень этих поступлений снизился до 26–29% [9; 7].

Основу экономики стран региона составляют добыча природных ресурсов и сельское хозяйство. В 2015 г. сохранялись негативные тенденции на мировых рынках сырьевых товаров, составляющих до 80–90% экспорта ряда стран Центральной Азии. Продолжилось снижение цен на металлы, спровоцированное главным образом сокращением спроса со стороны Китая и замедлением темпов роста его экономики. Как следствие, в 2015 г. наблюдалась масштабная девальвация национальных валют государств региона. Правительство Туркменистана девальвировало манат на 25% с начала 2015 г., сомони (Таджикистан) обесценился на 33%, курс киргизского сома опустился до минимального за несколько лет уровня (75,88 сома за дол.). Последним девальвацию провёл Казахстан, заявивший о переходе к плавающему валютному курсу и отмене валютного коридора, к концу 2015 г. тенге упал на 85%. Для ряда стран (например, для Казахстана) девальвация может обеспечить конкурентоспособность экспортной продукции. Однако для республик, нахо-

дящихся в высокой зависимости от импортных товаров, как Киргизия и Таджикистан, девальвация заметно усиливает негативные эффекты в экономике и социальной сфере [9].

Низкий уровень жизни населения, неуверенность в завтрашнем дне формируют у молодёжи чувство неудовлетворённости своим положением, что является питательной средой для распространения религиозного экстремизма. В дальнейшем это может привести к внутренним беспорядкам и насилию, что в итоге может открыть путь к установлению экстремистского режима при ослаблении существующей власти. Близость к существующим "горячим" точкам континента даёт дополнительные возможности для распространения влияния, прежде всего, исламского радикального фундаментализма в данных странах, где основная масса населения исповедует ислам.

Таким образом, за анализируемый период времени страны Центральной Азии можно отнести к странам демографически стабильным, за исключением Туркменистана. В то же время, рост численности трудоспособного населения, особенно молодого, является питательной средой для развития здесь фундаментализма, что в дальнейшем может привести к возникновению здесь новых "горячих" точек. Наибольшая доля трудоспособного населения характерна для Таджикистана и Кыргызстана и существуют тенденции её дальнейшего увеличения. Это страны одни из самых экономически слаборазвитых в регионе, их экономика базируется на богатых природных ресурсах и сельском хозяйстве, поэтому они могут быть интересны для возвращения сюда российских инвесторов и расширения зоны китайского влияния. Только эти две страны, непосредственно граничащие с этим регионом, не желающие вблизи своих границ видеть новые очаги напряжённости, могут сыграть весомую роль в его динамичном экономическом развитии. Для предотвращения угроз национальной безопасности правительствам этих стран необходимо обеспечить рост национальных экономик, социальную стабильность в обществе, чтобы лишить экстремизм питательной среды среди молодого населения.

Литература

1. Безопасность: теория, парадигма, концепция, культура: словарь-справочник / Автор-сост. профессор В.Ф. Пилипенко. Изд. 2-е, доп. и перераб. М.: ПЕР СЭ-Пресс, 2005.
2. Беляков Б.Л. Проявление экстремизма в молодежной среде как социальное политическое явление, отражение проблем современного социума / Б.Л. Беляков, В.Е. Шинкевич // Современные системы безопасности – Антитеррор: материалы конгрессной части X специализированного форума (28–29 мая 2014 г.) / отв. ред. А.В. Букарин. Красноярск; СибЮИ ФСКН России, 2014.
3. Вааль Т. Центральная Азия в 2018 году: активное сотрудничество, экономический рост, водная проблема // Аналитический интернет-журнал Власть // [Электронный ресурс]. URL: <http://vlast.kz> (дата обращения 7.02.2018).
4. Кочедыков И. Современная Центральная Азия и ее перспективы // Центр стратегических оценок и прогнозов. / [Электронный ресурс]. URL: <http://www.csef.ru> (дата обращения 7.02.2018).
5. Кузнецов В.Н. Социология безопасности. М., 2003. 356 с.
6. Лян Чжэньпэн. Китайская внешняя политика в Центральной Азии в 1990-е гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. № 3. С. 145–155.
7. Мордвинова А.Э. Экономика Центральной Азии в 2015 году // [Электронный ресурс]. URL: <https://riss.ru/analytcs/25391/> (дата обращения 07.02.2018).
8. Общая теория национальной безопасности. /Под ред А.А.Прохожева. М., Издательство РАГС, 2002. 320 с.
9. От Туркменистана к Центральной Азии: политическое будущее региона. М: Научный эксперт, 2016. 116 с.
10. Рыбаковский Л.Л. Демографическая безопасность: геополитические аспекты, 29.03.2004 г. // URL: <http://www.religare.ru/article10942.htm> (дата обращения: 02.02.2018).
11. Рябцев В.М. Конкурентоспособность российских регионов: методология оценки и сравнительного анализа. Самара: изд-во СГЭА, 2002.
12. Статистические материалы Государственной статистики Казахстана // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stat.gov.kz>, (дата обращения 25.01.2018).
13. Статистические материалы Государственной статистики Кыргызстана // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stat.kg>, (дата обращения 25.01.2018).

14. Статистические материалы Государственной статистики Узбекистана // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stat.uz>, (дата обращения 25.01.2018).
15. Статистические материалы Государственной статистики Таджикистана // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stat.tj>, (дата обращения 25.01.2018).
16. Статистические материалы Государственной статистики Туркменистана // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stat.gov.tm>, (дата обращения 25.01.2018).
17. Статистические материалы Демоскоп Weekly // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru> (дата обращения 20.01.2018).
18. Фомичева Т.А. Методологический аспект статистической оценки и межрегиональной дифференциации социальной безопасности // Вестник Самарского государственного экономического университета, 2009. № 10 (60). С. 101–107.
19. Храпаль Л.Р. Доронин С.П., Камалева А.Р., Грузкова С.Ю. Научно-методическое обеспечение реализации идей противодействия терроризму и экстремизму в молодежной среде // Современные системы безопасности – Антитеррор: материалы конгрессной части XI специализированного форума (27–28 мая 2015 г.) / отв. ред. А.В. Букарин: в 2 ч. – Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2015. С. 54–67.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Bezopasnost': teoriya, paradigma, kontseptsiya, kul'tura: slovar'-spravochnik / Avtor-sost. professor V.F. Pilipenko. Izd. 2-e, dop. i pererab. M.: PER SEH-Press, 2005.
2. Belyakov B.L. Proyavlenie ehkstremitizma v molodezhnoj srede kak sotsial'noe politicheskoe yavlenie, otrazhenie problem sovremennogo sotsiuma / B.L. Belyakov, V.E. SHinkevich // Sovremennye sistemy bezopasnosti – Antiterror: materialy kongressnoj chasti KH spetsializirovannogo foruma (28–29 maya 2014 g.) / отв. ред. А.В. Букарин. Krasnoyarsk; SibYUI FSKN Rossii, 2014.
3. Vaal' T. TSentral'naya Aziya v 2018 godu: aktivnoe sotrudnichestvo, ehkonomicheskij rost, vodnaya problema // Analiticheskij internet-zhurnal Vlast' // [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://vlast.kz> (data obrashheniya 7.02.2018).
4. Kochedykov I. Sovremennaya TSentral'naya Aziya i ee perspektivy // TSentr strategicheskikh otsenok i prognozov. / [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.csef.ru> (data obrashheniya 7.02.2018).
5. Kuznetsov V.N. Sotsiologiya bezopasnosti. M., 2003. 356 s.
6. Lyan CHzhehn'pehn. Kitajskaya vneshnyaya politika v TSentral'noj Azii v 1990-e gg. // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2017. № 3. S. 145–155.
7. Mordvinova A.EH. EHkonomika TSentral'noj Azii v 2015 godu // [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://riss.ru/analytics/25391/> (data obrashheniya 07.02.2018).
8. Obshhaya teoriya natsional'noj bezopasnosti. /Pod red A.A.Prokhozheva. M., Izdatel'stvo RAGS, 2002. 320 s.
9. Ot Turkmenistana k TSentral'noj Azii: politicheskoe budushhee regiona. M: Nauchnyj ehkspert, 2016. 116 s.
10. Rybakovskij L.L. Demograficheskaya bezopasnost': geopoliticheskie aspekty, 29.03.2004 g. // URL: <http://www.religare.ru/article10942.htm> (data obrashheniya: 02.02.2018).
11. Ryabtsev V.M. Konkurentosposobnost' rossijskikh regionov: metodologiya otsenki i sravnitel'nogo analiza. Samara: izd-vo SGEHA, 2002.
12. Statisticheskie materialy Gosudarstvennoj statistiki Kazakhstana // [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.stat.gov.kz>, (data obrashheniya 25.01.2018).
13. Statisticheskie materialy Gosudarstvennoj statistiki Kyrgyzstana // [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.stat.kg>, (data obrashheniya 25.01.2018).
14. Statisticheskie materialy Gosudarstvennoj statistiki Uzbekistana // [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.stat.uz>, (data obrashheniya 25.01.2018).
15. Statisticheskie materialy Gosudarstvennoj statistiki Tadzhikistana // [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.stat.tj>, (data obrashheniya 25.01.2018).
16. Statisticheskie materialy Gosudarstvennoj statistiki Turkmenistana // [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.stat.gov.tm>, (data obrashheniya 25.01.2018).
17. Statisticheskie materialy Demoskop Weekly // [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.demoscope.ru> (data obrashheniya 20.01.2018).
18. Fomicheva T.A. Metodologicheskij aspekt statisticheskoy otsenki i mezhregional'noj differentsiatsii sotsial'noj bezopasnosti // Vestnik Samarского gosudarstvennogo ehkonomicheskogo universiteta, 2009. № 10 (60). S. 101–107.
19. KHrapal' L.R. Dоронин S.P., Kamaleeva A.R., Gruzkova S.YU. Nauchno-metodicheskoe obespechenie realizatsii idej protivodejstviya terrorizmu i ehkstremitizmu v molodezhnoj srede // Sovremennye sistemy bezopasnosti – Antiterror: materialy kongressnoj chasti KHI spetsializirovannogo foruma (27–28 maya 2015 g.) / отв. ред. А.В. Букарин: в 2 ч. – Krasnoyarsk: SibYUI FSKN Rossii, 2015. S. 54–67.

Комарова Т.М. Демографическая безопасность и экстремизм в странах Центральной Азии.

В статье представлен расчёт и анализ демографической безопасности стран Центральной Азии. Показано, что страны региона, имеющие положительные показатели демографической динамики, с высокой долей молодого населения, но при этом имеющие низкие показатели валового внутреннего продукта, в том числе на душу населения, высокую безработицу, являются наиболее уязвимыми в планах распространения экстремизма, прежде всего религиозного. Россия и Китай, непосредственно граничащие с этим регионом, могут сыграть весомую роль в его динамичном экономическом развитии.

Ключевые слова: *демографическая безопасность, интегральный индикатор, молодое население, экстремизм, фундаментализм, угрозы*

Komarova T.M. Demographical safety and extremism in Central Asia

The article presents calculation and analysis of the demographic safety of the Central Asian countries. It is shown that the countries of the region have positive indicators of the demographic dynamics and a high proportion of the young population. But these countries have low Gross Domestic Product and high unemployment among youth. Therefore, these countries are the most vulnerable to the spread of extremism, primarily religious. Russia and China, directly bordering this region, can play a significant role in its dynamic economic development.

Key words: *demographic safety, integral indicator, young population, extremism, fundamentalism, threats*

Для цитирования: Комарова Т.М. Демографическая безопасность и экстремизм в странах Центральной Азии // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 1. С. 135–141. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/135-141

For citation: Komarova T.M. Demographical safety and extremism in Central Asia // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 1. P. 135–141. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/135-141

**Эволюция представлений о Наполеоне Бонапарте
на страницах русской публицистики XIX в.
(по материалам "Вестника Европы" Н.М. Карамзина)**

В январе 1802 г. в типографии Московского университета был опубликован первый том "Вестника Европы", литературно-политического журнала, редактором и составителем которого был известный русский публицист Н.М. Карамзин. В то время "Вестник" считался одним из самых либеральных журналов в России. По сути, он был первым настоящим политическим журналом, издаваемым в нашей стране.

Начало издания "Вестника Европы" хронологически совпало с последними годами периода Консульства и началом периода Империи во Франции. В связи с этим не случайно то, что образ Наполеона Бонапарта занимает одно из центральных мест в политическом разделе журнала. Как отмечает Т.А. Алферьева: "XIX столетие знаменуется "веком Наполеона Бонапарта", чья личность волновала буквально всех современников" [1, с. 9]. Что касается статей Н.М. Карамзина, то они, по мнению М. М. Наринского, иллюстрируют изменение взглядов на Наполеона значительной части образованного российский дворянства (в течение 1802–1804 гг. – О.К.) [7, с. 116].

Значительная часть статей, посвящённых Наполеону Бонапарту, опубликованная в 1802 г., носила апологетический характер. Н.М. Карамзин говорит о нем как о гениальном человеке, сыгравшем значительную роль в истории Франции: "Вообразит ли обыкновенный человек, как можно работать головою 18 часов в сутки, и всякий день, как Боанопарте работает? Какое множество идей должно ему соображать, приводить в систему! Какое разнообразие в предметах деятельности и всякий требует ясного взора и спокойствия души, которое, без редкой твёрдости в характере, не совместимо с великими заботами" [5; с. 90]. "...Теперь тридцать миллионов повинуются законам и Гению одного человека... служат одной рукой для правления, и новый Цезарь, новый Кловис не страшен для новых Галлов..." – писал Карамзин в первом номере "Вестника Европы" в январе 1802 г. [7, с. 96].

Основная причина восхищения личностью Наполеона Бонапарта связана с неприятием Н.М. Карамзиным Французской революции, ввергшей, по его мнению, Францию в состояние политического, экономического и морального хаоса. Для Н.М. Карамзина, как и для многих представителей российского дворянства, в 1802 г. Бонапарт представлялся едва ли не спасителем французов от ужасов анархии, а установленный в результате переворота 18 брюмера режим Консульства – едва ли не самым справедливым политическим режимом.

В восьмом номере журнала за 1802 г. Н.М. Карамзиным было опубликовано "Письмо о Консуре Бонапарте", автор которого неизвестен. Знакома читателя с героем будущих своих статей и заметок, Н.М. Карамзин обращает внимание на необычную внешность Бонапарта: "Всякий портрет и бюст сего редкого человека должны быть похожи, но никакое изображение не представит его совершенно. Можно ли кистью или резцом изобразить огонь в глазах и какую-то неизъяснимую любезность его рта? В приёме и обхождении он чрезвычайно холоден и даже застенчив; на всякого человека, ему представляемого, устремляет быстрый взор – потупляет глаза в землю и редко взглядывает в другой раз; слушает с великим вниманием и всего более удивляет тем французам, отвечает коротко и нерешительно, так что из слов его нельзя

ничего заключить об успехе дела" [7, с. 163]. "Бонапарте живёт в загородном доме своём тесно и беспокойно, – информировал читателей "Вестника" его главный редактор. – ... Госпожа Бонапарте имеет дружескую связь с некоторыми знатными фамилиями прежней монархии (из числа приближенных ко двору Марии Антуаннеты – О.К.), но в своём доме не терпит никакой пышности, соблюдая во всем любезную простоту: супруг её желает того. Не верьте иностранцам, которые описывают подробности семейной жизни Консула; из самых французов весьма немногие знают их" [7, с. 163]. На страницах "Вестника Европы" Наполеон предстаёт читателю не только как скромный человек, но и прекрасный муж и отчим. "Бонапарте сердечно любит детей своей жены, – писал Н. М. Карамзин в седьмом номере журнала. – Говорят, что один министр предлагал ему развестись с нею (по причине того, что первая супруга Наполеона Жозефина не принадлежала к высшим слоям французского общества – О.К.) и жениться на принцессе, на что Консул, как должно, с презрением отвергнул такой совет. Одна злая политика могла бы отнять у госпожи Бонапарте сию награду за те слёзы, которые она пролила о бедственной кончине своего первого мужа, генерала Богарне, невинно казнённого при Робеспьере" [7, с. 192].

Центральное место в политических статьях "Вестника" занимают статьи и заметки, посвящённые международной политике: отношениям Англии и Франции, Франции и России и т.д. И в них Бонапарт выступает в качестве миротворца и великого политического деятеля. Описывая события, связанные с подписанием Амьенского мира 27 марта 1802 г., Н.М. Карамзин сообщает своим читателям: "...сей мир останется памятником могущества французов в консульство Наполеона и миролюбия англичан в министерство Аддингтона и Гакесбури" [7, с. 167]. В опубликованном в восьмом номере "Вестника Европы" "Письме из Амьена" от 28 марта 1802 г. сообщалось: "Вчера город наш был театром великого происшествия, которого с нетерпением ожидала Европа. Мир подписан в присутствии множества граждан и при общих радостных восклицаниях. Обряд сего важного действия был прост и величествен. В 11 часов утра уже полки стояли в ружьё вокруг ратуши. Министры приехали туда в первом часу... Префект департамента, его советники и знатнейшие граждане приветствовали их в большой зале, украшенной славнейшими картинами французской школы, которые были взяты из Версальского Музеума и присланы в Амьень министром внутренних дел на случай конгресса. Уполномоченные министры остались в зале одни... и конференция продолжалась два с половиной часа. ...Наконец французский министр велел объявить мэру, что трактат готов к подписанию. Вдруг отворилась двери, и граждане бросились в залу, наблюдая, однако ж, порядок и глубокое молчание. В сию торжественную минуту, подписав трактат, министры обняли друг друга со всеми трогательными знаками живого удовольствия. Многие зрители проливали радостные слезы, безмолвно смотрели друг на друга, и все наслаждались счастьем всех. В таком же порядке министры вышли из залы, тут ожидал их радостный народ, который, увидев французского министра, воскликнул: "Да здравствует Бонапарте!" ...Сей день оставил глубокое впечатление во всех сердцах. Он решил судьбу Европы и утвердил благоденствие Франции" [7, с. 169]. При этом повод для ликования у французов действительно был. Великобритания добилась лишь вывода французских войск из Рима, Неаполя и острова Эльба, в то время, как сама обязалась возвратить Франции захваченные острова Цейлон и Тринидад. Но самой важной для французов, по мнению Н.М. Карамзина, была статья Амьенского трактата, касающаяся острова Мальта. Великобритания давала обязательство вывести свои войска с Мальты: "Орден Иоанна Иерусалимского, восстановленный со всеми древними правами своими под защитою Франции, Великобритании, России, Гишпании, Австрии и Пруссии, не будет иметь ни французского, ни английского языка, а вместо первого учреждается новый мальтийский язык (в данном случае имеется в виду термин "народ" – О.К.), в который могут быть приняты и неблагородные, и который имеет права других языков. Сие установление и другое, по коему большая часть судебных и прочих властей острова должна состоять из её жителей... Сего без сомнения требовал Бонапарт в пользу своего бывшего завоевания (остров Мальта был захвачен Бонапартом в 1798 г. и завоёван англичанами в сентябре 1800 г. – О.К.)" [7, с. 168].

Вместе с тем, как отмечает Н.М. Карамзин, в английской прессе все чаще встречаются заверения о том, что на самом деле главная цель Бонапарта – это не благо французского народа, а получение личной власти: "английские журналисты... уверяют публику, что Бонапарте скоро переменит конституцию Французской республики, объявит себя единственным консулом на всю жизнь" [7, с. 170]. При этом Н.М. Карамзин спешит заверить читателя, что "...Бонапарте уже объявил, что он не любит переменять конституции – и сей новый план, без всякого сомнения, есть лондонская выдумка" [7, с. 170].

На страницах "Вестника Европы" Н.М. Карамзин подробнейшим образом описывает жизнь французской столицы периода Консульства, обращая внимание читателя на то, что её непременным атрибутом стали военные парады, проводимые с участием Первого Консула. "Он (Бонапарт – О.К.), пишет Н.М. Карамзин, – в своём красном мундире, на живописной лошади, окружённый генералами, проскакал по всем рядам и велел войску скорым маршем идти мимо его. Конная артиллерия загремела по каменной мостовой и скрылась. Кавалеристы консульской гвардии не так хорошо сидят на прекрасных лошадях своих, как гусары Парижского гарнизона (почти все немцы); они казались совершенными центаврами. Музыка гвардии несравнима, и кафтаны музыкантов облиты золотом" [7, с. 177].

Представляя на страницах своего журнала Первого Консула как талантливую и великого человека, Н.М. Карамзин, в то же время, видел и не скрывал от общественности его человеческие слабости, считая, что Наполеон "имеет одну страсть, но сильнейшую и самую разрушительную, – властолюбие и любочестие" [3, с. 67].

Кроме того, несмотря на откровенно выражаемую симпатию к Бонапарту, Н.М. Карамзин отмечал, что этот человек далеко не всегда искренне заявляет о своих планах и намерениях. К тому же, по его мнению, и в самой Франции, и среди французских эмигрантов, бежавших от революции в Россию, достаточно активно распространяются слухи о том, что "маленький корсиканец" не прочь получить королевскую корону. "...Суждения о характере и намерениях Консула столь же различны, как желания и надежды партии, к которой принадлежать судящие. Многие хотят непременно сделать его королём и рассеивают странные слухи о нем. То говорят, что он набирает пажей и камергеров, то уверяют, что он намерен торжественно короноваться!" [5, с. 178]. Н.М. Карамзин исключает возможность присвоения Наполеонам королевского титула (по крайней мере, в 1802 г. – О.К.), заявляя о том, что: "... Бонапарте любит быть единственным, сажает королей на трон и довольствуется скромным именем французского гражданина. Власть кажется ему важнее имени, и славный бриллиант, называемый "Регентом" (бриллиант, украшавший корону французских королей, выкупленный Наполеоном в 1801 г. – О.К.), который на консульском мече, не может блистать светлее на короне" [5, с. 178]. В то же время в упомянутом уже "Письме из Парижа" Н.М. Карамзин отмечает негативную тенденцию, связанную с присвоением Наполеону 2 августа 1802 г. титула пожизненного Консула, что чревато, по мнению русского публициста, переходом к диктаторской форме правления. "...Бонапарте считает себя диктатором, а консульское достоинство своё диктатурою, – писал в девятом номере "Вестника Европы" Н.М. Карамзин. – Присвоенная им власть оправдывается бедственным состоянием, в котором он по возвращении своём из Египта нашёл Францию. Консул видит, что легкомыслие французов имеет нужду в строгой опеке, но мудрый опекун не обманывается ли иногда в средствах и всегда ли следует правилам бескорыстного человеколюбия? Не знаю; но знаю то, что Бонапарте человек, хотя и великий, а не Бог, которым педант Редере только что называет его!" [5, с. 178]. Концентрация всей полноты политической власти в одних руках, по мнению Н.М. Карамзина, недопустима. К тому же, как заявляет он на страницах "Вестника", "... Консул весьма не сведущ в делах государственного хозяйства. Будучи военачальником, он только подписывал требование, и завоёванная земля удовлетворяла ему; ... но отечество не завоёванная провинция. Тут надобен особый ум, тем более что Францию десять лет разоряли, и нынешнее правительство должно быть крайне осторожно" [5, с. 178].

Вместе с тем, Н.М. Карамзин находит много достоинств в политическом и духовном развитии Франции периода Консульства. По его мнению, Напо-

леон в этот период времени являлся сторонником религиозной свободы. "Конкордат¹ служит поводом к разным слухам о слепой привязанности Бонапарта к католицизму, о намерении его поручить воспитание духовенству. Это совсем невероятно. Консул вместе со всеми благоразумными (людьми – О.К.) уверен в святости христианской религии вообще и благотельности её для счастья государств, но он без сомнения не думает принуждать нас быть католиками. Разве мы не видели его другом Магомета в Египте? Особенная религия Консула есть – политика", – писал Н.М. Карамзин в пятом номере "Вестника" за 1802 г. [5, с. 179]. Значительный вклад в период Консульства Наполеон внёс в развитие образования и народного просвещения во Франции, создав соответствующую законодательную базу. При этом он считал, что образование должно носить светский характер: "Старания французского правительства о заведении центральных школ доказывают, что оно желает народного просвещения. Духовные (католические священники – О.К.), которые возвращаются во Францию, всячески мешают успеху народных училищ, желая снова овладеть воспитанием, но строгий Фуше, министр полиции, не даст им усилиться" [5, с. 179].

Считая Наполеона великим человеком, стремящимся к благополучию и процветанию Франции, Н.М. Карамзин, тем не менее, отмечает, что уже в период Консульства у него проявляется определённая нетерпимость к инакомыслию: "...Консул недоволен был некоторыми учёными и литераторами, – отмечает он на страницах своего журнала, – дерзнувшими в Трибунате осуждать предложенные Консулами гражданские законы" [5, с. 179]. При этом в период Консульства, в отличие от последовавшего за ним периода империи, всё ещё сохраняется видимость демократического коллегиального управления государством: "...Бонапарт смягчил систему свою, и хотя умеет повелевать, однако ж, не хочет рабского безмолвия. Например, в самом Консульском Совете ему смело противоречат; он слушает, доказывает и делает по-своему. Когда уверен, что лучше других видит" [5, с. 193].

Бонапарт, по мнению Н.М. Карамзина, обладает способностью подбирать способных и талантливых людей вне зависимости от их происхождения для выполнения государственных задач: "Бонапарте не поддерживает Директории, не ищет союза той или другой партии, но ставит себя выше их и выбирает только способных людей, предпочитая иногда бывшего дворянина и роялиста искреннему республиканцу, иногда республиканца роялисту" [5, с. 180]. "Бонапарте пользуется талантами людей, не принимая никаких внушений личной вражды и не думая об их частном образе мысли. Таллеран не любит Фуше, Фуше не терпит Таллерана, но они оба министры" [5, с. 193].

Таким образом, политика Консульства, отражённая на страницах "Вестника", удостоилась высокой оценки издателя, более того – она отражала его идеал государственного управления.

Вместе с тем, уже в последних номерах "Вестника" за 1802 г. все чаще публикуются критические оценки личности и деятельности Наполеона Бонапарта. Например, в разделе "Политика" в одиннадцатом номере "Вестника" помещена переписка тайных агентов Людовика XVIII, в которой сообщается о наличии во Франции якобинской партии, оппозиционной партии Консула. Её представители Чераци, Арена, Топино-Лебрен и Демервиль 10 октября 1800 г. предприняли неудачную попытку покушения на Наполеона. При этом, согласно донесению тайного агента Людовика XVIII Луи-Франсуа-Перрен де Пресси, массовых репрессий против якобинцев не последовало, напротив, "...теперь многие якобинцы, особливо умные, сделались чиновниками. Думают, что Консул не столько ищет дружбы сих людей, сколько желает, отвлекая их от секты, через то ослабить её. Он находит в сём ещё другую выгоду; а именно: поручая им должности, может лучше обуздать их и смотреть за ними. Из чего следует, что власть его не только не надёжна, но что он (Бонапарт – О.К.) стоит на вулкане, который всякую минуту готов вспыхнуть и совсем истребить его" [5, с. 203–204]. Согласно утверждению графа де Прес-

¹ Конкордат был подписан 15 июля 1801 г.; согласно этому документу Папа Римский признавал существование Французской республики и отказывался от притязаний на национализированную клерикальную собственность, в свою очередь, французские власти признавали католицизм одной из главных религий, существующих в стране.

си, многие политические силы во Франции недовольны правлением Первого Консула, но считают его своеобразной преградой на пути возвращения страны в хаос якобинского террора. Что же касается личности самого Бонапарта, то по заверениям графа, "...он глава народа, потому что всех смелее, что имеет неоспоримые таланты и что большая часть французов считает его (правление – *О.К.*) необходимым для сохранения порядка. Даже многие роялисты и возвратившиеся эмигранты имеют такое мнение..." [5, с. 204].

В конце 1802 г. среди материалов, опубликованных в политическом разделе "Вестника", доминируют сообщения, касающиеся международной политики. На страницах своего журнала Н.М. Карамзин сообщает читателям о возрастании напряжённости в отношениях между Англией и Францией. При этом, как пишет главный редактор "Вестника Европы", обе стороны взаимно обвиняют друг друга в эскалации конфликта. Формальным поводом для предъявления взаимных претензий, по мнению издателей "Вестника", стал вопрос о Мальте: англичане категорически отказались вывести свои войска с острова, в то время как Наполеон считал такое положение нарушением Амьенского трактата. Следует отметить, что на фоне ухудшающейся международной обстановки и начала переговоров о создании третьей антифранцузской коалиции, в которые была активно вовлечена и Россия, составители "Вестника Европы" постепенно отказываются от восторженных оценок личности Бонапарта. Уже в первом номере журнала за 1803 г. Н.М. Карамзин опубликовал отрывок статьи из английской газеты *Morning Chronicle*, являвшийся, по сути, скрытым обвинением в адрес Бонапарта, скрывавшего за миролюбивыми заявлениями, по мнению авторов публикации, тайные планы развязывания новой войны с Англией: "Нельзя верить одним словам, когда Бонапарте уверяет нас в своём миролюбивом расположении и велит французским журналистам бранить людей, хотящих воспалить огонь войны в Европе..." [5, с. 327].

Оценивая события, произошедшие во Франции в 1802 г., Н.М. Карамзин констатировал, что за прошедший год "...во Франции произошли великие перемены: уничтожение последних знаков так называемой свободы, основание решительного, твёрдого самовластия до смерти Консула" [5, с. 382]. "Бонапарте... присвоил себе неограниченную власть, какой никто из европейцев не имеет. Он торжественно соединил с Францией княжество Пиемонтское и два миллиона людей назвал французами, не сказав о том ни слова государям Европы, а через шесть месяцев после того взял ещё Парму, Пиаченцу и Гвасталлу... Генуя и Лукка уже зависели от Франции. ...Амьенский мир служит ясным доказательством зависимости Гишпании (от Франции – *О.К.*)" [5, с. 358]. Учитывая то, что Франция приобрела обширные владения в Северной Америке, а Португалия и Италия существенно зависели от французской политики, Н.М. Карамзин с уверенностью говорит о том, что к концу 1802 г. в территориальном отношении Франция уже являлась, по сути, империей.

В течение 1803–1804 гг. издатели и составители "Вестника Европы" регулярно информируют своих читателей о том, что Франция осуществляет активную подготовку к вторжению на Британские острова с моря. В девятнадцатом номере журнала за 1803 г. в разделе "Известия и замечания" Н.М. Карамзин сообщает о том, что "... Европа имеет ныне одну мысль: все умы занимают французскою высадкою, для которой благоприятное время наступает. Известно, что в октябре и в ноябре месяце свирепствуют южно-западные бурные ветра, которые могут разорять флоты английские...; ...Страшные приготовления французов уверили Европу, что Консул действительно и непременно хочет завоевать Великобританию" [5, с. 507].

В 1803 г. на страницах "Вестника Европы" активно обсуждался вопрос о возможности в ближайшей перспективе коронации Наполеона в качестве французского императора. Так, в опубликованном в январе 1803 г. втором номере журнала Н.М. Карамзин сообщает, что в английской и голландской прессе "...с полной уверенностью заявляется, что ...Бонапарте скоро назовётся императором, объявит наследником младенца, сына падчерицы его и Луи Бонапарте и на случай кончины своей назначит регентом Иосифа Бонапарте, который будет управлять Францией вместе с Верховным Советом и Коллегией Принцев" [5, с. 345].

Подобного рода сообщения Н.М. Карамзин называет выдумкой, полагая, что даже если бы Наполеон имел намерение стать императором, то, безусловно, сохранил бы это в тайне.

В конце 1803 г. – начале 1804 г. положение Первого Консула было не таким прочным, как в начале его правления, о чем свидетельствует активизация оппозиции внутри страны. 26 марта 1804 г. читатели "Вестника Европы" были проинформированы о раскрытии во Франции заговора против Первого Консула, участниками которого были роялисты: "В Париже открыт в половине февраля страшный заговор, имевший, по уверению официальных тамошних листов, целью своей умерщвление Первого консула, испровержение нынешней французской республиканской конституции и возвращение ей монархического правления чрез возведение на престол одного из Бурбонских принцев – и всё сие производимо было в действо по наущению и подкреплению Великобритании" [6, с. 72]. В сложившейся ситуации вполне объяснимо стремление Бонапарта к укреплению собственной власти путём принятия императорского титула. При этом, как подчёркивают издатели "Вестника", инициатива коронации Наполеона исходила не от него, а от "знатнейших городов Франции", которые в мае 1804 г. прислали Первому Консулу множество посланий с просьбой "...чтоб он для блага и будущего спокойствия Франции решился принять на себя императорское достоинство, которое пребудет наследственным в фамилии его" [6, с. 108]. Далее в "Вестнике" сообщается, что "Сенат под председательством консула Камбасереса учинил в происходившее 18-го мая заседание, на котором присутствовал также Консул Лебрюнь, и все министры Французской республики, органическое определение, которым титул Императора присвоается Первому Консулу, и который постановляет в фамилии его наследственность Императорского достоинства" [6, с. 108].

Вскоре после принятия Наполеоном титула императора Н.М. Карамзин сообщает брату Василию Михайловичу в письме: "Политические новости Вам известны по газетам. Наполеон Бонапарте променял титул великого человека на титул императора: власть показалась ему лучше славы" [4; с. 96].

В двадцатом номере "Вестника Европы" за 1804 г. Н.М. Карамзин публикует статью, окончательно развенчивающую романтические представления его молодых современников-либералов и о Наполеоне, и о французской революции – "Цезарь, Кромвель и Бонапарте (из англ. "Ведомостей)": "Поработить народ именем вольности, предаться всем злодеяниям, твердя о добродетели: вот первые начала науки революционной! Известно, какую силу имеют слова над умами толпы народной, но ещё может быть и не довольно примечено, сколь далеко простирается сила их в отношении к тем, которые почитают себя чуждыми общим предассудков, потому что воспользовались ими. ...Г. Бонапарте, подобно Цезарю, уничтожил Республику, подобно Кромвелю восхитил престол своего государя; подобно тому и другому покусился присвоить себе царское достоинство – но здесь оканчивается сравнение" [4, с. 335]. Отличие Наполеона от других тиранов автор статьи видит лишь в том, "что г. Бонапарте рассудил за благо поступить совсем иначе: он дерзнул стать на ряду с государями, но мы уверены, что он от страха не назвался королём французов. Г. Бонапарте польстил себя надеждою, что титул императорское, новое для французов, не возбудит в них, подобно королевскому, напоминаний для него страшных..." [4, с. 263–347, с. 337–338].

Таким образом, можно отметить, что представления русской общественности о Наполеоне Бонапарте, отражённые на страницах "Вестника Европы", эволюционировали в зависимости от политической конъюнктуры. Приход Бонапарта к власти во Франции Н.М. Карамзин воспринимает как завершение революции и начало новой эры – эры спокойствия и порядка – в истории не только Франции, но и всей Европы. Вместе с тем, искреннее восхищение Наполеоном, преобладавшее в статьях и заметках "Вестника" за 1802 г., постепенно сменяется осторожным, а затем откровенно негативным отношением к нему главного редактора в последующих номерах журнала. И главная причина этого заключается, прежде всего, в стремлении Первого Консула, принявшего в 1804 г. титул Императора, к территориальным захватам, как в Европе, так и за её пределами, что неминуемо привело бы к разрастанию международного конфликта в Европе.

Литература

1. Алферьева Т.А. Образ Наполеона Бонапарта на страницах "Вестника Европы" Н.М. Карамзина в контексте исторической концепции писателя / Т.А. Алферьева // "И вечной памятью двенадцатого года...": материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 200-летию Отеч. войны 1812 г., Екатеринбург, 14–15 декабря 2012 г. / под общ. ред. Е.Е. Приказчиковой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. С. 9–15.
2. Блудилина Н.Д. Апология или развенчание мифа о Наполеоне на страницах "Вестника Европы" Н.М. Карамзина и эпопеи "Война и мир" Л.Н. Толстого // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 202–212.
3. Вестник Европы, издаваемый Николаем Карамзиным. М.: в Университетской типографии у Люби, Гария и Попова. 1804. № 9.
4. Вестник Европы, издаваемый Николаем Карамзиным. М.: в Университетской типографии у Люби, Гария и Попова. 1804. № 20.
5. Карамзин Н.М. Эпоха Наполеона: русский взгляд. Книга первая. М., 2013.
6. Карамзин Н.М. Эпоха Наполеона: русский взгляд. Книга первая. М., 2015.
7. Наринский М.М. Наполеон в современной ему российской публицистике и литературе // История СССР. 1990. № 1. С. 77–86.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Alfer'eva T.A. Obraz Napoleona Bonaparta na stranitsakh "Vestnika Evropy" N.M. Karamzina v kontekste istoricheskoy kontseptsii pisatelya / T.A. Alfer'eva // "I vechnoj pamyat'yu dvenadtsatogo goda...": materialy Vseros. nauch. konf., posvyashh. 200-letiyu Otech. vojny 1812 g., Ekaterinburg, 14–15 dekabrya 2012 g. / pod obshh. red. E.E. Prikazchikovoj. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2013. S. 9–15.
2. Bludilina N.D. Apologiya ili razvenchanie mifa o Napoleone na stranitsakh "Vestnika Evropy" N.M. Karamzina i ehpokei "Vojna i mir" L.N. Tolstogo // Vestnik MGOU. Seriya: Russkaya filologiya. 2016. № 5. S. 202–212.
3. Vestnik Evropy, izdavaemyj Nikolaem Karamzinym. M.: v Universitetskoj tipografii u Lyubi, Gariya i Popova. 1804. № 9.
4. Vestnik Evropy, izdavaemyj Nikolaem Karamzinym. M.: v Universitetskoj tipografii u Lyubi, Gariya i Popova. 1804. № 20.
5. Karamzin N.M. EHpokha Napoleona: russkij vzglyad. Kniga pervaya. M., 2013.
6. Karamzin N.M. EHpokha Napoleona: russkij vzglyad. Kniga pervaya. M., 2015.
7. Narinskij M.M. Napoleon v sovremennoj emu rossijskoj publitsistike i literature // Istoriya SSSR. 1990. № 1. S. 77–86.

Ковалёва О.А. Эволюция представлений о Наполеоне Бонапарте на страницах русской публицистики XIX в. (по материалам "Вестника Европы" Н.М. Карамзина).

Статья посвящена изучению представлений русской общественности о Наполеоне Бонапарте, нашедших своё отражение на страницах "Вестника Европы", редактором которого являлся известный публицист Н.М. Карамзин. Начало издания этого журнала относится к завершающему периоду Консульства и началу периода Первой империи во Франции. В связи с этим фактом, первый консул, а с 1804 г. император французов Наполеон Бонапарт стал одним из ключевых персонажей практически каждого номера "Вестника".

Ключевые слова: *консульство, империя, публицистика, общественность, литературно-художественный журнал, власть, деспотизм*

Kovalyova O.A. The evolution of ideas about Napoleon Bonaparte in the Russian journalism of the XIX century (on materials of "The Herald of Europe" of N.M. Karamzin).

The article is devoted to the problem of changing of Russian public opinion concerning Napoleon Bonaparte which was rather fully represented at the pages of "The Herald of Europe" published by the famous russian publicist N.M.Karamzin. This edition commenced in the end of The Consulate and the beginning of The First Empire in France. Because of this fact the First Consul and from 1804 the Emperor of the French Napoleon Bonaparte became one of the clue personages practically in each number of "The Herald".

Key words: *consulate, empire, publicist, public, power, despotism, literary-art journal*

Для цитирования: Ковалёва О.А. Эволюция представлений о Наполеоне Бонапарте на страницах русской публицистики XIX в. (по материалам "Вестника Европы" Н. М. Карамзина) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 1. С. 142–149. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/142-149

For citation: Kovalyova O.A. The evolution of ideas about Napoleon Bonaparte in the Russian journalism of the XIX century (on materials of "The Herald of Europe" of N.M. Karamzin) // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 1. P. 142–149. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/142-149

Контуры российско-японской территориальной сделки: Шикотан и Хабомаи в обмен на инвестиции в Дальний Восток?

Спор между Россией и Японией о принадлежности Южных Курил ("Северных территорий") уже в течение многих десятилетий отравляет двусторонние отношения и служит одним из главных препятствий для их нормального развития. Немало исследователей и экспертов занимаются анализом проблематичных российско-японских отношений, в том числе предлагая пути их нормализации. Среди них можно отметить ведущих российских японистов Б.М. Афонина [3], В.О. Кистанова [9], В.В. Кожевникова [10], А.А. Кошкина [12], Д.В. Стрельцова [23], С.В. Чугрова [25], а также базирующихся в Японии исследователей, таких как А. Ивасита [30], С. Хакамада [24], Джеймс Браун [29] и др. В этой статье мы бы хотели предложить некоторые подходы к решению российско-японской территориальной проблемы, которые не обсуждались либо почти не дискутировались ранее, но которые, на наш взгляд, могут стать актуальными в связи с новой динамикой в отношениях между Москвой и Токио.

Территориальный спор: лед тронулся?

В последние месяцы появились признаки того, что в застарелой территориальной проблеме наметились подвижки, которые, при благоприятном сценарии, могут привести к ее разрешению. Подвижки связаны, в первую очередь, с изменением позиции японской стороны. До недавнего времени Токио требовал возвращения всех четырех спорных островов, однако последние заявления Синдзо Абэ можно интерпретировать как готовность удовлетвориться только двумя из них – Шикотаном и группой островков Хабомаи (для удобства считаются за один остров). Это, в частности, следует из итогов переговоров Абэ с Владимиром Путиным на полях Восточного азиатского саммита в Сингапуре в ноябре 2018 г. В Сингапуре Абэ сообщил представителям прессы: "Я и президент Путин согласились ускорить переговоры о мирном договоре на основе совместной декларации 1956 года между Японией и Советским Союзом" [27]. Абэ также выразил намерение посетить в начале 2019 г. Россию для дальнейших переговоров с Путиным по мирному договору и высказал надежду, что в результате этих переговоров затянувшийся территориальный спор наконец будет разрешен. В начале декабря на встрече в Буэнос-Айресе, на полях "большой двадцатки", Путин и Абэ поручили своим министрам иностранных дел возглавить переговорный процесс по вопросу заключения мирного договора на основе декларации 1956 г., а заместители министров, Игорь Моргулов и Такео Мори, были назначены в качестве "специальных представителей" лидеров России и Японии, которые должны будут осуществлять переговоры на рабочем уровне. 22 января 2019 г. Абэ приехал в Москву для очередного раунда переговоров с Путиным. По итогам этой встречи не прозвучало заявлений о достижении прорыва или хотя бы существенного прогресса, но стороны решили продолжать переговорный процесс, что оставляет надежду на достижение соглашения.

Сделав заявления о готовности ускорить переговоры с Россией на базе Московской декларации 1956 г., Абэ подчеркнул, что это не противоречит

© Лукин А.Л., Шишмаков С.О., 2019

ЛУКИН Артем Леонидович, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** artlukin@mail.ru

ШИШМАКОВ Сергей Олегович, аспирант кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** shishmakov_so@dvvfu.ru

традиционной позиции Японии, заключающейся в том, что перед подписанием мирного договора должен быть решен вопрос о статусе всех четырех спорных островов [28]. Однако такие заверения Абэ вполне могут быть попыткой успокоить ту часть японского общества, которая выступает за жесткий и бескомпромиссный подход к решению территориального вопроса по логике "все или ничего". В декларации 1956 г. упоминается только о передаче Японии Шикотана и Хабомаи. Поэтому проведение переговоров на основе данного документа логически означает, что Япония может рассчитывать лишь на эти два острова.

Несмотря на репутацию политика националистического толка, Абэ отличают реализм и прагматизм – качества, которые несомненно способствовали тому, что он имеет все шансы стать рекордсменом по пребыванию на премьерском посту.¹ Будучи прагматиком и реалистом, Абэ не может не понимать, что в территориальном вопросе время не на стороне Японии. Чем больше проходит лет с 1945 г., чем больше срок фактического владения Россией спорными островами – тем меньше у японцев шансов решить вопрос хотя бы частично в свою пользу. Кроме того, к 2018 г. стало совершенно очевидно, что предпринимавшиеся Токио почти в течение тридцати лет после развала СССР настойчивые попытки убедить Москву пойти на передачу всех четырех островов оказались тщетными. Ни при Ельцине, ни при Путине Москва не проявила желания обсуждать возвращение Японии всех спорных территорий. Максимум, на что соглашалось российское руководство, – вести переговоры на основе Московской декларации 1956 г. об условиях передачи Японии двух меньших островов – Шикотана и Хабомаи, составляющих лишь 7% спорной территории. Более того, Москва периодически делает жесты, призванные продемонстрировать, что, если Токио и дальше будет упорствовать в своем максимализме, то может не получить даже такой усеченной уступки. К таким жестам можно отнести посещения Южных Курил Дмитрием Медведевым (сначала в качестве президента РФ, а затем уже в должности председателя правительства), а также заявления руководителей российского МИДа. Так, в сентябре 2015 г. Игорь Моргулов сообщил представителям прессы: "Никакого диалога с Токио по "курильской проблеме" мы не ведем. Этот вопрос решен 70 лет назад" [17]. Ему вторил Сергей Лавров, заявивший, что принадлежность Южных Курил "не является предметом для дискуссий" [4].

Торопиться Абэ вынуждает и понимание того, что окно возможностей для достижения компромисса может окончательно захлопнуться с уходом Путина, президентский срок которого завершается в 2024 г. Если Путин с 2000 г. весьма последовательно выступал за решение территориального спора на основе Московской декларации 1956 г. и неоднократно подчеркивал, что считает отсутствие мирного договора с Японией "ненормальным состоянием" [5], то его преемник вполне может вернуться к жесткой позиции, которой придерживался СССР между 1960 и началом 1990-х гг., вообще отказываясь признавать существование территориальной проблемы. Вероятность же того, что преемник Путина предложит Японии более щедрые условия (то есть проявит готовность уступить больше, чем Шикотан и Хабомаи) вообще практически равна нулю. Наконец, Абэ находится под воздействием собственного политического цейтнота, обусловленного тем, что 2021 г. – крайний срок его пребывания у власти.

Возможные параметры российско-японской сделки

Если верить заявлениям Абэ, то 2019 г. может стать решающим, "кульминационным", в переговорах с Москвой по территориальной проблеме [2]. Действительно, если в течение 2019 г. сторонам не удастся достигнуть принципиальных договоренностей, вероятность прихода к соглашению в дальнейшем будет, скорее всего, только уменьшаться в связи с тем, что Абэ по мере приближения 2021 г. будет превращаться в "хромую утку", а Путин, президентский срок которого истекает в 2024 г., будет все больше занят вопросом передачи власти.

¹ Если Абэ сохранится в своей должности до ноября 2019 г, он станет самым долгим премьер-министром за всю историю Японии.

Если стороны в этот раз действительно готовы проявить политическую волю и предпринять серьезные усилия для достижения соглашения, то в чем могут состоять ключевые условия сделки? Будем исходить из того, что Япония готова заключить с Россией мирный договор на основе Московской декларации 1956 г., предусматривающей передачу Японии островов Малой Курильской гряды (Шикотана и Хабомаи). Однако это отнюдь не означает, что Россия вернет Японии Малую Курильскую гряду, довольствуясь лишь политико-юридической "нормализацией" отношений в виде подписания мирного договора. Нет сомнений, что Москва потребует от Японии чего-то гораздо более существенного, чем символику, каковой, по сути, сейчас является мирный договор. Острова Шикотан и Хабомаи и прилегающие к ним акватории являются важным материальным активом, в обмен на который Москва наверняка захочет получить от Японии столь же материальные "отступные". Сам Путин неоднократно давал это понять, подчеркивая, что декларация 1956 г. не конкретизирует, на каких именно условиях должна состояться передача островов [1]. В том же духе недавно высказался и Сергей Лавров, отметив, что Москва всегда следует международному праву, но декларация 1956 г. – это обязательство не прямого рода и, таким образом, еще предстоит обсудить детали сделки [14].

Вполне возможно, что Путин и Абэ, а также назначенные ими переговорщики уже договорились о каких-то условиях "большой сделки", но, по понятным причинам, эта информация не передается огласке. Далее мы попытаемся предположить, выполнения каких именно условий реалистично могла бы требовать Россия от Японии, исходя из своих национальных интересов. Эти условия можно разделить на три основные группы: политико-правовые, военно-политические и экономические.

Политико-правовые условия: признание Японией итогов Второй мировой войны

Москва регулярно подчеркивает, что заключение мирного договора с Токио "означает ни много, ни мало признание (Японией) итогов Второй мировой войны" [13]. Эта формулировка, прежде всего, подразумевает, что Япония должна согласиться с тем, что утрата ею Южных Курил (равно как и Южного Сахалина) стала закономерным и справедливым итогом агрессии Японской империи и ее последующего военного поражения. Советский Союз как держава-победительница стал легитимным приобретателем прав на Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи. Москва тем самым требует, чтобы Япония согласилась, что все четыре южнокурильских острова с 1945 г. законно находятся под суверенитетом СССР/России. Таким образом, возвращение Японии Шикотана и Хабомаи будет не восстановлением законности и исторической справедливости, как это хотел бы представить Токио, а исключительно актом доброй воли Москвы, что соответствует духу статьи 9 декларации 1956 г., в которой СССР пообещал передать Японии Малую Курильскую гряду, "идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства".

Для Токио принятие требования о "признании итогов Второй мировой войны" будет крайне проблематичным по двум причинам. Во-первых, сам Абэ и многие его правонационалистические единомышленники занимают весьма амбивалентную позицию по вопросу об ответственности Японии во Второй мировой войне, отказываясь признавать свою страну в качестве агрессора. Во-вторых, из "признания итогов Второй мировой войны" неизбежно вытекает и то, что Токио отказывается от дальнейших претензий на Итуруп и Кунашир, признавая законность российского владения ими. Тем самым японцы лишаются даже призрачной надежды когда-нибудь вернуть себе два главных острова Южных Курил.

Российской дипломатии будет крайне сложно заставить японских переговорщиков принять эти требования. При заключении мирного договора необходимо будет искать компромиссные формулировки, которые, с одной стороны, подразумевали бы российский суверенитет над Итурупом и Кунаширом, а, с другой стороны, позволили бы Абэ сохранить лицо. Токио вряд ли пойдет на прямой отказ в мирном договоре от претензий на Итуруп и Кунашир и признание их в качестве российской территории. Одним из возможных вариантов могла бы, например, стать формулировка, что "остающиеся нерешенные вопросы не должны препятствовать нормальному развитию отношений

России и Японии". И россиянам, и японцам, и международному сообществу будет совершенно ясно, что факт заключения мирного договора означает урегулирование двусторонних отношений и отказ Токио от дальнейшей борьбы за оставшиеся под контролем России острова. Однако отсутствие в соглашении прямого отказа Токио от Кунашира и Итурупа будет для Абэ необходимым политическим прикрытием от критики со стороны оппонентов в Японии.

Военно-политические условия: имеют ли Шикотан и Хабомаи стратегическое значение?

При обсуждении возможности передачи Японии Шикотана и Хабомаи в России часто поднимается проблема потенциального использования этих территорий для размещения военных объектов Японии и США, которые могут быть направлены и против нашей страны. И со стороны официальных лиц, и из уст ряда экспертов звучат предположения, что "на островах в одночасье могут появиться ПРО США" [19], что обладание Хабомаи и Шикотаном позволит Японии и США контролировать проход подводных лодок и других российских военных кораблей из Охотского моря в Тихий океан [20]. Соответствующие озабоченности высказывает и лично Путин: "...нас беспокоят планы размещения систем противоракетной обороны... мы не считаем, что это оборонительное оружие, это часть американского стратегического ядерного потенциала, вынесенного на периферию" [5].

Между тем даже беглый взгляд на карту заставляет усомниться в том, что Шикотан и Хабомаи имеют такую уж высокую военно-стратегическую ценность. Поскольку Малая Курильская гряда "вынесена" в Тихий океан, она не позволяет ее обладателю контролировать доступ в Охотское море. Все стратегические проливы, связывающие Охотское море с Тихим океаном, пролегают между островами главной Курильской гряды, от контроля над которыми Россия не собирается отказываться. Особое значение имеют пролив Екатерины между островами Итуруп и Кунашир, а также пролив Фриза между островами Итуруп и Уруп. Как пишет известный военный журналист Виктор Сокирко, "острова Шикотан и Хабомаи – это как молочные зубы, их выпадение члесть не ослабит и, что немаловажно, не позволит прервать сплошную линию российской морской границы" [21]. Судя по информации из открытых источников, на Шикотане и Хабомаи, в отличие от Кунашира и Итурупа, нет подразделений Минобороны РФ. Там есть только морские пограничники. Это тоже косвенно свидетельствует о невысокой военной значимости Малой Курильской гряды.

Расстояние от Хоккайдо до Шикотана составляет всего 73 километра, а до Хабомаи еще ближе. Учитывая, что радиус действия радаров американских систем ПРО измеряется в тысячах километров, не совсем понятно, в чем будет заключаться дополнительный выигрыш потенциальных противников России, если они разместят средства ПРО на Шикотане или Хабомаи. Практически с таким же эффектом они могут уже сейчас базировать ПРО на Хоккайдо или в северной части острова Хонсю. При этом следует учитывать, что в силу сложных погодных-климатических условий и островной изолированности Шикотана и Хабомаи обустройство и содержание там средств ПРО и любых других военных объектов будет обходиться гораздо дороже, чем на основной территории Японии.

Впрочем, вопрос может стоять не только о военно-политическом статусе Шикотана и Хабомаи, но и Японии в целом. Российские официальные лица, в том числе президент Путин, периодически высказываются в том духе, что решение территориальной проблемы затрудняется наличием союза Японии и США, который ограничивает суверенитет Японии и дает американцам право иметь военные базы на территории Японских островов. Пресс-секретарь российского МИД Мария Захарова недавно заявила о том, что в переговорах с Японией по заключению мирного договора должна учитываться вся дипломатическая переписка по этому вопросу, включая памятные записки правительства СССР от 1960 г. В них говорилось, что заключенный в 1960 г военный союз с США лишает Японию независимости, из-за чего "невозможно осуществление обещания Советского правительства о передаче Японии островов Хабомаи и Шикотана" [16].

В Кремле не могут не понимать, что Токио не пойдет на ослабление и тем более разрыв военно-политического союза США ради возвращения Южных Курил или хотя бы их части. Альянс с США лежит в основе внешней политики и безопасности Японии и будет оставаться таковым в обозримом будущем. Почему же тогда Москва настаивает на обсуждении военно-политических вопросов при решении территориальной проблемы? Можно предположить, что это – пример распространенной переговорной тактики, когда по определенным пунктам выдвигаются намеренно завышенные и нереализуемые требования, чтобы в итоге разменять их на уступки по другим аспектам переговоров. Это еще и элемент торга, когда российская сторона пытается повысить "стоимость" Шикотана и Хабомаи, апеллируя к их значению для обеспечения своей национальной безопасности.

Абэ вряд ли пойдет на включение в текст соглашения юридически обязывающих положений, которые бы ограничивали сферу действия американо-японского договора безопасности, в том числе в части размещения и функционирования военных объектов США на территории Японии. Компромиссным вариантом, который позволит сохранить лицо обеим сторонам, может стать включение пункта, в котором Токио пообещает, что будет стремиться воздерживаться от милитаризации переданных ему Россией островов. Еще одним решением может быть принятие, одновременно с мирным договором, отдельного политического документа, не носящего юридически обязывающего характера, в котором правительство Японии заявит, что не намерено размещать на Шикотане и Хабомаи военных объектов.

Экономические условия: компенсация в виде инфраструктурных инвестиций?

Если о степени военно-стратегической значимости Малой Курильской гряды можно дискутировать, то ее экономическая ценность не вызывает сомнений. Двухсотмильная исключительная экономическая зона вокруг Шикотана и Хабомаи богата морскими биологическими ресурсами. Шикотан является крупным центром рыбопереработки. В советские времена на сравнительно небольшом острове площадью около 200 квадратных километров располагалось шесть рыбоперерабатывающих заводов [18]. Сегодня на Шикотане действуют два рыбокомбината, принадлежащих частным российским компаниям.

Россия может и должна запросить у Японии крупную финансовую компенсацию за ресурсы Малой Курильской гряды и прилегающей акватории. Разумеется, японской стороной должны также быть покрыты все расходы, связанные с переездом с Шикотана тех его жителей – российских граждан, которые не захотят там оставаться после передачи острова под суверенитет Японии.

Поскольку передача Японии Малой Курильской гряды, по сути, станет актом доброй воли со стороны России, то россияне вправе рассчитывать на встречную добрую волю со стороны Японии. Таким жестом могут стать крупные японские инвестиции в социально-экономическую инфраструктуру Дальнего Востока. Эти вложения составят вторую – и главную – часть компенсационного пакета. Необходимость этой части сделки вызвана в том числе и тем, что у России нет денег для широкомасштабной модернизации инфраструктуры на территории Дальнего Востока. Последний раз крупные вложения в инфраструктуру региона осуществлялись в преддверие саммита АТЭС 2012 г. и, по существу, ограничились только Владивостоком. Падение цен на углеводороды, западные санкции и общее состояние стагнации российской экономики сильно истощили государственную казну. Главным приоритетом бюджета государства – а именно он всегда являлся практически единственным источником вложений в инфраструктуру на дальневосточных территориях – сегодня выступают нужды обороны и национальной безопасности. На все остальное деньги выделяются в очень скромных, если не в минимальных объемах. Это касается и расходов на развитие Дальнего Востока. Плачевное состояние инфраструктуры региона – дорог, мостов, объектов здравоохранения, образования и т.д. – одна из главных причин в целом низких (даже ниже чем в среднем по стране) уровня и качества жизни дальневосточников, что приводит к депопуляции региона и создает серьезные препятствия для

его экономического развития. Эту проблему неоднократно признавали в своих выступлениях высшие российские руководители, включая Путина и Медведева. Частные инвесторы, тем более иностранные, как правило, не желают вкладывать деньги в инфраструктурные объекты, поскольку это проекты либо коммерчески не окупаемые, либо с очень длительными сроками окупаемости.

Сделка с Японией – это сегодня практически единственный реальный шанс получить финансовые средства, которые позволят в течение пяти-семи лет существенно улучшить условия жизни на Дальнем Востоке, а равно и условия для экономической деятельности. Как на практике могла бы выглядеть подобная схема? Один из путей – создание российско-японского целевого фонда для инвестиций в объекты социально-экономической инфраструктуры на территории Дальневосточного федерального округа (дороги, мосты, электросети, аэропорты, больницы, образовательные учреждения, жилье и т.д.). Основной объем капитала целевого фонда (до 80%) будут составлять японские деньги, предоставляемые в виде безвозмездных грантов, а оставшая доля будет софинансироваться российскими организациями. Японским соучредителем предполагаемого целевого фонда скорее всего выступит Японский банк международного сотрудничества (Japan Bank for International Cooperation), который полностью принадлежит правительству Японии и одной из главных задач которого является предоставление долгосрочного финансирования, в том числе для создания объектов инфраструктуры [31]. Для Токио один из плюсов инвестиций в социальную инфраструктуру на территории Дальнего Востока состоит еще и в том, что проекты такого рода не попадают под американские санкции в отношении России, которых очень опасаются японские финансовые институты.

Объем японских инвестиций в дальневосточную инфраструктуру – предмет для переговоров и торга. Он может быть в пределах 5–20 млрд долл.,² скорее даже ближе к верхней планке, учитывая колоссальные потребности российского Дальнего Востока в строительстве и модернизации инфраструктурных объектов. Даже для богатой Японии это немалая сумма, но, при наличии политической воли, вполне посильная (например, военный бюджет страны на 2019 г. составляет около 48 млрд долл.). При этом инвестиции будут предоставляться траншами в течение пяти-семи лет. В качестве гарантии исполнения компенсационного пакета можно включить в территориальное соглашение условие: Россия окончательно передаст Японии контроль над Шикотаном и Хабомаи только после того, как Токио выполнит свои обязательства по инвестициям.

На Дальнем Востоке нет недостатка в инфраструктурных проектах, реализация которых откладывается на неопределенный срок или продвигается очень медленно из-за отсутствия финансирования и для которых японский компенсационный пакет мог бы стать спасительным. Среди таких проектов можно, например, выделить развитие инфраструктуры Владивостока. Самый крупный город Дальнего Востока, к тому же недавно официально ставший его столицей, задыхается без новой инфраструктуры. В рамках инициативы "восемь пунктов" Абэ японская компания Nikken Sekkei уже подготовила мастер-план развития Владивостока, призванный превратить его в комфортный для жизни и работы современный город. Однако денег на реализацию этого красивого плана нет. Одна только Владивостокская кольцевая автодорога, которая должна стать ключевой транспортной артерией обновленного города, обойдется в 70–80 млрд рублей [15]. Точно так же нет понятных источников финансирования для создания во Владивостоке многоуровневой дорожной сети, о необходимости которой недавно заявил Юрий Трутнев [8]. Строительство другого транспортного мегаобъекта, трассы Владивосток – Артем – Находка – порт Восточный, обойдется в 160 млрд. рублей [7]. Мост через реку Лена, о котором давно мечтают жители Якутска, может стоить около 80 млрд. рублей, и денег на его строительство тоже пока найти не удалось [6]. Впрочем, средств нет не только на строительство новых мостов, но и на ремонт старых. Как известно, в последние годы участились случаи обрушения мостовых пере-

² Суммы в долларовом исчислении даны для большего удобства. Гранты JVIC будут, вероятнее всего, предоставляться в иенах, что тоже поможет снизить санкционные риски, связанные с использованием доллара.

ходов, что объясняется крайней степенью их изношенности: большинство этих сооружений были построены еще при СССР и с тех пор ни разу капитально не ремонтировались. Только в Приморском крае требуют ремонта 400 мостов [11].

Если идея с инфраструктурными инвестициями Японии на Дальнем Востоке будет претворена в жизнь, японским компаниям может быть предоставлен преференциальный доступ к реализации этих проектов в качестве подрядчиков или субподрядчиков. От этого выиграет и российская сторона, которая сможет воспользоваться передовыми японскими технологиями, и сами японцы, поскольку часть средств вернется обратно в Японию, а построенные объекты инфраструктуры окажутся завязаны на японские технологии и оборудование.

Одна из целей "компенсационного инфраструктурного пакета" заключается в том, чтобы показать жителям России, и прежде всего дальневосточникам, что они выиграли от сделки по Шикотану и Хабомаи, и тем самым минимизировать или нейтрализовать возможное недовольство по поводу территориальной уступки Японии. Важно, чтобы все возводимые объекты инфраструктуры имели высокую социальную значимость и чтобы все без исключения территории ДВФО получили японские инвестиции, хотя, конечно, некоторым территориям, например, Приморью и Владивостоку денег достанется больше, чем другим: Приморский край является самым многонаселенным субъектом Дальнего Востока, здесь расположена его столица и, кроме того, вложения в инфраструктуру Приморья, например, в транспортные проекты, способны принести не только социальный, но и довольно быстрый экономический эффект.

Заключение: двухуровневые игры вокруг Курил

По нашему мнению, Россия должна стремиться к заключению с Японией договоренности, которая предусматривает передачу японской стороне Малой Курильской гряды, но при выполнении двух обязательных условий: во-первых, в соглашении должен быть в той или иной форме зафиксирован отказ Токио от претензий на Итуруп и Кунашир; во-вторых, Япония должна предоставить России крупный компенсационный пакет, основная часть которого будет направлена на создание и модернизацию социально-экономической инфраструктуры Дальнего Востока.

Если Путину и Абэ удастся прийти к сделке, какова вероятность того, что ее одобрит российский электорат?³ Согласно соцопросам, в ноябре 2018 г. лишь 17% россиян поддерживали возможную передачу Японии "нескольких островов Курильской гряды" [26]. Здесь можно высказать два соображения. Во-первых, национальные лидеры далеко не всегда следуют общественному мнению, когда принимают важные решения во внутренней политике, особенно если это сильные лидеры, такие как Владимир Путин. Во-вторых, общественное мнение – феномен, не отличающийся постоянством. С помощью эффективно проведенной медийной кампании у Кремля есть шанс убедить значительное количество россиян, что сделка с Японией соответствует национальным интересам России.

Наметившееся в последнее время некоторое падение рейтинга власти и лично Путина, с одной стороны, способно осложнить достижение соглашения с Японией. Кремль может решить, что уступка Малой Курильской гряды рискованна с внутривластной точки зрения, так как может еще больше негативно повлиять на качнувшийся рейтинг власти. Однако, с другой стороны, осложнившаяся внутривластная ситуация может дать Путину дополнительные козыри в переговорах с Абэ. Это следует из теории двухуровневых игр Роберта Патнэма. Она представляет процесс достижения международных договоренностей в виде модели, состоящей из двух уровней [32, с. 427–460]. На уровне 1 идут переговоры между государствами, вернее, между представляющими их переговорщиками. Однако любые договоренности и соглашения, достигнутые в ходе межгосударственных переговоров, должны быть поддержаны и ратифицированы внутри соответствующих стран. Этот процесс

³ Мы оставляем за рамками этой статьи вопрос о возможной реакции японских избирателей на территориальную сделку.

внутренних переговоров образует уровень 2. Если соглашения касаются высокополитизированных и эмоциональных вопросов, таких как национальная безопасность и границы, то достигнуть по ним внутреннего консенсуса бывает очень непросто.

Как ни парадоксально, но в ряде случаев, чем слабее будут политические позиции переговорщика внутри собственной страны, тем больше у него будет шансов получить максимально выгодное для своей страны соглашение. Главный переговорщик стороны А может заявить стороне Б: "Я бы и рад пойти с вами на компромисс, но мои соотечественники никогда с этим не согласятся, поэтому, если вы хотите соглашения, то вам придется пойти на более существенные уступки". И наоборот, если сторона Б знает, что переговорщик со стороны А обладает непререкаемым авторитетом в своей стране, это дает ей основания настаивать на том, чтобы он употребил это влияние для "продавливания" соглашения, в котором Б выигрывает сравнительно больше, чем А. Такая ситуация отчасти характеризовала российско-японские переговоры по территориальному вопросу в начале 2000-х годов, когда у Токио мелькнула надежда, что Путин, будучи сильным и популярным лидером, сможет волонтаристским путем обеспечить решение территориального вопроса [22, с. 44–63].

С точки зрения теории двухуровневых игр, некоторое ослабление политических позиций Путина может убедить японцев предложить России более выгодные условия. Токио будет понимать, что если привлекательность и выигрышность сделки не будет очевидной для максимального количества россиян, то даже Путину будет непросто "протолкнуть" такую договоренность в условиях возможного сопротивления со стороны ряда групп элиты и общественно-политических сил, таких как коммунисты, национал-патриоты, радикальная оппозиция. При этом надо заметить, что, по сравнению с Путиным, в Японии Абэ может столкнуться с гораздо большими внутривнутриполитическими трудностями при заключении компромисса по "Северным территориям". Можно с уверенностью прогнозировать, что в возможной сделке по Курилам внутренние факторы будут иметь не меньшее значение, чем международно-политические.

Литература

1. Абэ с Путиным: Япония готова обсуждать мир с Россией на основе декларации 1956 года // Официальный сайт информационного агентства "РИА Новости". [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20181115/1532850864.html> (дата обращения: 02.01.2019).
2. Абэ считает 2019 год кульминационным в переговорах с Россией [Электронный ресурс] // Russia Today. [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/world/news/589717-abe-nazval-2019-god-kulminacionnum> (дата обращения: 05.01.2019).
3. Афонин Б.М. Россия и Япония: путь к мирному договору // Вестник ДВО РАН. 2005 № 4. С. 46–68.
4. Бесспорные территории // Сайт газеты "Коммерсантъ". [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2815108> (дата обращения: 02.01.2019).
5. Большая пресс-конференция Владимира Путина 20 декабря 2018 года // Официальный сайт Президента России. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59455> (дата обращения: 05.01.2019).
6. Будет ли построен мост через Лену? Надо еще посчитать... // Информационно-аналитический портал SakhaNews. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lsn.ru/221527.html> (дата обращения: 07.01.2019).
7. В Приморье построят 146 километров скоростной трассы за 160 миллиардов // Официальный сайт газеты "Комсомольская правда". [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dv.kp.ru/online/news/3219011/> (дата обращения: 07.01.2019).
8. Во Владивостоке может появиться второй уровень дорожной сети // Городской портал VL.RU. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.news.vl.ru/vlad/2019/01/07/176981/> (дата обращения: 07.01.2019).
9. Кистанов В. Ни Москве, ни Токио мирный договор де-факто не нужен // Информационное агентство Regnum. [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/2562498.html> (дата обращения: 07.02.2019).
10. Кожевников В.В. Текущее состояние и перспективы развития российско-японских отношений // Известия Восточного института. 2016. № 4. С. 92–101.

11. Кожемяко обратился к правительству РФ за помощью в восстановлении мостов в Приморье // Официальный сайт ТАСС. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/5799569> (дата обращения: 07.01.2019).
12. Кошкин А. Японцы давно перечеркнули и аннулировали "хрущевский компромисс" // Информационное агентство Regnum. [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2555284.html> (дата обращения: 07.02.2019).
13. Лавров призвал Японию признать окончание войны // Lenta.ru. [Электронный ресурс]. URL: https://lenta.ru/news/2018/12/07/vmv_japan_itogi/ (дата обращения: 07.01.2019).
14. Лавров прокомментировал возможную передачу Японии части Курильских остров // Официальный сайт газеты "Комсомольская правда". [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp.ru/online/news/3329991/> (дата обращения: 01.01.2019).
15. Мастер-план Владивостока: ВКАД, парковки по землей, центр без машин // Vladnews. [Электронный ресурс]. URL: https://vladnews.ru/2018-05-30/131956/masterplan_vladivostoka (дата обращения: 01.01.2019).
16. МИД потребовал от Японии учитывать условия СССР по Курильским островам // РБК. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/13/12/2018/5c1226c39a79475cfd644da4> (дата обращения: 01.01.2019).
17. МИД РФ отказывается обсуждать вопрос принадлежности южных Курил // Сайт газеты "Коммерсантъ". [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2801566> (дата обращения: 02.01.2019).
18. Необитаемый остров // Сайт газеты "Коммерсантъ". [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2319867> (дата обращения: 02.01.2019).
19. О передаче Японии части Курил не может быть и речи, заявил Клишечев // Официальный сайт информационного агентства "РИА Новости". [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20190101/1548976024.html> (дата обращения: 02.01.2019).
20. Россия и Япония: ускорение к миру? // Информационно-аналитическое агентство "Восток России". [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eastrussia.ru/material/rossiya-i-yaponiya-uskorenie-k-miru/> (дата обращения: 09.01.2019).
21. Сокирко, В. Ой, мама, Шикотан: Отдав Курилы, Россия получит дыру в океане // "Свободная пресса". [Электронный ресурс]. URL: <http://svpressa.ru/war21/article/216308/> (дата обращения: 01.01.2019).
22. Стрельцов, Д.В., Лукин, А.Л. Российско-японские отношения через призму теории // Международные процессы. 2017. № 2. С. 44–63.
23. Стрельцов, Д.В. Территориальный спор заполняет все пространство российско-японских отношений // Коммерсантъ. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2982006> (дата обращения: 07.02.2019).
24. Хакамада, С. Как кардинально улучшить российско-японские отношения // Carnegieendowment.org: официальный сайт фонда Карнеги. [Электронный ресурс]. URL: https://carnegieendowment.org/files/Article_Hakamada_Russian.pdf (дата обращения: 07.01.2019).
25. Чугров С. Россия – Япония: несостоявшийся прорыв // Россия в глобальной политике [Электронный ресурс]. URL: https://globalaffairs.ru/number/n_4469 (дата обращения: 07.02.2019).
26. 17% россиян скорее поддержали бы идею передать Японии несколько островов Курильской гряды // Официальный сайт Левада-центра. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2018/11/30/17-rossiyan-skoree-podderzhali-by-ideyu-peredat-yaponii-neskolko-ostrovov-kurilskoj-gryady/> (дата обращения: 01.01.2019).
27. Abe, Putin eye stepped-up talks to conclude peace treaty // Kyodo News. [Электронный ресурс]. URL: <https://english.kyodonews.net/news/2018/11/58fb8d57d312-update1-abe-agrees-to-speed-up-talks-to-conclude-peace-treaty-with-russia.html> (дата обращения: 02.01.2019).
28. Abe, Putin tap foreign ministers to head territorial talks // The Mainichi. [Электронный ресурс]. URL: <https://mainichi.jp/english/articles/20181202/p2g/00m/0in/002000c> (дата обращения: 02.01.2019).
29. Brown James D.J. Japan, Russia and their Territorial Dispute. Abingdon: Routledge, 2016. 161 p.
30. Iwashita, A. Japan Borders Issues. Abingdon: Routledge, 2016. 144 p.
31. Japan Bank for International Cooperation // Официальный сайт JBIC. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jbic.go.jp/en/about/message.html> (дата обращения: 07.01.2019).
32. Putnam R. Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two-Level Games // International Organization. 1988. Vol. 42, №. 3. P. 427–460.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Abeh s Putinyom: YAponiya gotova obsuzhdat' mir s Rossiej na osnove deklaratsii 1956 goda // Ofitsial'nyj sayt informatsionnogo agentstva "RIA Novosti". [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://ria.ru/20181115/1532850864.html> (data obrashheniya: 02.01.2019).
2. Abeh schitaet 2019 god kul'minatsionnym v peregovorakh s Rossiej [EHlektronnyj resurs] // Russia Today. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://russian.rt.com/world/news/589717-abe-nazval-2019-god-kulminatsionnym> (data obrashheniya: 05.01.2019).
3. Afonin B.M. Rossiya i YAponiya: put' k mirnomu dogovoru // Vestnik DVO RAN. 2005 № 4. С. 46–68.
4. Besspornye territorii // Sajt gazety "Kommersant". [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2815108> (data obrashheniya: 02.01.2019).
5. Bol'shaya press-konferentsiya Vladimira Putina 20 dekabrya 2018 goda // Ofitsial'nyj sayt Prezidenta Rossii. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59455> (data obrashheniya: 05.01.2019).
6. Budet li postroen most cherez Lenu? Nado eshhe poschitat'... // Informatsionno-analiticheskij portal SakhaNews. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.lsn.ru/221527.html> (data obrashheniya: 07.01.2019).
7. V Primor'e postroyat 146 kilometrov skorostnoj trassy za 160 milliardov // Ofitsial'nyj sayt gazety "Komsomol'skaya pravda". [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.dv.kp.ru/online/news/3219011/> (data obrashheniya: 07.01.2019).
8. Vo Vladivostoke mozhet poyavit'sya vtoroj uroven' dorozhnoj seti // Gorodskoj portal VL.RU. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.newsvl.ru/vlad/2019/01/07/176981/> (data obrashheniya: 07.01.2019).
9. Kistanov V. Ni Moskve, ni Tokio mirnyj dogovor de-fakto ne nuzhen // Informatsionnoe agentstvo Regnum. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://regnum.ru/news/2562498.html> (data obrashheniya: 07.02.2019).
10. Kozhevnikov V.V. Tekushhee sostoyanie i perspektivy razvitiya rossijsko-yaponskikh otnoshenij // Izvestiya Vostochnogo instituta. 2016. № 4. S. 92–101.
11. Kozhemyako obratilsya k pravitel'stvu RF za pomoshh'yu v vosstanovlenii mostov v Primor'e // Ofitsial'nyj sayt TASS. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/5799569> (data obrashheniya: 07.01.2019).
12. Koshkin A. YApontsy davno perecherknuli i annullirovali "khrushhevskij kompromiss" // Informatsionnoe agentstvo Regnum. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2555284.html> (data obrashheniya: 07.02.2019).
13. Lavrov prizval YAponiyu priznat' okonchanie vojny // Lenta.ru. [EHlektronnyj resurs]. URL: https://lenta.ru/news/2018/12/07/vmv_japan_itogi/ (data obrashheniya: 07.01.2019).
14. Lavrov prokomentiroval vozmozhnyu peredachu YAponii chasti Kuril'skikh ostrov // Ofitsial'nyj sayt gazety "Komsomol'skaya pravda". [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.kp.ru/online/news/3329991/> (data obrashheniya: 01.01.2019).
15. Master-plan Vladivostoka: VKAD, parkovki po zemlej, tsentr bez mashin // Vladnews. [EHlektronnyj resurs]. URL: https://vladnews.ru/2018-05-30/131956/masterplan_vladivostoka (data obrashheniya: 01.01.2019).
16. MID potreboval ot YAponii uchityvat' usloviya SSSR po Kuril'skim ostrovam // RBK. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/13/12/2018/5c1226c39a79475cfd644da4> (data obrashheniya: 01.01.2019).
17. MID RF otkazyvaetsya obsuzhdat' vopros prinadlezhnosti yuzhnykh Kuril // Sajt gazety "Kommersant". [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2801566> (data obrashheniya: 02.01.2019).
18. Neobitaemyj ostrov // Sajt gazety "Kommersant". [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2319867> (data obrashheniya: 02.01.2019).
19. O peredache YAponii chasti Kuril ne mozhet byt' i rechi, zavavil Klintsevich // Ofitsial'nyj sayt informatsionnogo agentstva "RIA Novosti". [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://ria.ru/20190101/1548976024.html> (data obrashheniya: 02.01.2019).
20. Rossiya i YAponiya: uskorenie k miru? // Informatsionno-analiticheskoe agentstvo "Vostok Rossii". [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.eastrussia.ru/material/rossiya-i-yaponiya-uskorenie-k-miru/> (data obrashheniya: 09.01.2019).
21. Sokirko, V. Oj, mama, SHikotan: Otdav Kurily, Rossiya poluchit dyru v okeane // "Svobodnaya pressa". [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://svpressa.ru/war21/article/216308/> (data obrashheniya: 01.01.2019).
22. Strel'tsov, D.V., Lukin, A.L. Rossijsko-yaponskie otnosheniya cherez prizmu teorii // Mezhdunarodnye protsessy. 2017. № 2. S. 44–63.
23. Strel'tsov, D.V. Territorial'nyj spor zapolnyaet vse prostranstvo rossijsko-yaponskikh otnoshenij // Kommersant". [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2982006> (data obrashheniya: 07.02.2019).
24. KHakamada, S. Kak kardinal'no uluchshit' rossijsko-yaponskie otnosheniya // Carnegieendowment.org: ofitsial'nyj sayt fonda Karnegi. [EHlektronnyj resurs]. URL:

https://carnegieendowment.org/files/Article_Hakamada_Russian.pdf (data obrashheniya: 07.01.2019).

25. CHugrov S. Rossiya – YAponiya: nesostoyavshijsya proryv // Rossiya v global'noj politike [EHlektronnyj resurs]. URL: https://globalaffairs.ru/number/n_4469 (data obrashheniya: 07.02.2019).

26. 17% rossiyan skoree podderzhali by ideyu peredat' YAponii neskol'ko ostrovov Kuril'skoj gryady // Ofitsial'nyj sajt Levada-tsentra. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.levada.ru/2018/11/30/17-rossiyan-skoree-podderzhali-by-ideyu-peredat-yaponii-neskolko-ostrovov-kuril'skoj-gryady/> (data obrashheniya: 01.01.2019).

27. Abe, Putin eye stepped-up talks to conclude peace treaty // Kyodo News. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://english.kyodonews.net/news/2018/11/58fb8d57d312-update1-abe-agrees-to-speed-up-talks-to-conclude-peace-treaty-with-russia.html> (data obrashheniya: 02.01.2019).

28. Abe, Putin tap foreign ministers to head territorial talks // The Mainichi. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://mainichi.jp/english/articles/20181202/p2g/00m/0in/002000c> (data obrashheniya: 02.01.2019).

29. Brown James D.J. Japan, Russia and their Territorial Dispute. Abingdon: Routledge, 2016. 161 p.

30. Iwashita, A. Japan Borders Issues. Abingdon: Routledge, 2016. 144 p.

31. Japan Bank for International Cooperation // Ofitsial'nyj sajt JBIC. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.jbic.go.jp/en/about/message.html> (data obrashheniya: 07.01.2019).

32. Putnam R. Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two-Level Games // International Organization. 1988. Vol. 42, №. 3. P. 427–460.

Лукин А.Л., Шишмаков С.О. Контуры российско-японской территориальной сделки: Шикотан и Хабомаи в обмен на инвестиции в Дальний Восток?

В последние месяцы появились признаки того, что в застарелой территориальной проблеме между Россией и Японией наметились подвижки, которые, при благоприятном сценарии, могут привести к ее разрешению. В статье анализируется, на каких именно условиях, исходя из своих национальных интересов, Россия могла бы пойти на территориальную сделку с Японией. Авторы приводят доводы, что Россия должна стремиться к заключению договоренности, которая предусматривает передачу японской стороне островов Шикотана и Хабомаи, но при выполнении двух обязательных условий: во-первых, отказ Токио от претензий на Итуруп и Кунашир; во-вторых, Япония должна предоставить России крупный компенсационный пакет, основная часть которого будет направлена на создание и модернизацию социально-экономической инфраструктуры российского Дальнего Востока.

Ключевые слова: *российско-японские отношения, Курильские острова, мирный договор, территориальный спор между Японией и Россией, российский Дальний Восток*

Lukin A.L., Shishmakov S.O. A framework for a Russia – Japan territorial deal: Shikotan and Habomai in exchange for investments in the Russian Far East?

In recent months, there have been signs of some movement on the long-standing territorial problem between Russia and Japan. Under a favorable scenario, this could lead to the resolution of the Russia-Japan dispute. The article analyzes under what conditions, based on its national interests, Russia could agree to a territorial deal with Japan. The authors argue that Russia should seek a deal that would transfer the islands of Shikotan and Habomai to Japan, provided two necessary requirements are met: first, Tokyo must drop its claims to Iturup and Kunashir; and, second, Japan must grant Russia a large compensation package, the bulk of which would be spent on the construction and modernization of social-economic infrastructure in the Russian Far East.

Key words: *Russia-Japan relations, the Kuril Islands, peace treaty, territorial dispute between Japan and Russia, the Russian Far East*

Для цитирования: Лукин А.Л., Шишмаков С.О. Контуры российско-японской территориальной сделки: Шикотан и Хабомаи в обмен на инвестиции в Дальний Восток? // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 1. С. 150–160. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/150-160

For citation: Lukin A.L., Shishmakov S.O. A framework for a Russia – Japan territorial deal: Shikotan and Habomai in exchange for investments in the Russian Far East? // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 1. P. 159–160. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/150-160

**Псевдонаучная и неоязыческая риторика
в среде российских соотечественников в Белоруссии
(на примере текстов Н.М. Сергеева)**

После распада Советского Союза многие люди, принадлежащие к русской культуре и к культурам народов России, оказались за пределами основной территории проживания своих этнокультурных групп. В новых постсоветских государствах стали появляться общественные организации, пытающиеся сохранить идентичность и культурные особенности в изменившихся условиях существования. Однако попытка сохранения, а тем более возрождения культурных традиций столкнулась с огромным количеством полуинтеллектуальных конструкций, отсылающих к политической, этнической, конфессиональной и прочим мифологиям. Романтизм периода Перестройки можно объяснить тем, что открылась масса новых сведений, которые были недоступны при советской власти. Однако помимо реальных фактов, проливающих свет на прошлое, возникло множество ложных фактов, которые изобретались для создания нужного образа того или иного события. Помимо этого, ряд фактов был неудачно или непрофессионально интерпретирован. Не минуло это и русские культурные организации на постсоветском пространстве, особенно те, в составе которых не было профессиональных учёных – историков или филологов. Очень серьёзно отразилось это на попытках возродить некие древние, якобы изначальные русские или славянские традиции. Члены организаций попросту не отличали традицию от современного новодела. Удревнение представлений о собственной развитой цивилизации подталкивало к выводу о развитой дохристианской культуре Руси, в которую стали вплетаться не только неграмотные (в силу отсутствия хоть какой-то профессиональной подготовки) интерпретации научных исследований, но и откровенные фальсификации. Более того, активисты нового, якобы правильного взгляда на собственную дохристианскую историю, посчитали себя знатоками и остальных исторических периодов. Имея весьма слабое представление о профессиональной деятельности учёного, эти люди начали заниматься историей всего периода от древности до современности. Более того, поскольку данные "исторические открытия" так или иначе делались в русле русофильской риторики, эти люди оказались поддержаны российской дипломатией. В частности, в Белоруссии в Центре российской науки и культуры и в изданиях российских соотечественников псевдонаучные воззрения тесно переплелись с неоязыческими заявлениями. Именно эта смесь подаётся в средствах массовой информации и в выступлениях перед публикой (даже на конференциях, которые обозначены как научные) под видом каких-то научных изысканий.

В частности, заместитель руководителя Белорусского общественного объединения "Русь" Н.М. Сергеев утверждает, что "согласно современным исследованиям, свидетельствам исторических источников и данным этнографии славяне были почитателями Солнца и Огня, что нашло непосредственное отражение как в таком явлении, как славянское узорчье (орнаментика), так и в самом названии – славяне", а также "современное же слово "славяне" или как говорили в старину, "словене" (сло-вене) состоит из двух частей: "вен-е" – народ и "сло" (от слонце – солнце), поэтому его значение можно определить как "народ солнца" [17]. Естественно, что никаких "современных исследований", а также свидетельств исторических источников и данных этно-

графии автор не приводит. Также существуют иные похожие версии, которые без всяких оснований предлагаются как некие доказанные истины. Пример словотворчества Н.М. Сергеева показывает, как не имеющий профессиональной подготовки человек занимается тем, что ищет созвучия, выдавая их за некие доказанные данные. Профессиональные же филологи предполагают происхождение названия славян от других корней (См., например, статью О.Н. Трубочёва [24, с. 12–14]). Тот же Н.М. Сергеев выводит слово "русь" из "арийской древности", видимо, не зная, что учёные до сих пор не определились с его происхождением. Н. М. Сергеев как стандартный представитель (скорее транслятор, чем создатель) лженауки не смог обойти стороной Аркаим и все неоязыческие мифы, с ним связанные. Оказывается, находки в Аркаиме показали, что "именно на Южном Урале было изобретено колесо в том виде, в котором мы его знаем сегодня" [17], хотя в реальности колесо появилось раньше и не в Аркаиме [26]. Также странно звучит тезис, что "работая по методике знаменитого учёного М.М. Герасимова", российские археологи не только установили внешний вид жителей Аркаима, но и выяснили, что те были "светловолосые и светлоглазые" [17]. Как по черепу можно установить цвет глаз и волос, Н.М. Сергеев явно не задумывается.

Неоязыческое видение распространяется не только на историю "ариев", но и на раннюю историю Руси. В частности, тот же Н.М. Сергеев в марте 2012 г. в рамках историко-публицистического цикла "Истоки Руси. Славяне и Русь изначальная" сделал доклад, обозначенный как научный, в котором он рассказал об археологических раскопках и научных исследованиях, "подтверждающих существование славян, славянских обрядов и символики" [10]. Н.М. Сергеев, видимо, не очень понимает, что исследования славян и изучение их обрядов начались даже не в прошлом веке, и подтверждать реально существующее нет смысла. Помимо странных, с точки зрения науки, докладов на мероприятии прозвучали также "древнеславянские песни". Показательно, что на мероприятии присутствовал бывший в то время руководителем Представительства Россотрудничества в Белоруссии В.А. Малашенко, который, солидаризируясь с псевдонаучными докладами, заявил, что "связь поколений не разорвана, значит, растёт достойная смена". Тот же В. А. Малашенко отметил и на другом антинаучном мероприятии – просмотре фильма сатирика М. М. Задорнова "Рюрик. Потерянная быль". Перед просмотром фильма В.А. Малашенко рассказал, "как важно любому народу знать и чтить свои корни" [28], видимо, всерьёз полагая, что качественный сатирик обязательно должен быть качественным историком.

Н.М. Сергеев оказался не только знатоком ранней истории славян, он с лёгкостью делает попытку "приоткрыть многие секреты ратного дела на Руси" и говорит об "обрядках, совершаемых дружинниками перед битвой" [19], а также является знатоком лингвистики. В частности, он уверенно находит в современных географических названиях "свидетельства той уже очень далёкой арийской Руси" [12]. О лженаучности подобных лингвистических "открытий" говорили многие учёные, например, А.А. Зализняк [27], а для любителей подменять лингвистику ничем не подтверждёнными домыслами в настоящее время появилось даже собственное обозначение – лингвофрики [5]. Для подтверждения своих слов Н.М. Сергеев "каждому образованному человеку" советует "познакомиться с трудами таких выдающихся учёных, исследователей славянской старины, как Борис Рыбаков, Наталья Гусева, Светлана Жарникова, Михаил Серяков" [12]. Из перечисленных лишь Б.А. Рыбакова можно назвать исследователем славянской старины. Однако его работы активно критиковались коллегами, а некоторые считали Рыбакова дилетантом за пределами узкой специализации [9, с. 70]. С.В. Жарникова, хоть и изучала старину, но северорусскую, отклонялась от науки в сторону использования санскрита для прочтения несанскритских топонимов. Н.Р. Гусева занималась индийскими мотивами, а не славянской стариной. Что же касается М.Л. Серякова, он вообще-то не относится ни к "исследователю славянской старины" (если только назвать его лжеисследователем), ни тем более к "выдающимся учёным".

Накануне Нового года различные публицисты начинают вспоминать о главных символах праздника, в том числе о Деде Морозе и Снегурочке. Поскольку и тот и другой новогодние персонажи давно и прочно вошли в на-

родный фольклор, большинство людей воспринимает их как очень древнее явление. Н.М. Сергеев, описывая Деда Мороза и Снегурочку, также идёт на поводу массовых заблуждений. Однако он ещё серьезнее фальсифицирует представления о новогодних персонажах, описывая их с точки зрения неоязыческих преставлений [13]. Текст его статьи проиллюстрирован несколькими изображениями Деда Мороза и Снегурочки. Н.М. Сергеева интересует вопрос: "А кто он, наш русский Дед Мороз?", – на который он сам же и даёт ответ: "Этот сказочный образ имеет очень давнюю, уходящую корнями в глубокую старину историю и выступает персонажем древних славянских легенд и преданий". Шуба Деда Мороза, по утверждению Н.М. Сергеева, расшита восьмиконечными звёздами и старинным славянским орнаментом. Однако на приведённых иллюстрациях ни у одного Деда Мороза на шубе нет орнамента. У одного из трёх Дедов Морозов вообще нет звёзд на шубе, у второго – украшение в виде лепестков, исходящих из одного центра (допустим, что это трансформированные звёзды). Но на шубе лепестков, т.е. условных лучей звезды, семь, а на варежке – шесть. Третий Дед Мороз также изображён с узорами, но в них легко опознаются не звёзды, а снежинки, причём, четырёхлучевые, каждый из лучей которых расходится ещё на три. В общем, ничего, чтобы изображало восьмилучевую звезду, на изображениях Дедов Морозов нет. Зато дополнительно приведено изображение так называемого "знаменитого оберега Звезда Руси". Н.М. Сергеев не уточняет, что оберег знаменит лишь у неоязычников. Да и к тому же абрис оберега разительно напоминает контур эмблемы одной радикальной русской организации, а не новогоднюю звезду или снежинку. Описывая одежду новогоднего Деда далее, Н.М. Сергеев указывает, что шапка у него "с треугольным вырезом, означающим рога, несущие великую силу". Но на изображениях к статье лишь один Дед Мороз является обладателем такой шапки, остальные имеют сплошную опушку без всяких "рогов". Посох Деда Мороза, как пишет Сергеев, "с Алатырь-звездой на конце", хотя на приведённых изображениях лишь два Деда Мороза имеют такой посох, ещё у одного посох загнут. Т.е. перечень признаков Деда Мороза, приводимый Н.М. Сергеевым, не совпадает с изображениями Дедов Морозов.

В отношении Снегурочки М.Н. Сергеев резонно указывает, что это сугубо русский персонаж, но на этом объективные данные о Снегурочке заканчиваются. Сергеев ссылается на С.В. Жарникову, которая утверждала, что "образ Снегурочки, постоянно сопровождающей Деда Мороза, пришёл из далёких времён индоевропейской общности, когда он воплощал застывшие воды", от чего появилось одно из названий Снегурочки – Ледяная внучка. В тексте приведено изображение напарницы Деда Мороза, подписанное "Снегурочка – древнее русское божество".

Несмотря на то, что образы Деда Мороза и Снегурочки вызывают ассоциации с языческими верованиями, они на самом деле достаточно молоды. Дед Мороз как новогодний персонаж появился в России лишь к середине XIX в. под западным влиянием, хотя его образ и базировался на аллюзиях, связанных с представлениями о языческом Морозе. Окончательно оформился в своём нынешнем статусе Дед Мороз только в начале XX в. Снегурочка в качестве внучки Деда Мороза ещё более молода. До революции появились новогодние игрушки в виде Снегурочки, в Снегурочек наряжались девочки, но как внучка и помощница Деда Мороза Снегурочка сформировалась лишь во второй половине 30-х гг. XX в. Её образ как внучки Деда Мороза в русской обрядовой фольклорной традиции отсутствует вообще. Единственное упоминание о Снегурочке – известная сказка, литературную версию которой создал А.Н. Островский. Но эта Снегурочка никакого отношения к новогодней внучке Деда Мороза не имеет (за исключением сходных имён). Впервые Дед Мороз и Снегурочка появились вместе в 1937 г. [6]. А "сюжет и состав персонажей новогодних представлений советского времени можно считать устоявшимся окончательно к началу пятидесятих годов" [1, с. 183]. К середине XIX в. традиция рождественской ёлки только формировалась, причём, её формирование происходило в городской среде. И в этот период "нет ещё ни Мороза, ни Снегурочки в качестве обязательных персонажей новогоднего ритуала" [1, с. 175]. Это нельзя объяснить тем, что к XIX в. русские забыли свои старые дохристианские персонажи, а потом якобы стали их возрождать.

Таких персонажей в общеславянской обрядовой традиции попросту никогда не существовало [1, с. 175].

Также Н.М. Сергеев транслирует неоязыческое утверждение о том, что древнерусское язычество называлось русской верой [16]. Однако это заявление Н.М. Сергеева противоречит имеющимся историческим источникам. Документального подтверждения того, что язычество называлось русской верой, нет, а вот то, что Православие – это и есть русская вера подтверждено многочисленными документами и научными исследованиями. В частности, академик П.П. Толочко писал уже о христианском периоде истории Руси, что "в отличие от термина "Украина" и "Малая Русь", название "Русь" [...] одинаково применялось к стране, народу, языку и вере" [23]. Однозначно термин "русская вера" как синоним термина "Православие" выступает в документах конца XVI–XVII в. Русской верой называют Православие преподобный Иоанн Вишенский [3, с. 205], Мелентий Смотрицкий [25, с. 179], игумен полоцкого Воскресенского монастыря Афиноген (Крыжановский) [25, с. 380]. Помимо лиц духовных это подтверждают и светские люди того времени. Например, француз Г.Л. де Боплан, который в "Описании окраин Королевства Польши, простирающихся от пределов Московии, вплоть до границ Трансильвании" писал, что "русь или казаки" "исповедуют греческую веру, называя её по-своему русской (Rus)" [2, с. 155 – 157]. Да и в начале XX в. жители Галиции под русской верой понимали Православное христианство, а под польской – Католическое [20, с. 406]. Печатающиеся на том же сайте, что и Н. М. Сергеев, авторы под русской верой однозначно понимают Православие, называя православных "людьми веры руськой" [8]. Да и сам Н.М. Сергеев в одной из статей указывает, что русская вера – это Православие или униатство [14], что противоречит его утверждениям об именовании язычества русской верой.

Помимо "седой древности", любимой всеми склонными к неоязычеству, Н.М. Сергеев выступает как знаток и других периодов истории. Его якобы исторический интерес достаточно обширен. Он наполняет историю современными представлениями о межгосударственных и межэтнических отношениях, стараясь в лучших традициях идеологически ангажированных публицистов, найти национально-освободительную борьбу в действиях людей прошлых эпох. Так, М.Н. Сергеев считает, что началом "западнорусского (белорусского) народно-освободительного движения" стал 1385 г., когда полоцкий князь Андрей Ольгердович выступил против Кривской унии, заключённой великим князем литовским Ягайло с поляками [4]. Выступление Андрея Ольгердовича против унии действительно было, но "западнорусским (белорусским) народно-освободительным движением" его назвать нельзя, т.к. выступление полоцкого князя не было народным, поскольку народная масса в действиях князя участия не принимала. Движением это выступление также не было, т.к. движение характеризуется массовостью, чего на тот момент не было. Помимо того, полоцкий князь пригласил в коалицию смоленского князя, латгалов и крестоносцев. Получается, что противостояние католиков-крестоносцев и католиков-поляков является "западнорусским (белорусским) народно-освободительным движением".

Часто Н.М. Сергеев упоминает события 30-х гг. XV в. в Литовской Руси, когда между двумя частями расколовшегося на время Великого Княжества Литовского шла борьба за трон. Князь Свидригайло, опиравшийся на русские и, следовательно, православные земли, находившиеся в составе Литвы, боролся с объявленным великим князем литовским Сигизмундом, которого поддерживали католические земли Литвы и Польша. С точки зрения Н.М. Сергеева, суть этой борьбы была идеологическая. Поэтому, по его мнению, "эту героическую страницу западнорусского (белорусского) прошлого исторический официоз просто скрывает от общественности" [11]. На самом же деле, документы того периода показывают что "[...] нет серьёзных оснований считать, что Свидригайло олицетворял собой "упущенный шанс" изменить положение русских земель в ВКЛ [Великом Княжестве Литовском – А.Г.] или даже объединить русские земли вокруг Вильно. Собирая вокруг себя союзников, он руководствовался прежде всего практическими, а не идеологическими, соображениями, и обращал внимание в первую очередь на Тевтонский орден и римского короля Сигизмунда Люксембургского, а не на русские земли. Политическая деятельность великого князя Свидригайла была одной из попыток

повысить самостоятельность Великого княжества Литовского. Надо признать, попытка эта была не самой удачной [...]" [18]. Более того, не подтверждается "долгое время преобладавшее мнение о том, что князь Свидригайло был предводителем, так называемой, православной партии русинов. Источники не подтвердили того факта, что Свидригайло принял православие. Напротив, [...] Свидригайло всю жизнь был очень набожным католиком. Прийдя к власти после смерти Витовта Великого Свидригайло не менял великокняжеского окружения и сначала опирался на людей, которых "унаследовал" у Витовта. Когда большей части этих людей не понравилась его политика, особенно в отношении Польши, Свидригайло свергли с трона. Но он сохранил определённые позиции, как законный правитель, на землях русинов" [22].

Н.М. Сергеев видит борьбу за Русский Мир в восстании Михаила Глинского в 1508 г.: "Глинские последовательно выступали против польского владычества на Западной Руси, и, когда мирные методы противодействия польской экспансии были исчерпаны, они выступили вооружённым путём" [4]. Но для восстания был другой повод. По навету противников князь Михаил Глинский был лишён должностей при дворе литовского монарха. Не добившись возвращения ко двору, князь при помощи своих родственников поднял восстание. В это время шла московско-литовская война, и восставшие вполне логично примкнули к московским войскам. И всё это выдаётся за попытку "противодействия польской экспансии".

Ещё одно направление активности того же Н.М. Сергеева – это попытка приспособить западнорусизм под неоязыческие реалии. Западнорусизм – широкое общественное течение, которое воспринимает русских, белорусов и украинцев как русских в расширительном, культурном плане. Западнорусизм идеологически окончательно оформился во второй половине XIX в. стараниями православной (как духовной, так и светской) интеллигенции. Время формирования западнорусизма как явной идеи, скорее всего – период активного польско-католического влияния на земли Литовской Руси (примерно, XV–XVI вв.), где он возник как реакция на ополячивание и окатоличивание. В то время земли Великого Княжества Литовского перешли в орбиту влияния польской культуры, но старые традиционные связи Литовской Руси с остальными частями Русской земли ещё были сильны. Т.е. западнорусизм появился и развивался как предствление о собственной рускости и православных духовно-культурных ценностях. После революции западнорусизм стал непопулярен, т.к. во многом противоречил советской идеологии, но он продолжал доминировать в массовом сознании. Т.е. во времена СССР идейные разработки западнорусизма существовали в народных представлениях белорусов о себе. Это ярко проявилось после распада СССР, когда белорусы массово проигнорировали антирусские лозунги белорусского национализма. После распада СССР стала возрождаться интеллектуальная составляющая западнорусизма. Она объединила людей, которые понимали, откуда происходят истоки явления, какая духовная база лежит в основании идеи. Но неоязыческие активисты постарались приспособить интеллектуальные наработки для придания себе статуса традиционности в западнорусской среде. Так, для того, чтобы вписать в идеологию западнорусизма неоязыческие представления, Н.М. Сергеев заявил, что западнорусизм должен быть светским и что якобы "некоторые деятели, подвигающиеся на данном поприще, пытаются придать западнорусизму едва ли не религиозный характер" [21]. Также Н.М. Сергеев обвинил редактора интернет-портала "Западная Русь" И.Ф. Зеленковского в том, что тот "пытается выставить себя в качестве единственного определителя западнорусского движения" и к тому же "извращает сам смысл западнорусизма, суть которого он не способен понять в связи с ограниченностью своего мировосприятия" [15]. На самом деле религиозный характер западнорусизму не придаётся, но подчёркивается то, что он базируется на христианских, в первую очередь, на православных ценностях. Т.е. западнорусизм существует как светское движение, которое выступает против солидаризации с псевдотрадициями и лженаучными утверждениями. Заявление по поводу ограниченности мировосприятия стоит применить к самому Н.М. Сергееву, поскольку он не в состоянии различить истинные и ложные факты, традиции и псевдотрадиции, науку и лженауку. Неоязычество же никакого отношения к западнорусизму не имеет. В дохристианскую эпоху за-

паднорусизма ещё не существовало, поэтому старое, естественное накануне крещения Руси язычество не может служить базой для западнорусизма. Неоязычество же оформилось совершенно недавно, т.е. оно также не может восприниматься как традиционная база западнорусизма, поскольку оно моложе его. К тому же западнорусизм в духовном смысле опирается на христианские ценности, что не даёт возможности неоязычеству выступать в виде какой-то базы для западнорусизма. В силу отсутствия какой-либо разумной возможности легально встроиться с неоязыческими идеями в западнорусизм, Н.М. Сергеев обвиняет западнорусистов в том, что те "при всем их "русофильском" лицемерии, крайне враждебно относятся к славянству, русскому народу и русской народной культуре" [15]. С точки зрения Н.М. Сергеева объективное и поэтому критическое отношение к неоязыческим фальсификациям славянской и русской истории определяется как враждебное. Русскую народную культуру западнорусисты понимают именно как русскую и как народную, а не как недавно созданный конструкт из неграмотных представлений.

Как отметил Н.М. Сергеев в интервью по итогам 2017 г.: "На постоянной основе мы проводим просветительские и этнографические праздники" [7]. Если просвещение и этнография базируется на лженаучных утверждениях, распространяемых Н.М. Сергеевым в виде якобы научно-популярных публикаций, тогда стоит задуматься и о просветительской составляющей, и об этнографической ценности данных мероприятий.

Неспособность Н.М. Сергеева к научной рефлексии и использование неоязыческой оптики в представлениях о прошлом не позволяет ему критически относиться к научным работам и не даёт возможности отличить собственно научные тексты от ненаучных. Распространение подобных утверждений, выдаваемых за некие объективные данные или научные открытия, создаёт у незнакомого с предметом читателя сфальсифицированное представление о прошлом, а публикации Н.М. Сергеева на сайтах российских соотечественников бросают тень на всю группу лиц, определяемых как соотечественники. В итоге со стороны российских соотечественников в Белоруссии широко транслируется антинаучная, в лучшем случае, неграмотно скомпилированная версия истории, которая ставит вопрос о научно-исследовательских способностях самих активистов организаций соотечественников и о профессиональной подготовке сотрудников Центра российской науки и культуры, неспособных отличить науку от антинауки, а культуру от её псевдокультурного заменителя.

Литература

1. Адоньева С. Дух народа и другие духи. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2009. 287 с.
2. Боплан Г.Л. де. Описание Украины. М.: Древлекхранилище, 2004. 576 с.
3. Вишенский И. Сочинения. М.-Л.: Издательство Академии наук ССР, 1955. 373 с.
4. Где исток белорусской государственности? Интервью с заместителем председателя БОО "Русь" // Общественно-политический интернет-журнал "Чеснок". [Электронный ресурс]. URL: <https://cont.ws/@chesnok/264215> (дата обращения 28.05.2017).
5. Граммар-наци живут, процветают и размножаются // Pravmir.ru – Православие и мир. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravmir.ru/grammar-natsi-zhivut-protsvetayut-i-razmnozhayutsya/#ixzz3UXcn0DPw> (дата обращения: 23.10.2017).
6. Душечкина Е. Дед Мороз и Снегурочка // Журнальный зал. [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2003/1/2003_01_31.html#_ftnref15 (дата обращения: 31.12.2017).
7. Интервью заместителя Председателя БОО "Русь" Н.М. Сергеева по итогам 2017 года // Вместе с Россией. Сайт общественных организаций российских соотечественников в Республике Беларусь. [Электронный ресурс]. URL: http://rossbel.ru/about/news_post/intervyu-zamestitelya-predsedatelya-boo-rus-n-m-sergeyeva-poitogam-2017-goda (дата обращения 31.12.2017).
8. Кирилл Метелица: Люди веры русской. Православные братства в Речи Посполитой // Вместе с Россией. Сайт общественных организаций российских соотечественников в Республике Беларусь. [Электронный ресурс]. URL: http://rossbel.ru/analitika-portala-vmeste-s-rossiey/news_post/kirill-metelitsa-lyudi-very-russkoj-pravoslavnyue-bratstva-v-rechi-pospolitoy (дата обращения: 28.12.2017).

9. Клейн Л.С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. СПб.: Евразия, 2004. 480 с.

10. Не иссякает интерес к русской истории // Русь молодая – Молодёжь Союза – Информационный портал. [Электронный ресурс]. URL: <http://rumol.org/ne-issyakaet-interes-k-russkoj-istorii/> (дата обращения: 23.10.2017).

11. Николай Сергеев: Белоруссия как часть Русского мира // Вместе с Россией. Сайт общественных организаций российских соотечественников в Республике Беларусь. [Электронный ресурс]. URL: http://ross-bel.ru/analitika-portala-vmeste-s-rossiey/news_post/nikolay-sergeyev-belorussiya-kak-chast-russkogo-mira (дата обращения: 10.07.2018).

12. Николай Сергеев: Белорусская государственность может быть полноценной только в рамках Русского мира (видео) // Вместе с Россией. Сайт общественных организаций российских соотечественников в Республике Беларусь. [Электронный ресурс]. URL: http://ross-bel.ru/analitika/article_post/nikolay-sergeyev-belorusskaya-gosudarstvennost-mozhet-byt-polnotsennoy-tolko-v-ramkakh-russkogo-mira-video (дата обращения: 23.10.2017).

13. Николай Сергеев: Дед Мороз и Снегурочка: когда они пришли на Русь? // Вместе с Россией. Сайт общественных организаций российских соотечественников в Республике Беларусь. [Электронный ресурс]. URL: http://ross-bel.ru/about/news_post/nikolay-sergeyev-ded-moroz-i-snegurochka-kogda-oni-prishli-na-rus (дата обращения: 27.12.2017).

14. Николай Сергеев: Католицизм и Западная Русь: история вопроса, часть 6. Вместе с Россией. Сайт общественных организаций российских соотечественников в Республике Беларусь. [Электронный ресурс]. URL: http://ross-bel.ru/analitika-portala-vmeste-s-rossiey/news_post/nikolay-sergeyev-katolitsizm-i-zapadnaya-rus-istoriya-voprosa-chast-6 (дата обращения: 28.12.2017).

15. Николай Сергеев: Осторожно, провокаторы!!! // Русь молодая – Молодёжь Союза – Информационный портал. [Электронный ресурс]. URL: <http://rumol.org/3308/> (дата обращения 23.10.2017).

16. Николай Сергеев: Праздник России и Русского мира, часть 1 // Вместе с Россией. Сайт общественных организаций российских соотечественников в Республике Беларусь. [Электронный ресурс]. URL: http://ross-bel.ru/analitika-portala-vmeste-s-rossiey/news_post/nikolay-sergeyev-prazdnik-rossii-i-russkogo-mira-chast-1 (дата обращения: 22.12.2017).

17. Николай Сергеев: Солнечный исток славянской культуры // Вместе с Россией. Сайт общественных организаций российских соотечественников в Республике Беларусь. [Электронный ресурс]. URL: http://ross-bel.ru/analitika-portala-vmestes-rossiey/news_post/nikolay-sergeyev-solnechnyy-istok-slavyanskoy-kultury (дата обращения: 27.10.2017).

18. Полевых С.В. Великий князь Литовский Свидригайло и его свержение // Istorja.ru. [Электронный ресурс]. URL: <http://istorja.ru/forums/topic/2153-svidrigaylo-i-ego-sverzhenie/> (дата обращения: 10.07.2018).

19. Русские чтения: "Воинские традиции на Руси" завершились в Минске // Русь молодая – Молодёжь Союза – Информационный портал. [Электронный ресурс]. URL: <http://rumol.org/russkie-chteniya-voinskie-tradicii-na-rusi-zavershilis-v-minske/> (дата обращения: 23.10.2017).

20. Священномученик Иларион (Троицкий). Творения. В 3 т. Т. 3. М.: Издание Сретенского монастыря, 2004. 604 с.

21. Сергеев Н.М. Западнорусская идея и Союзное государство // Материк. Информационно-аналитический портал постсоветского пространства. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.materik.ru/country/detail.php?ID=14932> (дата обращения 25.10.2017).

22. Сергей Полевых. Как Великое Княжество Литовское правило на землях русинов // Russia Tomorrow. [Электронный ресурс]. <https://clck.ru/FFhLm> (дата обращения: 10.07.2018).

23. Толочко П. Русь, Мала Русь, русский народ у другой половины XIII – XVII ст. // Справжня Україна. <http://rukraine.su/2016/01/rus-mala-rus-ruskiy-narod-u-drugiy-polovini-hiii-hvii-st/> (дата обращения: 23.11.2017).

24. Трубочёв О.Н. Из исследований по славянскому словообразованию: генезис модели на -ěnipъ *-janipъ // Этимология 1980. М.: Наука, 1982. С. 3–16.

25. Уния в документах: Сборник. / Составители В.А. Теплова, З.И. Зуева. Минск: Лучи Софии, 1997. 520 с.

26. Чередниченко Н.Н., Пустовалов С.Ж. Боевые колесницы и колесничие в обществе катакомбной культуры (по материалам раскопок в нижнем Поднепровье) // Библиотека Annales. [Электронный ресурс]. URL: <http://annales.info/bronza/war/chariot.htm> (дата обращения: 23.10.2017).

27. Что такое любительская лингвистика // Полит.ру [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2010/07/01/zalizniak/> (дата обращения: 23.10.2017).

28. Шибковская Д. История славян – история тысячелетий // Русь молодая – Молодёжь Союза – Информационный портал. [Электронный ресурс]. URL: <http://rumol.org/diana-shibkovskaya-istoriya-slavyan-istoriya-tysyacheletij/> (дата обращения: 23.10.2017).

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Adon'eva S. *Dukh naroda i drugie dukhi*. SPb.: Amfora. TID Amfora, 2009. 287 s.
2. Boplan G.L. de. *Opisanie Ukrainy*. M.: Drevlekhranilishhe, 2004. 576 s.
3. Vishenskiy I. *Sochineniya*. M.-L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSR, 1955. 373 s.
4. Gde istok belorusskoj gosudarstvennosti? Interv'yu s zamestitелем predsedatelya BOO "Rus'" // *Obshhestvenno-politicheskij internet-zhurnal "Chesnok"*. [Электронный ресурс]. URL: <https://cont.ws/@chesnok/264215> (дата обращения 28.05.2017).
5. Grammar-natsi zhivot, protsvetayut i razmnozhayutsya // *Pravmir.ru – Pravoslavie i mir*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ppravmir.ru/grammar-natsi-zhivot-protsvetayut-i-razmnozhayutsya/#ixzz3UXcn0DPw> (дата обращения: 23.10.2017).
6. Dushechkina E. *Ded Moroz i Snegurochka* // *ZHurnal'nyj zal*. [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2003/1/2003_01_31.html#_ftnref15 (дата обращения: 31.12.2017).
7. Interv'yu zamestitelya Predsedatelya BOO "Rus'" N.M. Sergeeva po itogam 2017 goda // *Vmeste s Rossiej*. Sajt obshhestvennykh organizatsij rossijskikh sootchestvennikov v Respublike Belarus'. [Электронный ресурс]. URL: http://ross-bel.ru/about/news_post/intervyu-zamestitelya-predsedatelya-boo-rus-n-m-sergeyeva-po-itogam-2017-goda (дата обращения 31.12.2017).
8. Kirill Metelitsa: Lyudi very russkoj. Pravoslavnye bratstva v Rechi Pospolitoj // *Vmeste s Rossiej*. Sajt obshhestvennykh organizatsij rossijskikh sootchestvennikov v Respublike Belarus'. [Электронный ресурс]. URL: http://ross-bel.ru/analitika-portala-vmeste-s-rossiej/news_post/kirill-metelitsa-lyudi-very-russkoj-pravoslavnyye-bratstva-v-rechi-pospolitoy (дата обращения: 28.12.2017).
9. Klejn L.C. *Voskreshenie Peruna. K rekonstruktsii vostochnoslavjanskogo yazychestva*. SPb.: Evraziya, 2004. 480 s.
10. Ne issyakaet interes k russkoj istorii // *Rus' molodaya – Molodyozh' Soyuz – Informatsionnyj portal*. [Электронный ресурс]. URL: <http://rumol.org/ne-issyakaet-interes-k-russkoj-istorii/> (дата обращения: 23.10.2017).
11. Nikolaj Sergeev: Belorussiya kak chast' Russkogo mira // *Vmeste s Rossiej*. Sajt obshhestvennykh organizatsij rossijskikh sootchestvennikov v Respublike Belarus'. [Электронный ресурс]. URL: http://ross-bel.ru/analitika-portala-vmeste-s-rossiej/news_post/nikolaj-sergeev-belorussiya-kak-chast-russkogo-mira (дата обращения: 10.07.2018).
12. Nikolaj Sergeev: Belorusskaya gosudarstvennost' mozhet byt' polnotsennoj tol'ko v ramkakh Russkogo mira (video) // *Vmeste s Rossiej*. Sajt obshhestvennykh organizatsij rossijskikh sootchestvennikov v Respublike Belarus'. [Электронный ресурс]. URL: http://ross-bel.ru/analitika/article_post/nikolaj-sergeev-belorusskaya-gosudarstvennost-mozhet-byt-polnotsennoj-tolko-v-ramkakh-russkogo-mira-video (дата обращения: 23.10.2017).
13. Nikolaj Sergeev: *Ded Moroz i Snegurochka: kogda oni prishli na Rus'?* // *Vmeste s Rossiej*. Sajt obshhestvennykh organizatsij rossijskikh sootchestvennikov v Respublike Belarus'. [Электронный ресурс]. URL: http://ross-bel.ru/about/news_post/nikolaj-sergeev-ded-moroz-i-snegurochka-kogda-oni-prishli-na-rus (дата обращения: 27.12.2017).
14. Nikolaj Sergeev: *Katolitsizm i Zapadnaya Rus': istoriya voprosa, chast' 6*. *Vmeste s Rossiej*. Sajt obshhestvennykh organizatsij rossijskikh sootchestvennikov v Respublike Belarus'. [Электронный ресурс]. URL: http://ross-bel.ru/analitika-portala-vmeste-s-rossiej/news_post/nikolaj-sergeev-katolitsizm-i-zapadnaya-rus-istoriya-voprosa-chast-6 (дата обращения: 28.12.2017).
15. Nikolaj Sergeev: *Ostorozhno, provokatory!!!* // *Rus' molodaya – Molodyozh' Soyuz – Informatsionnyj portal*. [Электронный ресурс]. URL: <http://rumol.org/3308/> (дата обращения 23.10.2017).
16. Nikolaj Sergeev: *Prazdnik Rossii i Russkogo mira, chast' 1* // *Vmeste s Rossiej*. Sajt obshhestvennykh organizatsij rossijskikh sootchestvennikov v Respublike Belarus'. [Электронный ресурс]. URL: http://ross-bel.ru/analitika-portala-vmeste-s-rossiej/news_post/nikolaj-sergeev-prazdnik-rossii-i-russkogo-mira-chast-1 (дата обращения: 22.12.2017).
17. Nikolaj Sergeev: *Solnechnyj istok slavyanskoj kul'tury* // *Vmeste s Rossiej*. Sajt obshhestvennykh organizatsij rossijskikh sootchestvennikov v Respublike Belarus'. [Электронный ресурс]. URL: http://ross-bel.ru/analitika-portala-vmeste-s-rossiej/news_post/nikolaj-sergeev-solnechnyj-istok-slavyanskoj-kul'tury (дата обращения: 27.10.2017).

18. Polekhov S.V. Velikij knyaz' Litovskij Svidrigajlo i ego sverzhenie // Istorja.ru. [Электронный ресурс]. URL: <http://istorja.ru/forums/topic/2153-svidrigajlo-i-ego-sverzhenie/> (data obrashheniya: 10.07.2018).

19. Russkie chteniya: "Voinskie traditsii na Rusi" zavershilis' v Minske // Rus' molodaya – Molodyozh' Soyuz – Informatsionnyj portal. [Электронный ресурс]. URL: <http://rumol.org/russkie-chteniya-voinskie-tradicii-na-rusi-zavershilis-v-minske/> (data obrashheniya: 23.10.2017).

20. Svyashhennomuchenik Ilarion (Troitskij). Tvoreniya. V 3 t. T. 3. M.: Izdanie Sretenskogo monastyrya, 2004. 604 s.

21. Sergeev N.M. Zapadnorusskaya ideya i Soyuznoe gosudarstvo // Materik. Informatsionno-analiticheskij portal postsovetskogo prostranstva. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.materik.ru/country/detail.php?ID=14932> (data obrashheniya 25.10.2017).

22. Sergej Polekhov. Kak Velikoe Knyazhestvo Litovskoe pravilo na zemlyakh rusinov // Russia Tomorrow. [Электронный ресурс]. <https://clck.ru/FFhLm> (data obrashheniya: 10.07.2018).

23. Tolochko P. Rus', Mala Rus', rus'kij narod u drugij polovini KHIII – KHVII st. // Spravzhnaya Ukraina. <http://rukraine.su/2016/01/rus-mala-rus-ruskiy-narod-u-drugiy-polovini-hiii-hvii-st/> (data obrashheniya: 23.11.2017).

24. Trubachyov O.N. Iz issledovanij po slavyanskomu slovoobrazovaniyu: genezis modeli na -ënin" *-janin" // Ehtimologiya 1980. M.: Nauka, 1982. S. 3–16.

25. Uniya v dokumentakh: Sbornik. / Sostaviteli V.A. Teplova, Z.I. Zueva. Minsk: Luchi Sofii, 1997. 520 s.

26. SHEREDNICHENKO N.N., PUSTOVALOV S.ZH. Boevye kolesnitsy i kolesnichie v obshhestve katakombnoj kultury (po materialam raskopok v nizhnem Podneprov'e) // Biblioteka Annales. [Электронный ресурс]. URL: <http://annales.info/bronza/war/chariot.htm> (data obrashheniya: 23.10.2017).

27. CHto takoe lyubitel'skaya lingvistika // Polit.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2010/07/01/zalizniak/> (data obrashheniya: 23.10.2017).

28. SHIBKOVSKAYA D. Istoriya slavyan – istoriya tysyacheletij // Rus' molodaya – Molodyozh' Soyuz – Informatsionnyj portal. [Электронный ресурс]. URL: <http://rumol.org/diana-shibkovskaya-istoriya-slavyan-istoriya-tysyacheletij/> (data obrashheniya: 23.10.2017).

Гронский А.Д. Псевдонаучная и неоязыческая риторика в среде российских соотечественников в Белоруссии (на примере текстов Н. М. Сергеева).

В статье рассматривается псевдонаучная и неоязыческая риторика в текстах Николая Сергеева, который является активным представителем российских соотечественников в Белоруссии. Анализируются исторические фальсификации, которые использует Сергеев для создания вымышленного прошлого. Показано, каким образом неоязыческое мировоззрение влияет на формирование псевдонаучных выводов.

Ключевые слова: *фальсификации истории, неоязычество, российские соотечественники в Белоруссии, западнорусизм, история славян*

Gronskij A.D. Pseudoscientific and neo-pagan rhetoric among Russian compatriots in Byelorussia (on the example of Nikolay Sergeev's texts).

The article considers pseudoscientific and neo-pagan rhetoric in the texts of Nikolay Sergeev, who is an active representative of Russian compatriots in Byelorussia. The historical falsifications Sergeev uses to create a fictitious past are analyzed. It is shown how the neo-pagan worldview influences the formation of pseudo-scientific conclusions.

Key words: *falsifications of history, neopaganism, Russian compatriots in Byelorussia, West-Russianism, history of the Slavs*

Для цитирования: Гронский А.Д. Псевдонаучная и неоязыческая риторика в среде российских соотечественников в Белоруссии (на примере текстов Н. М. Сергеева) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 1. С. 161–169. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/161-169

For citation: Gronskij A.D. Pseudoscientific and neo-pagan rhetoric among Russian compatriots in Byelorussia (on the example of Nikolay Sergeev's texts) // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 1. P. 161–169. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/161-169

Сведения о членах редакционной коллегии

- Римская Татьяна Григорьевна** (*главный редактор*) – кандидат исторических наук, доцент, директор филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка
- Барбенко Ярослав Александрович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Бурлаков Виктор Алексеевич** – кандидат политических наук, доцент департамента коммуникации и медиа Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Винокурова Анна Викторовна** – кандидат социологических наук, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Ганопольский Михаил Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института проблем освоения Севера СО РАН (*г. Тюмень*)
- Григоричев Константин Вадимович** – доктор социологических наук, доцент, проректор по научной работе и международной деятельности Иркутского государственного университета (*г. Иркутск*)
- Демьяненко Александр Николаевич** – доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН (*г. Хабаровск*)
- Дударёнок Светлана Михайловна** – доктор исторических наук, кандидат философских наук, профессор департамента истории и археологии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Журбей Евгений Викторович** (*ответственный редактор*) – кандидат исторических наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Золотухин Иван Николаевич** – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Караман Вадим Николаевич** – кандидат исторических наук, зав. библиотекой Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева (*г. Владивосток*)
- Киреев Антон Александрович** – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Кожевников Владимир Васильевич** – кандидат исторических наук, профессор кафедры страноведения Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Кристофферсен Гайе** – Ph.D., профессор Университета Джона Хопкинса (*г. Нанкин, КНР*)
- Кузнецов Анатолий Михайлович** – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Латушко Юрий Викторович** – кандидат исторических наук, заведующий Центром островной и прибрежной антропологии АТР Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (*г. Владивосток*)
- Лебедева Марина Михайловна** – доктор политических наук, кандидат психологических наук, профессор, заведующий кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России (*г. Москва*)
- Литошенко Денис Александрович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и государственно-правовых дисциплин юридического факультета Морской академии Морского государственного университета им. адм. Г.И. Невельского (*г. Владивосток*)
- Лукин Артем Леонидович** – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Наумов Юрий Анатольевич** – кандидат геолого-минералогических наук, доктор географических наук, член-корреспондент Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, доцент филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка
- Рыжова Наталья Петровна** – доктор экономических наук, заведующий Приморской лабораторией экономического развития и сотрудничества Института экономических исследований ДВО РАН, профессор Академического департамента Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Севастьянов Сергей Витальевич** – доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Филипова Александра Геннадьевна** – доктор социологических наук, профессор департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Шестаков Ольга Игоревна** – кандидат исторических наук, доцент, начальник научного управления Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета (*г. Владивосток*)
- Шин Беом-Шик** – Ph.D., профессор кафедры политических наук и международных отношений Сеулского национального университета (*г. Сеул, Республика Корея*)
- Широ Сасаки** – Ph.D., профессор кафедры передовых исследований в антропологии Национального музея этнологии, директор Национального музея культуры айнов (*г. Сираой, Япония*)
- Ячин Сергей Евгеньевич** – доктор философских наук, профессор департамента философии и религиоведения Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)

К читателям

Редакция извещает читателей о возможности подписки на журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования".

Подписка принимается во всех почтовых отделениях.

Информацию о стоимости и условиях подписки Вы можете найти в Объединенном каталоге "Пресса России" (том 1. Газеты и журналы).

Подписной индекс журнала – 42354.

Кроме того, подписка на журнал может быть оформлена в сети Интернет. Для того чтобы оформить подписку через Интернет, Вы можете зайти на начальную страницу сайта "Ойкумены" (www.ojkum.ru) и перейти по ссылке в раздел "Редакция журнала".

Уважаемые авторы!

С декабря 2006 года выходит в свет научно-теоретический журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования". Редколлегия журнала приглашает преподавателей вузов, сотрудников академических учреждений Приморского края и дальневосточного региона, а также всех заинтересованных исследователей публиковать свои статьи, материалы и методические разработки на страницах нашего издания.

Журнал будет включать в себя следующие тематические рубрики:

- ◆ Теория и методология регионоведческих исследований
- ◆ Историческое регионоведение
- ◆ Экономика и природопользование
- ◆ Социальные и демографические структуры
- ◆ Культурные и идеологические факторы регионализации
- ◆ Политические отношения и управление регионом
- ◆ Мировая система и международные регионы
- ◆ Междисциплинарные и системные исследования региона
- ◆ Регион в документах и свидетельствах
- ◆ Науковедение
- ◆ Дискуссия
- ◆ Рецензии и обзоры
- ◆ Научная жизнь

Научные специальности и соответствующие им отрасли науки, по которым издание включено в **Перечень рецензируемых научных изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук:

- 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки)
- 22.00.01 – Теория, методология и история социологии (социологические науки)
- 22.00.03 – Экономическая социология и демография (социологические науки)
- 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)
- 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки (политические науки)
- 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии (политические науки)
- 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития (политические науки)

Требования к объему и оформлению предоставляемых в редакцию материалов

1. Допустимые форматы файла: txt, doc, docx, odt.
2. Файл не должен содержать сложных стилей и форматирования, а также переносов. В заголовках не применять ПРОПИСНЫЕ символы. Простановка буквы ё обязательна.
3. Шрифт Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
4. Поля: верхнее и нижнее – 2 см., правое – 1,5 см., левое – 2,5 см.
5. Порядок оформления статьи: УДК, сведения об авторе (авторах) (Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы и должность, рабочий (домашний) телефон, e-mail), название статьи (не более 80 знаков), текст статьи, список литературы, аннотация (от 500 до 700 знаков), ключевые слова (от 5 до 10). Название, аннотация и ключевые слова предоставляются на русском и английском языках. Вся вышеуказанная информация высылается одним файлом. Файлу следует присваивать только имя (фамилию) автора.
6. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками **жирным шрифтом**. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты. Например: [2, с. 5]. Если страница не указывается, а дается ссылка на работы целиком, то их нумерация дается через точку с запятой. Например: [2; 5; 7]. Ссылка на неопубликованный архивный документ помещается только в тексте самой статьи в круглых скобках, также **жирным шрифтом**. Например: (ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4–5); (Рукопись Иванова А.К. Из архива автора).
7. Расшифровка сокращений и аббревиатур (кроме общепринятых) обязательна (дается в конце текста статьи). Например: ГАПК – Государственный архив Приморского края.
8. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учета соавторов и хронологии. В списке сначала указывается литература на кириллице, затем на латинице, и после в других системах письма. Библиографическое описание должно включать полное наименование книги или статьи, место издания, издательство, год, общее количество страниц (для статьи – страницы, на которых она помещена). Ссылка на Интернет в списке литературы оформляется следующим образом: **Автор. Название материала // Название сайта, [Электронный ресурс]. URL: адресная строка (дата обращения: 31.12.2018)**.
9. Объем статьи – от 0,5 до 0,8 п.л. (от 20 до 32 тыс. зн. с пробелами). Объем других материалов – до 0,3 п.л.
10. Рисунки, карты, графики и другой иллюстративный материал принимаются в наиболее распространенных (eps, ai, jpeg, bmp, tif) форматах, и предоставляются отдельными файлами. К графикам обязательно прилагать таблицу, на основании которой этот график сделан. Для всех подписей в графиках использовать только шрифт Arial Narrow. Указание источника иллюстраций – обязательно.
11. Ввиду черно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. не должна содержать более трех цветов (черный, белый, серый 50 %).
12. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации по электронной почте (e-mail: ojkum@rambler.ru).

Статьи проходят обязательное рецензирование.

Редакция оставляет за собой право отбора публикаций.

Файлы, подготовленные с нарушением требований, не рассматриваются.

Плата за публикацию не взимается.

Научное издание

Ойкумена. Регионоведческие исследования
научно-теоретический журнал

2019 № 1 (48)

Подписано к печати 01. 03. 2019 г. Вышло в свет 25. 03. 2019 г. формат 70x108/16
Усл. п. л. 15,40. Уч. -изд. л. 16,85. Тираж 200 экз. Заказ
Цена свободная

Издательство Владивостокского государственного университета экономики и сервиса
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

Отпечатано во множительном участке ВГУЭС
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

